

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

V E S T N I K
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1995 года

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL
Appears since 1995

2 0 1 7   Том 23

2 0 1 7   Volume 23

**Специальный
выпуск**

**Special
edition**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ,
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ)
С 2003 ГОДА

16+

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук,
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В.Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
действительный член РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

БУРЫКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естественных наук (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский
педагогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

ANATOLIY GRIGORIEVICH KIRPICHNIK
Candidate of Psychological Sciences, Professor,
Kostroma State University

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Candidate of Philological Sciences,
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate,
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russian Natural
Sciences Academy full member, chairman of scientific council
of Russian Academy of Sciences on the issues of Russian and
world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

ALEKSEY ALEKSEYEVICH BURYKIN

Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences,
leading scientific associate,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Candidate of Philological Sciences,
Senior Scholar, A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КУДИНОВ ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор
директор Гуманитарного института
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPELOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

VLADIMIR ANDREEVICH KUDINOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kostroma State University

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associate,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур
Запада и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (г. Нижний Новгород)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права,
Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

РОЗОВСКИЙ БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Украины
Институт экономико-правовых исследований
Национальной Академии наук Украины (г. Луганск)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Management Institute –
branch of Russian Academy
of National Economy and Career Service
under the President of the Russian Federation

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

**EDITORIAL BOARD
FOREIGN STAFF**

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law,
University of Economy for the Bulgarian Nation and World,
Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

BORIS GRIGORIEVICH ROZOVSKIY
Doctor of Juridical Sciences, Professor
Honoured lawyer of the Ukraine
Institute of economical and legal research
National Academy of Sciences of Ukraine (Lugansk)

СОДЕРЖАНИЕ

- 9 Нина Семёновна Ганцовская – учёный и просветитель
- 12 **Андреева Е.П.**
Коннотативно окрашенная лексика вологодских говоров: к вопросу о средствах выражения экспрессивности
- 15 **Батырева Л.П.**
Диалектно-просторечный лексикон шуйки (на материале письменных текстов 1939–1940 гг.)
- 18 **Бахвалова Т.В.**
Орловские говоры: этнокультурные традиции в лексике питания
- 22 **Беднарская Л.Д.**
Многокомпонентное сложное предложение и сложное синтаксическое целое
- 28 **Березович Е.Л., Сурикова О.Д.**
К семантической реконструкции лексики проклятий (на материале говоров Волго-Двинского междуречья)
- 33 **Бондалетов В.Д.**
Идиолекты носителей арготического тайноречия
- 37 **Бурькин А.А.**
К разгадке тайны так называемого Олонетского списка «Слова о полку Игореве»
- 40 **Васильева О.В.**
Человек сквозь призму предметного мира в псковских говорах
- 44 **Вендина Т.И.**
Диалектное слово: вчера, сегодня, завтра
- 50 **Верба И.П.**
Изучение творчества А.Н. Островского в лингвистическом аспекте
- 53 **Виноградова П.П.**
Отглагольные дериваты в костромских говорах: наименования печёных изделий из муки с корнем *п^ряж-*
- 57 **Волкова Е.Б.**
Структурно-семантические особенности многокомпонентных сложноподчинённых предложений с однородным соподчинением в научном стиле русского языка
- 60 **Волотов Д.А.**
Батальная лексика в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» как отражение русско-французских отношений на рубеже XVIII–XIX вв.
- 62 **Галкина Н.П.**
О взаимосвязи философского и лингвистического аспектов изучения категории обусловленности
- 65 **Ганцовская Н.С.**
Говоры Костромской области: проблемы внутреннего членения
- 70 **Дмитрук Л.А.**
«Словарь языка комической оперы А.О. Аблесимова “Мельник-колдун, обманщик и сват”» как источник изучения народно-разговорной основы русского литературного языка (служебная лексика)
- 74 **Золинова Е.В.**
Место предложений с двухместным сочетанием *правда ... но* в системе уступительных сложноподчинённых предложений современного русского языка (на материале публицистики)

CONTENTS

- 9 Nina Semyonovna Gantsovskaya, scholar and enlightener
- 12 **E.P. Andreeva**
Vologda dialect connotative words: ways to reveal lexical expressivity
- 15 **L.P. Batyreva**
Dialectal and vernacular vocabulary of a townswoman of Shuya (based on written texts of 1939–1940)
- 18 **T.V. Bakhvalova**
The Orel dialects: ethno-cultural traditions in the lexicon of food
- 22 **L.D. Bednarskaya**
Multicomponent complex sentence and the complex syntactic whole
- 28 **Ye.L. Berezovich, O.D. Surikova**
On the semantic reconstruction of imprecations vocabulary (with reference to the dialects of the interfluvium between the Volga and Dvina rivers)
- 33 **V.D. Bondaletov**
The Idiols of the Argotic Secret Language Speakers
- 37 **A.A. Burykin**
To a solution of the secret of the so-called «Olonets copy» of «The Song of Igor’s Campaign»
- 40 **O.V. Vasilyeva**
Man through the prism of the objective world in the Pskov dialects
- 44 **T.I. Vendina**
A dialect word – yesterday, today and tomorrow
- 50 **I.P. Verba**
A Study of the Creative Work by A.N. Ostrovsky in the Linguistic Aspect
- 53 **P.P. Vinogradova**
Deverbative derivatives in Kostroma patois: nomination of baked flour products with the root *p^rяж-*
- 57 **E.B. Volkova**
Structural and semantic peculiarities of multicomponent complex sentences with uniform collateral subordination in scientific style of the Russian language
- 60 **D.A. Volotov**
The military vocabulary in the novel «War and Peace» by Leo Tolstoy as a reflection of Russian-French relationship at the turn of the 18th and 19th centuries
- 62 **N.P. Galkina**
On interrelation of philosophic and linguistic aspects of studying causality category
- 65 **N.S. Gantsovskaya**
Dialects of Kostroma region: problems of internal division
- 70 **L.A. Dmitruk**
The Dictionary of comic opera by A.O. Ablesimov «Miller-sorcerer, a deceiver and a matchmaker» as a source for studies of the folk-colloquial basis of the Russian literary language (official vocabulary)
- 74 **E.V. Zolinova**
The place of sentences with double conjunctions “*pravda ... no*” in the system of complex sentences of concession in Modern Russian language (based on journalism)

- 76 Зорина Л.Ю.**
Обращения в вологодских народных говорах как отражение особенностей традиционной коммуникативной культуры
- 81 Ивкова Е.Ю.**
Многокомпонентные сложноподчинённые предложения контаминированной структуры в современном русском языке (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»)
- 84 Ильина Е.Н., Драчева Ю.Н.**
Фонетическая система вологодских говоров как база культурной трансмиссии
- 88 Картавенко В.С.**
Архивные материалы в аспекте культуры
- 92 Климкова Л.А.**
Лингвокраеведение в отечественном научном и образовательном пространстве
- 97 Кобелева И.А.**
Фразеология костромских говоров (лексикографическая оценка)
- 100 Костючук Л.Я.**
Полнота и необычные источники материала – путь к познанию псковской народной речи
- 103 Курцова В.Н.**
Белорусская национальная диалектная лексикография: достижения и перспективы
- 111 Лутовинова И.С.**
Комы прилетели
- 113 Мезенко А.М.**
Наименования топографических объектов в пределах поселения: сопоставительный аспект
- 117 Михайлова Л.П.**
Источник изучения региональной истории, культуры и языка («Словарь говоров Костромского Заволжья» Н.С. Ганцовской)
- 122 Мызников С.А.**
Некоторые аспекты изучения русских говоров позднего заселения
- 127 Мызникова Я.В.**
Особенности употребления форм среднего рода в говорах Симбирского Заволжья
- 131 Неганова Г.Д.**
Актуализация особенностей культурного ландшафта в названиях леса и мест в лесу в говорах Костромской области
- 135 Окуловская С.В.**
Лексика материальной культуры костромского края в текстах произведений И. Касаткина («Домашняя утварь»)
- 138 Очкасова М.Р.**
Дневниковые записи Л.Н. Толстого сквозь призму билингвизма писателя
- 141 Факторович А.Л.**
Коммуникативная категоричность и семантическая недостоверность как взаимообусловленные объекты лингвистической экспертизы
- 145 Ховрина Т.К.**
Словообразовательные и семантические особенности собирательных существительных в ярославских говорах
- 76 L.Yu. Zorina**
Address in the Vologda dialects as a reflection of the peculiarities of the traditional communicative culture
- 81 E.Yu. Ivkova**
Multicomponent Complex Sentences of a Contaminated Structure in the Modern Russian Language (a case study of the epic novel «War and Peace» by Leo Tolstoy)
- 84 Ye.N. Il'ina, Yu.N. Drachyova**
Phonetic system of Vologda dialects as the basis for cultural transmission
- 88 V.S. Kartavenko**
Archival records in the aspect of culture
- 92 L.A. Klimkova**
Linguistic area study in national scientific and educational system
- 97 I.A. Kobleva**
Kostroma patois phraseology (lexicographical estimation)
- 100 L.Ya. Kostyuchuk**
Completeness and unusual sources – way to perception of the Pskov folk speech
- 103 V.N. Kurtsova**
Belarusian national dialectal lexicography: achievements and prospects
- 111 I.S. Lutovinova**
Comy arrived
- 113 H.M. Mezenka**
The names of geographical objects within the settlement: comparative aspect
- 117 L.P. Mikhailova**
A source of study of regional history, culture and language (N.S. Gancovskaja. «Dictionary of the dialects of the Kostroma Zavolzhje»)
- 122 S.A. Myznikov**
Some aspects of the Russian dialects study in the territories of later settling
- 127 Ya.V. Myznikova**
On the use of neuter forms in the dialects of the Simbirsk region
- 131 G.D. Neganova**
Actualization of the characteristics of the cultural landscape in the names of the forest and of the places in the forest in the dialects of Kostroma region
- 135 S.V. Okulovskaya**
Vocabulary of the material culture of the Kostroma region in the works by I.M. Kasatkin («Housewares»)
- 138 M.R. Ochkasova**
Diary entries of L.N. Tolstoy through the prism of the author's bilingualism
- 141 A.L. Faktorovich**
Communicative firmness and semantic doubt as interrelated objects of linguistic expertise
- 145 T.K. Khovrina**
Word formation and semantic features of collective nouns in Yaroslavl dialects

149 Цветкова Е.В.

Костромская топонимия в произведениях
Е.В. Честнякова (по материалам книги
Н.С. Ганцовской «Живое поунженское слово.
Словарь народно-разговорного языка
Е.В. Честнякова»)

152 Шаповал В.В.

Костромские материалы Ф.И. Покровского
как словарный источник

155 SUMMARY

164 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

149 Ye.V. Tsvetkova

Kostroma toponymy in the works
by Jefim Čestnjakov (based on the materials
of the book «The Unzha living word. The dictionary
of folk colloquial language of Jefim Čestnjakov»
by Nina Gantsovskaya)

152 V.V. Shapoval

Kostroma lexical materials by F.I. Pokrovsky
as a dictionary source

155 SUMMARY

164 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

**ВЫПУСК ЖУРНАЛА ПОСВЯЩЕН ЮБИЛЕЮ
ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
НИНЫ СЕМЕНОВНЫ ГАНЦОВСКОЙ**

НИНА СЕМЁНОВНА ГАНЦОВСКАЯ – УЧЁНЫЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Н.С. Ганцовская с детских лет живёт в Костроме, там же окончила школу и педагогический вуз и всю свою сознательную жизнь посвятила плодотворному служению костромскому краю в русле избранной ею профессии филолога.

Получив качественное, фундаментальное образование на историко-филологическом факультете Костромского государственного педагогического института им. Н.А. Некрасова, а затем в аспирантуре МГПИ им. В.И. Ленина, защитив кандидатскую и докторскую диссертации по лингвистике, главным направлением своей жизни она избрала научную деятельность. Ею написано и опубликовано более двухсот научных статей в центральных, академических и провинциальных издательствах, ряд учебных пособий по истории русского языка, славистике и диалектологии, монографий, областных словарей, хрестоматий. В результате полевой деятельности по собиранию диалектизмов, а также использования других источников, в том числе произведений костромских писателей, таких как Н.А. Некрасов, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, С.В. Максимов, Е.В. Честняков и др., она с её учениками и единомышленниками создала обширную картотеку лексики говоров Костромской области. Это оказалось основой для уже созданных словарей и будущего сводного областного словаря говоров; картотека сама по себе имеет важное учебное и общекультурное значение, являясь памятником прошлого живого русского языка.

Костромские говоры занимают особое место в диалектном членении русского языка: они находятся в центре России, там, где было Московское княжество, возникла русская государственность и сложился литературный язык, вобравший основные черты центральных говоров, в том числе и костромских. К середине 1960-х годов костромские говоры оставались малоизученными и недостаточно известными. Н.С. Ганцовская смогла привлечь внимание языковедов России и зарубежья к пониманию идеи значительного вклада костромских говоров в сокровищницу развивающегося национального языка, с энциклопедической полнотой осветить труды деятелей прошлого, работавших в этом направлении. Ей удалось выявить генетически севернорус-

ское происхождение говоров Костромского акающего острова, причину возникновения этого уникального феномена среди «моря» оканья и уточнить время его появления – начало правления Михаила Романова.

Н.С. Ганцовская вместе со своими последователями сделала ряд открытий при изучении синтаксического строя языка науки, публицистики, художественной литературы. Н.С. Ганцовская положила начало научного изучения в родном вузе славянских языков. При её содействии наладились белорусско-русские лингвистические связи.

Ещё будучи студенткой, Н.С. Ганцовская лично участвовала в экспедиционных поездках по Костромской области, собирая в рамках сложной академической программы диалектный материал для Диалектологического атласа русского языка. Впоследствии, став преподавателем, внедряла его материалы в учебно-производственную практику и теоретические исследования по говорам Костромской области, в то время как в центре работа по созданию карт Атласа была приостановлена. Приступив в 1970 году к ведению курса диалектологии в КГПИ, она впервые в истории существования вуза сделала необходимым не только практическое обследование костромских говоров (обязательной диалектной практики в пединститутах тогда не существовало), но и репрезентацию достижений костромских диалектологов на международных, всесоюзных (затем всероссийских) диалектологических совещаниях и конференциях.

Костромичи по инициативе Н.С. Ганцовской внесли свой вклад (сбор материала, создание карт, тезаурусов, участие в совещаниях и т. д.) в реализацию таких масштабных проектов по русской и славянской диалектологии, как «Диалектологический атлас русского языка» и «Общеславянский лингвистический атлас» (РАН – ранее АН СССР), «Лексический атлас русских народных говоров» (ИЛИ РАН), в также в составление «Словаря языка А.Н. Островского», вошедшего в издание «А.Н. Островский. Энциклопедия».

Н.С. Ганцовская оказывает постоянную консультационную лингвистическую помощь костромским краеведам, фольклористам, этнографам и писателям. Такова её систематическая работа в проекте «Дорогами народных

традиций» Костромского областного дома народного творчества, работа с преподавателями Костромского музыкального колледжа и колледжа культуры, участие в Щелыковских чтениях, Честняковских чтениях в Кологриве и Костроме, Максимовских – в Парфеньеве и др. Следует отметить особенно интенсивную деятельность Н.С. Ганцовской, способной сплотить вокруг себя краеведов области при освоении лингвистического творческого наследия таких брендовых фигур костромского края, как А.Н. Островский, Е.В. Честняков и др.

Как специалист в области диалектологии, Н.С. Ганцовская высоко ценит заслуги собирателей живого народного слова и делает всё возможное для того, чтобы их кропотливый многолетний труд получил известность за пределами региона. Инициированный ею проект «Громовские чтения» – памяти выдающегося костромского диалектолога и фольклориста, учителя из г. Мантурова А.В. Громова – высоко оценен научным сообществом и вышел на международный уровень. В триаде Громовских сборников (2012, 2014 и 2016 гг.), посвящённых проблемам региональной лингвистики и подготовленных по материалам Громовских чтений, которые

проходили на базе КГУ им. Н.А. Некрасова, приняло участие около 250 научных работников академических и учебных учреждений нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья, а также и недипломированных провинциальных краеведов, знатоков и любителей народного слова.

Под руководством Н.С. Ганцовской защищено 16 кандидатских диссертаций, десятки курсовых и дипломных работ, готовятся к защите 4 кандидатские и три докторские диссертации. Сама же Н.С. Ганцовская продолжает писать статьи, создавать книги, участвовать в научных конференциях, общественно-полезных мероприятиях, в том числе и краеведческих, в тесном взаимодействии со своими учениками и коллегами, совокупность которых называют «школой Н.С. Ганцовской». Труд её был замечен и положительно оценен в виде многочисленных премий, наград, грамот и благодарственных писем на местном, костромском и всероссийском уровнях. В июне 2014 г. за достигнутые трудовые успехи, заслуги в гуманитарной сфере, активную общественную деятельность и многолетнюю добросовестную работу Н.С. Ганцовская была удостоена благодарности Президента Российской Федерации В.В. Путина.

Уважаемая Нина Семёновна!

Поздравляю Вас – известного российского учёного, обогатившего диалектологию как науку и воспитавшего целую плеяду последователей, – со знаменательным юбилеем!

Почти весь Ваш жизненный путь связан с Костромским государственным университетом. Здесь Вы учились, сюда – уже в качестве преподавателя – вернулись после окончания аспирантуры Московского государственного педагогического института и защиты кандидатской диссертации. В родном вузе шло становление Вас как учёного. Вся Ваша научная биография свидетельствует о верности выбранному пути и любимому делу.

Широко известна Ваша научная, образовательно-педагогическая и общественно-просветительская деятельность. Вы передаёте свои знания и опыт своим ученикам, издаёте научные труды, которые становятся практически бестселлерами. На общероссийском уровне получила признание основанная Вами костромская научная лингвистическая школа. Вы, как яркий и активный собиратель костромского народного слова, смогли увлечь диалектологией не только своих учеников, но и многих краеведов.

С каждым годом Вы добиваетесь всё большего, удивляя своей энергией и работоспособностью. Ваши неординарность и целеустремлённость, умение ставить масштабные задачи и решать их служат примером, воодушевляют и заставляют Ваших коллег и учеников неустанно поднимать планку при определении своих научных целей.

Хочется от всей души пожелать Вам доброго здоровья, неиссякаемого вдохновения, новых творческих идей и долгих лет плодотворной работы. Пусть сбудутся все Ваши планы и начинания!

И. о. ректора Костромского государственного университета

А.Р. Наумов

КОННОТАТИВНО ОКРАШЕННАЯ ЛЕКСИКА ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ: К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ*

В данной статье рассматриваются способы и средства выражения экспрессивности в лексической системе вологодских говоров. Предметом исследования являются коннотативно окрашенные слова, входящие в состав различных лексических групп. Описание семантики, словообразовательной структуры, парадигматических и синтагматических связей анализируемых экспрессивов позволяет выявить языковые средства, за счет которых создается коннотативная окраска диалектного слова. Привлеченный к анализу языковой материал показывает, что соотношение предметно-понятийного и коннотативного компонентов лексического значения неодинаково проявляется в различных лексических группах. В лексическом значении слов, входящих в состав бытовой лексики, доминирующую роль играет денотативный компонент, осложненный семами эмоциональной оценки. В семантике экспрессивных агентивов не менее важными оказываются семы коннотативного блока. В значении бранных слов предметно-понятийный компонент может быть равен нулю. Анализ экспрессивной лексики вологодских говоров представляется важным как в семасиологическом, так и в когнитивном и аксиологическом аспектах, поскольку обнаруживает особенности восприятия окружающего мира диалектоносителями, систему их ценностей.

Ключевые слова: вологодские говоры, диалектная лексика, коннотация, эмоционально-оценочные слова, средства выражения экспрессивности.

Многоаспектные исследования Н.С. Ганцовой в области диалектологии, ее преданная любовь к народной речи, скрупулезное изучение костромских говоров на протяжении многих десятилетий заставляют вспомнить вологодские экспрессивы, которые характеризуют человека, любящего и умеющего работать, целиком отдающегося делу: *задорник, искипильница, петаник, ломик, деловица*.

В данной статье предметом описания являются эмоционально окрашенные слова, входящие в состав разных тематических групп. Основным источником материала служит «Словарь вологодских говоров» и его картотека (КСВГ), привлекаются данные картотеки «Словаря режского говора» (КСРГ) [3].

Не ставя перед собой задачу дать обзор разным подходам к таким понятиям, как экспрессивность, эмоциональность, оценочность, интенсивность и образность, отметим, что придерживаемся традиционной точки зрения, рассматривая их в качестве компонентов единого коннотативного блока. Сложным представляется рассмотрение этих категорий применительно к территориально ограниченной лексике. С одной стороны, по словам Т.С. Коготковой, «в диалектной системе как бы сосредоточивается максимальный набор средств экспрессивного выражения» [1, с. 80]. С другой стороны, восприятие, оценка диалектного слова исследователями, авторами региональных словарей, то есть носителями литературного языка, может не совпадать с его подлинной эмоционально-оценочной окраской в говоре.

Многие исследователи отмечают повышенную эмоциональность и экспрессивность народной

речи. По словам Т.В. Матвеевой, «диалекты, языковые нормы которых не кодифицированы, более свободны в использовании разнообразнейших ресурсов родного языка с целью усиления выразительности речи» [2, с. 7]. В обычном разговоре носители вологодских говоров используют большое количество деминутивов, выражающих уменьшительные, ласкательные, уничижительные значения, что придает речи эмоциональность, характеризует определенное отношение к окружающему миру, коммуникативные качества говорящего, умение создать благожелательную, доверительную обстановку при общении. Выразительность речи придают образные слова с прозрачной внутренней формой: *Цетушоцькю принесут, полумерокто, а мне бы, рявкуну, дак и мало. Сямж. Надо бы поманить: синий-то огошочек прогорит, тогда и скутаем, как раз угар пройде́т*. Сямж. [КСРГ].

Факты вологодских говоров позволяют описать различные языковые средства, эксплицирующие коннотативные семы. В группе экспрессивных субстантивов, обозначающих неодушевленные предметы, широко представлены слова с эмоционально оценочными суффиксами. В СВГ они имеют пометы ум.-ласк., ласк. Определить наличие или отсутствие уменьшительного значения у подобных слов помогает употребление в контексте: *Которые большие, дак те пестери, а детские поменьше – пестероцьки*. Кир. [3, вып. 7, с. 49]. *На праздники раньше надевали ситцевицьки с тёсёмоцкам, долги́е. В фартуцках иде́м, и весело нам*. Баб. [3, вып. 10, с. 13].

Бытовая лексика, тесно связанная с материальной культурой диалектоносителей, занимает центральное положение в словарном составе говоров.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда. Проект № 15-04-00205/15 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

ТГ «Названия посуды, различных емкостей» содержит такие слова, как *белушечка* ум.-лask. устар. ‘ярко расписанная чаша для пива’, *рыльничек* ум.-лask. ‘глиняный горшок с носиком, для сбивания масла, перетапливания масла, сала’, *кашничек* ум.-лask. ‘глиняный сосуд для варки пищи’, *квасничок* лask. и *квасничка* лask. ‘кадка для приготовления и хранения кваса, пива, киселя’, *дупелька* ум.-лask. ‘долбленая кадка, изготавливаемая обычно из дуплистого дерева’, *дённышко* ум.-лask. ‘дно сосуда’ и др. В составе этой группы выделяются единичные наименования, которые получают экспрессивную окраску за счет семантической деривации. Так, основное значение слова *окатуха* ‘большой ковш, используемый преимущественно в бане’ мотивирует шутовское производное значение ‘любой большой сосуд для питья’: *Окатухой окатывались в бане: вымьюция и окатяция*. К-Г. *Уж котору окатуху пью!* К-Г. [3, вып. 6, с. 41].

К ТГ «Названия пищи» относятся лексемы *крошенинка* лask. ‘похлебка с крошеным хлебом’, *алелюшечка* лask. ‘лепешка из сдобного теста’, *вершечки*, мн., лask. ‘отстой на молоке, сливки’, *сметашка* лask. ‘сметана’ и др. Деминутивы *бобочек*, *жереребёк*, *лопоточек* имеют общее значение ‘кусочек’: *Ой, нет, не буду супа ись, а вот колбаски лопоточек дак съем*. Сямж. [КСРГ]. Интерес представляют такие сложные слова, как *гололожопица* ‘картофельное пюре без молока и масла’, *голомутка* ‘похлебка, приготовленная из молока, яиц, лука и картофеля’. Экспрессия этих наименований возникает за счет мотивировочных отношений, прозрачной внутренней формы. Высокая степень экспрессивности слов-композиции объясняется полной идиоматичностью их семантики, которая развивается на ассоциативно-метафорической, а не на логической основе. Синтагматические связи слов в контексте усиливают образность, актуализируют эмотивные семы: *Молока и масла не было товды, дак гололожопичи наедимся и рады*. Ник. [КСВГ]. Эмоциональную оценку могут приобретать слова в результате семантической деривации: *барда* ‘густой осадок, остающийся после приготовления домашнего пива’ → ‘кушанье, состоящее из смеси хлеба, картофеля и молока’. У однокоренного слова *бурдамага* ‘плохо приготовленное кушанье или напиток’ отрицательная оценочность усиливается за счет экспрессивного суффикса.

В составе ТГ «Названия тканей, одежды» преобладают отсубстантивные лексемы: *тканинка* лask. ‘домотканое полотно’, *клетчатинка* лask. ‘вид домотканого полотна с особым рисунком – в клеточку или полоску’, *вороточек* и *воротушечка* лask. устар. ‘верхняя часть женской рубашки’, *брючошки* ‘брюки’, *сбориночка* ‘мелкая складка на одежде’, *кондырёк* ум.-лask. ‘стоячий ворот с разрезом сбоку у мужской рубашки’ и др. В названиях головных уборов отметим слова с общим значени-

ем ‘кепка’: *кепица* и *кемелёк*. На фоне этих слов лексема *заломшечка* лask. ‘шапка, лихо сдвинутая набок’ обладает повышенной экспрессией, благодаря оценочному суффиксу, образностью за счет мотивационных связей с глаголом *заломить* (*шапку*) ‘сильно сдвинуть шапку на затылок или набок’. Слов с пейоративной окраской в составе группы немного, в их числе собирательные существительные *латанишко* и *лопотёнка* в значении ‘одежда, белье’, в СВГ фиксируются с пометой пренебр.

ТГ «Названия обуви» представлена большей частью словами с положительной оценкой: например, *обуточка* лask. ‘обувь’, *кожанничек* лask. ‘кожаный сапог’, *катанничек* лask. ‘валенок’, *туфельца* лask. ‘туфля’, *котики* лask. ‘кожаная женская обувь наподобие башмаков или туфель’. Исключение составляет небольшой ряд слов: например, *бахилы*, *боталы* пренебр. ‘грубые ботинки, сапоги’.

Группа «Названия построек и их частей» включает такие эмоционально окрашенные слова, как *зимовочка* ум.-лask. ‘небольшая, хорошо утепленная изба, в которой жили зимой’, *баенка* ‘баня’, *денничок* ум.-лask. ‘сеновал’, *рундучок* ум.-лask. ‘крыльцо’, *западничка* ум.-лask. ‘дверца, калитка’, *заборочка* ум.-лask. ‘дощатая перегородка, обычно не доходящая до потолка’ и др.

Эмоционально окрашенные слова образуются и от названий орудий труда: *косулька* лask. ‘коса’, *бабочка* лask. ‘наковальня для отбивки косы’, *грабельцы*, мн., лask. ‘грабли’ и др.

Экспрессивы, обозначающие предметы и явления быта, в вологодских говорах обычно выражают положительную оценку, которая сочетается со значением ласкательности. Таким образом в речи диалектоносителей отражается особое, доброе отношение к привычному укладу их жизни, к родному миру. Заметим, что даже при характеристике неблагоприятных для крестьянина явлений может использоваться деминутив с мелиоративной оценкой: *Окладничёк будёт, дак какой сенокос!* Сямж. Монаст. [3, вып. 6, с. 42]. Такое употребление слова *окладничок* ‘продолжительный, затяжной дождь’ помогает смягчить оценку возможных отрицательных последствий. Т.В. Матвеева, отмечая подобные общерусские экспрессивы, пишет, что в речи «отработана энантиосемическая модель, в которой отрицательное эмоционально-оценочное отношение к явлению природы выражается с помощью лексического обозначения этого явления с суффиксом положительной субъективной оценки. <...> Таким образом, предметы и явления, существующие объективно и вне прямой зависимости от человека, т. е. природные явления, в русском языке трактуются в экспрессивном отношении очень осторожно» [2, с. 71].

Средством выражения коннотативных сем: ‘мелиоративная оценка’, ‘ласка’, ‘шутка’, ‘одобрение’, реже ‘пейоративная оценка’, ‘пренебрежение’ –

служат общерусские суффиксы субъективного характера. Экспрессивы мужского рода образуются при помощи продуктивных суффиксов *-ок* (*-ёк*), *-ек*, к непродуктивным относится суффикс *-еньк*. У существительных женского рода продуктивным является суффикс *-к*, употребляются также суффиксы *-аг*, *-ашк*, *-иц*, *-ишк*, *-очк*, *-ц*, *-шечк*. В образовании оценочных слов *pluralia tantum* участвуют суффиксы *-ечк*, *-ик*, *-ошк*, *-ц*.

Как видим, при образовании коннотативно окрашенных слов нередко используются вторичные суффиксы. Явление вторичной суффиксации в языке диалекта, по мнению Л.Г. Яцкевич, может объясняться усилением морфологической нагрузки суффиксов, например, в процессе грамматикализации рода. Это приводит к распространению в говорах вторичной суффиксации тех имен существительных, которые первоначально не имели в структуре основы морфологически маркированных по роду суффиксов (*беседа – беседка* ‘вечернее будничное собрание молодежи в доме’) [5, с. 41]. Явление вторичной суффиксации экспрессивов требует, на наш взгляд, иного комментария. Обратим внимание на ряды слов с общим денотативным содержанием: *бас – басуля – басулька – басулинка* ‘резные украшения на фасаде дома’, *гриб – грибок – грибочек* ‘оборка на платье, кофте, юбке’. Возникновение подобных многочисленных парадигм объясняется явлением десемантизации эмоционально окрашенных суффиксов во время длительного использования деминутива, что наблюдается, например, в парах: *иссерьга, иссерёжка* (ср. в общерусском употреблении *серёжка* ‘то же, что *серьга*’), *гриб – грибок*. Вследствие этого на следующей ступени словообразования вновь добавляется суффикс с тем, чтобы «реанимировать» эмоционально окраску слова: *грибок – грибочек*.

Коннотативная составляющая экспрессивных агентивов отличается своеобразием. По словам И.С. Урманчевой, «экспрессивные лексические единицы не просто характеризуют человека, но и оценивают его с точки зрения определенной социальной нормы. Эту норму образуют положительные наименования людей, поэтому таких слов гораздо меньше (норма и не должна быть разветвленной и дифференцированной, это точка отсчета). Слов же с негативной оценочностью намного больше, семантика их сложнее, отношения и связи между ними богаче» [4, с. 203]. Опишем средства выражения экспрессии некоторых агентивов, которые не попали в поле зрения исследователя. Так, в значении слов *веньгун, веньгало, верескун, верещага* ‘человек, который ноет, стонет, выпрашивает что-либо’ есть такие коннотативные семы, как отрицательная оценочность, неодобрительная эмоциональная окраска, образность, интенсивность. Следует отметить экспрессивный характер как производящей основы (*веньгать* ‘назойливо

выпрашивать что-либо, кланчить’, *верещать* ‘издавать без умолку резкие, визгливые звуки’), так и суффиксов (*-ун, -л, -аг*). Фонетический образ, положенный в основу номинации, имитирует звуки надоедливой, ноющей речи. В ЛЗ анализируемых экспрессивов содержатся скрытые понятийные семы: ‘назойливо’, ‘часто’, ‘постоянно’, которые в свою очередь актуализируют сему ‘интенсивность’. Как видим, у слов данной группы повышенная экспрессия создается за счет комплексного использования коннотативных сем.

При образовании экспрессивов со значением лица гораздо чаще, чем у слов бытовой лексики, используется семантический способ номинации. В результате семантической двуплановости экспрессия возрастает: *скобель* ‘орудие в виде ножа с ручками на концах для сдирания коры с бревен’ → ‘человек с неправильной осанкой’.

Следует обратить внимание и на слова-композиата. Сопоставление синонимичных лексем *скудырня* и *скуподерина* ‘скупая, жадная женщина’ показывает более высокую степень экспрессивности второго слова. Характер мотивированности значения сложных слов может быть разным, что обусловлено ассоциативно-образным представлением денотата: ср. *сладкоминник* ‘человек, который любит сладкое’, *растащидомка* ‘человек, готовый все унести из дома’ *богорадище* ‘человек, который просит милостыню, нищий’, *силхвостник* ‘человек, ложно обвиняющий других’. В СВГ помету экспр. имеет только последнее слово с затемненной внутренней формой. Т.С. Коготкова подчеркивает, что «наиболее экспрессивны либо слова с прозрачным словообразовательным строением, либо, наоборот, образованные на основе неясных с этимологической точки зрения корневых морфем» [1, с. 93].

Отдельную группу составляют бранные слова, основной функцией которых является внешнее выражение отрицательных эмоций. Эти слова нередко употребляются как ругательство по отношению к человеку: *аред жорло, сатора, раздурак* и др. Более обобщенное значение имеют лексемы *пропадина* бран. ‘о ком-, чем-либо плохом, скверном, дурном’, *прохан* ‘выражение отрицательного отношения к кому-, чему-либо’ и др.

Проведенный анализ показывает, что соотношение предметно-понятийного и коннотативного компонентов ЛЗ неодинаково проявляется в различных ТГ. В семантике слов, входящих в состав бытовой лексики, доминирует денотативный компонент, осложненный семами эмоциональной оценки. В значении экспрессивных агентивов, которые выполняют не столько номинативную, сколько характеризующую функцию, важную роль играют семы коннотативного блока. В значении бранных слов предметно-понятийный компонент может быть равен нулю.

В заключение отметим, что анализ экспрессивной лексики вологодских говоров представляется важным как в семасиологическом, так и в когнитивном и аксиологическом аспектах, поскольку обнаруживает особенности восприятия окружающего мира диалектоносителями, систему их ценностей.

Библиографический список

1. Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. – М.: Наука, 1979. – 332 с.

2. Матвеева Т.В. Экспрессивность русского слова. – Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 2013. – 173 с.

3. СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

4. Урманчеева И.С. Экспрессивы со значением лица в говорах Вологодской области: дис. ... канд. филол. наук. – Вологда, 2003. – 292 с.

5. Яцкевич Л.Г. Очерки морфологии вологодских говоров. – Вологда: ВГПУ, 2013. – 244 с.

УДК 81'282

Батырева Лариса Петровна

кандидат филологических наук, доцент

Шуйский филиал Ивановского государственного университета

battlarisa@mail.ru

ДИАЛЕКТНО-ПРОСТОРЕЧНЫЙ ЛЕКСИКОН ШУЯНКИ (на материале письменных текстов 1939–1940 гг.)

В статье характеризуются особенности устной речи работницы одной из фабрик города Шуя Ивановской области. Источником исследования послужили материалы частной переписки – письма женщины, адресованные на фронт мужу. Внимание акцентируется на фонетических, морфологических, синтаксических диалектных чертах ее речи, выявляется состав диалектной и просторечной лексики. Специфическое речевое поведение автора исследуемых писем, в том числе состав её словаря, диктуется уровнем образования и культуры, ситуацией общения, её жизненными приоритетами и устремлениями. Тексты, принадлежащие перу простой жительницы провинциального города, можно рассматривать не только как лингвистический материал – своего рода «автопортрет» диалектной языковой личности, но и как источник информации о повседневной жизни русской провинции в середине XX в.

Ключевые слова: естественная письменная речь, частная переписка, орфография, фонетика, морфология, синтаксис, диалект, просторечие, лексика.

Одним из источников, содержащих указания на особенности шуйских говоров середины XX в., могут служить private тексты 1939–1940 гг. жительницы г. Шуи Ивановской обл. (В. С.). Всего в нашем распоряжении 6 писем женщины. Их автор – человек, недостаточно овладевший нормами орфографии. У В. С. не сформирован в должной мере навык передачи мягкости согласного перед гласным: *придотса, всо, шлом, живом* (живём), *лубиш, васу, явсу* *ноч неспала, в бану; деньег, мальенькую*¹. Предлоги и частицы она пишет слитно: *внеи, комне, ниуходи, отминя, сней, выгрушки, непросится, нипоговорил, спапай, закаторое, нафронт, нафильянку, нарубашки, и тобы* и т. п.; встречаются гиперкорректные написания, например, *из весна* (известная), *из доровы* (и здоровы), *и грает* (играет), *и ду, и дет*. Отсутствуют дефисные написания: *вопервых, какойто, чтото, чево нибуть, чемто, как нибуть, какво небуь* и т. п. Письма фиксируют разные случаи ассимиляции (*серьдечно, серьдитой, коньчаю, расьтет, возьдержатся, нафронт, ласьтику, унесьти, накорьмила, насья, возьмош, невькорьмим, тагже, тудже, шипко, ретко, Рошкова, соопчить*); диерезы (*ниизвесно, ес* (есть), *чуствует, здрастуите*). Иначе говоря, орфография В. С. в большой степени фонетическая. Поэтому

в её текстах довольно широко отражены языковые черты шуйских говоров.

Так, для речи нашего информанта характерно неполное оканье, проявляющееся в редукции гласного после твердого согласного во втором предударном и в заударном слоге (см.: *краснаармейцф, начевал, абязательно, ребенак, кресненак геначка, засенам, 40 градусав, спапай, белаи муки, напервай май, сильнай мороз, чисто сердечнай поклон, новава, седьмова, любимава, вышла задругова, дело и дет сработай плохо, здоровами идет дела небольшо; при этом отсутствуют написания, отражающие редукцию гласного первого предударного слога). Во втором предударном в абсолютном начале слова произносится [у]: *нафронтэ убили Рошкова Шуру миня как ушарашило; соня взяла убецание*. Отмечается заударное яканье (*снашай наболешай душой, с Соняи, засоняи, Соняй*)²; ёканье (*но все жо, можо, тожо, сердце*); твердость согласного возвратного суффикса (*наснилса, небиспокоиса, поругаемса, посердимса, недождаласа, тронулса, бояласа и хотелос, проснулис, старалис, поправилас, подружилис, осталас, осталис, кончилос*); стяжение гласных (*разговаривам, перву смену, каки (какие), кланица, сып наней заравниватса, спрашиваиш, промово любимава брата васу, из весна тебе супруга*); начальный [н'] у личного местоиме-*

ния 3-го лица при употреблении его без предлога (я *ней* рассказываю, *нее* разговорили, *поит* *нее*, *нее* попоит, *буду* *нее* поит); гласный [e] в окончании местоимений (*свое* волосы, *оне* стали 700 рублей); окончание -им вместо -ом в предложном падеже местоименного склонения (*обэтим* я уже тебе писала); взаимодействие дательного и творительного падежей множественного числа существительного (как *ей* будет жить трудно с *детьми*); деепричастие в функции сказуемого – так называемый «новый перфект» (*совсем* была неспавши).

Письма В. С. адресованы на фронт мужу. Женщина пишет о своих чувствах к нему, о том, как обстоят дела дома, как растет дочь Соня, как ведется хозяйство в отсутствие мужа, как обстоят дела на фабрике. Кроме общеупотребительных лексем, в том числе носящих просторечный характер, В. С. часто использует диалектизмы, прибегая же к литературному слову, нередко искажает его фонетический облик под влиянием диалектного произношения.

Представим далее фрагменты текстов В. С., содержащие подобные лексемы³.

Будучи работницей одной из шуйских фабрик, она пишет о том, что происходит на предприятии (*И* хочу тебе *соопчить* ходила *сечас* работать *вночную* смену но *пришла* обратно фабрика *стоит* третью смену *севодни* работать *пошла* 4 смену а работала только 1 смену *дело* и *дет* *сработай* плохо; Фабрики *стоят* *неработают* *очен* часто и *чево* зарабатывать буди(м?) *незнаю* и *чем* *жит* будим), включая в свой текст местную фабричную лексику, например названия рабочих смен: *Явсу* *ноч* *неспала* и *кажний* *час* *вставала* и *глядела* *навремя* и *все* бояласа *мнебы* *неуснуть* и *непроспать* *бы* *заработку*; *Незнаю* *кто* *уминя* *нее* *попоит* *ковда* я буду работать *дённую* смену (за *работка* – утренняя смена на фабрике; *дённая* смена – дневная смена).

В. С., оставшаяся в доме за хозяина, за *коренника*, как пишет ее муж (*Верунь*, *храни* себя, *нестудись* *одевайся* и *обувайся* *теплее* *ибо* ты *являешия* в *нашем* с *тобой* *доме* *коренник* *тоесть* *хозяином*), решает многочисленные бытовые проблемы – топтит печь, стирает, занимается уборкой, заготовкой дров, запасаает сено, кормит скотину и обо всем этом сообщает мужу: *Я* *накорьмила* *свою* *козу* *попоила* *все* *уминя* *легли* *спать* и *все* *успокоилис* и *я* *всо* *убрала* и *села* *тебе* *писат* *письмо*; *Вот...* *я* *стала* *вставать* *топить* *печ*; *Сечас* *напишу* *письмо* и *буд* (конец строки) *собирать* в *бану* *белье* и *как* *проснетса* *дочка* *соня* и *мы* *сней* *тудже* *пойдем* в *баню* *севодни* *баня* *только* *работает* с 8 *часов* *утра* и 10 *часов* *утра*; *И* *вот* *Коля* *хочитса* *сходит* *вгород* *унесъти* *заявление* *которое* *ты* *писал* и *варьсенивку* *Клексею* *засенам*; *Погода* *стоит* *холодная* *Ато* *буран* а *то* *сильной* *ветер* а *то* *снег* и *дет* а *здоровами* *идет* *дела* *небольшо* *важно* *здесь* *з* *братом* *коляй* *пилили* *чуртаки*; *Коля* *я* *тебе* *писала* *прорадиво* *но*

чево *уминя* *было* *написано* *ты* *не* *понял* *прочитай* *хорошенько* и *ты* *товда* *поймеш* *радиво* *уминя* *говорит* и *играет* и *только* *оно* *неисправно* и *уже* *неходят* и *неповеряют*⁴ *никто* а *можсо* и *приходят* *но* *миня* *нет* *дома*; *Нам* *баба* *дала* *козочку* и *она* *очень* *рада* и *довольна* *что* *унас* *стала* *заводиться* *скотина* и *ходит* *заней* *поит* *нее* и *держит* *наруках* *как* *ребёнка* и *ковда* *нам* *принесла* *козочку* *мама* и *соня* *спрашивает* *баба* *многоли* *ты* *возьмош* *снас* *деньг* и *мама* *ней* *ответила* *что* *ничево* *нивозму* *свас* *только* *берите* и *держите* и *принесла* *совсем* *приданым* *сена* *корзинку* *молока* *банку* и *осиновый* *веник* *Коля* *я* *инихотела* *брать* *незнаю* *кто* *уминя* *нее* *попоит* *ковда* *я* *буду* *работат* *дённую* *смену* *но* *уминя* *соня* *взяла* *убецание* *что* *я* *мама* *буду* *нее* *поит* *незнаю* *как* *выполнит* *свое* *заданье* *но* *даладно* *как* *нибудть* *воспитаю* *ежали* *мальенькую* *невыкормим* а *большую* *козу* *мы* *сечас* *некупим* *потомучто* *оне* *стали* *700* *рублей*.

Большое внимание в переписке жены и мужа уделяется ребенку – дочурке *Соне*: *соня* *была* *уминя* *очень* *больна* и *внеи* *тинпература* *была* 40 *градусав* и *даже* *больше* и *я* *только* *сяду* *тебе* *писат* *письмо* и *она* *мне* *кричит* *мама* *подай* *мне* *пить* *мама* *поди* *суда* *комне* *мама* *ниуходи* *отминя* и *так* *было* *мне* *дязело* (так!) *снеи* *ноя* *нищиталас* *струдностим* и *работала* *заработку* *совсем* *была* *неспавши*. *но* *все* *жо* *выличила* *я* *свою* *доч* и *она* *пиренесла* *корь* *благополучно* и *сечас* *ничево* и *опять* *стала* *кушат* *постараму* и *играет* *выгрушки* и *опять* *иёт* *но* на *волю* *я* *неё* *непужаю*⁵ и *она* *боитса* *что* *так* *опять* *заболеет* и *уже* *непроситса*; *Соня* *сечас* *чувствует* *сама* *себя* *хорошо* *сып* *наней* *заравниватса* *пятна* *осталис* *бледные* *но* *скоро* *заровняются* *совсем*.

Женщина обращается к мужу с просьбами, например, о разного рода покупках: *Коля* *насьтя* *тебя* *просит* *можсо* *где* *придотса* *купить* *димиди* *гамашии* (ботинки) *каки*, *купил* *Сони* *только* *номер* 34 *или* 35; *Ежали* *увидиши* *можсо* *где* *случаино* *манфактуру* *то* *бери* *себе* *ласьтику* *нарубашки* и *каково* *небудть* *цветново* *ласьтику* *для* *наволочек* а *потом* *я* *слыхала* *что* *сечас* *в* *Москве* *ес* *сахар* и *песок* и *канфеты* и *мука* *вот* *этово* *купи* *обязательно* *потомучто* *унас* *здесь* *ничево* *нет*.

В. С. пишет о своих чувствах. Постоянно думая о муже (*А* *я* *Коля* и *дома* а *так* *шипко* *скупаю* *другои* *раз* *делаетса* *все* *немило* и *неначтобы* *негляддел* и *дела* *некак* *неделаютса* *иты* *из* *головы* *не* *как* *невыходиши*), женщина ждёт встречи с ним (*Коля* *ты* *можот* *быть* *чево* *слышеши* *то* *напиши* *мне* *ковда* *вас* *распустят*), мучается от нетерпения, или, как она пишет, от *нестерпенья* (*затем* *досвиданье* *приежаи* *скорее* *домой* *ждем* *снистерпеньем*). Отношение В. С. к близкому человеку выявляет негативная оценка ею своего эмоционально-психологического состояния, вызванного одиночеством, – состояния грусти, тоски, печали. Его вербализуют отрицательно заряженные лексические едини-

цы, среди них – **порозь** ‘порознь’ (да Коля вместити и поругаемса и посердимса а порась как скучно бывает и тошно); **наскучать** (надоело и наскучало одной) и **надоскучить** (мы сней... скучаем оттебе и жить одним надоело и ты кнам всё неедеш и ничево непишеш и когда приедеш нам и так надоскучило и надоело одним). Контекст дает основание полагать, что значение слов **наскучать** и **надоскучить** – ‘надоест, наскучить’⁶.

«Одна из важных потребностей человека – потребность в коммуникации, которая включает и получение новой информации, и психологическое удовлетворение от общения с близкими людьми» [3, с. 9]. Эта потребность явно выражена в письмах В. С. Её эксплицируют глаголы *писать, говорить, поговорить, получить* (письмо), *ждать* (ответа), *прочитать, понять*, а также **описать** ‘написать’ (*хотела я тебе описать о бомногом но чтото из головы всо вылитело*), **соопчать** и **соопчить** (*Я тебе соопчаю что мы с Соняи живом ничево; я тебе спешу соопчить что я твое письмо получила; Спешу тебе соопчит как и дут унас дела*). К этой группе можно отнести слово **насниться** – ‘присниться’ (*севодни просыпайтса утром и говорит мам мне севодни наснилса папа и какойто серждитой и ничево нипоговорил сомной а мне мама сильно хотелос поговорит* (конец строки) *спапаи. вот проснулис мы сней в 6 часов утра и разговаривам а я ней рассказываю а мне дочка наснилса вчера тоже папа и тоже серж дитай и тагже непоговорил сомной а мне сильно хотелос поговорит*), представляющее «опосредованное», виртуальное общение.

Степень проявления чувств и желаний призваны продемонстрировать наречия **шибко** ‘очень’, **скоре** ‘скорее’ (*так шипко скучаю; шипко плакала; я шипко растроина и чемто обижена мне сильно надоело одной жит; И ежели ты миня любиш то приежайи скоре домой*). В. С. прибегает и к специальным стилистическим средствам – к лексическому повтору и градации – *ждем **кажний день** домой, **кажний час***.

Приватный характер текстов обуславливает употребление терминов родства, которые тоже отражают мир чувств автора писем, сосредоточенность на тесном семейном круге – главном, что существует в жизни, и горячо любимом. Термины родства в изучаемых текстах – это, как правило, общерусская лексика, часто деминутивы, как в вокативной, так и в номинативной функции: *мама,*

папа, дочка, брат, сестра, термины духовного родства – **лѣля** ‘крёстная мать’ и **крестнёнок** ‘крестник’ (*кланица Лѣля и кресненак геначка и все вопче шлем тебе поклону*).

Итак, можно видеть, что в лексикон В. С. входит просторечная и диалектная лексика разных тематических групп. Специфическое речевое поведение женщины, в том числе состав её словаря, диктуется ситуацией общения, уровнем образования и культуры, жизненными приоритетами и устремлениями автора исследуемых текстов.

Письма В. С. просты, незамысловаты, но тем не менее чрезвычайно интересны и как лингвистический материал – своего рода автопортрет диалектной языковой личности, и как источник информации о повседневной жизни русской провинции в середине XX в.

Примечания

¹ Примеры даются курсивом, с соблюдением авторской орфографии и пунктуации.

² См. об этом подробнее: [2].

³ Такие лексемы выделяем далее полужирным шрифтом.

⁴ *Поверяют* – вероятно, описка. Должно быть: *проверяют*.

⁵ *Непужаю* – вероятно, описка. Должно быть *не пуцаю*.

⁶ См. о них подробнее: [1].

Библиографический список

1. Батырева Л.П. Диалектная лексика в письмах провинциалов: *стоиниться, скучиться, наскучать* // В.И. Даль в парадигме идей современной науки: язык – словесность – культура – образование: материалы VI Всерос. науч. конф., Иваново, 27–28 февраля 2014 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2014. – С. 10–15.

2. Батырева Л.П. Морфологический фактор в развитии заударного яканья в среднерусских оканьющих говорах (по данным шуйских письменных источников середины XX века) // Проблемы современной русистики: материалы Всерос. научно-практ. конф. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2014. – С. 19–22.

3. Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. «Что такое хорошо...» в представлении носителя традиционной народно-речевой культуры // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. – 2012. – № 4 (20). – С. 12–23.

ОРЛОВСКИЕ ГОВОРЫ:
ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В ЛЕКСИКЕ ПИТАНИЯ

В статье анализируются словообразовательно маркированные диалектные лексические единицы, называющие кушанья в орловских говорах. Слова объединены в группы на основе общности их мотивационной основы, тем самым подчеркнуты значимые для диалектоносителей признаки номинированных реалий. Названия кушаний рассматриваются как репрезентанты информации о предпочтениях, культурно-бытовых традициях в питании жителей орловского края. Материалом для работы послужили данные семнадцати выпусков Словаря орловских говоров и его картотеки.

Ключевые слова: орловские говоры, лексика, семантика, мотивационная основа, питание.

Человек издавна выделял и словесно маркировал то, что было для него важным. В словарном составе народных говоров хорошо представлены приоритетные, наиболее значимые сферы жизни диалектоносителей. Репрезентирующие их тематические группы отличаются высокой номинативной плотностью. Как справедливо замечает Т.И. Вендина, «наблюдается момент своеобразного давления действительности на язык, которая стремится запечатлеть в ней свои черты» [2, с. 226].

В орловских говорах, как и других территориальных диалектах, многочисленна и семантически разнообразна лексика, входящая в традиционный словарь.

Лексика питания – одна из тематических групп, где ярко представлены национальные особенности. Именно в пище, как замечает И.С. Лутовинава, ярко и колоритно подчеркивается национальное, русское [5]. «Через пищу интерпретируется и собственное социальное положение, и характер взаимодействия людей в социуме» – к такому выводу приходит К.В. Пьянкова, анализируя названия блюд и кушаний [6, с. 22]. Языковые особенности наименований пищи отражают богатые культурно-бытовые традиции в питании русского человека.

Пища является основой жизни человека. Её ежедневное употребление строго регламентировано: зависит от времени суток, дня недели (постный/непостный день), от периода в народно-православном календаре-месяцеслове (запрет на скоромное во время постов). Количество ежедневных трапез определялось продолжительностью светового рабочего дня. Летом, когда трудовая деятельность в крестьянской семье начиналась рано утром, с восходом солнца, было два завтрака. Так, в «Повести о днях моей жизни» И. Вольнова [3], содержащей богатейшие сведения о жизни орловской деревни на рубеже XIX и XX вв., не раз встречается сочетание *поздний завтрак*: *К позднему завтраку сломался сошник... машина ходит в поздний завтрак...* Интересно, что и в других говорах южного наречия, например донских, известны словосочетания *ранние завтраки* «раннее утро,

время восхода солнца» и *поздние завтраки* «позднее утро, часов 9–10 утра», *солнышко в завтраки* «положение солнца в 7–9 часов утра» [1, с. 449, 390, 164]. В орловских говорах зафиксировано выражения *солнце на завтраках* «об утренних часах, в которые обычно завтракают» [9, вып. 9, с. 343]. С наступлением осени и сокращением светлого времени суток «отпадает необходимость в полднике» [4, с. 332].

Регулярность, ритмичность в употреблении пищи, её разнообразие нашли отражение в организации самой тематической группы, характеризующейся чёткой структурой, системностью.

Названия пищи в орловских говорах, как и в языке в целом, составляют обширную, определённым образом организованную группу. В её составе и слова литературного языка, и слова диалектные. Последние широко представлены в Словаре орловских говоров [8]. Среди них большую часть составляют слова с прозрачной мотивационной основой, живыми словообразовательными связями.

В традиционной русской кухне кушанья готовили в печи, большинство продуктов подвергалось термической обработке. Такой способ приготовления блюд и кушаний нашел отражение в многочисленных наименованиях, мотивационной основой которых являются действие.

В орловских говорах имеется целый ряд отглагольных производных, образованных суффиксальным способом, внутренняя форма которых «объясняет», как приготовлено данное блюдо (варили, жарили, парили, пекли, томили, топили, тушили и др.):

варёнка «молочное блюдо из молозива, приготовленное путём варки» – *Эть вот из малодивь дельють варёнку. Кагда каровь ателитца, ну, первый удой эть падоють, нъливають в кастрюлю, дъбавляють йищюца штук пять, патом содисы нимношкъ и ставють на агонь иё. Ана сваривъитца, дельитца рыхлая. Режють нажом ие, маслисъм нъливають. Эть варёнка; взвар* «компот из фруктов и ягод» – *Летъм узвар варили из яблък и ягат;*

жарёнка «кушанье, приготовленное жарением» – *Нажарил мясу, жарёнку – вот и праздник. А ты*

рыбы паймал на цэлюю жарёнку; жарёнки «поджаренные на сале кусочки мяса»; *поджарки* «кусочки сильно подрумянившегося, хорошо прожаренного картофеля» – *Любить ана у миня паджарки;*

пряженьё «изделие из теста типа хвороста – рассыпчатого печенья из тонких полосок теста, изогнувшихся во время жарения в масле» – *Пряжыньё была.* Ср. *пряжить* «жарить в масле» [8, вып. 11, с. 124];

парёнка «блюдо из пареных овощей» – *Вкусня была анадыся парёнка, пахучия;*

пекушка «булочка» – *Вазьми пикушку пакушъй. Укусныи;*

томлёнка «тушеный картофель (обычно с мясом)» – *К свадьбе тамлёнку гатовили: картошку тамили с мясьм;*

топлёнка «кушанье из картофеля с молоком, приготовленное на лёгком жару» – *Мать наварит цэлый чугун таплёнки, и мы йиво за рас сйидали;*

тушёнка «кушанье, приготовленное путём тушения картофеля с мясом и приправами» – *Вон ешти тушонку, а большъ нечива; тушка* «кушанье, приготовленное путём тушения капусты с мясом» – *Ис свежъй капусты и мясь тушку згатовили.*

Мотивационная основа названий кушаний может отражать и процесс подготовки продуктов к их термической обработке (отбивать, начинять, тереть, круто замешивать и растирать, разминать, смешивать и др.). Отглагольными являются названия кушаний из мяса:

отбитки «кушанье из мяса, которое варят, предварительно отбив» – *Атбитки твая мать хърашъ делат.* Ср. *отбивать* «приготавливая пищу, ударами разрушать целостность волокон, делать более мягким (мясо, вяленую рыбу и т. п.)» [8, вып. 14, с. 320];

чинёнки «кушанье из кишок домашнего животного, начинённых крупой, салом» – *Чинёнки дельли: кишки крупой начиняли, салам.* Ср. *чинить* «заполнять чем-либо пустое, начинять», имеющее в литературном языке статус устаревшего [11, т. 17, ст. 1033].

Целый ряд наименований относится к лепёшкам, оладьям из тёртого картофеля:

тёртики, терельники – *Тёртики* – *аладушки ис картофиля.* *Варють йиё, ръстирають на тёрке или простъ ръсталкут. Есть и тирельники* – *етъ липёшки ис тёртой картохи;*

драники – *А ранъшы и драники ели. Натрут картох, насыпють муки и пякли.* Ср. *драть* «тереть на тёрке (картофель)» [10, вып. 8, с. 175];

жманьки – *Картошки тёрли, аджымали и из аджымък пкли липёшки.* Ср. *жмать* «стискивать, сжимать, сдавливать» [8, вып. 3, с. 125].

Лепешки пекли и из круто замешенного пресного теста:

натирушка, натирух, натируха, натёрух – *Кислушку ды нтирушки-ть на празникъм ели, а щас*

жамък у мъгазиня пално. Ср. *натереть* «круто замесить пресное тесто, разминая его руками или раскатывая» [8, вып. 7, с. 75].

Конечно, готовились кушанья и из предварительно размешанных продуктов: *меишанка* «яичница из взболтанных яиц с молоком» – *Ньядались, бувала, мешънки.* Ср. *мешать*.

Технология приготовления кушаний отражена также в образованных от глаголов литературного языка названиях вторых блюд:

завариха «кушанье из поджаренной муки, заваренной кипятком» – *Зъварихъ – та и съламать: жарють муку, абдають кипятком, ръзмешывають и йидяты.* Ср. *заварить* «обдать кипятком при приготовлении чего-либо»;

сливуха «пшённая каша с салом особого приготовления» – *Сливуха – этъ в горячую воду зъсыпали пшыно, ано кипела, но ни дъхадиль дъ гатовнъсти. Сливальсь вада в чашку. Этъ первъя блюда – суп, астальное даваривъльсь – каша, дъбавлялись сала, лук.* Ср. *сливать* «выливать, удалять жидкость откуда-либо».

Отдельные отглагольные образования «показывают» характер обработки уже подвергшихся термическому воздействию продуктов в процессе их использования для приготовления кушаний:

крошево «холодное кушанье из кваса с мелко нарезанными яйцами, картошкой, мясом, зеленью» – *Как лето нъчинаитца, так на адном крошъве и сидим, а большы есть нищаво ни хочитца; толчёнка* «картофельное пюре» – *Свари картошку, пъталки йиё, мълако да масль дабавъ – вот тибе и талчёнка.*

Были кушанья, которые готовились без тепловой обработки. Например, от того же глагола *крошить*, что и приведённое выше слово *крошево*, образованы наименования *крошёнка, крошитка* «кушанье из молока и накрошенного в него хлеба» – *Бакъ нам в децтве крашонку нъвадила. Иди крашитку есть.*

Приготовление к употреблению продуктов земледелия, животноводства нередко сопровождалось сушением, засолкой, квашением, вялением. Мотивационная основа названий таких блюд, кушаний указывала на способ их приготовления либо на их качество:

сушка «сухарь», *сушки, сушёня* «сушеные ягоды», *сушёня* «сухофрукты»;

солёнки «солёные грибы»;

квашня «дрожжевое кислое тесто», *квашонка* «простокваша». Названия по своему образованию связаны с глаголом *квасить* «подвергать кислому брожению, делать кислым».

Словообразовательные семантические связи названий кушаний могут свидетельствовать и о том, какой продукт в данном кушанье присутствует, является основным ингредиентом. Базой для их образования являлись прежде всего назва-

ния овощей, выращиваемых на огороде, а также названия крупяных злаков:

капу́ста → *капу́стник* «пирог с капустой»; *крапи́вник* «суп с добавлением листьев крапивы», *свёкла* → *свеко́льник* «кушанье, сваренное из протёртых с солью мелко нарезанных молодых листьев свеклы», *ты́ква* → *ты́квуша* «каша, сваренная с тыквой», *гарбу́зня* «пшеничная каша, сваренная из тыквы», ср. *гарбу́з* «тыква», *карто́шка* → *карто́шечник* «пирог, начинённый картофелем», *барабу́лики*, *барабу́льки* «оладьи из сырого картофеля», ср. *барабу́ля* «картофель; клубни картофеля как продукт питания» [7, вып. 1, с. 30];

грéча → *грéчишники* «блины, оладьи из гречневой муки», *крупá* → *крупя́нка* «каша из риса», *крупéник* «гречневая каша», *мука́* → *муко́вка* «каша из муки; сваренная на молоке».

В рационе сельского жителя значительное место занимали блюда, кушанья из молока и мяса. Их употребляли в дни, когда разрешалось есть скоромное:

молоко́ → *моло́чник* «молочное блюдо: каша, лапша, сваренные на молоке», *тво́рог* → *творо́жник* «пирожок с начинкой из творога»;

кура́ «курица» → *ку́рник* «пирог с куриным мясом», *шку́ра* → *шку́рок* «кушанье из свиной солёной кожи» – *Шкурок ели: свиную гольву солят и сварачивьют рулетъм, инагда зъливают рассолам, кладут пад гнёт, чериз нескълькъ дней блюдо можнь есть, хранитцъ долга.*

Немаловажным является вкус кушаний, что нашло отражение в отадъективных наименованиях:

горчáвка «горчица» – *Дужь хърашо з гарчавкъй абедать.* Ср. *горький*;

кислу́ха, *кислота́*, *кислу́шка*, *кисля́чка* «простокваша» – *Аткиниши кислоту на марлю, навесиши на гвоздик, стикётъ, а к утру творъх палуचितца. А маи рибятъ, кислушки с нътирухъми наелись и пашили.* Ср. *кислый*;

сладку́йка «сладкое яблоко» – *Пайдём пь слаткушку.* Ср. *сладкий*.

О пище, приготовленной без достаточного количества соли и вкусовых приправ говорили *постнота́* – *Ни магу есть: пьстната усё.*

Единичны наименования кушаний, демонстрирующие своей словообразовательной связью, какая посуда использовалась для их приготовления. Зафиксировано несколько однокоренных суффиксальных производных, обозначающих блины, оладьи, лепешки, жаренные, испеченные на сковороде: *сковоро́дни*, *сковоро́дники*, *сковоро́днишники*, *подсковоро́дники* – *Скъвародни нъ скъвъраде пикут усигда ис тестъ кислъва, а мука пианичнья. А када хлебъ нету, а на завтрък нужна, тада и пьтскъвародники пякли.*

Наряду со словами, образованными с помощью аффиксов, в составе названий блюд и кушаний в говорах зафиксированы и дериваты, возникшие

в результате семантического преобразования лексических единиц.

Так, метонимический перенос в основе названий распространённого на Орловщине кушанья из желудка (свиного, коровьего), фаршированного мясом, салом, кашей и др.:

ланту́х – *Лантух усе ели, унутри каша, дужь вкуса;*

ке́ндюх – *Свинью забьют, из жылутка кендюх дельли, укусный был;*

курдю́к, *кундю́к* – *Курдюк, рубец – жылудък, набит мясъм, яво жарють;*

чучу́х, *чучу́н* – *В децтве чучух любила есть. Ванькинъ Катъкъ дюжъ вкуснь чучун дельеть. И што толькъ ни набьётъ туда. И чистна́чит.*

В орловских говорах слова *лантух*, *ке́ндюх*, *курдю́к*, *чучу́х* известны в значении «желудок забитого домашнего травоядного животного», послужившего базой для вышеприведённых номинаций.

Результатом семантического расширения лексических единиц являются и другие метонимические наименования кушаний из мяса:

кишка́ «кушанье из кишки зарезанного поросёнка, начинённой ливером»;

почерёвка «кушанье из жира, мяса, срезанных с брюшной части туши и запечённых в русской печке» – *Пъчирёвку дельли ис свинины, нъчиняли и пикли у печке.* Ср. *почерёвок* «жир, мясо, срезанные с брюшной части туши» [8, вып. 10, с. 227].

В говорах употребляются также метафорические наименования кушаний, например *тёсто*. Так называется широко распространённое на Орловщине кушанье из заваренной кипятком муки с добавлением закваски – кусочка хлеба, сушеных яблок, груш и др. Диалектоносители хорошо помнят, как оно готовилось: *Теста – насыпиши муки и кипятком, патом кусок хлебъ или гушишы, штоп кисла, ана кислъя и слаткъя. Тестъ замешывъльсь нъ свёкле и на сливах. В воду нъсыпали ржаной муки, кто добавит сушоньи яблкъи, грушы. Ставят на печку для укисанья и йидят жытким.* Семантическим основанием для возникновения данного значения явилось сходство кушанья по консистенции, составу с тем, что обозначено словом *тёсто* в литературном языке – «вязкая масса, получаемая из муки, смешанной с водой или молоком».

Таким образом, в составе лексики питания, как и других тематических группах орловских говоров, наряду со словами литературного языка широко представлены слова диалектные, являющиеся носителями информации о предпочтениях в выборе блюд, кушаний жителями региона, об особенностях употребления растительной и животной пищи. Большую часть среди них составляют слова производные с живыми словообразовательными связями, яркой мотивационной основой. Достаточно представителен и разнообразен круг суффиксальных наименований, отражающих мно-

гообразии действий, производимых при приготовлении блюд и кушаний (отлагольные дериваты), основные ингредиенты в составе блюд и кушаний (отсубстантивные производные), их вкусовые качества (отадъективные наименования). Сам факт номинации реалии за счет выделения из множества её отличительных признаков определённого, конкретного свидетельствует о значимости его для диалектоносителей. Информацию о традициях в культуре питания содержат также наименования, возникшие в результате семантического преобразования (метафорического и метонимического) лексических единиц литературного языка и слов диалектных.

Набор мотивационных признаков названий кушаний разнообразен (способ приготовления, состав ингредиентов, вкус, и др.) и требует их полного выявления и детального изучения. Важность изучения лексических единиц в таком аспекте отмечает С.М. Толстая: «Наряду с объединением слов в семантические поля на основе их денотативной общности возможна (и необходима) группировка слов на основе общности их мотивационной модели (мотивационного признака)» [12, с. 116].

Библиографический список

1. Большой толковый словарь донского казачества. – М.: Русские словари: Изд-во Астрель: Изд-во АСТ, 2003. – 608 с.
2. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира

сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Индрик, 1998. – 240 с.

3. Вольнов И. Избранное: повести, рассказы, очерки. – М.: Художественная литература, 1956. – 623 с.

4. Кабакова Г.И. Название трапезы в русских диалектах // *Ethnolinguistika Slavica: К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого*. – М.: Индрик, 2013. – С. 330–343.

5. Лутовинова И.С. Слово о пище русских. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. – 304 с.

6. Пьянкова К.В. Социальные категории в зеркале «пищевой» лексики // *Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. трудов*. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2007. – Вып. 6. – С. 3–23.

7. Словарь брянских говоров. Вып. 1–5 / ред. В.И. Чагишева, В.А. Козырев. – Л., 1976–1998.

8. Словарь орловских говоров / под ред. Т.В. Бахваловой. – Вып. 1–4. – Ярославль, 1989–1991; Вып. 1–17. – Орел, 1992–2016.

9. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–48. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2015.

10. Словарь смоленских говоров. Вып. 1–11. – Смоленск: СГПУ, 1974–2005.

11. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

12. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // *Русский язык в научном освещении*. – 2002. – № 1 (3). – С. 112–127.

МНОГОКОМПОНЕНТНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ И СЛОЖНОЕ СИНТАКСИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

В статье сопоставляются две соотносительные структуры: многокомпонентное сложное предложение (МСП) и сложное синтаксическое целое (ССЦ). Обе структуры являются единицами языковой системы, занимают в ней высшее положение и часто коррелируют с цельным текстом как речевым результатом (художественным произведением), являющимся филологическим явлением. Выясняются текстовые принципы организации и структурно-семантические особенности МСП с разными ведущими связями: сложносочинённой, сложноподчинённой, бессоюзной.

*Анализируются многочисленные переходные случаи, когда: 1) МСП в целях экспрессии и актуализации превращается в ССЦ, 2) когда речевое произведение (текст) состоит из одного МСП или ССЦ. Рассматриваются тонкие переходы между языковой семантикой в МСП и структурно-семантической организацией ССЦ текстового уровня. Уточняются понятия / термины **синтаксические отношения** и **значение** (семантика).*

Ключевые слова: структурно-семантическая организация многокомпонентного сложного предложения, структура и семантика сложного синтаксического целого, переходные структуры.

В круг разнообразных научных интересов Нины Семёновны Ганцовской входит изучение многокомпонентного сложного предложения [4, с. 80–92]. В последнее время эта проблема стала рассматриваться на пересечении с высшей единицей синтаксиса – сложным синтаксическим целым (ССЦ). Внимание к изучению ССЦ активизировалось прежде всего в лингвометодическом аспекте – в связи с разработкой и внедрением в практику школьного преподавания системно-деятельностных технологий развития речи. Оказалось, что анализировать текст, а потом моделировать и создавать сочинение на его основе можно только при условии осознания цельности и связности смысловых частей текста-образца. Моделирование смысловых частей сочинения, имеющих форму ССЦ, и их соположения лежит в основе композиции будущего произведения. Невнимание к структурно-грамматической природе ССЦ привело к теоретической и методической невнятице. В школьной практике, да и в лингвистических работах до последнего времени не различаются понятия/термины *смысловая часть текста* и *абзац* (например: [6]).

Смысловая часть текста (микротекст, сложное синтаксическое целое) является синтаксической единицей языка, включает, как правило, несколько простых и сложных предложений, которые раскрывают частную тему общей темы текста и образуют на этой основе структурно-смысловое единство, которое можно отнести к одному из трёх типов: описанию, повествованию или рассуждению. В одной смысловой части эти типы могут сочетаться. Каждая смысловая часть может иметь свою структуру – цепную или параллельную.

Смысловая часть и абзац – разные понятия. Особенно ярко это видно, когда в смысловой части представлено диалогическое единство, состоящее из нескольких реплик. Каждая реплика персонажа не может быть смысловой частью. Абзац может состоять из одного слова, одной буквы, одного знака

препинания. Абзац противопоставлен сложному синтаксическому целому как компоненту текста; это знак препинания, красная строка, композиционно-стилистическая единица, отражающая субъективные намерения автора текста [5, с. 642–644]. Границы смысловой части (сложного синтаксического целого) и абзаца могут совпадать, но чаще не совпадают: абзац может включать несколько сложных синтаксических целых, одно синтаксическое целое может быть разбито на несколько абзацев.

Нередко ССЦ совпадает только с одним усложнённым (многокомпонентным) предложением. Простые предложения, входящие в состав сложного, отличаются от предложений, входящих в состав сложного синтаксического целого и текста: в составе сложного предложения простые предложения (предикативные части) формально и функционально несамостоятельны; они утрачивают функционально-интонационную и смысловую достаточность, причем степень утраты этих признаков различна. В сложном синтаксическом целом простые предложения семантически, грамматически, интонационно более самостоятельны, хотя и здесь связи могут быть весьма тесными.

МСП обычно состоит из однофункциональных предложений. Сочетание функционально разных предложений в составе сложного предложения ограничено стилистически (чаще это разговорный стиль) и встречается гораздо реже, чем в сложном синтаксическом целом и тексте, где такие сочетания вполне обычны.

В МСП частотны и сочинительные, и подчинительные союзы. В сложном синтаксическом целом подчинительные союзы как средство связи формально самостоятельных предложений используются редко. Зато различные дейксисы, обстоятельственные актуализаторы, вводные компоненты – прерогатива связности в ССЦ.

Сложное синтаксическое целое нередко может рассматриваться как текст, но текст далеко не всег-

да соответствует сложному синтаксическому целому. Одно МСП может рассматриваться как текст, а как сложное синтаксическое целое – не может.

ССЦ – переходная структура от многокомпонентного сложного предложения, имеющего языковую семантику, к тексту: оно несёт смысловую «порцию» текста и может быть оформлено как цельный текст.

Текст как результат речевого творчества объединяет языковую систему, речевую деятельность и речь, но строится он по законам языковой системы, так как текст состоит из фрагментов – сложных синтаксических целых (смысловых частей), в какой-то мере раскрывающих микротемы. Эти микротемы вписываются в общую тему, несут смысловую нагрузку, организуют текст. Текст – не языковая модель, хотя он творится по законам сочетающихся моделей, но смысл его выходит «за них».

Вслед за В.В. Бабайцевой [1, с. 553] считаю, что текст – единица языка и речи. Как единица языка он представлен сложным синтаксическим целым, как единица речи – цельным произведением, результатом речевой деятельности. Текст не входит в иерархию синтаксических единиц, он представляет филологическое понятие.

С другой стороны, обозначились теоретические проблемы разграничения МСП и ССЦ: между ними существует множество переходных структур. ССЦ может включать одно МСП. МСП легко может превратиться в ССЦ при условии актуализации его компонентов – оформления их как отдельных предложений. С начала XX века в качестве мощного экспрессивного средства оформилось актуализированное присоединение, отделяющееся от базовой части высказывания точкой: таким образом сложное предложение превращается в ССЦ. От базовой части могут отрываться:

1) придаточное предложение:

Остаются только тучи – но их разгоняет ветер.

Ибо у смерти всегда свидетель он же и жертва.

И. Бродский

2) члены предложения:

Моя девочка в автомате

Мёрзнет. В туфельках почему-то.

А. Вознесенский

В лирических стихотворениях тонкие вариативные переходы между МСП и ССЦ в форме актуализированного присоединения наблюдаются всё чаще:

Я прежде не любила Подмосковья.

Кого винить мне

в бедности моей?

А это всё существовало. Было.

Лес. Первый иней. Талая вода.

Шёл дождь. Шиповник цвёл.

Метель трубила.

В. Тушинова

Скандирование – собственно парцелляция – встречается редко, выполняя ритмо-мелодическую и смысловую функции:

Ягоды двоились, наплывали,
в зелень зарывались от жары.

Медленно качали головами
солнечные сочные шары.

Справа.

Слева.

Всюду!

Повсеместно!

Дальше убежали –

под кусты...

Р. Рождественский

На основе ритмической антитезы между базовой и парцеллированной частями высказывания создаётся имплицитная экспрессивно-смысловая антитеза.

Синтаксической единицей, иерархически предшествующей ССЦ, является усложнённое, или многокомпонентное, сложное предложение. Такие МСП могут включать до 15 предикативных единиц (далее ПЕ), которые соединены всеми типами связи. В таких предложениях сочинительные и подчинительные связи обуславливают друг друга, взаимопроникают, образуя синкретичное структурно-семантическое единство. Бессоюзная связь может структурно и семантически соотноситься с союзной связью, а может иметь текстовую структуру. Усложнение семантики наблюдается во всех типах МСП – с ведущей сочинительной, подчинительной и бессоюзной связью.

Близость к текстовой структуре проявляется в МСП с ведущей сочинительной связью, выражающей максимально абстрактные синтаксические отношения соединения или сопоставления: **I** *Он не брал денег за лечение, и **II** его бескорыстие, соединенное с чудным его искусством, могло бы привлечь к нему больных всего мира, **III** если бы за излечение он не назначал престранных условий, как, например: **IV** изъять ему знаки почтения, доходившие до самого полного унижения, сделать какой-нибудь отвратительный поступок, бросить значительную сумму денег в море; разломать свой дом, оставить свою родину и проч.; **IV** носился даже слух, **V** что он иногда требовал такой платы, **VI** такой о которой не сохранило известия целомудренное предание (В. Одоевский); В маленькое оконце видно было, что потоки молний не оставляли небосклона; деревья скрипели, дождь и град бил в крышу и стены нашего убежища, и я каждую минуту ожидал, что оно взлетит на воздух (В. Нарезный); Когда я был еще подпоручиком, раз, знаете, мы подгуляли между собою, и ночью сделалась тревога; вот мы и вышли перед фронт навеселе, да уж и досталось нам, как Алексей Петрович узнал: не дай господи, как он рассердился! Чуть-чуть не отдал под суд (М. Лермонтов).*

Подобные МСП близки к сложному синтаксическому целому, так как вторая смысловая часть сложносочиненного целого соотносится с содержанием предшествующей части, так или иначе инклюзивно включая ее. В первом предложении

это следственная семантика, во втором – результативная, в третьем – сопоставительно-присоединительная. Ведущая связь оформляется языковыми средствами. В ССЦ не наблюдается такой степени зависимости, формальная выраженность синтаксических связей не настолько регулярна, выделить ведущую связь не представляется возможным.

В МСП ярче проявляется семантическая дифференциация ведущей семантики результата (в первом предложении) и следствия (во втором), которые поддерживаются морфолого-лексическим наполнением ПЕ: *Должно быть, идея была у него неясная, крайне спутанная, куцая; всякий раз, словно чувствуя, что чего-то не хватает, он прибегал к разного рода пристройкам, присаживая их одну к другой, **и** я как сейчас вижу узкие сенцы, узкие коридорчики, красивые лестнички, ведущие в антресоли, где можно стоять только согнувшись и где вместо пола три громадных ступени вроде банных полок; а кухня непременно под домом, со сводами и кирпичным полом (А. Чехов); Несмотря ни на что, отца и сестру я люблю, **и** во мне с детства засела привычка спрашивать у них, засела так крепко, что я едва ли отделаюсь от нее когда-нибудь; бываю я прав или виноват, но я постоянно боюсь огорчить их, боюсь, что вот у отца от волнения покраснела его тощая шея и как бы с ним не сделался удар (А. Чехов).*

Значение результативности базируется на более абстрактном значении сопоставления (*он – я*), лежащего в основе параллелизма смысловых частей. Смысловые части МСП легко превращаются в отдельные предложения по границе ведущей связи, семантика результативности и следствия в этом случае несколько нейтрализуется.

Более ярко синтаксические отношения ограничения во всех его вариантах маркирует союз **но**:

Стократ **блажен, кто** предан вере,
Кто, хладный ум угомнив,
 Покоится в сердечной неге,
 Как пьяный путник на ночлеге,
 Или, нежней, как мотыльк,
 В весенний впившийся цветок;
Но жалок **тот, кто** всё предвидит,
Чья не кружится голова,
Кто все движенья, все слова
 В их переводе ненавидит,
Чьё сердце опыт остудил
 И забываться запретил.

А. Пушкин

Союз **но**, определяющий ведущую сочинительную связь в МСП, объединяет две смысловые части в форме многокомпонентных сложноподчинённых местоименно-соотносительных предложений. Такие сложносочинённые предложения близки к ССЦ, так как вторая смысловая часть сложносочиненного целого соотносится с содержанием предшествующей части, так или иначе включая ее, указывая на нее. Эта связь-зависимость оформляется языковыми средствами. В ССЦ не наблюда-

ется такой степени зависимости, формальная выраженность синтаксических связей не настолько регулярна, на первый план выдвигается интонационная оформленность отдельных предложений, создаваемая мелодикой строфы. Инвариантные значения сочинительных союзов в МСП, как правило, значительно обогащаются и даже модифицируются, открывается широкое поле для синкретизма и сближения инвариантных значений. Первая смысловая часть, как правило, менее осложнена, чем вторая, особенно это касается сложносочинённых МСП закрытой структуры с ограничительным-противительным доминирующим значением, оформляющим синтаксические отношения между двумя основными уровнями членения.

Структурное членение, даже в сильно усложненной конструкции, совпадает с актуальным членением. Собственно, ведущая связь и организует актуальное членение МСП, выявляя в нём «объясняемое» и «объясняющее». Ремагическая часть, всегда более сложная, чем тематическая, здесь достигает максимального объема и степени семантической выраженности. ССЦ устроено по-другому, вряд ли применительно к нему можно говорить о теме и реме.

В многокомпонентных сложных предложениях всех типов (сложноподчинённых, сложносочинённых, сложных бессоюзных) семантика, как правило, синкретична и на доминирующем уровне связи, и на второстепенных уровнях. Показательно, что при автономном присоединении, когда МСП превращается в ССЦ, степень синкретизма уменьшается.

Значительно усложнёнными и структурно, и семантически могут быть и сложноподчинённые предложения. В прозаических и лирических произведениях отмечена обширная зона переходных случаев от однородного соподчинения к параллельному подчинению. Это МСП, в которых придаточные, относясь одновременно к одному члену главного предложения, связываются с ним разными союзами или союзными словами: *Трудно себе вообразить, до **каких** мелочных подробностей доходили они, **как** вникали они в самую малейшую часть целого и **как** с равным тщанием и с равной любовью отделяли последнюю шашечку креста на башне церкви и главный алтарь ее (П. Анненков); Посмотрите, **как** одичали лица их и **какой** тусклый огонь сверкает в их глазах! (С. Глинка); Не дожидаясь утра, мать сразу же стала собирать в дорогу весь наш домашний скарб, **не потому**, конечно, **что** рвалась уехать, а **чтобы** как-то забыться (М. Бубеннов).*

Однородное соподчинение в МСП часто организует периоды: *Но **сколько ни** обкрадывали приказчик и войт, **как ни** ужасно жрали все во дворе, начиная от ключницы до свиней, которые истребляли страшное множество слив и яблок и часто собственною мордою толкали дерево, чтобы*

страхнут с него целый дождь фруктов, **сколько ни** клевали их воробы и вороны, **сколько** вся деревня **ни** носила гостинцев своим кумовьям в другие деревни и даже таскала из амбаров старые полотна и пряжу, что все обращалось к всемирному источнику, т. е. к шинку, **сколько ни** крали гости, флегматические кучера и лакеи, – **но** благословенная земля производила всего в таком изобилии и множестве, Афанасию Ивановичу и Пульхерию Ивановне так мало было нужно, что все эти страшные хищения казались вовсе незаметными в их хозяйстве (Н. Гоголь).

Блок препозитивных однородных придаточных обычно совпадает с темой высказывания, которой оппозиционна рема, представляющая блок главного предложения с постпозитивными придаточными. Максимальная степень инклюзивности любого детерминанта и объясняет тема-рематическую актуализацию МСП, когда целеустановка речевой реализации определяет синтаксическую структуру языковой модели:

Сколько ни объясняй, что это феномен природы,
сколько ни взывай к благоразумию,
а всегда найдутся Сальери,
которые станут завидовать Моцартам,
потому что агрессивная посредственность,
только сгубив гения, успокоится
и увь! – в отличие от пушкинского Сальери
не будет мучить себя сомнениями...

Ю. Белаш

По ведущей связи это уступительно-обобщающее СПП, нисходящая часть периода (рема) включает усложнённое СПП с последовательным подчинением.

В лирике частотны переходные структуры-периоды, в которых грань между МСП и ССЦ различима минимально:

Когда вдали угаснет свет дневной
И в чёрной мгле, склоняющейся к хатам,
Всё небо заиграет надо мной,
Как колоссальный движущийся атом, –

В который раз томит меня мечта,
Что где-то там, в другом углу вселенной,
Такой же сад, и та же темнота,
И те же звёзды в красоте нетленной.

И может быть, какой-нибудь поэт
Стоит в саду и думает с тоскою,
Зачем его я на исходе лет
Своей мечтой туманной беспокою.

Н. Заболоцкий

Стихотворение состоит из двух предложений, которые легко могут слиться в одно многокомпонентное сложносочинённое предложение. Их отделение точкой актуализирует ведущую семантику результативного присоединения, формирующую параллелизм структуры. Этот результат-вывод – смысловое ядро стихотворения, основа его композиции. Он оформлен как отдельное предложение, но вполне может быть включён в состав предше-

ствующего МСП. Именно в лирическом стихотворении проявляется неуловимость границы между усложнённым МСП и ССЦ, в данном случае семантика результата оформляется как отдельное предложение, в котором соединительный союз несёт текстовую функцию. Точно такая же структура может быть оформлена как одно МСП:

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,
И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущённого пугает;
И нетерпение сосёт больную грудь,
И ты идёшь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасной заглянуть,
И вижу ясное, – и тихо улыбаясь,
Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыханье ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,

И долго слушаю, как ты молчишь – и мне
Ты предаёшься вся для страстного лобзанья, –
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

А. Фет

Восходящая часть периода занимает почти весь объём стихотворения, интонационно разделяя «ты» и «я» и одновременно объединяя их в единое целое. Предпоследняя строка уже выговорена ранее, поэтому не отделяется от восходящей части.

Несмотря на то, что классический период оформляется в рамках многокомпонентного сложноподчинённого предложения, его семантика всегда осложняется новыми смыслами, которые ярче проявляются в сложном синтаксическом целом, а оно в свою очередь легко превращается в текст-произведение, в котором эти смыслы ещё более усложняются, оставаясь «невыворенными». Так языковая семантика превращается в невысказанные смыслы текста-произведения. Сочетание подчинительной и анафорической сочинительной связей может формировать структурно очень сложные предложения, такие, например, как стихотворение В. Хлебникова «Поэт», где период формируется в рамках сравнительно-сопоставительного СПП в основном сочинительной связью:

Как осень изменяет сад,
Даёт багрец, цвет синей меди,
И самоцветный водопад
Снегов предшествует победе,
И жаром самой яркой грёзы
Стволы украшены берёзы,
И с летней зеленью проститься
Летит зимы глашатай – птица,
Где тонкой шалью золотой
Одет откос холмов крутой,
И только призрачны и наги
Равнины белые овраги,

Да голубая тишина
 Просила слова вещуна, –
Так праздник масленицы вечной
 Души отрадою беспечной
 Хоронит день недолговечный,
 Хоронит солнца низкий путь,
 Зимы бросает наземь ткани
 И, чтобы время обмануть,
 Бежит туда быстрее лани.

Первая восходящая мелодическая часть периода поддерживается ослабленной периодной мелодикой второй части, осложнённой четырьмя однородными сказуемыми. Период организуется также перечислительной интонацией, противопоставленной заключающему компоненту. Перечисляться могут однородные члены предложения, особенно сказуемые, предикативные компоненты сложного бессоюзного предложения.

Ещё более близки к текстовой структуре ССЦ многокомпонентные бессоюзные предложения, особенно комментирующие СБП [2, с. 107–120]. Комментирующие СБП по своей организации приближаются к цепному тексту, что поддерживается и их семантикой добавочной, сопутствующей оценки или комментария. Присоединительные СБП с дейкисами во второй смысловой части можно считать переходными структурами от пояснительных СБП к комментирующим.

Комментирующие СБП могут внешне напоминать семантически плоскостные структуры с отношениями одновременности или следования ситуаций: *Так мы и познакомились с Шуховым и с его женой, **ребенок уже спал*** (А. Приставкин); *Попутчик был уже не молод, **рыжеват**, лицо мятое, на котором **брить почти нечего**, кисти рук в крупных веснушках, в белом волосе* (Г. Бакланов); *Словно бы неведомая пружина **распрявилась** внутри, **уперлась** розулькой последнего завитка в реберный разъем, **сделалось трудно дышать**, не хватало воздуха, небо **враз стало осклизлым** – не небо, а **прелая липкая шкурка**, **содранная с подтухшей колбасы*** (А. Поволяев).

Однако в таких структурах компоненты не могут быть объединены общим препозитивным членом, этому препятствует семантика дополнительной информативности, оценки, комментария. Вставка союза **и** в его инвариантном значении соединения тоже невозможна, так как компоненты семантически неоднородны: первый передает основное содержание СБП, второй – добавочное: комментарий, оценку того, о чем говорилось в первой смысловой части. Связующую функцию берет на себя не союз **и**, а местоимения в постпозитивной части, прежде всего личные и притяжательные, то есть связь осуществляется по текстовому принципу цепного нанизывания предложений. При цепной связи рема предшествующего высказывания становится темой последующего. В таких СБП прямые повторы заменяются местоимениями, как в ССЦ. Связь между компонентами поддерживается единством видо-временных форм предикатов, параллелизмом в строении частей. Такие предложения отмечены уже в начале XIX века: *Суворов предпочел жить среди войска и вполне его изучил: **его** добродушие, доходившее до простодушия, **его** причуды в народном духе привлекали к нему сердца солдат* (Д. Давыдов).

Реже семантика местоимения в препозитивной части конкретизируется второй – постпозитивной частью. Подавляющее большинство комментирующих СБП имеют недифференцированное значение общего комментария, дополнительной информации: ***На нем** синий монтерский халат, а в вырезе белеет ворот белого свитера = между прочим, свое прозвище **Зяблик** получил не из-за каких-либо мелкотичьих нравственных черт, а исключительно от глагола “зябнуть” (хотя знающие птиц люди объяснят вам, что зяблик совсем не трусливая и ничтожная пичуга, а, напротив, своенравная, драчливая, дикая птица, еле поддающаяся жизни в неволе и громко и весело распеваящая свои весенние песни)* (М. Рошин).

Нетрудно заметить, что такие многокомпонентные комментирующие СБП очень близки к ССЦ. Они развивают микротему, заданную первой предикативной или смысловой частью. Связь в таких предложениях осуществляется на текстовой основе: местоименный компонент (личное или притяжательное местоимение третьего лица) в постпозитивной предикативной или смысловой части «вмещает» содержание препозитивной части. Бессоюзная связь с комментирующей семантикой более абстрактна, чем союзные связи, поэтому при сочетании разных типов связей именно она объединяет смысловые части многокомпонентного СБП, каждая из которых тоже может быть сложным предложением со всеми типами связи: *По весне на птичник завозили с инкубатора две-три тысячи зеленовато-желтых пискунцов, выпускали их на старицу, **все лето полоскались они** на полной природе, казенные харчи, правда, тоже были подходящие, подкармливали зерновыми отходами, мучной мешанкой, так что к концу августа, к тому моменту, когда надо закруглять дело, от уток на озере некуда бросить камень* (Е. Носов).

МСП легко превращается в ССЦ, так как вторая усложненная смысловая часть содержит в себе и значение комментария, и значение оценки. Чаше структура организована по принципу цепного нанизывания, но есть примеры параллельной связи: *– Ну так что, отец? – сказал Дементий, усаживаясь на стуле возле отца, в то время как поминки были уже закончены, **все разошлись**; Галина одетая лежала в бывшей комнате сына, а Шура с той самой приглашенной соседкой, которая сварила борщ и приготовила мясо, убрали со стола и возились на кухне* (А. Ананьев).

Компоненты второй смысловой части одинаково относятся к первой смысловой части, конкретизируя её. В многокомпонентном комментирующем СБП текстовой является лишь доминирующая связь, объединяющая две смысловые части в единое целое, и эта ведущая связь чётко грамматикализована. Внутри смысловых частей связи осуществляются при помощи сочинительных и подчинительных союзов, соотносимой с ними бессоюзной связи, придающих структуре смысловых частей известную синтаксическую конкретность, которая обусловлена взаимодействием союзов с другими релятивами, а также с морфолого-лексическим наполнением частей.

Таким образом, синтаксическая семантика комментирующих СБП более конкретна, чем диффузно-синтетическое содержание ССЦ. Именно в комментирующем СБП заложена та порция информации, которая достаточна для того, чтобы в своих собственных, «внутренних», границах сложного предложения воспроизвести инвариантные характеристики ССЦ. Способность устанавливать связь между предикативно оформленными фрагментами информации и квалифицировать эту связь и есть то эвристическое свойство человеческой психики, которое предопределяет активность речевой деятельности, зафиксированную текстом. Именно в комментирующем СБП текстовая модель облигаторно выступает в своем элементарном варианте, поэтому такие СБП представляют собой переходное звено между двумя высшими уровнями языковой системы: сложным предложением и ССЦ.

В соотносительных структурно-семантических образованиях яснее проявляется дифференциация понятий *отношение* и *значение*. Язык, отражая осознаваемую разумом действительность, помогает увидеть отношения между объективно существующими «субстанциями», выражаемыми языковыми формами.

Отношения в языке – это отражённые мышлением отношения между языковыми значениями, отображающими в свою очередь осмысленные разумом «субстанции» действительности. Термин-понятие *отношение* в лингвистике включает потенциальную или уже определённую языковую форму выражения отношения. **Отношения потенциально включают и содержательный, и формальный аспекты выражающего их языка, языковую форму и семантику** [3, с. 51–67].

Чем сложнее языковая структура, тем отчётливее в ней проявляются элементы, соотносящиеся с объективной действительностью, и элементы, «символизирующие человеческие понятия о мире», «мысль о мире». Языковое выражение *отношений* – онтологическая основа «*строю*», синтаксиса.

В заключение перечислим признаки сложного синтаксического целого:

- единство темы;
- рамочная структура;
- языковые средства развития темы (гипероним определяет микротему, синонимичные ему языковые средства развивают её);
- языковые средства связности (дейксисы, сочинительные союзы, вводные компоненты, видо-временные соотношения форм глаголов-сказуемых и т. д.);
- способы раскрытия гиперонима определяют структуру (тип) ССЦ;
- отсутствие структурной схемы;
- отсутствие ведущей связи при сочетании связей разных типов;
- «размытость» общей семантики по сравнению с соотносительным МСП;
- отсутствие тема-рематического членения;
- отсутствие единой интонационной оформленности.

Библиографический список

1. *Бабайцева В.В.* Синтаксис русского языка: монография. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. – 576 с.
2. *Беднарская Л.Д.* Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений: монография. – М.: ФЛИНТА, 2015. – 152 с.
3. *Беднарская Л.Д.* Структурно-семантические категории: монография. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 277 с.
4. *Ганцовская Н.С.* Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в пьесах А.Н. Островского (к вопросу о взаимоотношении разговорной и книжной речи) // Язык и слог Островского-драматурга: сб. науч. трудов. – Вып. № 126. – Ярославль, 1974.
5. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Академия, 2001. – 704 с.
6. *Сыров И.А.* Способы реализации категории связности в художественном тексте: монография. – М.: Изд-во МПГУ, 2005. – 275 с.

Березович Елена Львовна

доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург
berezovich@yandex.ru

Сурикова Олеся Дмитриевна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург
surok62@mail.ru

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЛЕКСИКИ ПРОКЛЯТИЙ (на материале говоров Волго-Двинского междуречья)*

В статье рассматриваются «темные» в семантико-мотивационном отношении слова, функционирующие в составе проклятий, которые были записаны сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского федерального университета на территории Волго-Двинского междуречья (в восточных районах Вологодской и Костромской областей) в 2013–2016 гг.: влг. *скіма* (*Скіма тебя неси!*), влг. *сáван* (*Иди ты к сáвану! Понеси тебя сáван! и др.*), влг. *утлина* (*утлина пади тебе в дом!*), костр. *дарováя / недарováя* (*Будь ты дарováя! // Будь ты недарováя!*). Осуществляемая авторами семантико-мотивационная реконструкция не только помогает узнать «судьбу» отдельных лексем и выражений, но и полезна для понимания того, как формируются русские проклятия – жанр, на сегодняшний день недостаточно изученный в отечественной лингвистической традиции.

Ключевые слова: русский язык, говоры Волго-Двинского междуречья, диалектология, этимология, семантико-мотивационная реконструкция, проклятья, пейоративная лексика.

Лексический состав русских проклятий (злоречений, содержащих пожелания бед и несчастий в адрес какого-либо лица) изучен пока недостаточно, в то время как он таит в себе интересные возможности для семантической реконструкции. В проклятиях «застывают» как уникальные лексические единицы, так и редкие значения слов, употребляющихся за пределами этих вербальных формул. В статье рассматриваются формулы проклятий, записанные сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (ТЭ УрФУ) на территории Волго-Двинского междуречья (в восточных районах Вологодской и Костромской областей) в 2013–2016 гг. Эти формулы либо не фиксировались ранее диалектными словарями, либо отмечались, но не получили семантико-мотивационной интерпретации.

Скима тебя неси!

Выражение *Скіма тебя неси* отмечено в Кичменгско-Городецком районе Вологодской области: «Ну, скажут: “Скима тебя неси, не вредничай!”» (Нижняя Ентала)¹, «Скажут: “Скима тебя неси”, а ты в дороге. Тебе плохо могот быть, дорога худо лягот, блудить будешь» (Каксур). Слово *скима* употребляется как брань не только в составе указанной формулы, при этом в контекстах подчеркивается, что слово заменяет использование более страшной (*большой*) брани: «Скимой бранились, *скима* вместо *дьявола*. *Дьявол*-то нельзя сказать, страшное слово» (Нижнее Никитино), «Скимой ругались: “Ой ты, как скима!” И на детей ругались: “Скима ты!” Большой бранью не будут ругаться, вот и бранились» (Бакшеев Дор). Отмечается так-

же производное слово *скимёнок*, адресованное детям: «Ребёнок шалит, большаком <лешим> грешно ругаться, скажешь: “Ты что, скимёнок, делаешь?”» (Титовщина), «Скимёнок, сатанёнок – скверная мать <брань>, лесное, лешой, ой, она матюкала всю природу» (Мякинная). Отвечая на вопрос о том, кто есть *скима*, информанты пытаются персонализировать его и наделить чертами мифологического персонажа: «Скима с богом борется, не выдаё его никто. Скима в лесу, в доме, везде могот быть» (Магино), «Скима-то в сказках есть, в лесах, поди-ка, живёт» (Нижняя Ентала), «Скима, говорят, кикимора» (Скородум), «Скима всюду есть, в лесу и в поле. Мы его не видим. Он с богом борется – кто кого переборет» (Верхняя Ентала).

Слово *скима* в составе бранных формул не отмечено в диалектных словарях. Близкая фиксация имеется в «глухой» статье (без иллюстративных контекстов), представленной в [14, т. 10, с. 20]: влг. *скімо* межд. бран. ‘выражение досады, неудовольствия’. Слово *скімо* записано на той же территории, что и представленный выше материал (Нижняя Ентала Кичменгско-Городецкого района Вологодской области). Надо полагать, что оно принадлежит тому же гнезду (хотя в записи формы могла быть допущена ошибка: скорее всего, вместо *скимо* следует читать *скима*). Еще один близкий факт засвидетельствован в русских говорах Якутии: *скіма* ‘шутливое ругательство: шутник’: «Молчи, а ты, скима», «Ну ты и скима» [5, с. 435]. Авторы [16, вып. 37, с. 415], приводя этот факт, переформулировали значение: якут. *скіма* ‘шутл., бранно’.

По всей видимости, *скима* представляет собой вторичное заимствование в говоры, возникшее на основе литер. *схима* (< греч. *σχήμα* ‘внешний вид,

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351).

форма) 'высшая степень монашества', *схимник* 'монах, посвященный в схиму' [12, с. 242]; ср. также энциклопедическое пояснение к дефиниции: «Высшую стадию пострижения означало принятие схимы, т. е. самого строгого монашеского обета, что во внешнем облике монаха отмечалось ношением куколя – пришитого к вороту одежды колпака – и аналава с изображением "осьмиконечного, с подножием, креста, орудий страстей Господних, адамовой головы и пр.»» [12, с. 242]. Говоря о фонетической стороне этого решения, отметим, что мена заднеязычных при освоении вторичных заимствований вполне возможна, ср. хотя бы *хоровод* → олон., петерб., ленингр., влг., вят., яросл., твер., калин., костр., зап.-брян., смол., зап., влад., моск., тул., калуж. *коровод* [16, вып. 14, с. 354], *хоругвь* → смол., твер., брян., курск., ворон., новорос. *корогва, корогва* [16, вып. 14, с. 358] и т. п.

Сложнее обстоят дела с семантикой. Говорам известны слова *схима, схимник*: влад. *схіма* 'облачение монахини', том. 'покрывало на кровать', сев.-зап. *схімник* 'монах', *схімна* 'монахиня' [16, вып. 43, с. 58]. Есть варианты с меной *x* → *k*, которые более удалены от исходного значения, но смысловые связи относительно легко восстанавливаются. Так, том., алт. *скіма* 'свадебный головной убор – покрывало невесты': «Принакрыл меня скимой черною (свадебная песня)» [16, вып. 37, с. 415] – мотивировано сходством покрывала невесты с облачением монаха. Что касается тобол. *скіма* 'об угрюмом, необщительном человеке' [16, вып. 37, с. 415], то оно, очевидно, объясняется представлениями об уединенном образе жизни монаха, которые отражены в его языковом портрете в славянских языках, ср. рус. литер. *монах* 'о мужчине, живущем уединенно, ведущем аскетический образ жизни', калуж. *замонашіться* 'начать удаляться от общества, начать вести монашеский образ жизни', укр. *монах* 'про человека, который живет в одиночестве, избегает общения с людьми', кашуб. *тніх* 'нелюдимый человек' и др. [11, с. 53]. От печальной уединенности один шаг до нитья, ср. арх. *скіма* 'человек, который все время ноет': «Всё время ноет-ноет, у, скима какой, говорят» [6]. Возможно, сюда же влг. *скимяга* 'скряга, скупец': «Даром что богат, а большой руки скимяга» [16, вып. 37, с. 415]. Семантическим основанием для такого решения служит тот факт, что в языковых образах священнослужителей в славянских языках подчеркивается как скупость, так и близкие ей черты – жадность и склонность к воровству, ср. иркут. *замонашіть* 'запрягать, засунуть куда-либо или присвоить что-либо чужое', сиб. *попóвы (попóвские) глаза (вóчи)* 'завидующие глаза (о жадном, завистливом человеке)', влад., ряз. *поповский карман* 'о наличии у кого-либо больших денег', польск. «*Nie ma skarpa nad księdza*» <Нет скупца больше ксендза> и др. [10, с. 416; 11, с. 54]. Ску-

пость, по мнению диалектоносителей, присуща и старообрядцам, ср. хотя бы влг. *кережак, кержак* 'скупой человек, скряга', влг. *кыржак* 'скупец, скряга, жмот', вят. *кержачить* 'скупиться, скряжничать' и др. [4, с. 89]. В крестьянской картине мира образы монахов и старообрядцев вполне могут смешиваться.

Представленные факты свидетельствуют о том, что слово *схима* прошло семантическую адаптацию в русских говорах, получив значение различных негативных характеристик человека. Этот смысловой потенциал, развиваясь, может создать почву для использования слова в составе проклятия. Но основной импульс для развития бранных значений, думается, подготовлен не столько негативными характеристиками человека, сколько исходной семантикой слова. В бранных формулах может проявляться своеобразная энантиосемия, когда проклинаемого посылают не к черту и прочей нечистой силе, а к богу (ср. простореч. *Нутебя к богам!*). Основой для такого словоупотребления служит экспрессия, сопровождающая представления о сакральном – независимо от его «полюса» (нечистой силы или крестной силы). По этой логике возможен посыл и к монаху, ср. рус. карел., пск. *к монаху* 'прочь, подальше', белорус. *ну яго (яе, іх) к манахам* 'высказывание недовольства, сожаления, отказа, нежелания что-либо делать', укр. *к монахам* 'употребляется для выражения неудовлетворения кем- или чем-нибудь, осуждения чего-то, усиления высказанного' [11, с. 56]. Думается, представления о схимнике – монахе в необычном одеянии – тоже таят ресурс «демонизации» персонажа, воплощаемый в проклятии и брани.

Иди ты к савану!

В Кичменгско-Городецком районе Вологодской области сотрудниками ТЭ УрФУ записан ряд проклятий, в которых встречается слово *сáван* в непривычной для него функции субъекта действия или локуса отсылки: влг. *Понеси тебя сáван!*: «За столом нельзя ругаться, при хлебе-то. Понеси тебя саван! – нельзя сказать» (Большое Раменье); *Иди (пошел) ты к сáвану!*: «Не по тебе говорят – скажешь: "Да иди ты к савану!" К савану посылают – дак худо говорят, только что не матюкам» (Нижний Енангск), «И кошку можно, и собаку <выругать> – Иди к савану!» (Титовщина); *Сáван с тобой!*: «Саван с тобой – не шибко и нужно» (Бакшеев Дор); *Сáван тебя!*: «Чего-нибудь делают вдвоем, один возьмет, да не эдак сделает и говорит: "Саван тебя, подожди, переделаю"» (Крадихино). Похожее выражение (бытующее в том же Кичменгско-Городецком районе) зафиксировано в [14, т. 9, с. 83]: *Сáван понеси* (кого, что): «Понеси ты саван вместе с лошадью».

Информанты «персонифицируют» субъекта действия из этих формул, наделяя его чертами

мифологического персонажа – лешего или черта: «В лесу живёт этот саван. Это ругались так: “Иди к савану”» (Мякинная). Слово употребляется как эвфемизм, заместительная по отношению к базовым обозначениям этих персонажей номинация, обеспечивающая эффект «смягчения», «облегчения» формулы проклятия: «“Черт” грешно говорить, а “леший”, “лешачиха” – больше грех. Сказать нельзя, да и хлеб в роте у меня. Надо сразу креститься. “Саван” говорили. Это полехче проклятие» (Смольянка), «Есть чёрные слова (наиболее сильные, «страшные» проклятия. – *Прим. авт.*). Мама говорила: “Не грешни чёрным словом!”. “Чёрт”, “леший”, “понеси тебя леший” – чёрное слово. Я-то говорю: “Понеси тебя саван!”, не так страшно. Но если на ребёнка, то могот страшное быть» (Каксур).

Каким же образом лексема, называющая в общенародном языке погребальное облачение², приобрела «демоническую» семантику? Вероятно, дело в «смертных» коннотациях слова и негативных ассоциациях соответствующей реалии: упоминание савана – одеяния, используемогося в ходе похоронного обряда, – равноценно упоминанию смерти, ср. влг. *саваном прикрываться* ‘умереть’ – «Вот человек умер – так и говорят: саваном прикрывся» [14, т. 9, с. 83], без указ. м. *только за саваном* ‘не умирает, не готов’, *Жили славою, а умерли – чужой саван* [3, т. 4, с. 128] и пр. Саван – такой же значимый и «говорящий» атрибут смерти, как гроб, ср. просторечное пожелание «плохой» смерти: *Ни гроба, ни савана* (кому, чему)! ‘пожелание неудачи, несчастья, всего самого плохого’ [8, с. 164], а также экспрессивную формулу *В гробу я* (кого, что) *видал*³. Для последнего выражения обнаруживается любопытная параллель в забайкальских говорах: *Видеть бы мне тебя в тохрихиме!*, где *тохрихим* – ‘саван’ [16, вып. 44, с. 302]⁴. Учитывая естественность метонимического перехода «атрибут смерти» → «смерть вообще», нетрудно предположить следующий шаг в этой логической (и ономаσιологической) цепочке: «смерть вообще» → «тот, кто несет смерть» (*саван* – ‘черт’).

Для слова *саван* в контекстном значении ‘леший’ можно предполагать и другой мотивационный поворот, основанный на цветовых ассоциациях. Известно, что у русских, в том числе у жителей Русского Севера, леший мог быть «окрашен» в белый цвет: этот персонаж, иногда называемый *белым дедушкой* [21, с. 30], представлялся с белой бородой, белыми выпуклыми глазами, а главное – в белом одеянии [13, т. 3, с. 105], в которое он закутан с ног до головы [21, с. 30]. Возможно, характерное облачение лешего напоминает «одежду» покойника; в таком случае *саван* встраивается в ряд номинаций нечистой силы по ее внешнему облику.

Нужно отметить, что *саван*, как и другие слова, обозначающие субъекта действия в составе про-

клятий, может «мигрировать» из злопожеланий в бранные формулы: влг. *какого савана*: «Какого савана тебе надо?» (Крадихино), «Какого савана ты мне мешаешь?» (Неповица); *саван тебя знает*: «Иди ты к савану, саван тебя знает – а почему так говорят, не знаю» (Трубовщина); ср. общенар. *какого черта, бес его знает* и под. Пейоративный «шлейф», обусловленный, думается, как традицией употребления *савана* в инвективах, так и его общенародными «смертными» коннотациями, тянется за этим словом и в его свободном, не формульном употреблении: влг. *саван* ‘бойкий, драчливый человек’: «Саван – мужчина бойкий, бывают такие, драчливые, как палачи» [6], влг. *саваница* ‘бран. об озорном ребенке’: «Ой, эта саваница. Возьми прочь саваницу-то», вят. *саван вёшний* ‘бранное выражение’ [16, вып. 36, с. 13].

Утлина пади тебе в дом!

В Никольском районе Вологодской области зафиксировано проклятие, в котором употребляется не отмеченное диалектными словарями слово *утлина*: *утлина пади тебе в дом*: «Ну, скажут, штёб тебе сдохнуть, утлина пади тебе в дом! Проклятыё это слова, нехорошиё» (Байдарово). В говорах Никольского и соседнего Кичменгско-Городецкого районов, по данным ТЭ УрФУ, слово *утлина* выступает в нескольких значениях, среди которых преобладают различные вариации инвариантного смысла «утрата, беда»:

– ‘пропажа, потеря’ – «Утлина, бывает, делается. Пропажа какая. На скотину утлина бывает» (Ник., Завражье); «Утлина такая, поросенок пропал» (К-Г., Смольянка);

– ‘ущерб, убыток в хозяйстве’ – «Утлина – это штё-то сделал неправильно. Вот чего пролила ли, чего забыла, может, что-то сгорело в печи – ой, какую утлину получила» (К-Г., Смольянка); «Утлина – это как потеря, ущерб. То сгнило, то что-нибудь испортилось» (Ник., Березово);

– ‘болезнь человека или скотины, навлеченная смертью члена семьи’ – «Если хозяин умер в доме, то должна быть утлина – кто-то из скота должен умереть. Покойник забирает с собой что-то из хозяйства» (Ник., Осиново); «Клади покойнику в гроб чего-нибудь, чтобы утлины в дому не было – со скотом ладно бы, с самим <хозяином дома> ничего не было плохого» (Ник., Теребаево);

– ‘большая беда, тяжелое несчастье’ – «Это тоже утлина кака-то бывает, это вот убудет человека. Оставили хлеб в печи – это утлина кака-то будет, умрёт человек. Вот ходит человек хорошей, вдруг помер раз – это утлина» (Ник., Сорокино); «Утлина – это гиблое дело. При несчастном случае говорят» (Ник., Кудрино).

Следует предположить, что *утлина* – существительное на *-ин(а)* (суффикс с отвлеченным значением признака, свойства), образованное от прилага-

тельного *утлый* (литер. ‘ненадежный, некрепкий’), которое, в свою очередь, восходит к праслав. *ǫtьlь – от *ǫ (префикс отрицания) и *tьlo [22, вып. 40, с. 94]. Слово *ǫtьlь, как отмечают авторы ЭССЯ, трудно поддается этимологизации. Относительно его происхождения высказывают разные версии, две основные выглядят так:

1) *ǫtьlь соотносится со слав. *tьlo ‘дно’ (развитие значения ‘лишенный дна, дырявый’ > ‘пустой, полый’ > ‘слабый, хилый’ и ‘глупый, неразумный’);

2) *ǫtьlь связывается с глаголом *tьlěti (‘тлеть’ / ‘быть медленно, постепенно уничтожаемым внутренним огнем’ > ‘слабеть, хиреть, чахнуть’) [22, вып. 40, с. 93–95].

В семантике слов из гнезда *ǫtьlь, представленных в русских народных говорах, в том числе субстантивов с иным, чем в слове *утлина*, суффиксальным оформлением (р. Урал *útлеть*, без указ. м. *utlízna*, заурал. *útлица*, *утляк*), содержатся негативные компоненты «слабость», «бедность», «старость, ветхость», «неплодородность», «гниль», «болезнь» и под. [см.: 16, вып. 48, с. 173–175]. Таким образом, проклятие *Утлина нади тебе в дом*⁵ является типичным пожеланием адресату несчастий и бед, названных словом с генерализованной негативной семантикой. Ту же модель реализуют, например, выражения *Прорва тебя возьми!* (пенз.) [16, вып. 32, с. 216]⁶, *Разорва те возьми* (твер.) [16, вып. 34, с. 53]⁷, *Разорва с перервой!* (влад.) [16, вып. 26, с. 205], *Халудра (тебя) захвати* (ср.-приирт.) [17, ч. 3, с. 266]⁸.

В связи с приведенными выражениями вновь обратимся к этимологии слова *утлина*. Нетрудно заметить, что обозначения несчастий, которые фигурируют в этих проклятиях (*прорва*, *разорва*, *перерва*, *халудра*), содержат во внутренней форме указание на разрыв (дыру), нарушение целостности. Возможно, устойчивость семантического перехода «дыра, прореха → несчастье, потеря», реализующегося в номинациях несчастий, к числу которых относится и *утлина*, свидетельствует в пользу того, чтобы возводить *ǫtьlь к *tьlo ‘дно’ и считать первичной семантику ‘бездонный, дырявый’. Это значение сохраняется в славянских продолжениях *ǫtьlь (укр. *вутьлий*, др.-рус. *утъль*, с.-х. диал. *útal* ‘дырявый’, др.-рус. *утьлина*, *утьлизна* ‘трещина’, рус. устар. *утлый* ‘с трещинами, с изъянами; дырявый’ [20, т. 4, с. 175; 22, вып. 40, с. 93]) и в некоторых русских диалектных фактах: арх., влг. *útлина* ‘дупло’ [6], ленингр. *útло* ‘то же’, *утлый* арх., пенз. ‘дырявый’, ленингр., влг. ‘пустой, полый внутри’ [16, вып. 48, с. 173–174]. Особенно интересно в этом контексте специализированное значение слова *útлина*, записанное участниками ТЭ УрФУ в Никольском районе, – ‘пропуск при тканье от обрыва нити основы’. Характерно, что сами диалектоносители легко связывают значения

‘пропуск при тканье’ и ‘утрата’, указывая на первичность конкретной семантики: «Порвётся ниточка основы, которая в длину идёт, а ты не заметила, – вот утлина-то. На полотне дырка – утлина. Животное умрёт – вот видишь – утлина, ушшерб» (Ник., Крутиха); «Утлина – дырочка такая, недо-статок. Пропустили, просмотрели. Про скотину тоже скажут – утлина. Если скотина пропадёт. Любая пропажа – утлина» (Ник., Байдарово).

Будь ты даровая! // Будь ты недаровая!

В говоре одного населенного пункта в Костромской области – деревни Плосково Шарьинского района – сотрудниками ТЭ УрФУ зафиксированы две формулы злоречений: *Будь ты даровая!* – «Будь ты даровая – это как проклинание» и *Будь ты недаровая!* – «Минька меня ругала: “Ну, будь ты недаровая!” Пролью чего, сломаю, вот и ругалась. Будь ты недаровая – нестрашная брань, без злости». На первый взгляд, первично выражение *Будь ты даровая!*, а вариант с *не-* возникает позже: в подобных случаях негативный префикс обладает усилительной функцией, он не меняет значения слова на противоположное, а является формальным выразителем семантического отрицания. Этот механизм на материале слов с приставкой *не-* описан в [2; 9; 19 и др.], лексем с приставкой *без-* – в [18]. Приведем только некоторые примеры: смол. *низанапрасна* ‘напрасно’, ряз. *непросту́пки* ‘проступки’ [19, с. 344–345], орл. *ненапа́стье* ‘беда, неприятность, несчастье, напасть’ [9, с. 247], олон., онеж. *безнапрáсный* ‘напрасный, бессмысленный’ [18, с. 135] и т. д.

Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что эта пара инвектив состоит в более сложных отношениях, чем производность посредством присоединения неэтимологического *не-*. Вероятно, первичным следует считать проклятие *Будь ты недаровая!*: его варианты бытуют в костромских, ярославских и сибирских говорах [7; 16, вып. 21, с. 9]. Пейоратив *неда́рово(ы)й*, функционирующий в составе выражения, имеет достаточно обширный ареал: вост., нижегор., ряз. ‘недобрый’, без указ. м. ‘странный, дикий, отчаянный’ [16, вып. 21, с. 9], яросл. ‘нечестный, недобрый’ [23, вып. 6, с. 129]; ср. также иркут., якут. *неда́рово(а)* ‘не зря, недаром, не к добру’, петерб. *недарова́ божья* ‘недаром, не к добру (?)’ [16, вып. 21, с. 9], влг. *недарови́к* ‘нельзя, невозможно’ [14, т. 5, с. 89], яросл. *недарову́ха* ‘беда’ [23, вып. 6, с. 129], без указ. м. *кричать неда́рово*, нижегор., моск., новг., ряз., сев., костр., симб., самар., оренб., яросл. *кричать неда́ровым матом* ‘дико, отчаянно, странно’, ‘изо всей мочи, изо всех сил’ [16, вып. 21, с. 9; 23, вып. 6, с. 129], яросл. *недарово́ская сила* ‘бранные слова’ [23, вып. 6, с. 129] и др. Учитывая семантику приведенных слов и сочетаний, злопожелание *Будь ты недаровая!* нужно читать как «будь ты неладна», «будь ты нехороша́», при

этом прилагательное *недаровая* производно от слов типа *дарово́* сев., ряз. ‘хорошо’, ‘ладно, хорошо, пусть будет так’ [16, вып. 7, с. 276] (ср. здесь близкую инвективу: олон. *Быдь ты не даром!* ‘чтоб тебе пусто было’ [16, вып. 7, с. 277]).

В свою очередь, выражение *Будь ты даровая(ой)!* отмечено, кажется, только в костромских (шарьинских) говорах: «Ну, будь ты даровой, иди к черту – в сердцах скажут, как проклятие» (Шар., Берзиха). Можно предположить, что оно возникло как результат переосмысления распространенного варианта с *не-*. Такой вариант развития возможен благодаря полисемии многих слов, входящих в гнездо *дар-*: наряду с приведенным выше наречием *дарово́* и другими лексемами с «положительной» семантикой, в нем представлены слова типа диал. шир. распр. *дарма́* ‘напрасно, попусту, зря’, сев., ряз. *дарово́* ‘ничего, неважно’ [16, вып. 7, с. 274, 276]; ср. также факты внутридиалектной энантиосемии: арх. *дарово́* ‘в знач. утвердительно-частичной: ладно, хорошо, пусть будет так’ и ‘в знач. частичной: нет’, тул., арх. *да́ром* ‘нельзя, не трогай’ и ‘можно, разрешается’ [16, вып. 7, с. 276–277]. Эта «плавающая» семантика и, добавим, большой удельный вес в гнезде *дар-* слов с негативными значениями (ср. общенар. *даром* ‘бесполезно, напрасно’) приводят к переосмыслению проклятия *Будь ты недаровая!*: носители языка начинают воспринимать фигурирующее в нем прилагательное в связи с лексемами типа *дарма́* ‘напрасно, попусту, зря’ и отбрасывают «ненужное» *не-*. Возникшая таким образом инвектива *Будь ты даровая!* в смысловом отношении аналогична проклятиям вроде общенар. *Чтоб тебе пусто было*.

Мысль об автономном появлении рассматриваемых злоречений также допустима (при условии производности адъективов от слов на *дар-* с полярной семантикой), но ей препятствует узкий ареал проклятия *Будь ты даровая!* – на фоне бытующего в той же микроне зоне распространенного варианта с *не-*.

Примечания

¹ Здесь и далее лексические единицы, подаваемые без ссылки на источник, извлечены из картотек Топонимической экспедиции Уральского университета. Они снабжаются указаниями на административный район; если приводится контекст, то дается также название деревни, в которой он записан.

² В говорах это слово употребляется и в специализированных «погребальных» значениях: сáван сарат. ‘погребальная рубашка’, иван. ‘погребальный головной убор’ [16, вып. 36, с. 13], влг. ‘платок из марли, белого полотна, надеваемый на голову умершей женщины’ [14, т. 9, с. 83] и др.

³ В проклятиях могут упоминаться и другие составляющие погребального обряда, например соборование: арх. *Леший бы прособоровал вас!* [21, с. 75].

⁴ Слово *тохрихим* является заимствованием из иврита [1, с. 558].

⁵ Здесь *пади* – императив от *пасть*, ср. *утлина пала* ‘о какой-л. пропаже’: «Утлинка пала, недостаток случился в хозяйстве» (К-Г., Еловино); «Корова пропала – вот какая утлинка пала» (К-Г., Смольянка).

⁶ Ср. влг., перм., тамб., ворон. *прóрва* ‘несчастье, неприятность, напасть’ [16, вып. 32, с. 216].

⁷ Ср. влад. *разóрва* ‘о трудном положении’ [16, вып. 34, с. 53].

⁸ *Халудра* – сложение *хал-* (< праслав. **xala-/xalь* с общей пейоративной семантикой, см. [22, вып. 8, с. 12–13]) и *драть*; ср. *халудора* перм. ‘негодяй, шваль, оборванцы’ [3, т. 4, с. 557], влг. ‘негодные старые вещи, хлам’ [14, т. 11, с. 177], ср.-урал. ‘дурной человек, негодяй’ [15, т. 6, с. 145] и т. д.

Библиографический список

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М.; Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.
2. Варбот Ж.Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в синхронии и диахронии // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов (10–16 сент. 2008 г., Охрид). – М.: Индрик, 2008. – С. 84–96.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882.
4. Едалина А.А. Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качества человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров): дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2016. – 256 с.
5. Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. – Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. – 539 с.
6. Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
7. Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 785 с.
9. Петлева И.П. Еще раз к вопросу о не – не ‘не’ // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого: в 2 т. – М.: Индрик, 1998. – Т. 1. – С. 246–251.
10. Сеница Н. А. Языковой образ священнослужителя в русской и польской традициях (рус. *non*, польск. *ksiądz*) // Славянский альманах 2012. – М.: Индрик, 2013. – С. 410–425.
11. Сеница Н. А. К сопоставительному изучению языковых образов монахов в славянских языках // Славяноведение. – 2015. – № 4. – С. 49–59.

12. Складская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб.: Наука, 2000. – 278 с.

13. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995–2012.

14. Словарь вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Т.Г. Паникаровской. – Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

15. Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / под ред. А.К. Матвеева. – Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.

16. Словарь русских народных говоров. – Вып. 1– / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–.

17. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3 ч. / под ред. Г. А. Садретдиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1993.

18. Сурикова О.Д. О нетривиальной семантике

русских слов с приставкой *без-* // Русский язык в научном освещении. – 2016. – № 1 (31). – С. 132–159.

19. Толстой Н.И. Не – не ‘не’ // Он же. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М.: Индрик, 1995. – С. 341–346.

20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1964–1973.

21. Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 169 с.

22. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. – Вып. 1– / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. – М.: Наука, 1974–.

23. Ярославский областной словарь: в 10 вып. / науч. ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

УДК 81'282

Бондалетов Василий Данилович

доктор филологических наук, профессор
Пензенский государственный университет
vasdanbon@mail.ru

ИДИОЛЕКТЫ НОСИТЕЛЕЙ АРГОТИЧЕСКОГО ТАЙНОРЕЧИЯ

В названии статьи три слова-термина нуждаются в пояснении: **идиолект** (англ. *idiolect*) – индивидуальный говор, индивидуальный язык; совокупность особенностей, характеризующих речь данного индивида, индивидуальная разновидность языка; **арго**, **арготический** (фр. *argot*) – лексические особенности речи профессиональных групп (торговцев, ремесленников, военных, артистов); **тайноречие** – арготическое профессиональных групп, имеющих склонность к использованию вместо общебытовой и профессиональной лексики непонятные, «секретные» слова: **рым** – дом, **хлить** – идти, **клёво** – хорошо [1, с. 53, 165].

В каждой форме языка (литературном языке, территориальном диалекте, социальном диалекте) имеются свои функционально-структурные разновидности [2, с. 1–28].

Например, в социальных диалектах выделяются: профессиональные говоры, молодёжные жаргоны (сленг), тайные арготические (поведаем да пулим шивару – посмотрим да купим товару). Идиолекты разных лиц (носителей) торгового арготического (слободы Мстера Владимирской губ.) в записях (1880 г.) лучшего знатока офенского языка коробейников XIX в. Гольшева И.А. – предмет нашего исследования [8, с. 227–232].

Ключевые слова: социальные диалекты, арготическое, идиолект, диглоссия, многоаспектность исследования.

Начнем с краткой характеристики носителей арготического тайноречия, с самых типичных его представителей – торговцев-офеней. Слово о легендарно-загадочных и опозитивированных Н.А. Некрасовым «коробейниках» предоставим трём лицам, одинаково глубоко, но с разных сторон знавших персонажей нашего исследования.

«Офени! Кто на Руси от Тобольска до Вислы, от Лены до Дона не знает этих вечных странников, продающих крючки и булавки, покупающих лошадей по комиссии, говорящих своим языком, неустрашимых и хитрых, смелых и смиренных, обманывающих везде, где обман возможен, но в то же время как часто поплачивающихся дорого за свое вечное бродяжничество», – эта социально-психологическая характеристика принадлежит писателю-беллетристу князю К.В. Мещерскому (1867) [10, с. 220–222].

Известный бытописатель П.И. Мельников относительно их языка и их торговли писал: «Офенский – это язык ходебщиков, тряпичников, вязниковцев, которые с тесемочками, пуговками и всяким другим мелочным товаром кустарной промышленности ходят по России от Кяхты до Варшавы» (1898): [10, с. 221–222].

Как отмечал крупнейший писатель-этнограф С.В. Максимов в очерке «В дороге», «в большей части случаев они известны под общим прозвищем офеней, ходебщиков, коробейников, разносчиков; в Малороссии называют их варягами, в Белороссии – маяками, на Севере Великой России – торгованными, в Сибири – суздами, на Кавказе – вязниковцами, сами себя зовут они масыгами» [10, с. 221–222]. Трудно сказать об общем числе офеней и их социальном статусе (некоторые из них стали промышленниками), в частности, применительно ко второй половине XIX века. Воспользу-

емся сведениями, приводимыми С.В. Максимовым и местным уроженцем, специально занимавшимся их «географией», Я.П. Горелиным. «Селения своими они группируются преимущественно в Вязниковском и Ковровском уездах», – указывал С.В. Максимов; Я.П. Горелин перечислил все сёла и деревни (40 сёл и 99 деревень) этих уездов [цит. по: 10, с. 220–222]. Опорным источником нашего исследования избран труд почётного гражданина, члена многих научных обществ, мстерского учёного-краеведа Ивана Александровича Гольшешова (1838–1896) «Проводы офеней в дорогу из дому для торговли и разговор их на своем искусственном языке» Вот как начинается его повествование об офенском форуме: «Офени перед отправкой в путь-дорогу угощаются три дня и приглашают на проводы гостей: духовенство, сельское или деревенское начальство, родственников и семейства приказчиков, конечно, это делается только у зажиточных офеней»; «хозяин помещается впереди, распоряжается угощением и под хмельком, отдавая приказания, распоряжается уже на искусственном офенском языке».

Изучив источник, мы провели персонификацию речевого материала, рассмотрев пять выступлений хозяина (Хоз1 – Хоз5 и т. д.), а затем тексты выступлений приказчиков (Прк1 – Прк3) как наиболее информативных. Материал «Проводов...» мы имели возможность сравнить с материалом нашей экспедиции в слободу Мстера и ближайшие к ней селения 1961 г., то есть 140 лет спустя после И.А. Гольшешова [3, с. 1–110]. Высказывания хозяина дома на «Проводах офеней...» приведены полностью с пометами – Хоз1, Хоз2 и т. д.

ИДИОЛЕКТ ХОЗЯИНА

1. Высказывание хозяина первое (ХзВ1)

Поханка, привандай масыгам гомыры похлябе, да и клыги привандайте, повачь масам да почунайся.

Перевод: *Хозяйка, подай нам водки, да браги принесите* (так! – В. Б.), *принеси нам да покланяйся.* (Мы сохраняем перевод И.А. Гольшешова, но, как это принято, используем нормы современной орфографии. Другие исправления минимальны – В. Д.)

Лексико-грамматический глоссарий ХзВ1:
1. **поханка** – хозяйка, **повандай** – подай, **масыгам** – нам (хозяину дома и гостям), **гомыры** – водки, **похлябе** – побольше, **клыги** – браги, **привандайте** – принесите, **повачь** – принеси, **масам** – нам, **почунайся (да)** – покланяйся (да). (Офенские слова приводятся нами в том (текстовом!) значении и в той форме, которую они имеют в оригинале; незначительные слова – союзы, предлоги, частицы (в устной речи *проклитики* – примыкающие к опорным словам спереди и *энклитики* – примыкающие к опорным словам сзади), помещаем в скобки. – В. Б.)

Водка и брага подаются снова, и хозяин продолжает:

2. Высказывание хозяина второе (ХзВ2).

Елтуженка, повандай и побряеть; кресца, вислячков, сумачка, спидончика поклюжи на стропень, подьюхчалки, да жулик не загорби, а самодул снозна постычьте, счабану набусаемса поскеннее – клёвее мяшиит. Дрябану в выксе скенно, не жалкомни, а счабану да сластиму из устрека привандырим.

Перевод: *Жёнушка, подай и поесть; мясца, огурчиков, хлеба, пирожка положи на стол, вилки да ножик не забудь, а самовар снова поставь-те, чаю напьёмса побольше – лучше будет. Воды в реке много, не жалей, а чаю да сахару из дороги привезём.*

Лексико-грамматический глоссарий ХзВ2:
елтуженка – жёнушка, **повандай (и)** – подай и, **побряеть** – поесть, **кресца** – мясца, **вислячков** – огурчиков, **сумачка** – хлеба, **спидончика** – пирожка, **поклюжи** – положи, **стропень (на)** – стол (на), **подьюхчалки** – вилки, **жулик** – ножик, **загорби (не)** – забудь (не забудь), **самодул** – самовар, **снозна** – снова, **постычьте** – поставьте, **счабану** – чаю, **набусаемса** – напьёмса, **поскеннее** – побольше, **клеве** – лучше, **мяшиит** – будет, **дрябану** – воды, **выксе (в)** – река (в реке), **скенна** – много, **жалкомни (не)** – не жалей, **счабану** – чаю, **сластиму** – сахару, **устрека** (род. п. слова *устрѣк*) – дорога, **привандырим** – привезём.

3. Высказывание хозяина третье (ХзВ3).

Хозяин-офеня замечает молодому работнику:

Не скодно мастырить ботве, а наскребе ухлитса диршаго прилешника, чон клёвый ширговый, а колда стыхляешь на карьянов завершиваться, клеве объелтонишьса, схандыришь в устрек да клёво мяшиишь ширговать, – ботву объелтоним и прилешником смастырю.

Перевод: *Не годно делать тебе, а надобно слушаться старшего приказчика, он хороший торговый, а когда стал на девок заглядываться, лучше жениться, сходишь в дорогу да хорошо будешь торговать, – тебя женим и приказчиком сделаю.*

Лексико-грамматический глоссарий ХзВ3:

Скодно (не) – негодно (не), **мастырить** – делать, **ботве** – тебе, **наскребе (а)** – надобно (а), **ухлитса** – слушаться, **диршаго** – старшего, **прилешника** – приказчика, **чон** – он, **клёвый** – хороший, **ширговый** – торговый, **колда (а)** – когда (а), **стыхляешь** – стал, **карьянов (на)** – девок (на), **завершиваться** – заглядываться, **клеве** – лучше, **объелтонишьса** – женишьса, **схандыришь** – сходишь, **устрек (в)** – дорогу (в), **клёво (да)** – хорошо (да), **мяшиишь** – будешь, **ширговать** – торговать, **ботву** – тебя, **объелтоним** – женим, **прилешником (и)** – приказчиком (и), **смастырю** – сделаю.

4. Высказывание хозяина четвертое (ХзВ4).

Хозяин не перестаёт потчевать своих приказчиков:

Выбусайте, лащатушки, по аршинчику гомзеца и бухарнику клыжечки, здебесь в рыму и ма-

сыга с босвами выбусает, а в устреке верхайте, поласе в канфилю хандырьте.

Перевод: *Выпейте, ребятаушки, по рюмочке винца и стаканчику бражечки, здесь дома и я с вами выпью, а в дороге глядите поменьше в кабак ходите.*

Лексико-грамматический глоссарий ХзВ4: **выбусайте** – выпейте, **лащатушки** – ребятаушки, **аршинчику (по)** – рюмочке (по), **гомзеца (и)** – винца (и), **бухарнику** – стаканчику, **кльгжечки** – бражечки, **здебесь** – здесь, **рыму (в)** – дома (в), **масыга (и)** – я (и), **босвами (с)** – Вами (с), **выбусает** – выпьет (3 л. вместо формы 1 л.), **устреке (а, в)** – дороге (а, в), **верхайте** – глядите, **поласе** – поменьше, **канфилю (в)** – кабак (в), **хандырьте** – ходите.

5. Высказывание хозяина пятое (ХзВ5).

Хозяин просит выпить и свою жену и потчевать жен приказчиков:

Поханушка, шибренькая, выбусай с масыгами, и елтухам прилешников подвачь.

Перевод: *Хозяюшка, добренькая, выпей с нами и женам приказчиковым поднеси.*

Лексико-грамматический глоссарий ХзВ5: **поханушка** – хозяйюшка, **шибренькая** – добренькая, **выбусай** – выпей, **масыгами (с)** – нами (с), **елтухам (и)** – жёнам (и), **прилешников** – приказчиковым, **подвачь** – поднеси.

ИДИОЛЕКТЫ ПРИКАЗЧИКОВ, присутствовавших на проводах

1. Высказывание первого приказчика (Прк1)

Один из приказчиков (без обозначения социального статуса и возраста, но, судя по праву задавать вопросы и по их содержанию, – авторитетный и опытный. – В. Б.), обращаясь к другому, спрашивает:

Ботва, кулды поердаешь ширговать?

Перевод: *Ты куда поедешь торговать?*

Лексико-грамматический глоссарий Прк1: **ботва** – ты, **кулды** – куда, **поердаешь** – поедешь, **ширговать(?)** – торговать(?).

2. Высказывание второго приказчика (Прк2).

Масыга поердаю по костерам, ховрякам, ховрейкам, ховрейским лащатам пропуливать, масыгино мастыро клевое и северу с чними ширговаться, сар скенна ефесь в ховрейских рымах, но насркебе мастырить поклевее и калмыжно пропулишь.

Перевод: *Я поеду по городам, господам, барыням, барским детям продавать, мое дело хорошее и знаю с ними торговаться, денег много есть в барских домах. Но надобно делать получше и барышно продать.*

Лексико-грамматический глоссарий Прк2: **масыга** – я, **поердаю** – поеду, **костерам (по)** – городам (по), **ховрякам** – господам, **ховрейкам** – барыням, **ховрейским** – барским, **лащатам** – детям, **пропуливать** – продавать, **масыгино** – моё, **мастыро** – дело, **клевое** – хорошее, **северу (и)** –

знаю (и), **чними (с)** – ними (с), **ширговаться** – торговаться, **сар** – денег, **скенна** – много, **ефесь** – есть, имеется, **ховрейских (в)** – барских (в), **рымах (в)** – домах (в), **наскребе (но)** – надобно (но), **мастырить** – делать, **поклевее (и)** – получше (и), **калмыжно** – барышно, **пропулишь** – продашь (и).

3. Высказывание третьего приказчика (Прк3).

А мас поердает по турлам по ошарам пропуливать касам, косихам, и с лохами брысти ширговлю, шуртинок ласиньким лащатишкам, витеришниц склешевеньких, диростам оклюжнмым темляку и стоды по турлам хлят, вершаешь (и) скенно пропулишь (на) еном ошаре, (и по) рымам шиваришка побиривут.

Перевод: *А я поеду по селам, по базарам продавать попам, попадаям, и с мужиками вести торговлю, картинок маленьким ребятишкам, книжек дешевеньких, старостам церковным ладану, и образа по селам идут. Глядишь и много продашь на одном базаре и по домам товаришка набирают.*

Лексико-грамматический глоссарий Прк3: **мас (а)** – я (а) (сам, говорящий. – В.Б.), **поердает** – поедет, **турлам (по)** – сёлам (по), **по ошарам** – базарам (по), **пропуливать** – продавать, **касам** – попам, **косихам** – попадаям, **лохами (и, с)** – мужиками (и, с), **брысти** – вести.

Наблюдения и некоторые выводы

1. Хозяин дома – опытный торговец, отлично владеющий как территориально-владимирским диалектом и просторечием, так и офенским арго, в данной ситуации – их устно-разговорным стилем. Приказчики не скрывают своих негативных поступков, совершаемых ими в «дороге». Правда, ни один из выступивших не сказал о маршруте своих хождений. Причина? Боязнь конкуренции.

2. Приказчики объективно описывают свою клиентуру, общение со взрослыми и детьми, а также свои дела, свободно владея сюжетно-тематической лексикой офенского словаря.

3. В речи офени-хозяина и приказчиков немало слов уменьшительно-ласкательной окраски, знакомых им по общему языку. Используются, в частности, словообразовательные морфемы (приставки, суффиксы), флексии склоняемых и спрягаемых частей речи, а также другие морфологические единицы: *Елтуженка, повандай и побряеть; кресца, вислячков, сумачка, спидончика поклюжи на стропень, подъяохчалки, да жулик не загорби*. Употребительны в тайноречии и общенародные (свойственные всем формам существования русского языка) союзы *да, и*: Например: *Да и кльги привандайте, повачь масам да почунайся* (Да и бражки принеси-те, подайте да и поклоняйся).

4. Чем объяснить довольно частое использование в русских, белорусских и других славянских тайных арго существительных типа *аршинчик* – рюмочка, *гомцецо* – винцо, *сумачок* – хлебушек,

спидончик – пирожок; приставочных глаголов вроде *набусаться* (напиться), *побряеть* (поесть), *повандать* (подать), *повачить* (принести), *почануться* (попасться), *почунаться* (помолиться, поклоняться), *поширговать* (поторговать); *подвачить* (поднести); *привандай, -те* (принеси, -те)? Конечно, тем, что в этих и подобных арготизмах используются общенародные суффиксы уменьшительно-ласкательной окраски и приставка *по-*. Арго как член диглоссии использует то, что апробировано в языке-доноре.

Особенно продуктивна приставка *по-*, обладающая оттенком деликатного указания-совета в адрес жены, а также в наставлении молодому приказчику.

Показательна градация форм обращения хозяйки к своей жене: *поханка* (хозяйка), *елтуженка* (*жёнущика*), *поханушка* (хозяйшшка), а также подбор слов и форм прилагательных: *шибренькая, добренькая, выбусай* («Выпей... с женами приказчиков» – ХЗВ4).

Рассмотренные выше и многие другие арготические категории (структурные, функционально-категориальные, стилистические и т. п.), встречающиеся в народном тайноречии, остаются «нетронутыми целиной». Надо спасать этот материал, записать, и лучше – аудио-визуальными средствами. А дошедшие до нас тексты от конца XIX столетия собрать в хрестоматию. Обращаясь к молодым диалектологам, этнологам и экологам, хочу напомнить: старшее поколение лингвистов и студенчество послевоенных лет обследовало несколько тысяч территориальных диалектов и оставило после себя величественный трехтомный «Диалектологический атлас русского языка» и академический «Словарь русских народных говоров». Коллективы университетов и педагогических вузов СССР и современной России подготовили и издали десятки региональных словарей диалектной лексики. Аналогичные подвиги совершили и наши соседи – белорусские и украинские учёные.

К сожалению, по ряду причин внимание к социолингвистическим исследованиям в прошлом было ослаблено. Пришло время навёрстывать упущенное. На территории восточнославянских народов зафиксировано более сотни вариантов «бесконтрольного тайноречия» (арго) офенского (многофункционального) типа. Молодые учёные, у вас есть возможность послужить родной науке. Делайте как мы (с блокнотом и карандашом), делайте лучше нас (используя самые современные технические средства)!

Идиолекты разных форм существования национальных языков и диглоссии в самых разно-

образных комбинациях, в том числе и в составе «народный язык – арготическое тайноречие» заслуживают изучения во всех направлениях современного языкознания. В числе первоочередных задач выделяем следующие:

- 1) арго и его структурно-системная организация;
- 2) многофункциональность арго и обусловленное этим тематическое разнообразие их лексики (картотека словаря русских арго содержит более 30 тысяч слов);
- 3) диахрония русских арго и их контакты с индоевропейскими, тюркскими, финно-угорскими языками;
- 4) пространственно-ареальный фактор и вариантность арго.

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистически терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Бондалетов В.Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Л., 1966. – 28 с.
3. Бондалетов В.Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Вып. 1. Условные языки как особый тип социальных диалектов / под ред. чл.-кор. АН СССР Ф.П. Филина. – Рязань, 1974. – 110 с.
4. Бондалетов В.Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Вып. 2. Словопроизводство / под ред. чл.-кор. АН СССР Ф.П. Филина. – Рязань, 1980. – 105 с.
5. Бондалетов В.Д. Греческие заимствования в русских, украинских, белорусских и польских арго (К проблеме генезиса и контактирования социальных диалектов славянских языков) // Этимология. 1980. – М., 1982. – С. 64–79.
6. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 208 с.
7. Бондалетов В.Д. Картотека лексики русских условных языков (арго) // Восточнославянская историческая лексикография на современном этапе: к 75-летию древнерусской рукописной картотеки XI–XVII вв. – М., 2002. – С. 205–208.
8. Гольшев И.А. Проводы офеней в дорогу из дому для торговли и разговор их на своем искусственном языке // Ежегодник Владимирск. губерн. стат. комитета. – Владимир, 1880. – Т. 3. – С. 227–232.
9. Максимов С.В. В дороге (Из путевых записок) // Отечественные записки. – 1860. – № 7–8. – С. 219–271.
10. Приёмывшева М.Н. Тайные и условные языки в России XIX века. Ч. I. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 456 с.

Бурькин Алексей Алексеевичдоктор филологических наук, доктор исторических наук
Институт лингвистических исследований РАН
albury@rambler.ru**К РАЗГАДКЕ ТАЙНЫ ТАК НАЗЫВАЕМОГО
ОЛОНЕЦКОГО СПИСКА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»**

Статья содержит обобщение и анализ наиболее надежных данных с сообщением о так называемом Олонецком списке «Слова о полку Игореве», который, как считается, находился в Олонецкой духовной семинарии в Петрозаводске и исчез в первой четверти XX века. Автор показывает, что это сообщение основано на недопонимании: преподаватель семинарии имел полный текст «Слова», очевидно, по печатному изданию, а студенты семинарии держали в руках хрестоматию, где текст «Слова о полку Игореве» был дан в отрывках.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», археография, списки, словесность, учебники, хрестоматия.

Все согласны с тем, что «Слово о полку Игореве» представляет собой поистине уникальный памятник древнерусской литературы домонгольского периода. Уникальность его разноаспектна – она заключена и в том, что оно является редким из известных нам образцом светской ораторской прозы, имеющим жанровые связи с летописями, воинскими повестями, восточнославянским фольклором и фольклором степных народов, и в том, что «Слово» дошло до своих издателей в единственном списке в рукописи сложного состава, и эта рукопись позднее оказалась утраченной, что уже в течение длительного времени дает кому-то шанс оспаривать его подлинность. Все, что удалось найти в архивах, – это так называемая Шукинская рукопись «Слова о полку Игореве», в которой, однако, мы находим больше следов различных изданий «Слова» XIX века, нежели признаков того, что она списана с какой-то древней копии «Слова» или переписана из Мусин-Пушкинской тетради [1; 11].

Так называемый Олонецкий список «Слова» представляет собой самый интригующий сюжет в археографии «Слова о полку Игореве». Кажется, единственная публикация, посвященная этой археографической загадке «Слова о полку Игореве» в последние 30 лет, – это статья В. Семенова, опубликованная в 1989 г. в литературном журнале «Север» [7].

Бесспорной заслугой автора данной статьи является то, что он смог обозреть весь круг лиц из числа жителей Петрозаводска, кто мог знать о существовании Олонецкого списка «Слова», а также расспросить их потомков о таинственной рукописи. Но ни К.Ф. Филимонов, упоминаемый Л.А. Твороговым, ни В.Ф. Снитко, преподававший в той же семинарии, ни А.Н. Капусткин, основательно занимавшийся историей Петрозаводска, ни Д.В. Островский, который до своей кончины имел как минимум полтора года на то, чтобы объявить о сенсационной находке (при том, что он оставался практически единственным обладателем уникальной рукописи!) не оставили однозначных сведений. Рассказы о загадочной рукописи «Слова», собранные В. Семеновым, частично противоречат

как друг другу, так и тому, что мы знаем о ней из публикаций Л.А. Творогова.

Есть в этой статье и неосторожная фраза самого В. Семенова: «Откуда взялся и куда пропал рукописный хронограф, в составе которого находилось “Слово о полку Игореве”, остается неясным» [7, с. 118]. Ни один из источников информации, которые использует автор данной статьи, не говорит о том, что Олонецкий список «Слова» был включен в хронограф.

Наонец, совершенно не может соответствовать действительности присутствующее в статье предположение В. Семенова, что И.Е. Троицкий рассказывал о таинственной рукописи «Слова» А.И. Соболевскому как своему студенту [7, с. 118] – дело в том, что Алексей Иванович Соболевский (1857–1929) окончил Московский университет в 1878 году, то есть ко времени встречи с И.Е. Троицким он уже не был студентом, а в свои студенческие годы вообще не был петербуржцем.

Обратимся к тем фактам, которые можно считать бесспорными и на которые мы можем опираться, научно подходя к рассмотрению проблемы Олонецкого списка «Слова о полку Игореве».

По сути дела все, что мы знаем об Олонецком списке «Слова», сообщено нам в одном-единственном источнике – в примечании Н.М. Каринского к его известной, до известной степени культовой статье «Мусин-Пушкинская рукопись “Слова о полку Игореве” как памятник псковской письменности XV–XVI вв.», вот оно: «В заседании Общества любителей древней письменности, где читался настоящий реферат, проф. А.И. Соболевский сообщил любопытное сведение об исчезнувшем уже в настоящее время одном из списков Слова о полку Игоря. Лет 20 тому назад проф. А.И. Соболевскому рассказывал проф. И.Е. Троицкий, что преподаватель словесности Олонецкой духовной семинарии, показывая в классе ученикам, в числе которых тогда был и И.Е. Троицкий, старую рукопись, сказал: «Вот здесь содержится другой список Слова о полку Игореве, гораздо более подробный, чем тот, который напечатан» (курсив наш. – А. Б.). Когда впоследствии И.Е. Троицкий приехал в Петрозаводск, преподаватель, сообщав-

ший о списке Слова о полку Игореве, уже умер, и И. Е. не мог найти следов рукописи, о которой он слышал в семинарии» [5, с. 212, прим. 1].

Обращаем внимание – это все, что мы знаем об Олонецком списке «Слова»; причем, стоит заметить, даже наш первоисточник содержит информацию, передаваемую из третьих рук – ибо все остальные сообщения об Олонецком списке «Слова» основываются на этом примечании к статье Н.М. Каринского и тем самым не имеют ценности оригинальных источников или же восходят к итогам деятельности тех исследователей, кто основывался в своих разысканиях на данном сообщении.

Иван Егорович Троицкий, единственный человек, который сам свидетельствовал о том, что он видел Олонецкий список «Слова», родился в 1834 году в Пудожском уезде Олонецкой губернии, воспитывался в Каргопольском духовном училище и Олонецкой семинарии, окончил духовную академию в 1859 году [10]. После этого И.Е. Троицкий с 1859 по 1861 годы сам преподавал в Олонецкой семинарии логику, психологию, патристику и латинский язык, позже он стал профессором Санкт-Петербургской духовной академии. Скончался И.Е. Троицкий 2 августа 1901 года [3] – следовательно, он мог рассказать об Олонецком списке «Слова» А.И. Соболевскому где-то в 90-е годы XIX века.

Можно ли рассматривать известные нам слова преподавателя Олонецкой семинарии *«Вот здесь содержится другой список Слова о полку Игореве, гораздо более подробный, чем тот, который напечатан»* как свидетельство того, что этот преподаватель (и уже неясно, был ли им Д.П. Ягодкин или Ф.С. Рождественский) располагал иным, «гораздо более подробным» списком «Слова», чем тот, который был издан Мусиным-Пушкиным? Все те немногочисленные энтузиасты, обращавшие внимание на проблему Олонецкого списка «Слова», поступали именно так и давали на поставленный вопрос положительный ответ. Отметим – именно слова «гораздо более подробный, чем тот, который напечатан» и создавали главную интригу для поисков исчезнувшей рукописи. Однако обращение к биографии единственного очевидца этого таинственного списка, профессора И.Е. Троицкого, как это ни парадоксально, заставляет отрицательно ответить на поставленный вопрос.

Как было сказано выше, И.Е. Троицкий окончил духовную академию в 1859 году, следовательно, он учился в Олонецкой семинарии в конце 1840-х – начале 1850-х годов. Нам теперь известно из специальных исследований, посвященных изучению «Слова о полку Игореве» в учебных заведениях, что в это время в обиходе и, соответственно, на столах учеников находилась «Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языков» А.Д. Галахова, изданная в Москве в 1848 году [2,

с. 167]. В этой хрестоматии текст «Слова о полку Игореве» напечатан в *отрывках*. А это означает, что текст, «гораздо более полный, чем тот, который напечатан», мог содержаться не в другой редакции «Слова», а в любом печатном издании «Слова», выпущенном в 1800–1840-х годах. Возможно, что «гораздо более полный» текст «Слова» содержался в преподавательском конспекте Д.П. Ягодкина, и такие конспекты, надо полагать, имелись в изобилии, поскольку к началу XX века мы имеем уже массу печатных учебных изданий «Слова о полку Игореве», которые выходили в свет во множестве провинциальных городов. Следующая по времени учебная хрестоматия – «Историческая хрестоматия церковнославянского и русского языков» Ф.И. Бушлаева – появилась только в 1861 году, то есть в то время, когда И.Е. Троицкий уже сам был преподавателем Олонецкой семинарии.

Из всего сказанного следует, что фраза *«Вот здесь содержится другой список Слова о полку Игореве, гораздо более подробный, чем тот, который напечатан»*, которую запомнил И.Е. Троицкий, все-таки не свидетельствует о существовании рукописи «Слова», которая могла бы превосходить своей полнотой известный нам текст Мусин-Пушкинского издания этого памятника. Наши наблюдения соответствуют предположениям М.Д. Каган-Тарковской, согласно которым в истории об Олонецком списке «Слова» речь могла идти об учебных материалах по словесности, связанных с чтением и изучением «Слова» [4, с. 73].

В истории с Олонецким списком «Слова о полку Игореве» имеется еще одна странность. Один из материалов, сообщающий об Олонецком списке «Слова» и известный в литературе по археографии «Слова», – это письмо Л.А. Творогова к академику М.Н. Тихомирову, опубликованное в 1948 году на страницах журнала «Вопросы истории» [8, с. 134–136], – кстати, то самое, с упоминания которого начинается статья В. Семенова. В этом письме излагаются некоторые принципиально новые факты об истории Олонецкого списка «Слова», которые могли бы привлечь и привлекли к себе внимание исследователей, по существу, как новый источник сведений о рукописи «Слова». Однако пишущим на эти сюжеты остается неизвестным то, что отчет о поездке Л.А. Творогова в Петрозаводск, во время которой он собирал материалы об Олонецком списке «Слова», был опубликован еще в 1929 году [9, с. 5–8]. И вот что странно и необъяснимо – в этой публикации мы не находим вообще ни одного упоминания о «Слове о полку Игореве», как будто бы «Слово» вообще не интересовало автора во время его визита в Петрозаводск, и это обстоятельство абсолютно непонятно и необъяснимо. Почему Л.А. Творогов, опубликовавший отчет о своей поездке по свежим следам в 1929 году, умолчал о возможности отыскать рукопись «Слова» и заговорил

об Олонецком списке «Слова» только 20 лет спустя, остается без объяснения.

Итак, из сказанного следует, что, скорее всего, Олонецкий список «Слова о полку Игореве» как отдельная рукопись, продолжающая традицию бытования этого памятника в древнерусской книжности, никогда не существовал. В тех обстоятельствах, которые вызвали к жизни филологическую легенду о нем, мог фигурировать только преподавательский конспект или рукописная копия с какого-либо печатного издания «Слова» от 1800 года примерно до 1845–1846 годов. Однако изучение наиболее близких к первоисточнику сообщений об Олонецком списке «Слова о полку Игореве» позволило получить некие позитивные результаты.

Что касается так называемого Астраханского списка «Слова», который якобы видел на базаре в Астрахани в 1920-е годы или в начале 1930-х годов один из учеников акад. В.Н. Перетца и который, по романтическим предположениям тех, кто писал об этом, мог быть тождественным Олонецкому списку, то мы не располагаем на этот счет никакой заслуживающей внимания информацией (см.: [4; 6].) Сам В.Н. Перетц (1870–1935), кстати живший в последние годы в ссылке в Саратове, в своих трудах нигде о таком событии не упоминает [4, с. 73]. Не отмечен этот факт и ни в одной из достаточно многочисленных работ супруги В.Н. Перетца – Варвары Павловны Адриановой-Перетц, много занимавшейся «Словом о полку Игореве», которая не могла бы не знать о таком событии, если бы оно имело место. Осталось неизвестным и имя того из учеников В.Н. Перетца, который видел эту рукопись «Слова» на базаре в Астрахани, хотя кто-либо из молодых исследователей сам не преминул бы рассказать о таком событии еще в 1930-е годы. Самое же существенное заключается в том, что все рассказы об Астраханском списке «Слова» являются с очевидностью вторичными по отношению к истории Олонецкого списка, и время их рождения – это период между 1920-ми годами, когда Л.А. Творогов ездил в Петрозаводск, и 1948 годом, когда он изложил их в письме М.Н. Тихомирову.

В заключение нам остается сказать следующее. История об Олонецком списке «Слова о полку Игореве» не оказывается красивой легендой, которая не имеет под собой реальной основы, но она представляет собой результат стечения определенных обстоятельств, которые в дальнейшем получили не вполне адекватное истолкование. Если исследователи предшествующих поколений были полны надежд найти новый список «Слова о полку Игореве», то мы оставляем эти надежды. Судя по всему, четыре текста Мусин-Пушкинской тетра-

ди – «Сказание об Индийском царстве», «Повесть об Акире», «Слово о полку Игореве» и «Девгениево деяние» – составляют наследие одного и того же автора, переводчика и составителя «Слова». Названные выше переводные повести известны в небольшом числе списков, то есть они переписывались мало, а «Слово», историческое сочинение вне летописного контекста, и вовсе почти не интересовало переписчиков, пока на него не обратил внимание автор «Задонщины». Мусин-Пушкинская тетрадь, таким образом, может быть второй или даже первой копией с оригинала конца XII века.

Библиографический список

1. *Гаврюшин Н.К.* Щукинская рукопись «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве и его время / под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1986. – С. 393–404.
2. *Елеонская А.С.* «Слово о полку Игореве» в русской школе XIX – начала XX в. // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVII веков. – М.: Наука, 1978. – С. 163–175.
3. *Жукович П.* Памяти профессора И.Е. Троицкого // Церковный вестник. – 1901. – № 32. – Стлб. 1009–1015.
4. *Каган-Тарковская М.Д.* Легендарные списки «Слова о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 48. – СПб.: Наука, 1993 – С. 68–73.
5. *Каринский Н.М.* Мусин-Пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве» как памятник псковской письменности XV–XVI вв. // Журнал министерства народного просвещения. – 1916. – Декабрь. – С. 199–214.
6. *Салмина М.А.* Списки «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 4. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – С. 45–46.
7. *Семенов В.Б.* По следам Олонецкого списка «Слова о полку Игореве» // Север (Петрозаводск). – 1989. – № 5. – С. 115–120.
8. *Творогов Л.А.* Письмо к акад. М.Н. Тихомирову // Вопросы истории. – 1948. – № 9. – С. 134–136.
9. *Творогов Л.А.* Памятники старины нашего Севера и их состояние // Бюллетень ЛОИК-ФУН [Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народов]. – Л., 1929. – Вып. 1. – С. 5–8.
10. *Троицкий И.Е.* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 336. – СПб., 1901. – С. 578–579.
11. *Творогов О.В.* Щукинский список «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – С. 247–248.

ЧЕЛОВЕК СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРЕДМЕТНОГО МИРА В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ*

В статье рассмотрены имена существительные, заместительно используемые для номинации частей тела человека в псковских народных говорах. Исследование выполнено на базе составленных выпусков Псковского областного словаря с историческими данными (выпуски 1–27, лексемы *а* – *поддьюхий*). Найдено 56 лексем, выполняющих такую заместительную функцию: 16 слов номинируют ноги человека, по 8 лексем использовано для вторичной номинации рук и головы, по 7 – для живота и глаз, 3 – для рта и т. д. Лексемы анализируются с точки зрения мотивировки – признака, сближающего обозначаемое и обозначающее, основания для их сближения, а также коннотации. Как показывает материал, преобладающее большинство ассоциаций имеет визуальное основание. Заместительные номинации привлекаются в тех случаях, когда реалии отличаются от нормы. В большинстве случаев это отличие в худшую сторону, а лексемы-заместители, таким образом, имеют пейоративную окраску.

Ключевые слова: Псковский областной словарь, псковские говоры, заместительные номинации, метафоры, сравнения, ассоциации, лексема, части тела, мотивировка.

Псковский областной словарь с историческими данными (ПОС) – уникальное произведение русской лексикографии. За 50 лет опубликовано 26 выпусков (27-й подготовлен к печати), в которых подробно описаны лексемы от *А* до *Поддьюхий* [3], как диалектные, так и общерусские. Одним из активно разрабатываемых аспектов изучения лексики в говорах является рассмотрение номинаций с точки зрения их мотивировки. И хотя ПОС еще далек от завершения, обилие уже описанных лексем (около 80 тысяч) позволяет делать достаточно убедительные выводы.

В ПОС представлено 56 слов, периферийно номинирующих части человеческого тела. Чаще всего (16 раз) заместительную номинацию получают *ноги* человека. Далее следуют *руки* и *голова* (по 8 слов), *живот* и *глаза* (по 7 лексем). Трижды слова, соотносимые в основном значении с предметами, номинируют *рот*, дважды – *лицо* человека, по одной заместительной номинации получают *кулак*, *пальцы*, *ногти*, *зубы*, *волосы*, *сердце*, *горб* и *задняя часть тела*. Представляется не случайным количественное превосходство одних групп над другими. Руки и ноги выполняют важнейшие функции передвижения и осуществления различных действий. Поэтому для человека крайне важны их физическое состояние и способность справляться с задачами. Голова, подобно рукам и ногам, явно выделяется при визуальном восприятии человека, но, что не менее важно, является вместилищем головного мозга – органа, отвечающего за интеллектуальную деятельность.

Заместительные номинации *ног* в ПОС следующие. Это *веретёшки* (веретёна), *лутайшки* (палки), *мослы*, *мостольги* и *мостольжки* (кости), *ниточки*, *повесьмы* (пряди льноволокна), *лешинки* (чурки, поленья на веревке для проведения борозды), *костыли*, *костыги* (то же, что костыли), *кочерыги* (кочерги), *крючки*, *дубины*, *копылы* (ко-

лодки для изготовления обуви) и *лешилки* (чурки). Также в данную группу может быть включено сравнение *ноги* как *дубовые*. Контексты прозрачны и поясняют причины переносов: *Жэна брата такая суханькая, ношки как виритёшки; И ноги – шиё две лутайшки; Лытачки на нитачки – здохлая была; У мяня тапёрь мастальги тонкия. Как тонкия ноги, гаварят: ты чаво сваи мастальги выставила.*

Цитаты однотипны (тонкие ноги сравниваются с тонкими предметами), но различаются по коннотации: в отличие от большинства других контекстов эти не являются абсолютно пейоративными. В первой цитате употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов создает явно мелиоративную окраску.

Следующие четыре цитаты еще более похожи одна на другую: *Цаво ты сваи кастыги вытинула?; Тожа, кастыли вытинула да самава парога; Не вытягивай свои лешилки; Убери свои мослы под лафку, а то не пройди.*

Контексты эмоционально окрашены: говорящему не нравится, что ноги другого человека оказываются на проходе. Из-за этой прагматической нагруженности невозможно определить, отличаются ли именуемые таким образом реалии по какому-либо параметру от нормы. Вместе с тем последняя цитата предыдущей подборки содержит указание на то, что слова-заместители привлекаются для характеристики реалий, отличающихся от нормативных. Тем более что все четыре лексемы, как и предыдущие, в основном значении именуют тонкие предметы.

Следующие номинации используются для указания на другие отличительные признаки: *А у мяня ноги – как качарыги.*

Говорящий таким образом указывает на сильную искривленность ног: *Батька начнёт драть – так падьмиши крючок да поталаку!* В данном случае речь идет о временном согнутом положении

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-04-00213-а «Псковский областной словарь с историческими данными».

ноги, а не о постоянном ее свойстве, как в предыдущем примере.

В следующих трех цитатах информант также использует понятные всем носителям диалекта визуальные сравнения: *Копылы – но́ги неуклю́жые; Он был мертвѣцки пьян, еле шол, но́ги балта́лись как навѣсьма; Нок ня падымая, вало́ца, как ляшы́нки, как ба́ба ста́рая.*

При этом характеризуются уже не сами ноги, а способ их перемещения.

В двух следующих цитатах говорящий употребляет при обозначении своих ног не зрительные, а тактильные ассоциации: *Ани́ век таки́е, нага́ анна́ ня гнё́цца, каг дуби́на; Нага́м стал сла́бый, с кру́пу но́ги как дубо́выи зде́лаюца.*

Наконец, в одной цитате информант называет свою ногу (вернее, часть ноги, голень) *мостолы́ж-кой: Атишы́мили маста́лышку в дѣверя́х.*

Возможно, что только в данном случае лексема имеет производное номинативное значение, а не экспрессивно-синонимическое, поскольку оценка здесь отсутствует. Чего нельзя сказать о следующем контексте: *Ужэ́ маста́лыги ма́й ни иду́ть.*

Здесь говорящий не просто констатирует неспособность своих ног хорошо справляться с их основной функцией, но и использует для их обозначения оценочную лексему.

Для заместительной номинации **рук** псковские говоры используют лексемы *ни́точки, повѣсьмы, клюки* (крюки), *крюки, гора́* (бугор, кочка), *па́лки, гра́бли*, а также эпитет *горо́ховые*.

По-прежнему маркируются отличия реалии от нормы. Очень худые руки сравниваются с палками и ниточками: *Таки́и сухи́и ру́ки и бы́ли как па́лки; А сама́ пахудѣла, ру́чки как ни́тачки, но́шки то́нинькии.*

Руки, потерявшие способность выпрямляться – с изогнутыми предметами: *Ру́ки как клюки; У ба́бы ла́пы-та ста́ли, как крюки.*

Вяло висящие, неловкие и бездеятельные руки – с прядями волокна: *Што ф тя́бя ру́ки-та как навѣсьма?; Ру́ки па́том как навѣсьма ста́ли, ни́ужая ана́ никуды́.*

Неловкие, неумелые руки называются гороховыми: *От эта́т никада́ мала́ка ни нальѣтъ так, как на́да. Усе́ уа́рохавыи ру́ки – а эта́ таки́и ваны́: пакы́ в их бе́риши, так ы баи́шиса, што ни вде́ржал.*

Опухшие руки уподобляются буграм, кочкам: *В ба́бы бы́ли ру́ки распу́хшиы, каг го́рья; Як ма́й ру́ки разавьѣю́цца, апахѣ́тъ, станѣ́тъ уа́рой.*

Онемевшие руки сравниваются с палками: *Ру́ки да́жа адубя́нѣли, ста́ли как па́лки* (поскольку утрачивают способность гнуться), а также кажутся говорящему наполненными чем-либо: *Пакаси́ла – рука́ как амѣ́ля насы́пан. Ле́н тре́плют, ка́стра – как той ка́строй насы́пан.*

В последней цитате ассоциация имеет не визуальную, а тактильную основу.

Наконец, рабочие руки крестьянина, привыкшие к самой разной работе, называются граблями: *У них [горожан] ру́ки ни таки́и, как в нас гра́бли.*

Как видим, почти во всех контекстах речь идет о руках, которые отличаются от нормы в худшую сторону, что для рабочей части тела, безусловно, оценивается пейоративно. Отрицательная оценочность не только заложена в заместительных номинациях (*па́лки, крюки, грабли, гороховые*), но и вербально выражена в цитатах (*Ру́ки па́том как навѣсьма ста́ли, ни́ужая ана́ никуды́*). Пожалуй, только сопоставление тонких рук с нитями (*ручки как ни́точки*) лишено отрицательной окраски: говорящий явно выражает сочувствие похутившему человеку.

При обозначении **головы** используются лексемы *копы́л* (колодка), *лука́шка* (луковица), *кочешо́к* (кочан), *одо́нок* (округлый стог), *горшо́к, кубы́шка* (кувшин, колодка), *котело́к*, а также эпитет *дубо́вая*.

В данной группе также преобладают зрительные ассоциации: *Галава́ у нево́ што капы́л; У Ки́рюхи галава́, как лука́шка.* А также: *Валаса́ харо́шыи насѣ́ли, как кача́шки гало́фки* (об аккуратно причесанных волосах); *Во́льга, у тя́ галава́ как адо́нак.*

Отличие двух последних сравнений состоит в том, что копылу и кубашке голова уподобляется по своему постоянному признаку (форме), а кочешку и одонку – по признаку переменному (тому виду, который приобретается благодаря прическе).

То же основание для переноса (сходство по форме) можно усмотреть в употреблении слова *кубы́шка: Сѡвисти́ нет, и кубы́шка ни рабо́таи.*

Однако в данном случае речь идет уже не столько о части тела человека, сколько о сознании.

В основе общерусского фразеологизма *котелок варит (не варит) у кого-л.* также лежит визуальное уподобление головы округлому предмету, осложненное переносным значением глагола: *Да, катяло́к ф тибя́ варить; В яво́ ма́ленька катяло́к ня ва́ря.*

Для номинации больной головы информант употребляет слово *горшо́к: Фстаѣ́ши – фсе́ галава́ балит, но́сиши тако́й гаршо́к на пля́чах.*

Ассоциация основана на физическом восприятии тяжести больной головы (то же – в общерусском устойчивом сочетании *голова чугу́нная*). Вместе с тем визуальная основа в таком сближении тоже присутствует, поскольку чугу́нный горшок имеет округлую форму.

Употребление эпитета *дубо́вая* по отношению к голове касается, безусловно, уже не части тела человека, а ее содержимого – ума, сознания: *А у ма́льца галава́ дубо́ва, учи́ца ня мо́жэ ай́ ня хо́че, ня знаю́.*

В данной группе нет существенного преобладания лексем с отрицательной оценкой. Возможно, сходство головы с луковицей и с колодкой, а прически с одонком имеет долю негативной коннотации, но в то же время сопоставление реалии с кочешком явно мелиоративно. Использование слов *кубы́шка* и *котелок* по отношению к голове нейтрально, по-

сколькo оценка заключается в наличии или отсутствии отрицательной частицы при сопутствующих глаголах. Несомненно пейоративны в приведенных контекстах только лексемы *горшок* и *дубовая*.

Живот в псковских говорах получает такие названия, как *кошель* (мешок), *копиу́к* (мешочек для табака, кисет), *ке́зик* (деревянный ковшик и деревянное ведро), *косты́г* (толстое изогнутое шило), *лу́бка* (плетеная корзина, сосуд из коры), *луке́шка* и *севня́* (корзина). Большая часть этих лексем привлекается для номинации большого, выпуклого живота, вызывающего визуальные ассоциации с округлыми предметами: *Ана така́я талста́я, ана́ как полмоёт – так каше́ль трясе́ца; Вы́ставил жы́вот, как копиу́к; Пу́за у ниво́ как касты́к* (выпуклое); *Пу́зото вы́ставила, што сьявню́, луке́шка-та*.

Очевидно, что подобное отличие характеризующей части тела от нормы оценивается отрицательно.

В оставшихся контекстах речь идет о животе как таковом: *Што лу́пку-то набива́йти; Ня е́ш зялёны-та* (яблоки) – *заво́иш, как кезы́к-та забали́т*.

Вместе с тем для номинации и в данных случаях используются слова, которые в основном своем значении соотносятся с округлыми предметами. Большинство слов, заместительно называющих живот, первоначально служат для номинации каких-л. емкостей (корзина, ведро, мешок, кисет). Последние две реалии, подобно животу, округляются при их наполнении содержимым.

Глаза получают переносные номинации *ла́мпочки*, *пло́шки*, *полтинники*, *ло́жки*, *лубя́нки* (большая корзина), *осо́чинки* (ласковое от осока) и *голове́нь* (головня). Все они привлекаются на визуальной основе. Чаще особыми словами маркируются большие глаза: *Дай-ка, Са́шка, вады́та! Глаза́ на пло́шки – ни видят ни кро́шки! Разу́й палти́ники-та – еван кру́шка-та стаи́ за вядром!; Глаза́ на ло́шки – не видят ни кро́шки; Глаза́ што лубя́нки бе́лые, а ня ви́ди*.

При этом большой размер глаз, подчеркнутый употреблением слов, называющих крупные предметы, противопоставляется их неспособности видеть. В ряде случаев речь идет не столько о величине глаз, сколько об их выпученности (*Сижу́ как дуркава́та, глаза́ вы́дулены как ло́шки*). Все приведенные контексты имеют пейоративную окраску (что представляет интерес, поскольку в литературном языке большие глаза, как правило, оцениваются как красивые).

В одном случае лексема-заместитель привлекается для номинации узких глаз: *Гла́ски што асо́чинки праре́заны кита́йские*. В одном случае речь идет о цвете глаз: *У на́шэй Ма́шы глаза́, как голове́нь, чо́рныи*. И в одном случае – об их внутреннем свете: *Глаза́ чу́дные, как ла́мпачка*.

Последние три контекста лишены отрицательной оценочности.

Рот человека называется в ПОС такими словами, как *коры́то*, *киби́тка* (коробочка с крышкой), *мя́лка*, *мя́ла*, *мя́ло* (устройство для разминания стеблей льна, конопли). Все ассоциации визуальны. В свободном употреблении при номинации рта встречается только слово *мя́лка*: *А рот яши́е и мя́лкой называ́ють; Стака́н пиха́еш в мя́лку – и ла́дна; Он стаи́т, штоб яму́ бы в мя́лку вли́ли [водки]; Наби́л це́лую мя́лку хле́бом*.

Фиксация данного сопоставления в пяти районах Псковщины свидетельствует о его распространенности в диалектах, а его наличие в Опытте [2] (последняя цитата) – о давности появления в народной речи. Устойчивость его подтверждается и целым рядом фразеологизмов:

– *По полной мя́лке* (есть) ‘вдоволь, досыта’: *Быва́ла, еш на по́льной мя́лки*.

– *Работать на чью-л. мя́лку* ‘содержать кого-л. на иждивении’: *Рабо́тай на яво́нную мя́лку!*

– *Во всю мя́лку крича́ть* ‘очень громко’: *Что кричи́ш во фсю́ мя́лку?*

– *Мя́лку разева́ть* (разинуть, раскрыть, ширить) ‘громко кричать, плакать, браниться’: *Не разева́й мя́лку – ве́зде в дярэ́вне слы́хат; Вот захле́ба! Заце́м мя́лку разива́еш?; Ня раскрыва́й сваю́ мя́лку!; Что мя́лку шы́риш?*

– *Закры́ть* (заткнуть, затиснуть) мя́лку (мя́ло) ‘замолчать’: *Закрой сваю́ мя́лку!; Ни балта́й, заткни сваё́ мя́ла!; Иной рас забрани́ссия и ска́жыш: Закрой сваё́ мя́ла! Затисни сваё́ мя́ла!*

– *Мя́лку набить*: а) ‘наестся’: *Ну што, ты мя́лку наби́л?; б) ‘устать говорить’: Гавари́ла-гавари́ла – а́жна мя́лку наби́ла*.

– *Мя́лку дра́ть* ‘громко говорить, кричать’: *А де́фки фсю́ ноч мя́лки дра́ли и спа́ть не дава́ли*.

Устойчивость данного сопоставления (рта и устройства для разминания стеблей) приводит к появлению у лексемы *мя́лка* экспрессивного значения ‘обжора’: *Чаво́ кричи́т? Вот мя́лка, как бу́тто не по́ела*.

Слово *коры́то* употребляется в устойчивом сравнении: *Я кагда́ вы́пью, у ми́ня рот кары́том – петь ха́чу; Рас мужы́ки е́дут – пья́ныи, рот кары́там*.

А также во фразеологизме *рот кары́том* (спать ‘с широко открытым ртом’: *Во, говоря́т, спит, рот кары́там. Аткры́т; Ахти то́шненьки, спали рот кары́там*.

Последнее слово, выступающее как номинация рта, – *кибитка* в значении ‘коробочка с крышкой’. Оно реализует свою заместительную функцию только в составе фразеологизма *откры́ть кибитку* – ‘начать говорить, болтать’: *Што где услы́шят – и иде́т к сасе́тке, кибитку аткро́ет – и фсе́*.

В качестве экспрессивных обозначений **лица** псковские говоры используют две лексемы – *коры́то* и *ма́ска*. При этом первое слово употребляется в форме творит. падежа сравнения – *харя*

корытом 'о тупом выражении лица': *Настолька пьянай, што у няво хара карытам.*

Зато имя сушц. *маска* выступает как полноценный экспрессивный заместитель слова *лицо*: *А у яво маска-та вон какая балышайя – есть многа; Приехал жаних. Я вижу, што маска не маладая.*

Остальные замены единичны. Все они строятся на визуальных ассоциациях: большой размер *кулака* послужил мотиватором для обозначения его словом *кувшин*, что было записано Копаневичем [1], зрительная ассоциация объединяет:

– *горб* и *пирог*: *Горан у ниво как пирок насажын;*

– седые *волосы* человека и *кудэлю*: *Падйэхал киньшишк. Галава белая, как куделя;*

– *ногти* и *лемех* (рабочую часть плуга): *Нокти – как лимяхи, толстыи, абитыи* и т. д.

Сравнение *зуб* человека с *отапками* – изношенными, стоптанными лаптями – осложняется пейоративной окраской: *Губы – как атапки, толстыи, как лапти растоптанныи.*

А сравнение волос с волокном имеет не только зрительную, но и тактильную основу: *В мяня воласи были, што куделина* (густые и мягкие); *Волосы-то запутались, што куделя – не расчесать.*

Последние два сопоставления носят иной характер. Одна замена эвфемистична, поскольку речь идет о *задней части тела*, которую говорящий

именует при помощи слова *ободворок* – многозначной лексемы, в основном значении соотносимой с придомовым участком, в шестом – с задним двором и, наконец, в седьмом – с частью тела человека: *Растят свой абазворак.*

В другом случае речь идет о материнском *сердце*, которое сравнивается с *лыком*, *лычком* – гибким, податливым материалом: *Материно сердце как лычко – ва фсе стороны сагнэца.*

Таковы все сопоставления частей тела человека с теми или иными реалиями, зафиксированные в ПОС. Преобладающее большинство ассоциаций имеет визуальное основание. Кроме того, заместительные номинации привлекаются в тех случаях, когда реалии отличаются от нормы. В большинстве случаев это отличие в худшую сторону, а лексемы-заместители, таким образом, имеют пейоративную окраску.

Библиографический список

1. Копаневич И.К. Словарь псковских слов. 1902–1904 гг. – Рукописный отдел БАН, шифр 25.4.1.
2. Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852. – 275 с.
3. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26. – Л.; СПб.: Изд-во Лен. ун-та: Изд-воСПбГУ, 1967–2016.

Вендина Татьяна Ивановна
 доктор филологических наук, профессор
 руководитель центра ареальной лингвистики,
 Институт славяноведения РАН, г. Москва
 vendit@rambler.ru

ДИАЛЕКТНОЕ СЛОВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА*

Статья посвящена анализу лингвистического прогноза об отмирании диалектов в условиях социальной интеграции и индустриализации общества. Долг диалектологов перед отечественной культурой и наукой состоит в том, чтобы собрать все то, что еще живо в народной памяти и сохраняется в русской народной речи. Существующая сегодня инерция негативного отношения к изучению русских диалектов должна быть преодолена как мешающая поступательному движению русистики вперед. Сегодня следует возродить интерес к изучению диалектов, повысить их ценность как памятника нашей культуры и истории. Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что многие диалектизмы сформировались в глубокой древности, но, несмотря на это они до сих пор сохраняют свою жизненную силу. Об этом красноречиво говорят их ареалы, локализующиеся в диалектах разных славянских языковых групп. О жизнестойкости диалектов свидетельствуют и материалы национальных атласов славянских языков, особенно лексических атласов. Диалектная категоризация мира отличается от литературной, так как диалекты имеют свой взгляд на окружающий мир. Необходимость понятийного расчленения того или иного семантического пространства диалектной картины мира продиктована самой логикой организации традиционной духовной культуры.

Ключевые слова: славянские диалекты, русские диалекты, лексикография, лингвогеография, эксклюзивные лексемы, диалектная модель мира.

Посвящается Нине Семеновне Ганцовской, чье живое, полное любви и творческой силы отношение к народному слову способствует укреплению интереса к русским диалектам

Логика развития русской диалектологии в XXI в. и само ее существование как науки привели к необходимости интенсивного изучения диалектов. Это задача является сегодня особенно актуальной потому, что на современном этапе развития социальной жизни процессы изменения говоров, утраты в них специфически диалектного протекают особенно интенсивно. Именно поэтому долг диалектологов перед отечественной культурой и наукой состоит не в последнюю очередь в том, чтобы собрать все то, что еще живо в народной памяти и сохраняется в русской народной речи. Существующая сегодня инерция негативного отношения к изучению русских диалектов (особенно в педагогических вузах, следствием чего является сворачивание курса диалектологии, отмена диалектологической практики) должна быть преодолена как мешающая поступательному движению русистики вперед. Более того, сегодня следует возродить интерес к изучению диалектов, повысить их ценность как памятника нашей культуры и истории, ибо, по мысли А.А. Шахматова, «только так мы сможем привить любовь к своему отечеству, уважение к его прошлому, а также веру в его будущее» [16, с. 89].

Следует отметить, что негативное отношение к изучению диалектов имеет давнюю традицию. Оно восходит к социальной теории этнического языка, получившей широкое распространение при социализме. В соответствии с этой теорией диалекты как элементы «старого качества» (носителем

которых было «отсталое крестьянство», которое в силу своей «мелкобуржуазной сущности» тормозило движение общества вперед) должны будут исчезнуть в условиях бесклассового общества и развития элементов «нового качества». Позднее этот тезис получил теоретическое обоснование в известной сталинской статье «Марксизм и вопросы языкознания», где заявлялось, что диалекты, представляющие собой ответвления от общенародного национального языка, «лишенные какой-либо языковой самостоятельности, обречены на прозябание». Эпоха строительства социализма породила своеобразный социальный заказ, связанный с дискредитацией старых народных традиций, народной культуры и соответственно диалектов. Поэтому интерес к изучению народного языка расценивался как реакционный, «тянувший язык к отсталым формам быта, к отсталой идеологии эксплуатируемых и невежественных масс» [3, т. 1, с. 14].

Вместе с тем, как показала история, эти лингвистические прогнозы вступают в противоречие с процессами, реально протекающими в русских и шире – в славянских диалектах, а потому они нуждаются в серьезной корректировке. Об этом красноречиво свидетельствуют, прежде всего, материалы «Общеславянского лингвистического атласа», которые позволяют по-новому взглянуть на современное состояние и развитие этой языковой ситуации.

На картах Атласа устойчиво повторяется один и тот же ареальный сценарий распределения диалектной и литературной лексики, свидетельству-

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-04-00013 «Личные черты человека в славянских диалектах. Лингвогеографический аспект»).

ющий о лексической дробности диалектного ландшафта всех славянских языков, что говорит о высокой степени лексической вариативности единиц, находящихся в отношениях дополнительного распределения. Уже этот факт свидетельствует об устойчивости лексических диалектизмов во всех славянских языках.

При этом следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что многие диалектизмы сформировались в глубокой древности, но, несмотря на это, они до сих пор сохраняют свою жизненную силу. Об этом красноречиво говорят их ареалы, в частности межславянские лексические изоглоссы, локализующиеся в диалектах разных славянских языковых групп (ср., например, следующие изоглоссы: слн.-хрв.-серб.-блг.-чеш.-плс.-укр. *dobr-ъ* к. 65 'вкусный'; серб.-мак.-блг.-блр.-укр. *žej-ъk-ъ* к. 48 'горячий'; блг.-слц.-плс.-укр.-рус. *pol-u-dьn-e, pol-ъ-dьn-e* к. 59 'обед, еда в дневное время'; мак.-укр.-блр.-рус. *вѣх-ъ* к. 36 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки' и т. д.).

Карты «Общеславянского лингвистического атласа» свидетельствуют еще об одной яркой особенности славянских диалектов – их динамичности. Она проявляется в том, что все славянские диалекты способны к активному порождению эксклюзивных лексем, которые отличительно характеризуют каждый славянский язык либо на всем пространстве Славии, либо в пределах его языковой группы.

Понятно, что эти эксклюзивные лексемы образовались в диалектах не вчера и не сегодня. Многие из них сформировались в глубокой древности, однако их жизнь продолжается и в настоящее время. В русских диалектах это, как правило, лексемы, отличительно характеризующие говоры севернорусского наречия. Они имеют так называемые «маргинальные» ареалы, которые довольно равномерно расположены в периферийных областях севернорусского наречия. Эти ареалы имеют обычно неровные контуры границ, что, в соответствии с теорией лингвогеографии, свидетельствует об архаичном характере данной лексемы, оттесненной «иррадиацией волн» из центра на периферию. Такой тип ареала характеризует, например, лексему *prost-ъ* (*pros'toj*) 'пустой, ненаполненный', распространенную в архангельских, вологодских и костромских говорах. На ее бывшее существование в русском языке указывают памятники древнерусской письменности (ср.: *простын* 'пустой' [13, т. 2, с. 1583]).

Однако среди эксклюзивных лексем немало и таких, которые сформировались значительно позднее, т. е. они являются уже фактом собственной истории тех или иных диалектов. Ср., например, распространение в русских диалектах таких лексем, как *гѣrb-uš-ъk-a* (*gor'buška*) 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка'; *ob-čist-ъk-y* (*o'č'istk'i*) 'кожура, снятая со старой картош-

ки'; *už-in-ъ* ('užьm) 'ужин, вечерняя еда'; *vorп-ъk-a* (*vo'ronka*) 'воронка для переливания жидкости в сосуд с узким горлом': ареалы этих русских эксклюзивов характеризуется высокой плотностью, контуры их являются практически ровными (часто совпадающими с государственными границами России), что свидетельствует об их сравнительно позднем образовании.

На позднее образование многих русских эксклюзивов указывает и их словообразовательная структура. В большинстве своем они представлены производными лексемами (ср. *kvaš-en-ъk-a* (*kva'šonka*) 'деревянное корыто, выдолбленное из одного куска дерева'; *u-stoj-ъk-ъ* (*us'tojek*), *sъn-jьm-ъk-y* (*s'nimki*) 'густой жирный верхний слой свежего отстоявшегося молока, сливки'; *гѣrb-ъk-ъ* (*gor'bok*) 'первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка' и т. д.), что само по себе свидетельствует об их позднем происхождении, так как лексемы, структура которых в словообразовательном отношении прозрачна, являются поздними образованиями. Обращение к древнерусским словарям подтверждает это предположение, так как многие русские эксклюзивные лексемы либо отсутствуют в памятниках древнерусской, либо фиксируются в ином значении.

Таким образом, материал «Общеславянского лингвистического атласа» свидетельствует о том, что в диалектах идет процесс перманентного обновления их лексического состава. Одни лексические единицы с течением времени теряют свою образность и свежесть и уходят на периферию, тогда как на их место приходят другие, более яркие и выразительные.

О жизнестойкости диалектов, и в частности лексических диалектизмов, свидетельствуют и материалы национальных атласов славянских языков, особенно лексических атласов. В качестве иллюстрации можно привести ситуацию в русских диалектах, отраженную на картах «Лексического атласа Московской области» А.Ф. Войтенко. Находясь в непосредственной близости к крупнейшему административному и культурному центру, способствующему утрате или нивелировке диалектных особенностей, эти говоры как будто бы должны были давным-давно исчезнуть, однако они довольно хорошо сохранили свою лексику, демонстрируя жизненную силу, богатство и образность народного языка (ср., например, такие диалектизмы подмосковных говоров, как *пунька* 'постройка для хранения мякины' (ю.-зап.), *творило* 'подъемная дверь в погреб' (юг), *голбец* 'деревянная пристройка к печи в виде лежанки' (сев.), *рогач* 'ухват' (ю.-вост.), *наливка* 'половник' (зап.) и др.). И если это богатство сохранилось в условиях наименее «благоприятных» для выживания диалектного слова, то есть надежда его обнаружить в местах более удаленных от центра.

Справедливость этого предположения доказала развернувшаяся работа по созданию «Лексического атласа русских народных говоров» (материалы для которого собирались в полевых экспедициях в 80–90 гг. XX в.). Карты этого атласа демонстрируют довольно хорошую сохранность лексических диалектизмов (ср., например, распространение таких лексем, как *векша*, *мышь* ‘белка’; *бирюк*, *бирючина* ‘большой медведь’; *бачажинник*, *бачажник* ‘густые заросли кустарника’; *гайна*, *гойна*, *гарна*, *гарно*, *гнездо* ‘нора небольшого зверя’ и др.), причем многие из этих диалектизмов были зафиксированы впервые, ибо их нет даже в таких солидных изданиях, как «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля и академический «Словарь русских народных говоров».

Несмотря на то, что после выхода в свет словаря В.И. Даля прошло более ста пятидесяти лет, русские диалекты не утратили своего лексического своеобразия, что особенно ярко проявляется в наличии в них таких слов, которым в литературном языке нет однословного эквивалента, а имеются лишь описательные конструкции (ср., например, лексемы, представленные на карте ‘густые заросли кустарника’: *бачажник*, *густарник*, *зарастель*, *кустарщина*, *палешник*, *чапарыжник*, *частельник* и др.).

Широкомасштабное лексикографическое и лингвогеографическое изучение диалектов во всех славянских странах, начавшееся с середины XX в., развернувшаяся работа по созданию диалектологических атласов показали ошибочность утверждений об отмирании диалектов в условиях социальной интеграции, так как обнаружили огромные пласты хорошо сохранившейся диалектной лексики.

Это хорошо видно, например, на картах опубликованного недавно «Словенского лингвистического атласа» (*Slovenski lingvistični atlas*. Ljubljana, 2011), большая часть материала которого собиралась в XX в. (последняя запись датируется 2011 г.). Многие карты этого атласа изобилуют диалектизмами, притом что литературные лексемы имеют лишь небольшие ареалы (см., например, карту 22 ‘*ustnice*’ (губа), на которой наряду с литературным названием *ustnice* широко представлены диалектизмы *žnablja*, *žnabljica*, *šobec*, *šobica*, *trobec* и др.).

Таким образом, и национальные атласы славянских языков, и «Общеславянский лингвистический атлас» свидетельствуют о консервативности славянских диалектов, на протяжении многих веков успешно противостоящих внешним влияниям, а также тенденции к стандартизации. Эта сопротивляемость славянских диалектов в процессе их контактирования между собой и с литературным языком способствует консервации отдельных узколокальных лексем, что ведет к появлению эксклюзивов. Более того, наличие эксклюзивных образований свидетельствует не только о высокой степени сопротивляемости славянских диалектов,

но и об их саморазвитии, так как возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия как от литературного языка, так и от других диалектов.

В этой связи закономерно возникает вопрос: в чем причина этой лексической устойчивости диалектов в условиях процессов социальной интеграции, протекающих во всех славянских странах?

Ответ, по-видимому, следует искать в самой традиционной культуре, в своеобразии ее языковой картины мира, поскольку восприятие и осмысление человеком мира является производным от его культурно-исторического бытия. Так, в частности, анализ русской диалектной языковой модели мира (подробнее см. [1] показал, что в отличие от литературного языка она имеет иную номинативную логику и соответственно отражает иную классификацию человеческого опыта, так как ее когнитивная сетка, «набрасываемая» на окружающий мир, оказывается более густой. Необходимость понятийного расчленения того или иного семантического пространства диалектной картины мира продиктована самой логикой организации традиционной духовной культуры. Лексическая детализация ее языка связана с реальной практической потребностью диалектоносителей (так, например, для носителя литературного языка неважно, какие последствия для сельского хозяйства повлечет за собой дождь, а для крестьянина – важно, откуда лексемы *сенокной* ‘мелкий продолжительный дождь во время сенокоса’ Тобол., Тюмен., Курган., Том., Кемер., Иркут., Хабар., Свердлов., Перм., Ярослав., Арх., Карел., Олон. [11, вып. 37, с. 170]; или *огуречник* ‘теплый грибной дождь в конце июня’ Орл. [11, вып. 22, с. 365]). Как видно из приведенных примеров, эти диалектные лексемы не имеют в литературном языке однословных соответствий, а передаются описательными конструкциями, т. е. номинативные принципы освоения этой семантической сферы литературного языка здесь просто не работают. Поэтому диалектная категоризация мира отличается от литературной, так как диалекты имеют свой взгляд на окружающий мир¹. В них ярко выражена зависимость от внешних условий бытия, близость к натуральному хозяйству, исконным занятиям крестьянина, парцелирование объектов познания, антропоцентризм и субъективизм. При этом «сознание не просто дублирует с помощью знаковых средств отражаемую реальность, а выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства, конструирует их в идеальные обобщенные модели действительности» [8, с. 12], т. е. объективный мир членится человеком с точки зрения категорий ценности. Поэтому это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество, в котором семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет для кре-

стьянина практическую ценность в повседневной жизни, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет ему ориентироваться в окружающем его мире.

Кроме того, диалектная картина мира отличается от литературной «своим естественным характером, поскольку она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, близость к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется никакой кодификацией... Поэтому диалектоноситель иначе “ословливает” окружающий мир, рисует иную картину бытия, чем носитель литературного языка, опираясь на возможности своего диалекта, развивая и обогащая их» [10, с. 25]. Не случайно известный немецкий диалектолог Ф. Штро, говоря о соотношении диалекта и литературного языка, отмечал: «Диалект рисует в красках то, что литературный язык представляет лишь в общих очертаниях» [17, с. 247]. Это своеобразие диалектной номинативной логики лексической параметризации окружающего мира делает их устойчивыми к внешним влияниям, позволяет «без перерождения выдерживать напор этих влияний» [9, с. 175] и противостоять интеграционным процессам. Не могу в связи с этим не привести точку зрения Л.Э. Калнынь, которая, исследуя этот процесс на фонетическом материале, пришла к сходным выводам: «Разного вида контакты, в которые вступают русские диалекты с литературным языком, не приводят к устранению диалекта ни путем его замены стандартной формой, ни путем его включения в диалектно-литературное двуязычие... Диалекты, существующие в условиях территориальной и временной преемственности, вопреки официальной языковой политике демонстрируют структурную устойчивость (консерватизм), естественно присущую живому языку. Это заставляет с сомнением относиться к тезису, согласно которому русские диалекты в современной языковой ситуации якобы занимают периферийное место, отведенное языковым реликтам» [4, с. 119, 123].

Однако причины структурной устойчивости диалектов кроются не только в своеобразии их языковой картины мира, но и в наличии общих культурных традиций, которые способствуют сохранению целостности ареала. «Целостность ареала задается не однородностью этнического состава, не прочностью экономических связей, не политическим устройством, не одинаковостью истории, не всеобщностью языка, а той общностью, которую мы разумеем под расплывчатым понятием “культура” и которую прекрасно ощущают представители одного народа, одной нации как высшее единство» [14, с. 45]. Кроме того, этому в немалой степени способствует континуальность диалектов, междиалектные контакты которых препятствуют влиянию литературного языка.

Следует, однако, признать, что все эти факты нельзя абсолютизировать. Процессы нивелировки диалектов под влиянием, прежде всего, социальных факторов, конечно, протекают. Об этом свидетельствует и изменение образа жизни деревни (и здесь немалую роль играет процесс индустриализации общества), и сужение круга диалектоносителей, и высокий процент среди них образованных людей, и утрата прежней социально-демографической и территориальной замкнутости, локальной ограниченности, и отсутствие социальной коммуникативной престижности диалекта, и т. д.

Нельзя не учитывать и фактор влияния литературного языка. Однако, не отрицая значимости этого фактора, следует признать, что «диалекты и литературный язык представляют собой разнорядковые явления, взаимодействие которых вряд ли можно интерпретировать столь упрощенно. Тем более, если учесть, что значительная часть сельского населения является лишь пассивным, а отнюдь не активным пользователем литературного языка. Это означает, что уровня их языковой компетенции вряд ли достаточно для порождения корректного с точки зрения литературной нормы текста» [7, с. 170].

В связи с этим закономерно возникает вопрос: можно ли противостоять процессам разрушения диалектов? Думается, что ответ на этот вопрос должен быть утвердительным.

Оптимизм вселяет, прежде всего, сама лексическая система диалекта, с ее своеобразной номинативной логикой когнитивного освоения мира. Диалект – это такой же язык, как и любой другой, обладающий свойствами социальной предназначенности, выполняющий коммуникативную, когнитивную и эпистемическую функции. Благодаря этим функциям осуществляется межгенерационная диахроническая трансляция духовных ценностей, достигается духовная преемственность нации, сохраняется этническое самосознание, стабильность этнической традиции.

Необходимо принять во внимание и такую важную особенность диалектов, как их консерватизм. Сочетание в лексической системе диалекта двух прямо противоположных тенденций – динамики и консерватизма – является следствием общего механизма эволюции словарного состава любого языка, основанного на кумулятивном принципе. Именно этот принцип позволяет сохранять лексическую систему диалектов во времени в значительно большей степени, чем фонетическую или морфологическую. И это хорошо видно на картах «Общеславянского лингвистического атласа», которые продемонстрировали высокую степень сохранности праславянского лексического элемента во всех диалектах славянских языков.

Поэтому, пока будет жива традиционная духовная культура, до тех пор будут существовать

и диалекты. В этой связи нельзя не вспомнить слова Ф. де Соссюра, говорившего о том, что «нельзя найти в самом языке возможности прекращения его существования, только случайное событие, насилие или непреодолимая высшая сила внешнего характера могут уничтожить его» [12, с. 17].

Оптимизм поддерживает и получающая в последнее время все более широкое распространение точка зрения на диалекты как на особую систему, *равноположенную литературному языку*, отказ от принципа субординативного построения модели национального языка как литературноцентрической. «Статус диалекта как гносеологического феномена следует рассматривать как зависимую от конкретной диалектной и культурной ситуации в данной стране характеристику. Это позволяет отказаться от распространенных суждений о диалекте как о “подсистеме”, “варианте конкретного языка”, “вымирающем явлении”, “реликте прежних эпох” и т. п. Этим суждениям следует противопоставить рассмотрение каждого диалекта как уникального пути освоения действительности, подлежащего как можно более тщательной фиксации и осмыслению в рамках консервативной диалектографии» [10, с. 25].

Оптимизм поддерживает не только сама система языка, но и механизмы его усвоения. Отмечено, что среди диалектоносителей выделяются в основном две генерационные группы – дети и люди пожилого возраста. Однако, как показали исследования, навыки владения диалектной речью подсознательно сохраняются и у представителей среднего поколения даже тогда, когда они становятся активными пользователями литературного языка. В старости эти навыки снова актуализируются, и среднее поколение вновь возвращается в лоно своего диалектного языка.

Оптимизм вселяют не только внутриязыковые факторы, но и экстралингвистические, в частности сама история славянских диалектов в XX в. Социальные потрясения, которые пережили все страны в связи с двумя мировыми войнами, локальные войны в южнославянских странах, миграционные потоки населения, диалектные смешения, политическая компрометация крестьянства, драматические по своим последствиям социальные эксперименты (революция, коллективизация, раскулачивание, сознательное уничтожение бесперспективных деревень, как это было в России в середине XX в.) – все эти социальные катаклизмы не смогли уничтожить диалекты. Об этом свидетельствуют, с одной стороны, национальные и лексические атласы славянских диалектов, а с другой – «Общеславянский лингвистический атлас». Все они демонстрируют огромные пласты сохранившейся диалектной лексики, что говорит о том, что прогнозируемое стремительное исчезновение диалектов в условиях индустриализации общества, повышения уровня жизни населения не подтвердилось даже у этносов

с компактным языковым пространством (см., например, ситуацию в словенских или хорватских диалектах). Во всех славянских языках территориальные диалекты довольно хорошо сохраняются и имеют своих активных носителей.

Не смогла уничтожить диалекты и языковая политика государств, направленная на распространение кодифицированной формы языка и устранение диалектов в связи с задачей всеобщего и обязательного образования. Здесь особенно показательна ситуация в чешском языке. «Несмотря на наличие у чешского этноса... идеальных условий для максимального приобщения носителей чешского языка к литературному идиому, для развития под его «эгидой» интеграционных тенденций в языковом пространстве и, наконец, инвазии литературного языка во все ситуации общения, в том числе и повседневного, ожидаемое не состоялось», – пишет известный богемист Г.П. Нещименко [7, с. 25].

Оптимизм поддерживает и все более широкое распространение идеи престижности диалекта как языка так называемой «малой родины», способствующего этнолокальной идентификации, особенно в тех случаях, когда происходит посещение родных мест, общение с родственниками или земляками, что позволяет создавать атмосферу особой доверительности, своеобразного землячества. Об утверждении этой идеи свидетельствует, прежде всего, художественная литература (в частности, такой ее жанр, как «деревенская проза», в которой писатель сознательно использует диалектизмы, чтобы передать своеобразие языка деревни). Эта «терпимость к диалектизмам стала особенностью современного русского литературного языка, особенно в тех жанрах, которые связаны с описанием реалий сельской жизни. Это означает, что в современной ситуации русские диалекты не только реагируют на воздействие со стороны литературного языка, но и сами влияют на него» [5, с. 67].

Понимание того, что диалекты – это культурное наследие этноса, рождает настоятельную потребность их реэвалюации, ср., например, опыт сельского учителя Сергея Темнякина из д. Мышкино Ярославской обл., который создал этнографический музей жителей д. Кадки – кацкарей, организовал выпуск газеты «Кацкая летопись» (в которой на диалекте рассказывается о всех деревенских новостях, печатаются различные сказы, предания, частушки и проч.), а в школе ввел уроки по краеведению с изучением местного диалекта [15]. Заслуживает внимания и разработанная проф. Н.А. Красовской программа курса «Теория и практика региональных лингвистических исследований», направленная на изучение так называемого «материнского языка» [6, с. 264].

Эти, пока еще робкие, начинания, находятся в русле той программы реэвалюации диалектов, которую еще в середине прошлого века предложи-

ли немецкие ученые Й.Л. Вайсгербер, Х. Амманн. Программа преследует задачу культивирования диалектов, преодоления презрительного к ним отношения, поддержания гордости диалектоносителя за свой родной диалект, введение в старших классов основ диалектологии и диалектографии, привлечение молодежи к сбору диалектного материала с целью сравнения родного диалекта с соседним и т. д. [18, с. 147]. Именно эту цель преследует и книга Нины Семеновны Ганцовской «Меткое костромское слово», в которой она совершенно справедливо пишет о том, что «...говоры, рисующие особенности материальной и духовной культуры Костромской земли, отражают в народном слове такие тонкости народной жизни, что для многих они будут знакомыми незнакомцами» [2, с. 6].

Думается, что реализация программы ревалюации диалектов поможет сформировать новое отношение к диалектному слову как к памятнику нашей культуры и тем самым повысить его коммуникативную престижность.

Примечания

¹ Не случайно крупнейший немецкий диалектолог Й.Л. Вайсгербер дал такое определение диалекту: «Диалект есть языковое освоение родных мест» [18, с. 7].

Библиографический список

1. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Индрик, 1998. – 240 с.
2. Ганцовская Н.С. Меткое костромское слово. – М.: Книжный Клуб Книговек: Терра, 2015. – 174 с.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Гослитиздат, 1935.
4. Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. – 1997. – № 3. – С. 115–124.
5. Калнынь Л.Э. Включение диалектизмов в художественный текст как разновидность контакта между диалектной и литературной формами русского языка // Вопросы языкознания. – 1998. – № 6. – С. 58–69.

6. Красовская Н.А. Вузовский курс «Теория и практика региональных лингвистических исследований» // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 17–18 окт. 2014 г. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – С. 264–270.

7. Нецименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. – М.: Наука, 2003. – 279 с.

8. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с.

9. Потебня А.А. Из записок по теории словесности: Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое. Приложения. – Харьков: Изд. М.В. Потебни, 1905. – VI, 652 с.

10. Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 25–48.

11. Словарь русских народных говоров. Вып. 1– / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965– .

12. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.

13. Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 т. – М.: Знак, 2003.

14. Степанова Л.Г. К специфике ареального членения Италии: (социальная стратификация литературного итальянского языка) // Проблемы ареальных контактов и социолингвистики: сб. ст. – Л.: Наука, Ленинг. отд-ние, 1978. – С. 41–45.

15. Темняткин С.Н. Моя кацкая Русь. – Ярославль: Изд-во Александра Руткина, 2003. – 190 с.

16. Шахматов А.А. К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях // Текучев А.В. Хрестоматия по методике русского языка. – М.: Просвещение, 1982. – С. 74–90.

17. Stroh F. Sprache und Volk // Hessische Blätter für Volkskunde. – Bd. XXX–XXXI. – S. 1931–1932.

18. Weisgerber J.L. Die Leistung der Mundart im Sprachganzen Vortrag bei der Arbeitsbesprechung über die Pflege der Mundarten in Recklingshausen am 17 Marz 1956 Munster (Westf), 1956.

Верба Ирина Павловна

кандидат филологических наук, доцент

Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны

verba.ir@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА А.Н. ОСТРОВСКОГО В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье представлены основные аспекты современных исследований творчества А.Н. Островского. Рассмотрен лингвистический аспект изучения творчества драматурга: работы, посвящённые языку его художественных и нехудожественных произведений, изданные в XX – начале XXI века. Определены направления изучения языка А.Н. Островского на современном этапе, которые разрабатываются в трудах доктора филологических наук профессора Н.С. Ганцовской, посвящённых прежде всего проблеме взаимоотношения разговорной и книжной речи, и научных работах, выполненных под её руководством. Данные исследования позволяют говорить о вкладе А.Н. Островского в развитие литературного языка XIX века, способствуют познанию русского национального языка в многообразии форм его существования.

Ключевые слова: А.Н. Островский, язык произведений А.Н. Островского, русский национальный язык, книжный язык, разговорный язык, Н.С. Ганцовская.

Имя А.Н. Островского в русской культуре многозначно. Его творчество является предметом исследования многих учёных, аспекты изучения различны. Это поэтика пьес (А.И. Ревякин, А.Л. Штейн, Е.Г. Холодов, А.И. Журавлёва, Ю.В. Лебедев, И.А. Овчинина и др.), наследие А.Н. Островского в пространстве культуры (К.В. Зенкин, Л.А. Розанова, И.А. Едошина и др.), эпистолярное наследие драматурга (Г.И. Орлова, П.П. Резепин и др.), тема театра Островского (Б.В. Варнеке, Н.А. Шалимова и др.). Ценными являются наблюдения над творчеством А.Н. Островского, в том числе над языком его произведений, С.К. Шамбинаго (1923), Н.П. Кашина (1946), А.В. Филиппова (1946), Е.Г. Холодова (1978) и др.

Вышедшая в 2012 году книга «А.Н. Островский. Энциклопедия» продолжает традицию, заложенную «Лермонтовской энциклопедией» (1981), и впервые даёт системное и целостное представление о жизни и творчестве писателя. Наследие А.Н. Островского рассматривается в комплексном осмыслении литературных, культурологических, исторических, социальных факторов. На этом фоне важным является изучение лингвистического аспекта творчества писателя. Среди современных исследований, посвящённых языку произведений А.Н. Островского, назовём ряд работ: докторскую диссертацию А.Г. Ломова «Фразеология в творческой лаборатории писателя: На материале драматических произведений А.Н. Островского» (1998), кандидатскую диссертацию Сун Биньбиня «Семантическое поле оценочной лексики в речи персонажей А.Н. Островского» (1998), кандидатскую диссертацию автора настоящей статьи «Костромская диалектная лексика и особенности её лексикографического описания в “Материалах для словаря русского народного языка” А.Н. Островского» (2006), выполненную под руководством Н.С. Ганцовской, научные статьи Н.С. Ганцовской, посвящённые лексическим и синтаксическим особенностям языка произведений А.Н. Островского

прежде всего в постановке проблемы взаимоотношения разговорной и книжной речи [5; 6; 7; 8; 9; 10 и др.], Д.А. Осильбековой, Н.П. Варзиной, В.Д. Пятницкого и др. Специфика имён собственных рассматривается в кандидатской диссертации Л.И. Андреевой (1995), в статьях Н.С. Тугариной, Е.В. Цветковой и др. Примеры из произведений А.Н. Островского как иллюстративный материал приводятся в отечественной академической лексикографии, начиная со словаря академика Я.К. Грота. По мнению Я.К. Грота и впоследствии А.А. Шахматова, под редакцией которых вышел «Словарь русского языка» (т. I и т. II соответственно), ознаменовавший собой новый этап истории российской лексикографии, А.Н. Островский входит в ряд авторов «первой группы» (по гротовской иерархизации имён), лексика произведений которых должна была быть исчерпана полностью. В 1993 году вышло в свет репринтное издание «Словаря к пьесам А.Н. Островского», подготовленного Н.С. Ашукиным, С.И. Ожеговым и В.А. Филипповым в 1940-е годы для актёров, режиссёров и переводчиков. В словарь вошёл материал, который, по мнению авторов, нуждается в историко-бытовом, историко-театральном, а также филологическом комментарии. Однако словарь «не является полным словарём языка Островского», он не ставил перед собой задачи характеристики «обиходной речи», так как «это нуждается уже в особой аргументации, выходящей за пределы словаря» [1, с. IV].

Народное слово как ни у кого из писателей-классиков находится у А.Н. Островского в центре внимания [см., в частности: 2; 3]. Живую народную речь он слышал вокруг себя постоянно: в Москве, Костроме, во время путешествия по Волге и, конечно, в усадьбе Щельково Костромской губернии [см. об этом, например: 11].

Автором настоящей статьи в рамках диссертационного исследования под научным руководством Н.С. Ганцовской впервые рассмотрен в качестве источника изучения диалектной лексики, в част-

ности костромской, «Словарь русского народного языка», материалы для которого А.Н. Островский целенаправленно собирал в течение многих лет. Было установлено, что лексика, содержащаяся в Словаре, позволяет получить определённое представление о говорах, распространённых на юго-западной территории бывшей Костромской губернии. Эта территория получила название «земля Островского» (в 1848 году драматург впервые приехал в усадьбу Щельково, а с 1868 по 1886 год он проводил здесь по несколько месяцев в году) и характеризуется как достаточно обособленная в языковом плане. Юго-запад бывшей Костромской губернии, находясь на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества, в центре формирования великорусской народности, представляет научный интерес в качестве пограничной зоны севернорусских и среднерусских говоров. Причём говоры современного Островского района, особенно тех поселений, которые ранее входили в Кинешемский уезд Костромской губернии, под влиянием говоров более южного происхождения постепенно изменяются в сторону преобладания среднерусских диалектных черт. Важными являются также этнографические данные, представленные в «Словаре русского народного языка» А.Н. Островского, позволяющие дополнить и углубить наши представления об этой историко-этнографической зоне. До специального монографического изучения «Словаря русского народного языка» А.Н. Островского были описаны лишь фрагменты работы драматурга Островского над материалами для Словаря, в частности [12; 13; 15].

Н.И. Толстой, подчёркивая мысль академика В.В. Виноградова об источниках изучения русского литературного языка, писал: «роль писателей, особенно в эпохи переломные и стабилизирующие, в пору выработки системы норм и стилей литературного языка оказывается очень значительной, можно сказать определяющей» [4, с. 5]. В творчестве А.Н. Островского отражено движение во времени языка русского общества значительного периода: с 1840-х годов почти до конца XIX века. А.Н. Островский упрочил внежанровую связь книжной, по происхождению церковнославянской, базы с живой народной речью, заложенную А.С. Пушкиным. С именем А.Н. Островского связан мощный приток элементов живой разговорной речи в русский литературный язык. Несмотря на то, что в России в первой трети XIX века общенациональный литературный язык в основных чертах уже сложился, развитие его продолжалось. И вплоть до второй половины XIX века основным источником его пополнения был язык писателей-реалистов, которые отошли от архаической книжной традиции и направили развитие языка по эволюционному пути совмещения черт устной и письменной речи, в сторону создания

стилистически богатой, функционально разнообразной системы.

Произведения А.Н. Островского дают точное и объёмное представление об определённом этапе развития русского литературного языка, о соотношении в нём книжных и разговорных элементов. В то же время они содействуют поступательному развитию в выработке и закреплению норм единого стандартного языка. «А.Н. Островский уловил тенденцию к объединению разных социальных вариаций общенационального языка в один общий язык. Он вписался в ту прогрессивную демократическую традицию, которая характеризует язык произведений русских писателей-классиков на протяжении всего XIX века: внимание к народной речи, творческое использование его богатейших лексических и фразеологических ресурсов, нередкая локальная окраска которых отнюдь не мешает общению и является украшением речи, способствуя её точности и конкретности и вместе с тем метафоричности и образности» [10, с. 497].

Важным результатом исследовательской работы Н.С. Ганцовой и её единомышленников, коллег и учеников, по изучению языка произведений А.Н. Островского является Частотный словарь языка А.Н. Островского. ЧСЯО составлен авторским коллективом под редакцией Н. С. Ганцовой и является первым опытом научного описания лексики и фразеологии художественных и нехудожественных произведений драматурга (порядка 35 000 слов). ЧСЯО облегчает выделение различных групп лексики, позволяет выявить степень их продуктивности и наблюдать изменение лексического состава русского языка в произведениях А.Н. Островского в соответствии с периодизацией его драматургического творчества: 1840–1850-е, 1860-е, 1870–1880-е годы [см. подробнее: 14].

В работах Н.С. Ганцовой и исследованиях, выполненных под её руководством автором настоящей статьи, Е.Н. Батовой, Е.В. Цветковой, И.Ю. Малышевой, Г.Д. Негановой и др., определены основные направления изучения языка А.Н. Островского на современном этапе, которые позволяют говорить о вкладе драматурга в развитие литературного языка, способствуют познанию русского национального языка в его многообразии.

Библиографический список

1. Аиукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н. Островского. – Репринт. изд. – М.: Веста, 1993. – 246 с.
2. Верба И.П. Материалы для словаря русского народного языка // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ШГПУ, 2012. – С. 252–253.
3. Верба И.П. Оппозиция «книжное – разговорное» в ранних произведениях А.Н. Островского //

Ярославский педагогический вестник. – 2014. – № 4. – Т. 1 (Гуманитарные науки). – С. 137–140.

4. Толстой Н.И. О курсе истории русского литературного языка академика В.В. Виноградова // Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.: учебник. – М.: Высш. школа, 1982. – С. 3–9.

5. Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в пьесах А.Н. Островского (к вопросу о взаимоотношении разговорной и книжной речи) // Язык и слог Островского-драматурга: сб. науч. тр. Вып. 126. – Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1974. – С. 80–92.

6. Ганцовская Н.С. Наименования локуса в произведениях А.Н. Островского. Слово *беседа* // Щельковские чтения 2008. А.Н. Островский и драматургия его времени (1840-е – 1880-е годы): сб. ст. / науч. ред., сост. И.А. Едошина. – Кострома: Авантитул, 2009. – С. 180–188.

7. Ганцовская Н.С. Разговорные элементы в репликах пьес А.Н. Островского: генитивные конструкции // Щельковские чтения 2006. В мире А.Н. Островского: сб. ст. / науч. ред., сост. И.А. Едошина. – Кострома: Авантитул, 2007. – С. 161–169.

8. Ганцовская Н.С. Тема племянничества в пьесах А.Н. Островского в этнолингвистическом аспекте // Щельковские чтения 2002. Проблемы эстетики и поэтики творчества А.Н. Островского: сб. ст. / науч. ред., сост. И.А. Едошина. – Кострома: Авантитул, 2003. – С. 188–194.

9. Ганцовская Н.С. Тематические группы лексики в произведениях А.Н. Островского: слово *беседа*, особенности семантики и функционирования // Щельковские чтения 2007. А.Н. Островский в контексте мировой культуры: сб. ст. / науч. ред., сост. И.А. Едошина. – Кострома: Авантитул, 2008. – С. 289–296.

10. Ганцовская Н.С. Язык драматургии Островского // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ШГПУ, 2012. – С. 496–498.

11. Лобанов М.П. Александр Островский. – М.: Мол. гвардия, 1989. – 400 с. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 7 (587)).

12. Успенские Л. и В. Островский-языкотворец // А.Н. Островский: сб. статей и материалов / ред.-сост. А.Л. Штейн. – М.: Всероссийское театральное общество, 1962. – С. 184–262.

13. Успенский Н.В. О работе А.Н. Островского над «Материалами для словаря русского народного языка» // Учёные записки Щербаковского педагогического института. – 1956. – Вып. 1, ч. 2. – С. 147–162.

14. Частотный словарь языка А.Н. Островского / под ред. Н.С. Ганцовской // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И.А. Овчинина. – Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ШГПУ, 2012. – С. 530–658.

15. Черных Л.В. Изучение Островским народной жизни во время литературной экспедиции 1856 г. // Учёные записки Башкирского госуниверситета. – 1958. – Вып. 6. – С. 204–238.

Виноградова Полина Павловна
кандидат филологических наук
Костромской государственной университет
vpp.home@gmail.com

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ ДЕРИВАТЫ В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ: НАИМЕНОВАНИЯ ПЕЧЁНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ МУКИ С КОРНЕМ ПРАЖ-

Словопроизводственной базой наименований печёных изделий из муки (хлеба, пирогов, мелкой выпечки и т. д.) в костромских говорах являются в ряде случаев глаголы конкретного действия *печь* и *пращить*, номинирующие способ тепловой обработки теста. Глагол *пращить* является мотивирующим при номинации жареной, то есть приготовленной на огне / углях, на сковороде, обычно в масле, выпечки. Девербативы, составляющие данную группу наименований (*пращеник, праженик, праженец, пражьё*) и образованные способом суффиксации, были широко распространены в русском языке XV–XIX веков. В настоящее время они находятся на периферии литературного языка, однако сохраняют устойчивые позиции в говорах, в том числе костромских.

Ключевые слова: словообразование, лексикология, костромские говоры, жареные изделия из муки.

В русских говорах обширна группа суффиксальных наименований печёных изделий из муки (пирогов, лепёшек, мелкой выпечки и т. д.), отражающих зависимость номинации хлебных изделий от способа тепловой обработки (печенье / жарение) на стадии, когда совершается превращение сырой массы теста в готовый хлеб. Словопроизводственной базой лексем в этом случае являются глаголы конкретного действия *печь* и *пращить*. В данной статье рассматриваются дериваты с корнем *пращ-* (*пращеник, праженик, праженец, пражьё*), называющие жареные (обычно в масле) выпечные изделия, в контексте истории данных наименований в литературном языке и костромских говорах.

Прежде всего необходимо остановиться на мотивационной базе исследуемых лексем, связанной с традиционными способами тепловой обработки злаков. Первоначально «зерновую кашу начали класть в горячий пепел или на раскаленный камень. В результате из каши получалась плоская и твердая лепешка... Таким образом, в истории хлеба выделяются три ступени развития. Самой ранней его формой была вязкая каша из зерна... После изобретения печи, закваски и затем дрожжей люди научились выпекать хлеб» [5, с. 51]. Как видим, уже в древности обозначились черты, позже определившие основные способы приготовления изделий из теста в печи: 1) на остывающем жаре печи; 2) на открытом огне/углях на сковороде, тагане. Важно отметить, что главенствующую роль в исследуемой группе наименований играют лексем с корнем *пек-/печ-* (*печиво, печенье, пекушка, опекушка* и т. д.).

Дериваты с корнем *пек-/печ-* фиксируются уже в памятниках XII века. Глагол *печь* обладал широким объёмом значения, обозначая в целом нагревание пищи любым способом. При этом важно отметить, что уже в древнерусском языке обозначилась определённая семантическая соотнесённость слов с корнем *пек-/печ-* и «хлебной» лексикой независимо от способа тепловой обработки теста (печенье / жарение), и впоследствии эта соотнесённость со-

хранялась. См. в словарях: *печь* ‘прогреть, прокалять на огне либо в вольном духу нежданную пищу, снедь, яство. *Пекут хлеб, пироги, блины. Печёная баранина, на углях...*’ [2, т. 3, с. 108]; *печь* ‘калить, жарить, греть’ нежданную пищу (хлеб, пироги и проч.) [6, т. 2, с. 54]. Активное употребление в языке глагола *печь* определяет, по-видимому, не только образование, но и широкое распространение лексем с корнем *пек-/печ-*, а также закрепление некоторых лексем, мотивированных способом тепловой обработки теста, с данным корнем (*печенье, печиво*) в качестве обобщающих, активно употреблявшихся как в литературном языке, так и в говорах вплоть до начала XX века.

Таким образом, способ тепловой обработки теста (печенье/жарение) не всегда был релевантным при обозначении печёных изделий из муки, так как все изделия квалифицировались как «печёные». Г.В. Судаков указывает, что по способу приготовления в старой Руси «различались пироги подовые (их пекли на поду печи) и пражёные, испечённые в масле на сковороде» [12, с. 104]. Различение функциональных характеристик «печёный/жарёный» в данном случае происходит на семантическом уровне.

В то же время наблюдения показывают, что достаточно рано в языке возникла тенденция разделять эти способы приготовления, что и отразилось при номинации различных блюд, в том числе мучной выпечки. По данным словарей, что уже к XVII в. в русском языке было два глагола для обозначения процесса жарки – *жарить* (применительно к блюдам из рыбы, мяса, приготавливаемых преимущественно на огне) и *пращить* (в основном по отношению к мучным изделиям) [7, вып. 15, с. 38–39, вып. 21, с. 25]. При этом глагол *жарить* и производные от него наименования являются более поздними (по сравнению с глаголом *пращить*) образованиями и в целом не соотносились с печёными изделиями из муки.

Слово *жарити* является производным от *жарь* ‘огонь, зной’ (фиксируется с XII в., ср. с *варь* ‘жар, зной’) [11, т. 1, с. 845]). В славянских языках слова

с корнем *жар* -сохраняют спектр близких значений – ‘калить’, ‘раскаливать’, ‘жарить’, ‘горячие уголья’ [6, т. 2, с. 54]. Данный глагол появляется в русском языке к XVII в. [11, т. 1, с. 229]. Обратим внимание, что встречающиеся в памятниках письменности XVII – начала XVIII в. лексемы с корнем *жар-* (*жаренина*, *жарение(-ье)*, *жарина*, *жаркий*, *жаркое*), семантически мотивированные глаголом *жарить*, соотносятся преимущественно с приготовлением блюд из мяса, рыбы или овощей на открытом огне [7, вып. 5, с. 75–76]. Лексема *жарить* сохраняет данное значение и в настоящее время: ‘подвергать действию сильного жара мясо, рыбу и другие кушанья при приготовлении их в пищу’ (значение приводится по: [8, т. 4, с. 34]). Вероятно, именно поздний характер появления и распространения лексем с корнем *жар-*, когда в языке уже прочно закрепились наименования с корнем *пек-/печ-*, стало причиной того, что мы практически не обнаруживаем среди названий выпечных изделий слов с данной корневой морфемой.

«Разграничение» функций глаголов *печь* и *жарить*, первый из которых соотносится с процессом приготовления пирогов, второй – с приготовлением других продуктов, сохраняется и в настоящее время. Так, в современных костромских говорах: *Постный пирог пекли с капустой и луком репчатым – обжаривали* (Костр. р-н); *Вот мама походит-походит по кухне: ну, сейчас испеку вам пирог с картошкой: картошки тут же на пылу в печке зажарит, тесто начинит. Бабушка Люба пекла: в сковородке толсто-толсто картошка с луком жареным, корочки тоненькие у пирога, кружук молока нальёт – вкуснятина. Такой вкусный пирог!* (Костр. р-н).

Несмотря на устойчивые позиции производных исследуемой группы наименований с корнем *печ-*, с XIX века обнаруживается тенденция разграничения «печения» и «жарения». Так, в словарях лексемы *жарить* и *печь* могут квалифицироваться как синонимы: *жарить* (жаркое, говядину) ‘испекать на вертеле, противне, сковороде, без воды, дав пригореть или сильно зарумяниться’ [2, т. 2, с. 527]. В тексте этнографического очерка Л.С. Кителиной «Хлеб» (Кострома, 1927), который в настоящее время может служить объектом лингвистического анализа, глагол *печь* в ряде случаев употребляется в значении ‘жарить’, также наблюдается взаимозаменяемость глаголов *печь* и *жарить*: *Кислые блины... пекут жиденькими на углях на сковороде; Пекут пряженцы перед подачей на стол на сковороде в масле на тагане в виде толстых лепёшек... и жарят также в виде пирожков; Лепёшки пекутся ржаные, пшеничные, ячменные, овсяные, пресные и кислые. Их жарят на сковороде на углях и др.* Однако имеет место и противопоставление этих лексем: *В Костромском у. шарики с отпечатком об решето не жарят, а просто пекут и называют*

их «лапоточками». То же – в отношении глаголов *печь* и *пряжить*: *«Пекут пряженцы перед подачей на стол на сковороде в масле на тагане в виде толстых лепёшек... и жарят также в виде пирожков»* [4, с. 95].

Семантически близки наименования с корнем *жар-* дериваты с корневой морфемой *пряж-*, обозначающих такой важный функциональный признак выпечки, как приготовление «на жару», то есть на огне / углях. Лексикографические источники свидетельствуют об более раннем (по сравнению с производными от *жарить*) появлении лексем данной группы и изначальной отнесённости именно к выпечным изделиям. Распространению «пряжя», по-видимому, способствовало то, что данный способ позволял быстро приготовить изделия, пока печь ещё только топится.

Наименования с корневой морфемой *пряг-/пряж* представляют собой обширную группу и имеет древние корни (родственно ряду лексем со значением ‘прыгать, скакать, подскакивать, трещать, лопаться, жарить’ и др. в других индоевропейских языках [6, т. 2, с. 143]). В словаре русского языка XI–XVII вв. встречаем обширную группу наименований с данной корневой морфемой, которые, по-видимому, были широко распространены в русском языке начиная с XV в.: *пряжити*, *пряжити* (упоминается в памятниках письменности с 1499 г.) и (позднее) *прячи* ‘жарить’ (применительно к хлебным зёрнам, рыбе, оладьям, пирогам, мясу), *пряжитися*, *пряжитися* ‘жариться, поджариваться’ (с 1499 г.), *пряга*, *прага* ‘поджаренные хлебные зёрна’ (с 1499 г.), *пряжёный (-нный)* ‘жареный, поджаренный в масле’ (с 1493 г.): *Хлеба же и пряжены прягы да не ясте* (1499 г.), *Зделали пироги да учили пряжить* (1650 г.), *Среди площади шалаи, а сидят в них с рыбою с вареною и с пирого пряженными и с кисли* (1565 г.), *На блюдо оладей столовыхъ... прячи их в горелом масле, которое останется у пирогов кислых* (1613 г.). Памятники XVII в. фиксируют распространение однословных наименований с корневой морфемой *пряж-*, обозначающих преимущественно жареную мучную выпечку (пирог, лепёшка): *пряженец* ‘пирожок, поджаренный в масле’ (с 1699 г.), *пряженина* ‘жареное мясо или хлебные изделия’ (с 1675 г.), *пряженье* (*преженье*) ‘жаренные в масле мучные изделия (пирог, оладья)’ (с 1620 г.), *пряжмо* ‘лепёшка’ (XIV–XV вв.), *пряжьё* (собр.) ‘изделия из теста, жаренные в масле’ (с 1652 г.), *пряженец* ‘пирожок, поджаренный в масле’ (с 1699 г.): *Пирошки маленькия пряженцы; И кормы на братию ставити большие, с калчи и с рыбами, с преженем и с медом* [7, т. 21, с. 23–25]. Обратим внимание, что большинство указанных наименований употребляются именно для обозначения жареной мучной выпечки (пирог, лепёшка). Таким образом, можно говорить о специализации значения наименований

с корневой морфемы *пряг-/пряж-* уже на ранних этапах их существования. Отметим, что значение ‘жарить’ в словах с корнем *пряж-* соотносится непосредственно с выпечными изделиями из муки преимущественно в русском языке, в других же славянских языках сохранялись как более общие значения (‘жарить’ (в ряде случаев злаки – овёс, ячмень и др.), ‘жарить в масле’, ‘жечь’ и т. д.), так и частные значения, связанные, в частности, с приготовлением мучных изделий: ‘пряженец’, ‘заваривать (хлеб)’, ‘заварной хлеб’, ‘топить (молоко)’, ‘яичница’ и т. д. [6, т. 2, с. 142–143].

В XIX в. наименования с корневой морфемой *пряж-* по-прежнему распространены в языке и соотносятся с процессом поджаривания в масле разных продуктов, прежде всего мучных: *пряжить* ‘жарить в масле что-либо мучное’, *пряженец* ‘пирожок, спряжённый в масле’, *пряженцовый* ‘принадлежащий пряженцу’, *пряженчик* ‘ум. слова *пряженец*’, *пряженный* ‘прич. гл. *пряжить*’, *пряжить*, *пряжиться* ‘быть пряжиму’, *пряжмо* ‘церк. Пшеничное тесто, поджаренное в масле, оладья’ [10, т. 3, с. 573].

Таким образом, глагол *жарить*, по-видимому, приобрёл особую «специализацию» в языке и применялся в XVII–XIX вв. в основном по отношению к блюдам из мяса (в том числе рыбы) и овощей [7, вып. 5, с. 75–77; 10, т. 1, с. 599], глагол *пряжить* и его производные заняли свою «нишу», обеспечивая номинацию печёных изделий из муки, приготовляемых путём прокалывания на огне обычно в масле.

В XX в. ситуация существенно поменялась: слова с корнем *пряж-* постепенно смещаются на периферию литературного языка (в академическом словаре *пряженец*, *пряженник* ‘лепёшка, пирожок, обжаренные в масле’, *пряжить* ‘жарить в масле (что-либо мучное)’ имеют пометы «устар. и обл.» [8, т. 11, с. 1590–1591]), глагол *жарить*, наоборот, укрепляет свои позиции – он соотносится с приготовлением различных продуктов, в том числе приготовленных из муки. В то же время до сих пор в группе исследуемых наименований сохраняется преобладающее положение лексем с корнем *пек-/печ-*. В ряде случаев можно наблюдать противопоставление: ср. *печь блины, оладьи*, но *печёные пироги – жареные пироги*.

В русских говорах, в том числе костромских, сохраняется достаточно широкий круг суффиксальных производных с корнем *пряж-*, образованных при помощи продуктивных суффиксов. *Пряженниками*, *пряженчиками*, *пряженцами* (собр. *пряжьё*) называют в костромских говорах особый вид толстых лепёшек из дрожжевого теста, жаренных в масле в печи на углях или на тагане. Иногда так называли жареные или печёные пироги с любой начинкой. Для этих изделий делают довольно густое опарное тесто, обычно из пшеничной муки на молоке; в тесто добавляют яйца, са-

хар, соль и пекут (жарят), пока печь ещё топится. Верх лепёшки перед выпечкой иногда смазывают сметаной или посыпают крупой, толлоком: *А когда пшеничной-то муки не было, пряженцы из чёрной муки пекли* (Чухл. р-н); *Я всё в дороге-то ему пряженники пекла* (Нейск. р-н); *Погодитё, не уходитё, сейчас напеку пряженцов* (Костр. р-н); *Пресников да прясеников напеку* (Шарьин. р-н); *Не в досоле пряженцы-то получились!* (Вохом. р-н); *Много чего мать-то у меня пекла: и блины, и пироги, да пряженчики ишо* (Костр. р-н); *Пряженцы у огня жарили* (Галич.); *На тагане пряжьё воздушно* (Мант. р-н) [3; 1, с. 323]. Нередко такие выпечные изделия пекли на праздники: *В деревне Савинской отмечали праздник Первого воскресенья (первое воскресенье после Троицы) перед Петровым постом. Таган ставили на шесток в печи, под его клали лучинку от берёзового полешка и поджигали. На таган ставили высокую сковороду и пекли пряженники в свином сале* (Межев. р-н); *На праздник-от прясеников много напекут, бывало* (Мантур. р-н). По сведениям Л.С. Китицыной, *пряженники* в Костромской губернии обязательно «прягут» на масленице: «для пряжьи творят на дрожжах опару из белой муки на молоке и яйцах. Месят тесто довольно густо. Пекут пряженцы перед подачей на стол на сковороде в масле на тагане в виде толстых лепёшек. Иногда пряженцы «чинят» изюмом, рисом с вандышами, рыбой, яйцами, иногда их *жарят* также в виде пирожков» [4, с. 93]. Показательно, что *пряженниками*, *пряженцами* нередко называют не только жареные, но и печёные пироги с начинкой (яйцом, луком, творогом, картофелем, грибами, вареньем, ягодами), обычно из пшеничной муки. Возможно, это связано с утратой словом *пряжить* и его производных твёрдых позиций в языке и, соответственно, твёрдой мотивации для носителей языка (информанты не могут объяснить происхождение слова, мотивировка утрачена): *Пряженцы делали из белой муки. Пряженчикам нададем: раскатаем, положим начинку, – вот и называли пряженчики. А зачитывать-то – кто как сумеет. А начинку – какую хочешь: кто и с яйцам, кто и с луком, кто с вареньем, кто с чем* (Сусан. р-н); *Напекла сегодня прясеников с черникой да с картошкой* (Нейск. р-н); *Пекли пряженчики с ягодам да с грибам* (Судисл. р-н); *Как праздник какой, так я пряженцы загибаю* (Сусан. р-н). Лексема *пряженник* (в указанном значении) распространена преимущественно на северо-востоке Костромской области (Кологр., Мант., Макарьев., Пыщуг., Павин., Шарьин. р-ны). Встречается она и в других, более центральных районах области, но не повсеместно и характерна преимущественно для говоров севера и северо-востока европейской части России [9, вып. 33, с. 81].

В частных диалектных системах признак «пряжённый» не всегда является релевантным при номинации. На это указывает, в частности, распростра-

нённость лексем с корнем *пек-*, номинирующих такие же изделия: *Опёкиши топеря преженцами называются. Их и пекли-то так же само* (Шарьин. р-н); *На скору руку, бывало, от опары опёкиши возьмут да в печи и испекут* (Красн. р-н); *Опёкиши – лепёшечки такие, пекёшь на дрожжах прямо на угольках* (Шарьин. р-н).

Наименования с корневой морфемой *пряж-* охватывают пласт наименований, называющих печёные изделия из муки, мотивированные глаголом *пряжить*, характеризующим способ термической обработки теста. Девербативы, составляющие данную группу наименований и образованные способом суффиксации, были широко распространены в русском языке XV–XIX веков и соотносились преимущественно с приготовленной на огне / углях, обычно в масле, выпечки из муки (в отличие от лексем с корнем *жар-*). В настоящее время данная группа наименований, находясь на периферии литературного языка, тем не менее сохраняет достаточно устойчивые позиции в говорах, в том числе костромских. В частных диалектных системах функциональный признак «пряжёный» не всегда выражен материально. В этом случае сказывается влияние исторических языковых процессов – не всегда способ приготовления был релевантным при обозначении изделий из муки, так как все изделия квалифицировались как «печёные».

Библиографический список

1. *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи /

Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова. – М.: ТЕРРА: Книжный Клуб Книговек, 2015. – 511 с.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Терра, 1995.

3. Картотека Костромского областного словаря [Рукописные материалы] (хранится на кафедре отечественной филологии и журналистики КГУ).

4. *Китицына Л.С.* Хлеб: Из материалов по народному питанию Костромского края // Труды КНО. – Вып. 41. – Кострома, 1927. – С. 92–102.

5. *Мюллер Д.* К истории семантического поля хлѣбъ в древнерусском языке // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3, Филология. – 2007. – Вып. 4 (10). – С. 50–62.

6. *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–2. – М., 1910–1914.

7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–28. – М., 1975–2008.

8. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л., 1948–1965.

9. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–41. – М.; Л.; СПб., 1965–2007.

10. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. – СПб., 1847.

11. *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. – СПб., 1893.

12. *Судаков Г.В.* Живое русское слово. – Вологда: Вологодский институт развития образования, 2002. – 156 с.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОДНОРОДНЫМ СОПОДЧИНЕНИЕМ В НАУЧНОМ СТИЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена рассмотрению достаточно распространённой в стиле точных наук полиредикативной конструкции – многокомпонентному сложноподчинённому предложению с однородным соподчинением. В статье анализируются только те структуры, в состав которых входят компоненты нерасчлennного типа. Немного уступая по продуктивности многокомпонентным сложноподчинённым предложениям с последовательным подчинением, исследуемые конструкции обладают целым рядом характерных качеств: наличие одинаковых или различных союзов или союзных слов, синтаксические взаимоотношения главной и придаточных частей, соответствие или несоответствие количества союзов числу придаточных.

Исследуемая сфера функционирования данных конструкций – тексты математических произведений – накладывает определённый отпечаток на структурно-семантические качества многокомпонентных сложноподчинённых предложений. Они стандартны, лаконичны, в них используется ограниченный набор средств связи. Вместе с тем данные конструкции обладают чёткостью синтаксических отношений, прозрачной структурой, которая облегчает восприятие сложного материала, в особенности математических формул.

Ключевые слова: многокомпонентное сложноподчинённое предложение, главная часть, придаточная часть, союз, союзное слово, сочинение, однородное соподчинение.

В статье рассматриваются наиболее типичные для текстов математических произведений многокомпонентные сложноподчинённые предложения (далее МСПП) с однородным соподчинением, в состав которых входят конструкции нерасчлennной структуры.

Данная разновидность МСПП анализировалась в трудах Л.Д. Беднарской [1] И.А. Василенко [2], Г.Ф. Гавриловой [3], Н.С. Ганцовской [4], В.В. Казмина [6], Г.Ф. Калашниковой [7; 8], В.А. Шитова [16] и др. Вслед за этими исследователями под соподчинением мы будем понимать всякое одноступенчатое подчинение двух или более придаточных главному предложению, а под однородным соподчинением – подчинение однофункциональных придаточных одному члену или всей главной части в целом.

Из произведений современных математиков Б.А. Дубровина [5], Ю.И. Манина [10], С.М. Никольского [11], С.П. Новикова [12], Л.С. Понтрягина [13], Б.В. Федосова [14] методом сплошной выборки нами были извлечены около 800 конструкций с однородным соподчинением. По наблюдениям Н.С. Ганцовской, проводившей глубокий и всесторонний анализ МСПП в научном стиле, «степень насыщенности научного текста предложениями с однородно соподчинёнными придаточными тем более повышается, чем более математизировано научное произведение» [4, с. 93]. Можно утверждать, что данные МСПП являются продуктивным типом МСПП в произведениях математического цикла.

Наиболее употребительными моделями МСПП с однородным соподчинением, состоящих из компонентов нерасчлennной структуры, являются предложения с придаточными изъяснительными и присубстантивно-атрибутивными. Первые встречаются в двух вариантах – с количеством союзов

(союзных слов), соответствующих числу придаточных предложений, и предложения с неповторяющимся союзом (союзным словом). Придаточные с союзами *что* чаще всего образуют замкнутый ряд, соотносясь друг с другом посредством сочинительных союзов: *и*, *а*, пояснительного союза *то есть* или бессоюзно.

Оказывается, что в этом смысле $\sigma(H)$ есть группа характеров группы H , что X распадается в прямую сумму множества $\sigma(M)$ своих подгрупп $\sigma(H)$ [13, с. 263]. Легко проверяется, что покрытие Z является аналитическим и что преобразование группы G во введённой в S^n аналитичности аналитичны [13, с. 327]. Осталось показать, что связности $D(t)$ и $D_A(t)$ совпадают, т. е. что для любого сечения $a < W(A)$ выполнено равенство... [14, с. 249].

В предложениях с однородно соподчинёнными придаточными изъяснительными неповторяющимся подчинительным союзом, как правило, оказывается союз *что*. Сочинительные союзы здесь более разнообразны, и особенность их употребления несколько иная. Наиболее многочисленны предложения с союзом *а*, далее – с пояснительным союзом *то есть*, реже *и*, *или*, *же*, *но*. Малопродуктивны предложения с бессоюзной связью придаточных. Сочинительные союзы между однородно соподчинёнными придаточными – специальная черта соподчинения. Наличие или отсутствие сочинительных союзов между однородными придаточными – показатель отношений придаточных друг к другу и одновременно к главному предложению. Отсутствие сочинительных союзов указывает, что однородные придаточные равноправны не только по отношению к главной части, но и по отношению друг к другу и образуют незамкнутые ряды.

Можно показать, что она определяет класс когомологий $1/2C_1(F)$, и целочисленность этого класса когомологий является необходимым и достаточным условием существования спинорной структуры [14, с. 193]. Мы покажем, что ядро оператора $b(z)$ одномерно и порождается вакуумным вектором, а коядро тривиально [14, с. 235]. Для наглядности считаем, что w есть кубик $\{\dots\}$, т. е. через γ мы обозначаем только часть истинного w , проектирующуюся на кубик [11, с. 206]. Напомним, что $L = F(1 | 0, 3 | N; T)$, $T = WN$; $Lred = F(1, 3; T0)$ [10, с. 112]. Из формул (3.2.9), (3.2.10) вытекает, что функция $H\psi$ снова есть функция Бейкера – Ахиезера, но в точке $P = Q +$ произведение $(H\psi) \exp(-k + z)$ равно нулю [5, с. 49].

Среди предложений с однородными присубстантивно-атрибутивными придаточными преобладают предложения с придаточными, которые начинаются союзными словами *где* и *откуда*, поясняющими математическую формулу. Как правило, союзное слово здесь не повторяется, придаточные соединяются союзами *а*, *реже* и *или* бессоюзно. Иногда при пояснении больших математических формул, когда их члены выражаются другими формулами, опускается и само союзное слово.

Обозначим через N_2 – нормальный делитель, состоящий из всех матриц вида λe , где N – положительное число, а e – единичная матрица [13, с. 38]. Связностью δ в расслоении E называется линейный дифференциальный оператор $\delta = \dots$, удовлетворяющий условию $\delta(\varphi u) = d\varphi u + \varphi \delta u$, где $u = C(E)$, φ – скалярная функция, $d\varphi$ – ее дифференциал [14, с. 285]. Функция от (θ, u) $Q_N(\theta, u) = \dots$, $Q = \dots$, $u = \dots$, есть тригонометрический полином степени N по u [11, с. 197].

В предложениях с придаточными присубстантивно-атрибутивными с союзным словом *который*, напротив, очень редко бывает опущено это союзное слово. Конструкции с данным союзным словом достаточно продуктивны. Как правило, придаточные связаны друг с другом сочинительными союзами *а*, *то есть*, *или*. В тех случаях, когда союзное слово не повторяется, присубстантивно-атрибутивные придаточные связываются друг с другом союзами *а*, *но*, *и*, *или*.

Первый шаг заключается во введении вспомогательных функций, которые определяют однозначно функции $f(x, y)$ и сами определяются этими последними [13, с. 402]. Мы ограничимся классификацией лишь тех алгебр Ли, которые соответствуют компактным группам Ли и которые мы будем называть компактными алгебрами Ли [13, с. 422]. В классическом случае, когда $\dim$ с $M = 1$, а одномерное расслоение E порождается дивизором $D = \dots$ на римановой поверхности M , комплекс Дольбо содержит два члена [14, с. 195].

Предложения с тремя и более однородно соподчинёнными придаточными встречались реже

по сравнению с трёхкомпонентными. Преимущественно это предложения, комментирующие математические формулы. Особенно много предложений с однородным соподчинением придаточных присубстантивно-атрибутивных с повторяющимся союзным словом *где*. При этом предложение в целом остаётся компактным и легко обозримым, так как придаточные, приближающиеся к устойчивым оборотам, поясняют какой-либо член субстантивированного словосочетания – формулы, каждый раз называя этот член и тем самым возвращая нас к формуле главного предложения.

Однородно соподчинённые придаточные – это своеобразная черта МСПП. При обязательной подчинительной зависимости от главной части, характерной для всякого сложноподчинённого предложения, здесь мы находим сочинительную зависимость (равноправную) для придаточных одной ступени подчинения. Однородность придаточных обусловлена однофункциональностью придаточных и зависимостью их от одной и той же единицы главной части.

Вслед за И.А. Василенко [2], З.Н. Литвиной [9], В.А. Шитовым [16], Н.С. Ганцовой [3] мы считаем, что «однородно соподчинёнными придаточными являются любые придаточные части, сочинённые между собой и подчинённые средствами союзо-относительной связи одной и той же части» [16, с. 284]. Однородно соподчинённые придаточные – это «равнозначные компоненты», связанные с каким-то общим для них компонентом, который характеризуется или характеризует их с одной и той же стороны и по отношению к которому они выполняют одну и ту же синтаксическую функцию» [15, с. 41].

Будучи равноправными грамматически и равно соотносёнными с общей для них главной частью, однородные придаточные образуют некое кратное единство, как бы состоящее из одного члена, возведённого в степень или повторённого несколько раз. Такая однонаправленность синтаксических отношений позволяет считать однородные придаточные одним элементом. Однородное соподчинение значительно упрощает структуру МСПП. Чёткая членимость предложения способствует выполнению предложением своих коммуникативных задач.

Важной отличительной чертой однородного соподчинения придаточных является наличие сочинительных союзов. От наличия или отсутствия этого союза, его вида, зависит соответствие или несоответствие количества союзов числу придаточных, а также наличие или отсутствие одинаковых или различных союзов или союзных слов. Так, при сочинительном союзе *а* почти обязательно отсутствует подчинительный союз; при пояснительном союзе *то есть* чаще всего подчинительные союзы сохраняются. Наличие сочинительного союза, а также отсутствие подчинительных союзов (союзных слов),

делает ряд придаточных замкнутым, а всю многокомпонентную конструкцию монолитной.

К сочинительным союзам по своей функции связи между однородными придаточными при-мыкает пояснительный союз *то есть*. Отношения между однородными придаточными с пояснительным союзом *то есть* характеризуются полным грамматически равноправием. При пояснительном союзе *то есть* устанавливаются своеобразные отношения между компонентами МСПП: это зависимость однородного придаточного от другого, которое оно поясняет. В этой конструкции как бы соединяется соподчинение с последовательным подчинением. Подобные отношения наблюдаются в тех случаях, когда конструкция с однородными придаточными является закрытой, то есть когда однородные придаточные имеют сочинительный союз. Тогда неизбежно устанавливается какая-то координация, зависимость придаточного от другого, которая усиливается словами (наречия, модальные слова, местоимения), подчёркивающими отношения причины, следствия, присоединения, складывающиеся между однородными придаточными: *Рохлин доказал также, что любое трехмерное многообразие – граница четырехмерного, а также то, что любое четырехмерное ориентированное замкнутое гладкое многообразие кобордантно объединению комплексных проективных плоскостей* [12, с. 13]. *Для замкнутых многообразий это означает, что фундаментальная группа бесконечна, и, следовательно, все ее абелевы подгруппы являются циклическими* [12, с. 32].

В научном стиле предложения с однородным соподчинением обладают ещё большей прозрачностью структуры, чем такие предложения в других стилях. Этому способствует: 1) небольшой объём предложений научной речи; 2) стандартизация в употреблении и построении компонентов сложного предложения; 3) параллелизм синтаксического построения однородных придаточных частей. Это выражается: а) в совпадении видо-временных форм придаточных (чаще всего это настоящее время несовершенного вида); б) в повторяемости одних и тех же слов в придаточных частях; в) в анафорическом употреблении местоимений для замещения во второй (третьей) части тех членов, о которых шла речь в первой части; г) в калькировании вторым придаточным структуры первого придаточного.

Итак, в научном стиле конструкции с однородным соподчинением придаточных имеют большой коммуникативный потенциал. Однородные придаточные обладают экспрессивными возможностями, однонаправленностью синтаксических отношений, обеспечивающих конструкции про-

зрачность смысловых отношений и чёткость восприятия содержания.

Библиографический список

1. Беднарская Л.Д. Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений: монография. – Орёл: ГОУ ВПО «ОГУ», 2010. – 154 с.
2. Василенко И.А. Сложные предложения в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1958. – 37 с.
3. Гаврилова Г.Ф. Усложнённые сложные предложения в системе других синтаксических конструкций: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Л., 1981. – 45 с.
4. Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 274 с.
5. Дубровин Б.А. Тэта-функции и нелинейные уравнения // Успехи математических наук. – 1981. – Т. 36. – Вып. 2 (218). – С. 11–80.
6. Казмин В.В. Сложное предложение с однородными придаточными частями: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 1954. – 27 с.
7. Калашиникова Г.Ф. Многокомпонентные сложные предложения с союзной связью в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Днепропетровск, 1981. – 56 с.
8. Калашиникова Г.Ф. Сложное предложение с соподчинением и последовательным подчинением в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1963. – 23 с.
9. Литвина З.Н. Конструкции с соподчинением в древнерусском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1961. – 29 с.
10. Манин Ю.И. Новые размерности в геометрии // Успехи математических наук. – 1984. – Т. 39. – Вып. 6 (240). – С. 47–73.
11. Никольский С.М. Краевая задача для многочленов // Тр. МИАН. – 1999. – Т. 227. – С. 223–236.
12. Новиков С.П. Алгебраическая топология // Современные проблемы математики. – М.: МИАН, 2004. – Вып. 4. – 46 с.
13. Понтрягин Л.С. Непрерывные группы. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 520 с.
14. Федосов Б.В. Теоремы об индексе // Итоги науки и техники. Сер.: Современ. пробл. мат. фундам. направления, 1991. – Т. 65. – С. 165–268.
15. Чеснокова Л.Д. К вопросу о грамматической однородности и ее отношению к сочинению // Уч. зап. ТГПИ. – Таганрог, 1958. – Вып. 6. – С. 38–46.
16. Шитов В.А. Сложное предложение с последовательным подчинением в современном русском литературном языке // Уч. зап. ВГПИ. – Вологда, 1959. – Т. 18. – С. 281–289.

БАТАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКО-ФРАНЦУЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВВ.

*Среди лексики русского языка начала XIX века многие лексемы имели иноязычное происхождение. Обширную часть заимствованной лексики в русском языке в этот период составляли галлицизмы. Многовековая история взаимоотношений России и Франции предопределила ситуацию в русском языке XVIII – начала XIX века. Своеобразным «отпечатком» является огромный пласт лексики французского происхождения, в том числе и батальной. Анализ языка эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» помогает доказать факт функционирования галлицизмов в русском литературном языке начала XIX века на примере лексем *драгун*, *кавалергард*, *гренадер*, уточнить их семантику, структурные и функциональные свойства в аспекте истории русского литературного языка, определить степень ассимиляции этих галлицизмов. Данные французские заимствования имеют различную историю появления и функционирования в русском языке.*

Ключевые слова: русский язык, XIX век, языковой контакт, заимствование, галлицизм, батальный, функционирование.

На рубеже XVIII–XIX вв. достаточно тесные связи между Францией и Россией не ограничивались лишь одним аспектом, например внешней политикой или торговыми отношениями. Скорее это было тесное всестороннее взаимодействие, которое, кажется, нельзя определить иначе, как диалог двух культур. Диалог происходил не только в области искусства и культуры, но и в сфере государственного устройства, особенно в военном деле, что неизбежно отражалось и в языке. Во второй половине XVIII века французский становится вторым национальным языком для российского общества того времени. П.А. Вяземский, перефразируя известное изречение, точно характеризует культурные связи России с Францией: «Grattez le Russe, vous trouverez le Parisien» («поскоблите русского, найдете парижанина») [3, с. 328]. Безусловно, слова Вяземского, одного из самых видных деятелей того времени, поэта и дипломата, представлявшего цвет русской аристократии, нужно расценивать как достоверные. Именно в это время активизируется поток заимствований из французского языка в русский.

Одним из крупных пластов заимствований из французского языка в русский является военная лексика. Процессу заимствования лексики подобной тематики способствовали два объективных фактора. Во-первых, русская армия петровских времён нуждалась в коренных преобразованиях её организации, в создании регулярной армии. В результате возникла потребность в новой терминологии. Во-вторых, при формировании новой армии Российской империи именно Франция послужила примером для подражания, поскольку французские войска были образцовыми и отличались строгой организацией и дисциплиной. Если в начале XVIII века новая терминология только входила в русский язык, то к началу следующего столетия, в эпоху Александра I, она стала особенно употребительной.

Обширную группу галлицизмов военной тематики составляет лексика, служащая для номинации лиц. В данной статье объектом рассмотрения стали агентивы, характеризующие лиц по их принадлежности к тому или иному роду войск – *гренадер*, *драгун*, *кавалергард*.

Слово *драгун* вошло в русский язык в конце XVII века, в то время, когда повышалось значение регулярной армии, в которую входили «полки нового строя – рейтарские, драгунские, солдатские» [7, с. 45]. Этимология лексемы *драгун* восходит к латинскому *draco*, откуда слово попало во французский в форме *dragon*, впоследствии было заимствовано русским языком через посредство польского. По мнению М. Фасмера, первоначально слово обозначало оружие, извергающее пламя, а затем *драгуном* стали называть воина, вооруженного этим оружием [9, т. 1, с. 533].

Со временем регулярная армия претерпевала некоторые изменения, и в XVIII веке были упразднены конные рейтарские полки. Однако драгунские, также конные, полки сохранились в составе регулярной армии Российской империи. Эти войска участвовали в событиях Отечественной войны 1812 года. Так, в романе Л. Н. Толстого «Война и мир»: *Князь Багратион склонил голову в знак согласия и одобрения. Шагом поехал он направо и послал адъютанта к драгунам с приказанием атаковать французов. Но посланный туда адъютант приехал через полчаса с известием, что драгунский полковой командир уже отступил за овраг...* [8, т. 1, с. 354]. В систему русского языка лексема *драгун* вошла, изменив исходное окончание *-он* на более привычное для русского языка *-ун* по словообразовательной модели исконно русских слов *прыгун*, *бегун* и т. п. Слово образует единственное однокоренное слово – *драгунский* – путем прибавления суффикса *-ск-* и окончания прилагательного *-ий*. В романе «Война и мир» лексема встречается 35 раз. Относительная частотность

употребления обуславливается тем, что полки драгун составляли значительную часть русских войск кавалерии и при описании батальных сцен это слово является употребительным. Л.Н. Толстой упоминает также о драгунах других армий: *Уланы близко налетели на французских драгун, что-то спуталось там в дыму, и через пять минут уланы понеслись назад не к тому месту, где они стояли, но левее. Между оранжевыми уланами на рыжих лошадях и позади их, большой кучей, видны были синие французские драгуны на серых лошадях* [8, т. 2, с. 417]. В XIX веке драгунские полки имелись во многих европейских армиях – Франции, Германии, Австрии, Англии. В Российской империи эти полки просуществовали вплоть до революции 1917 года и были упразднены [10, т. 4, с. 119].

К конным войскам также относились *кавалергардские* полки. Кавалергардами в царской армии называли солдат или офицеров особого полка гвардейской тяжелой кавалерии [1, т. 5, с. 632]. Первоначально такие полки появились в 1724 году для почетного сопровождения императрицы Екатерины I в день её коронации. Позже кавалергардию много раз расформировывали, но при Павле I, в 1800 году, кавалергардский полк вошёл в состав войск гвардии на одинаковых правах с прочими гвардейскими полками [2, с. 143]. Военный термин *кавалергард* образован путём сложения двух французских слов: *cavalier* – ‘всадник’ и *garde* – ‘охрана’.

Несмотря на то, что история кавалергардии насчитывает чуть менее двух столетий, слово не ассимилировалось полностью в русском языке. Представленное в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина, оно до сих пор мыслится как заимствованное [4, с. 291], поскольку при разложении этого сложного слова на два составляющих его корня второй корень *-гард-* не несёт в себе семантики, понятной русскоговорящему человеку без перевода. Из приведённых Л.Н. Толстым в романе описаний кавалергардов складывается образ рослого и крепкого воина, верхом на лошади, участвующего в боевых действиях в особых случаях, в отличие от солдата-пехотинца: *Показалась на всем протяжении поля огромная масса кавалеристов на вороних лошадях, в белых блестящих мундирах... Это были наши кавалергарды* [8, т. 2, с. 89].

Слово *гренадер* проникло в русский язык из французского (франц. *grenadier*), что в переводе означает ‘метатель гранат’. Заимствование лексемы в русский язык произошло в начале XVIII века и было обусловлено необходимостью номинации такого рода войск, вооруженных гранатами. При Петре Великом в каждом пехотном полку была сформирована гренадерская рота, что соответствовало европейской практике. Однако к середине XVIII века в российской армии преобладали целиком гренадерские части – батальоны и полки гренадер. В гренадеры набирали только высоких

по росту солдат. Гренадерские части уже в то время осознавались именно как элитные и получали различные привилегии. Например, во многих армиях привилегией гренадер было ношение усов – остальные солдаты были гладко выбриты [10, т. 4, с. 73]. Подтверждение этому мы находим на страницах романа «Война и мир»: *Подъехав к почетному караулу молодцов гренадеров, большей частью кавалеров, отдававших ему честь, он с минуту молча, внимательно посмотрел на них начальническим упорным взглядом и обернулся к толпе генералов и офицеров, стоявших вокруг него. Ваши гренадеры были великолепно, ей-богу. Я видел, как их ряды шесть раз смыкались и как они выступали точно на парад. Чудный народ!* [8, т. 3, с. 516].

На иностранное происхождение слова «гренадер» указывает вариативность в его произношении – *гренадер/гренадёр*. Вариант со звуком [е] является правильным [6, с. 111]. Ошибочный вариант произношения возникает, вероятно, вследствие влияния этимологии слова: многие французские слова, обозначающие лиц, профессии, имеют продуктивный суффикс *-eur*, который путём калькирования заимствован в русский язык (стажёр, дирижёр). В современном русском языке историзм *гренадер* не используется в первоначальном значении, сейчас слово употребляется в переносном значении для обозначения рослых, крепких людей [5, т. 1, с. 346].

Начало XIX века, когда эти слова были отражены Л.Н. Толстым в романе, – период наиболее активного их употребления и усвоения. Описанные в статье галлицизмы *гренадер, драгун, кавалергард* входят в словарный состав русского языка, несмотря на то что давно не употребляются ввиду упразднения этих родов войск. В настоящее время данные историзмы используются при описании событий прошлых столетий. В современном русском языке рассмотренные лексемы являются терминами и в определённой мере усвоены системой русского языка.

Библиографический список

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 5. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 1918 с.
2. Бондаренко А.Ю. Кавалергарды. Полки русской армии. – М.: Воениздат, 1997. – 399 с.
3. Вяземский П.А. Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. – М.: Правда, 1988. – 480 с.
4. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008. – 944 с.
5. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1985. – 696 с.
6. Орфоэпический словарь русского языка / под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Рус. яз., 1988. – 704 с.
7. Павленко Н.И. Пётр Великий. – М.: Мысль, 1990. – 591 с.

8. Толстой Л. Н. Война и мир // Собрание сочинений: в 12 т. Т. 3–5. – М.: Правда, 1987.

9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1. – М.: Прогресс, 1986.

10. ЭСБЕ – Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Иллюстрированный энциклопедический словарь Т. 4: Г–Д. – М.: Эксмо, 2006. – 480 с.

УДК 81-11 ; 81'27

Галкина Наталия Павловна

кандидат филологических наук

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза

С.К. Тимошенко, г. Кострома

gnprav@mail.ru

О ВЗАИМОСВЯЗИ ФИЛОСОФСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

Статья посвящена описанию взаимосвязи философского и лингвистического аспектов изучения категории обусловленности. Обращение к философскому аспекту данной категории позволяет более глубоко понять специфику плана её выражения в языке. На примере сложноподчинённых предложений с придаточными условия и причины показано, что выражение отношений обусловленности в языке строится с учётом двух уровней познания: теоретического и эмпирического; в научном стиле чаще представлены отношения, имеющие характер логического обоснования, устанавливаемые при активной роли говорящего/мыслящего субъекта.

Ключевые слова: отношения обусловленности, логическое обоснование, выражение отношений, коммуникативная установка говорящего, причина, условие, следствие.

Отражение многослойной и многогранной взаимосвязи явлений окружающего мира происходит сквозь призму познавательной деятельности человека и её экспликацию в языке. Как подчёркивает А.В. Бондарко: «Одним из основных методологических требований современной теории синтаксиса является удовлетворительное решение вопроса об отношении между элементами следующего ряда: *Человек – знаки естественного языка – объективная действительность*» [3, с. 6]. Фрагменты внеязыковой действительности представлены в языке в виде различных понятийных категорий, среди которых одно из важнейших мест занимает категория обусловленности. Обращение к философскому аспекту данной категории позволяет более глубоко понять специфику плана её выражения в языке.

Начиная с древних философов, явление обусловленности рассматривалось на основе учения о причинности. Мыслители древности понятие причины употребляли в двух смыслах: как материю, из которой возникают все вещи, и как движение, преобразующее материю в вещи или вещи в материю. Аристотель кроме материи и движения указал ещё на два вида причин: на активность формы и на цель, ради которой создается то или иное явление [2, с. 70]. Галилео Галилей определил действующую причину как необходимое и достаточное условие для появления следствия, дав определение, которое фактически является формулировкой обусловленности [4, с. 48]. В XVII в. развитие науки и техники привело к разработке концепции универсального детерминизма, распространяющегося на всю сферу природно-человеческой действительности. Сам термин «детерминация», происходящий от латинского *determinare*

(определять, отделять), изначально обозначал операцию определения предмета через выявление всех признаков, отделяющих его от других предметов. Позже детерминацию в философии стали понимать в объективном смысле как обусловливание одних явлений, процессов и состояний другими явлениями, процессами и состояниями [8]. Интерес в разработке понятия обусловленности представляют также позиции тех философов (И. Кант, Э. Мах), которые отрицали объективное существование причинно-следственных связей и рассматривали причину и следствие как субъективные категории, связанные лишь с формами нашего мышления [8].

Философские идеи находят своё продолжение в лингвистике. Работы Г. Фреге [16, с. 58–77], отделившего мысль от акта её утверждения говорящим, послужили стимулом к формированию концепции пропозиции. Современная концепция пропозиции в лингвистике отвечает тенденции к расчленению предложения (или высказывания) на объективную семантическую константу (диктум у Ш. Балли), и субъективную переменную, призванную выражать отношение значения предложения к действительности (модальность), оценку достоверности сообщаемого говорящим, коммуникативную задачу высказывания и эмотивное отношение говорящего к сообщаемому [10]. Существенные выводы о соотношении собственно языкового и мыслительного аспектов содержания высказывания и связанном с ним соотношении значения языковой единицы и смысла высказывания излагает Т.П. Ломтев в работе «Структура предложения в современном русском языке» [11, с. 50–51].

Исходя из вышесказанного, представляется логичным, что выражение отношений обусловлен-

ности в языке должно строиться с учётом двух уровней познания объективной действительности: теоретического и эмпирического. На эмпирическом уровне объектом фиксирования связи является зависимость между предметами и явлениями объективной действительности, то есть отношения, которые существуют вне сознания познающего их субъекта. Основываясь на очевидном, может быть наглядном, автор делает выводы, выстраивая индуктивное умозаключение. В случае отражения закономерного развития или сосуществования ситуаций роль говорящего сводится к констатации, сообщению об этой связи. На теоретическом уровне познания говорящий оперирует логическими понятиями, приходя к дедуктивному умозаключению. В его задачи входит не обозначение взаимосвязи как таковой, а оформление ментальной операции по установлению этой зависимости, логическое обоснование вывода. В.С. Храковский отмечает, что во многих случаях объективной, естественной связи между смыслами предикативных частей предложения нет, она мотивирована прагматической установкой говорящего на установление данного типа отношений [14, с. 22; с. 28–29]. Такое разграничение смыслов приводит к тому, что при характеристике конструкций со значением обусловленности мы выделяем две сферы, которые, следуя традиции «Русской грамматики», называем собственно-категориальными (собственно-условные, собственно-причинные и т. п.) и несобственно-категориальными (несобственно-условные, несобственно-причинные и т. п.) [13, с. 563, 574, 577, 580, 585–587, 590].

Наше исследование свыше 3000 сложноподчинённых конструкций со значением обусловленности, взятых из произведений современных советских и российских учёных, показало, что в научном стиле (на примере произведений естественнонаучного цикла) гораздо чаще представлены отношения, имеющие характер логического обоснования, отражающие связь не между фактами, а между «мыслями об этих фактах» [5, с. 188–191]. Данный вывод согласуется с положением современной философии, касающимся развития концепции детерминизма в естествознании: «Фундаментальным идеалом детерминизма в естествознании является *объяснение* исследуемого предмета (в отличие от гуманитарного познания, ориентированного на такую когнитивную процедуру, как *понимание*)» [12].

Рассмотрим решение этого вопроса на примере сложноподчинённых предложений (далее СПП) с придаточными условия и причины, составляющих ядро поля обусловленности. Среди исследуемых условных СПП преобладают несобственно-условные предложения – конструкции, в которых наличие условно-следственной связи двух соотносящихся ситуаций мотивировано коммуникативной установкой говорящего. В научном изложении для говорящего важно представить ход

своих мыслей эксплицитно, показать, как он пришёл к некоторому умозаключению, предупредить возражения, которые могли бы возникнуть у слушающего, если бы не была произнесена посылка (условие). Типичное средство оформления подобных отношений – союзная пара *если ... , то*. Самый большой вклад в данную группировку СПП вносят конструкции с математическими выкладками и формулировки определений: См., например: *Если $\lambda \approx 5 \cdot 10^{-6}$ см, то $L = 4\pi\lambda = 6.3 \cdot 10^{-5}$ см = $6.3 \cdot 10^{-14}$ Гн* [15, с. 55]. *Если $V(-x) = V(x)$ и, соответственно, $f(-x) = -f(x)$, то коэффициент a обращается в нуль* [9, с. 112]. *Если $f > 1$, то процесс называется надкритическим, способным вызвать атомный взрыв* [1, с. 252]. В наших материалах предложения со значением обоснования формулой являются наиболее представительной разновидностью и в группе причинных СПП. Обладая знанием закономерностей, представленных в математическом выражении, говорящий использует их для осуществления дальнейших вычислений, выводов и т. д. Квалификаторами таких отношений являются союзы *поскольку* и *так как*. *Поскольку длина окружности поперечного сечения нашего провода равна $2\pi R$, то кинетическая индуктивность на квадрат будет равна $L = 2\pi\lambda$* [15, с. 54]. *Так как в этих условиях $\gamma \ll 1$, то селективность будет близка к единице* [7, с. 82].

Как в условных, так и в причинных СПП маркером, указывающим на активную роль говорящего, служит сказуемое главной части, передающее сему мыслительной деятельности, познания, вывода (*можно сделать вывод, следует иметь в виду, можно предположить / вычислить / убедиться, должен, нужно и т. п.*). Для придаточных таких предложений типична временная неопределённость: предикат в форме вневременного настоящего или инфинитива. См., соответственно: *Если каталитическое превращение реагентов проводят в неподвижном слое катализатора, то могут быть использованы гранулы любой из этих форм* [7, с. 57]. *Если продолжать разложения далее, то можно убедиться, (что спектр ...)* [9, с. 139].

Для научного стиля типична эксплицитная форма выражения роли говорящего/мыслящего субъекта, реализуемая подключением указанных выше компонентов. Но с точки зрения смысла для СПП логического вывода, построенных при активной роли говорящего, характерна обратная причинно-следственная зависимость. Рассмотрим предложение, которое по структуре нельзя отнести к конструкциям с обратной обусловленностью: *Поскольку снижение энергии активации в каталитическом акте связано с ослаблением перестраивающихся внутримолекулярных связей, (...) можно сделать вывод об относительной эффективности катализатора* [7, с. 135]. Объективную картину причинно-следственной зависимости в данном слу-

чае можно восстановить, если поменять местами «причину» и «следствие». Ср.: *Поскольку эффективность катализатора относительна, с ослаблением перестраивающихся внутримолекулярных связей происходит снижение энергии активации в каталитическом акте.* Однако при такой трансформации нарушается коммуникативная установка говорящего на продуцирование и обоснование вывода, которую автор реализует включением модального компонента *можно сделать вывод.*

Хотя в научном стиле преобладают конструкции с элементами, непосредственно репрезентирующими сему мыслительной деятельности, среди причинных СПП встречаются предложения логического обоснования с обратной обусловленностью. Представленная в них аргументация умозаключения построена таким образом, что придаточная часть фактически содержит информацию о реальном следствии, а главная – о реальной причине. Описанные в предикативных частях ситуации получают статус «причины» и «следствия» в сознании говорящего, то есть отношения между частями внешне устанавливаются мыслящим субъектом речи. Квалификаторами обратного аргументирующего значения служат союзы *поскольку* и *так как*, а также модально-оценочные слова в главной части: *очевидно, по-видимому, вероятно, значит, следовательно* и т. п. См., например: *Поскольку при этом мембраны сохраняются, то размер липидных пор в них не превышает, очевидно, этого нижнего предела* [1, с. 62]. На самом деле *размер липидных пор, не превышающий нижнего предела*, является причиной того, что *мембраны сохраняются*. Для наблюдателя же, выстраивающего умозаключение, последний факт служит наглядным свидетельством, позволяющим сделать вывод о размере липидных пор. В семантическом плане налицо отношения обратной обусловленности. Подключение к главной части модально-оценочных компонентов позволяет передать ту или иную степень уверенности говорящего субъекта при интерпретации им умозаключения как следствия. В следующем предложении отсутствует модальный модификатор, но «перевернутые» временные отношения имеют эксплицитное выражение: сказуемое главной части выражено в прошедшем времени, а сказуемое придаточной – в настоящем. Информация, представленная в главной части, по сути, является порождающим фактором для сообщаемого в придаточной: *В прошлом значение r во Вселенной было выше, поскольку величина N уменьшается со временем* [6, с. 124]. Ср. трансформацию в конструкцию прямого логического обоснования: *То, (что в прошлом значение r во Вселенной было выше), становится очевидным, поскольку величина N уменьшается со временем.* Тем не менее и здесь имеет место смысловая инверсия: придаточная часть фактически представляет информацию о реальном следствии,

а главная – о реальной причине. Восстановление объективных причинно-следственных отношений, существующих вне говорящего субъекта, происходит при перемещении союза из придаточной части в главную: *Поскольку в прошлом значение r во Вселенной было выше, величина N уменьшается со временем.* Но данная трансформация, восстанавливающая прямые причинно-следственные связи, не соответствует исходной коммуникативной установке говорящего – представить объяснение, на основании чего делается вывод о «прошлом значении r во Вселенной». Конструкции обратного подчинения не являются характерными для научного стиля и встречаются в редких случаях (в наших материалах 1 % причинных СПП) – тогда, когда говорящий высказывает предположение, умозаключение на основании определенных доводов, побочных факторов, косвенного свидетельства. Исследователи семантики обусловленности в других стилях также обращают внимание на роль модально-оценочных слов и контекста при определении направления обусловленности [13, с. 580; 14, с. 19–21].

Конструкции научного стиля являются яркой демонстрацией и подтверждением того, что язык служит не только для передачи мыслей, но и для их возникновения и формирования. Философский подход, являясь универсальным инструментом анализа, помогает раскрыть глубину и широту смыслов. Кропотливый лингвистический анализ, подкреплённый достижениями философской мысли, позволяет обнаружить разнообразие нюансов отношений, выявить и описать набор средств для оформления этих отношений.

Библиографический список

1. Антонов В.Ф., Черныш А.М. Биофизика: учебник. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 288 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
3. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука, 1978. – 176 с.
4. Бунге М. Причинность. Место принципа причинности в современной науке. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 504 с.
5. Галкина Н.П. Сложноподчинённые предложения со значением обусловленности в научном стиле современного русского языка (на материале произведений естественнонаучного цикла): дис. ... канд. филол. наук. – Кострома, 2014. – 225 с.
6. Гинзбург В.Л. О физике и астрофизике: статьи и выступления. – М.: Наука, 1992. – 528 с.
7. Иоффе И.И., Решетов В.А., Добротворский А.М. Гетерогенный катализ. Физико-химические основы. – Л.: Химия, 1985. – 224 с.
8. Кальной И.И., Сандулов И.И. Философия для аспирантов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/kalnoy_filosofija/ (дата обращения: 23.06. 2014).

9. Кузнецов А.П., Кузнецов С.П., Рыскин Н.М. Нелинейные колебания: учеб. пособие для вузов. – М.: Изд-во физ.-мат. лит., 2002. – 292 с.

10. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Н. Ярцевой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/401b.html> (дата обращения: 03.07.2013).

11. Ломтев Т. П. Структура предложения в современном русском языке. – М.: МГУ, 1979. – 198 с.

12. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ariom.ru/wiki/>

Determinizm|Indeterminizm (дата обращения: 27.05.13).

13. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 714 с.

14. Храковский В.С. Типология условных конструкций. – СПб.: Наука, 1998. – 584 с.

15. Шмидт В.В. Введение в физику сверхпроводников. – М.: МЦНМО, 2000. – 402 с.

16. Frege G. Der Gedanke. Eine logische Untersuchung // Beiträge zur Philosophie des deutschen Idealismus. – 1918. – Bd. I. – S. 58–77.

УДК 81'282

Ганцовская Нина Семёновна

доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник
Костромской государственной университет
gantsovsky_n@mail.ru

ГОВОРЫ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕГО ЧЛЕНЕНИЯ

Статья посвящена проблемам внутреннего диалектного членения говоров Костромской области, которая после её создания в 1944 году получила иные очертания, чем Костромская губерния. Восточные говоры Костромской области, расположенные на прежних территориях Вологодской и Вятской областей, по ряду признаков, в основном исторического характера, отличаются от говоров западной части Костромской области, хотя и входят совместно с последними в Вологодско-Вятскую группу севернорусского наречия. На основании известных классификаций русских говоров, а также новых этнодиалектных разработок и собственных наблюдений автора статьи предлагается схема внутреннего диалектного членения говоров Костромской области на говоры северо-западные, юго-западные и восточные, среди которых выделяются более дробные этнодиалектные зоны. В статье рассматриваются ареальные особенности нерехтской (юго-западной) этнодиалектной зоны, частично совпадающей по размерам с VIII лексической зоной в Лингвистических картах Г.Г. Мельниченко, в сравнении с этнодиалектными чертами VI (северо-западной) лексической зоны (также по членению Г.Г. Мельниченко), которые имеют признаки как севернорусских, так и среднерусских говоров. Делается вывод об их основных типологических чертах.

Ключевые слова: диалектное членение, говоры Костромской области, этнодиалектная зона, севернорусские, среднерусские говоры.

Границы Костромской области были установлены в 1944 г., когда она как административная единица была выделена из состава Ярославской области, но они не соответствуют прежним рубежам Костромской губернии. Западные приволжские земли Костромской губернии ныне входят в состав не только Костромской области, но и в основном Ярославской и Ивановской областей, а территории к востоку от Унжи, некогда бывшие в зоне преимущественно новгородского влияния, Верхней Руси (говоры Русского Севера), достались ей в наследство от Вологодской и Вятской губерний. Вследствие этого оказалось, что говоры Костромской области не столь однородны, как говоры Костромской губернии: они условно делятся на центральные (западные, бывшая Низовая Русь, земли преимущественно ростово-суздальского заселения, близкие к Москве) и периферийные (восточные, бывшая Верхняя Русь, говоры Русского Севера). Всё же можно говорить о известном единстве всех говоров Костромской области, западных и восточных, особенно в области лексики и грамматики, несмотря на наличие на её территории различных историко-культурных и бо-

лее дробных этнолингвистических зон, и именовать их в совокупности костромскими, поскольку все они по своим основным чертам являются Вологодско-Вятской группой северновеликорусского наречия (по терминологии МДК 1915 г.). Это говоры первичного заселения, сложившиеся до XIV в. (см. об этом: [12; 15; 11]; о группировке современных костромских говоров более детально см. в [2–6; 8]).

Говоры европейской части России в 40–60 гг. XX в., в том числе и западные костромские (граница – Унжа), были детально обследованы по Программе ДАРЯ, в результате чего была разработана теория диалектного членения русского языка, основанная на системном и многоаспектном анализе пучков изоглосс разной направленности, т. е. принципах лингвистической географии (см. об этом, например, [15; 11]), был создан ДАРЯ и региональные атласы. Таким региональным атласом на основе материалов ДАРЯ, имеющим исключительное значение для понимания особенностей диалектного членения говоров Костромской области по ареалам слов, являются Лингвистические карты – приложение к книге Г.Г. Мельниченко «Неко-

торые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование)» [9]. Лингвистические карты призваны решить ряд задач в области лексико-семантической, деривационной и ареальной дистрибуции говоров центральной части России, что позволит «высказать некоторые предположения относительно миграции отдельных групп населения и этнических связей между ними» [10, с. 177]. В пределах Костромской области на картах Г.Г. Мельниченко расположены говоры VI и частично VII, VIII и IX лексических зон на картографируемой им территории Владимиро-Суздальского княжества, где представленные слова из лексического списка Программы ДАРЯ (названия изгородей, корзин, крестьянских усадеб и др.) «могут выступать в качестве дифференцирующих признаков в пределах данной территории... и могут служить ориентирами при изучении словарного состава говоров других территорий» [10, с. 172]. Автор исходил из соображения, которое совпадает с мнением Р.И. Аванесова, об исконности диалектных различий на территории Владимиро-Суздальского княжества [10, с. 173], но предупреждал о том, что предложенные им «границы ареалов и зон, обозначенных на картах, являются в значительной степени относительными» [10, с. 177]. Действительно, есть опыт создания зон на данной территории несколько иных конфигураций и размеров, как это сделано, например, в разделе «Диалектное членение Ярославской и Костромской областей в свете данных русистики» коллективной монографии «Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны» [13], что, по мысли авторов, должно дать определённый материал для реконструкции лингвистических и историко-культурных зон и выявления языковых микрзон на этой территории. Однако мы с уверенностью полагаем, что с учётом данных «Очерков...» и иных материалов обследования русских говоров, Лингвистические карты Г.Г. Мельниченко до сих пор имеют непреходящую ценность для решения задач этно- и лингвогеографического характера при обследовании костромских говоров.

Другой группировкой говоров на основе материалов ДАРЯ, также политетического типа, как и Диалектное членение 1964 года, но построенной на иных принципах, является структурно-типологическая классификация Н.Н. Пшеничновой [14]. В основе методики её создания лежит задача «классифицировать говоры вне территории как единые и целостные языковые системы – частные диалектные системы (ЧДС) на основании их полных описаний по всем языковым уровням, иначе говоря, построить не ареальную, а структурно-типологическую классификацию... Задача классификации может быть сформулирована следующим

образом: проанализировать всю совокупность исследуемых говоров с точки зрения её дискретности или континуальности... <...> В результате проведения классификации должны быть определены и такие понятия, “группа говоров”, “переходные говоры”, “смешанные совокупности разнородных говоров”, а также основное для типологии говоров понятие “тип диалекта”» [14, с. 6]. Н.Н. Пшеничновой было классифицировано 4416 ЧДС, «территории, входящей в “Диалектологический атлас русского языка”, т. е. наиболее старых русских поселений (Центр европейской части России), по всем показателям, которые в ДАРЯ представлены (4416 признаков)» [14, с. 8].

На основании упомянутых и известных ещё до начала XX в. классификаций русских говоров, а также новых этнодиалектных разработок русских говоров, предложенных, в частности, Н.И. Толстым, А.С. Гердом, С.А. Мызниковым и др. (их обзор см. в [5]), мы пришли к выводу: принцип традиционного лингвогеографического членения костромских говоров в пределах Костромской области с учётом историко-культурных и этнографических данных до сих пор остаётся актуальным. Впервые в общих чертах он был намечен Г.З. Шкляр, который, ещё до создания ДАРЯ и диалектных членений на его основе, делил говоры Костромской области на западные и восточные [18, с. 191]. Мы согласны с такой классификацией, хотя во многом она условна, поскольку граница между костромскими говорами запада (центра) и востока (периферии) не отличается строгой определённой ввиду континуального характера русских говоров. Это говоры древнейшего заселения, первичные, с угро-финской субстратной основой, возникшие на бывших постмерянских и др. финно-угорских территориях до XIV в. в результате объединения разновременных говорных потоков славян из новгородских и ростово-суздальских земель. Среди западных костромских говоров целесообразно выделить во многом различные по своим этноязыковым чертам северо-западные говоры с находящимся в их эпицентре обширным акающим островом (по Г.Г. Мельниченко, это VI лексическая зона) и юго-западные, в большей или меньшей степени имеющие черты среднерусских владимирско-поволжских говоров (это часть VIII зоны, которую условно можно назвать нерехтской). Как полагаем, во многом своеобразии этих двух частей западных костромских говоров, кроме особенностей славянского освоения, объясняется субстратной основой разных угро-финских языков и их групп прежнего (дославянского) автохтонного населения этих краёв.

Об историко-географических и социально-культурных особенностях славянского заселения правого и левого берегов Волги, например, см. в [1; 11; 16; 17] и др. Первоначально костромские

земли (X–XI вв.) осваивали новгородские словене и восточные кривичи: волоком от реки Сухоны до верхнего течения Унжи и Ветлуги они тащили свои лодки-ушкуи и, двигаясь вниз по течению, заселяли близлежащие к рекам земли. Второй колонизационный поток из Ростово-Суздальского княжества, позднее Владимиро-Суздальского, княжеская и крестьянская колонизация, двигаясь на восток и осваивая сначала правобережье Волги, а потом в какой-то степени левобережье, оказался более влиятельным в западной части костромских земель и перекрыл первый поток, но в определённой мере распространил своё влияние и на формирование говоров на севере и востоке нынешней Костромской области. Более детальные сведения на эту тему относительно говоров на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества, в том числе и костромских, можно найти, например, в упомянутых книгах [1, с. 150–249; 10, с. 12–20, 172–196].

На территории Костромской области по ряду признаков культурного и лингвистического характера, но в основном по данным лексики, можно выделить такие же или более дробные этнодиалектные зоны, как и на карте 90 Г.Г. Мельниченко [9, с. 94]. В своё время мы описали положение говоров Костромского акающего острова среди костромских говоров как особого этнодиалектного образования, по данным лексики составляющих общую совокупность с окающими говорами соседних территорий, обозначенных Г.Г. Мельниченко VI лексической зоной [5; 6, с. VIII–XIV]. Эта зона целиком находится в пределах северо-западной части Костромской области (прежде губернии) и граничит непосредственно с восточными костромскими и вологодскими говорами, она велика, но с её очертаниями как лексической и этнодиалектной зоны мы вполне согласны.

Теперь рассмотрим этнодиалектные особенности крайней юго-западной территориальной единицы Костромской области, той части Костромского Поволжья с центром в г. Нерехта, которая расположена на противоположном от Костромы, а отчасти и на том же самом, берегу Волги. Она охватывает территорию Костромского района Костромской области, крайней периферии зоны (Будихино, Зарубино, Тереньково, Песочня, Злобино, Василёво); ближней периферии также Костромского района (Волгореченск, Спас, Владычное Костромского района); средней периферии Некрасовского района Ярославской области (Лихообразово, Левашово, Малые и Большие Соли), Красносельского района Костромской области с деревнями вблизи Волги, отличающимися большим или меньшим сходством их речи с речью нерехтчан и образом жизни их носителей (Прискоково, Сунгурово, Красное-на-Волге, Подольское, Серково, Антоново, Гравийный Карьер и др.). Эпицентр зоны – Нерехтский район (вся территория района и далее по

старой дороге Нерехта – Ёмсна – Армёнки – Фурманово с захватом некоторой части Ивановской области в районе Фурманова (Середнее) – Приволжска (Яковлевское) – Плёса – Наволока. По ряду этнодиалектных признаков VIII зона может быть противопоставлена VI. Границы рассматриваемого выше региона неопределённые, но в общих чертах он соответствует большей части VIII лексической зоны на карте 90 Г.Г. Мельниченко, расширенной к востоку и суженной к западу и югу в сторону ярославских и ивановских говоров, с которыми нерехтская зона не имеет фронтальных различий. Главные мерилы её выделения – фонетические черты (прежде всего неполное оканье) и особенности лексического состава, в ряде случаев и грамматики. Говоры VIII зоны представляют синкретизм севернорусских и среднерусских черт, отражающих признаки, с одной стороны, говоров Вологодско-Вятской группы, с другой – Владимирско-Поволжской, с неравным соотношением тех и других черт в её отдельных регионах.

Пользуясь главным образом материалами Лингвистических карт Г.Г. Мельниченко и привлекая данные этнодиалектных характеристик общности людей того или иного края, которые даны в [13], и наши собственные наблюдения, эскизно представим особенности говоров VIII, условно назовём её Нерехтской, этнодиалектной зоны в сопоставлении её с VI Галичско-Чухломско-Солигаличской этнодиалектной зоной.

1. *Местоположение зон. Общие сведения о древнейшем заселении края.* На картах Г.Г. Мельниченко оба диалектных объединения представлены в пределах территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. Карты 1–7 дают представление о расселении восточнославянских племён на территории княжества до его образования (IX–X вв.), состояние диалектных объединений к 1915 г. На карте 2 показано, что к 1054 г. и при Олеге территория VI зоны ещё не входила в состав древнерусского государства, но и в VIII и VI зонах в это время ещё не было славянского населения. На карте 6 с обозначением княжеств в XII – 1-й половине XIII в. жители и VIII и VI зон входят в состав Ростово-Суздальской земли. На карте 7 VIII зона с эпицентром Нерехтой находится в пределах Костромского княжества и в близком соседстве с Ярославским, Ростовским и Суздальским княжествами, а VI зона – в пределах Галицкого княжества. Западная граница Галицкого княжества, касаясь Галицкого озера, соприкасается с границей Костромского княжества, северная – с вологодскими и устюжскими землями, южная и юго-восточная – с Городецким княжеством и сразу же за Унжей – с землёй мари (черемисов). В книге «Археология Костромского края» можно получить более детальные сведения об эпохе Древней Руси, о том времени, когда началось заселение

славянами Костромского края, первые упоминания о городских центрах которого (г. Нерехть (Нерехта) и Галиче Мерьском) относятся к началу XIII в., и о дальнейшем развитии их вплоть до XVII в. [1, с. 150–249].

2. *Фонетические и морфологические особенности.* На карте 8 в VIII зоне отражено произношение *o* на месте этимологических *e* и *ь* в первом предударном слоге после мягких согласных (ёканье), так же, как и по направлению к Ярославлю, течению Волги и севернее вплоть до Сусанина. В VI зоне в этой же позиции произносится *e* или *a*. Карта 9 показывает, что гласные на месте *ъ* (*ять*) под ударением перед мягкими согласными произносятся одинаково в VIII и VI зонах: как *ê* или *и*. Есть разница в произношении подударного *a* между мягкими согласными в VIII и VI зонах: в VIII – как *e*, возможна и лексикализация явления только в слове *опеть*, в VI зоне *a* сохраняется, *e* произносится только в слове *опеть* (карта 10), на карте 11 показано, что в VIII зоне этимологическое *ч* сохраняется и очень редко на месте его встречается *ц* *мягкое*, а в VI зоне *ц* – *мягкое*, изредка встречается цоканье. На карте 12 в VIII и VI зонах отражена одинаковая судьба *ц*, который не имеет никаких соответствий в этих говорах. Карта 13 показывает сохранение архаического произношения суффиксов *-ство*, *-ский* в обеих зонах, что является яркой чертой всех севернорусских говоров, карта 14 отражает привативную оппозицию при употреблении форм типа *несетё/несёте* соответственно в VIII и VI зонах.

3. *Лексические противопоставления.* Им посвящены карты 15–89, из них наблюдается полное или почти полное совпадение лексических особенностей зон на 25 картах (карты 15, 16, 17, 26, 28, 29, 32, 37, 41, 43, 45, 47, 52, 53, 54, 55, 56, 74, 80, 82, 83, 84, 85, 87). Жирным прямым шрифтом выделены карты с нулевой оппозицией членов картографируемых зон, ими оказываются семиотически релевантные слова-константы в плане широких этногеографических различий: *оседланность* (*оседлость*); *гумно* (*гувно*); *дворина*, *подволока*; *потолок*; *поветь* (*повить*); *тын*; *бурак*; *молотило*; *гнёт*; *тропинка*; *кербь*; *баской*. Всё это севернорусская лексика древнейшего происхождения; *бурак* (берестяной сосуд) и *баской* – слова угрофинского субстратного происхождения. В большинстве случаев эта лексика не имеет конкурентов в зоне и является одномерной. Однако лексическое сходство зон обрисовывают не только положительные изоглоссы, но и одинаковые отрицательные. Характеризующим семиотическим компонентом лексического пространства является и отсутствие или одинаково незначительное присутствие тех или иных номинаций в сопоставляемых зонах. Таковы, например, карта 84, где нет изосемы 'ячмень' слова *жито*, карта 86 с отсутствием слова

нива в значении 'жатва и связанные с нею обряды' и карты 43 и 45, где одинаково малочисленны в обеих зонах слова *плетёнка*, *плетушка* и слово *короб*. Под неполным или частичным совпадением изоглоссы мы понимаем их функционирование в составе лексико-семантической группы слов с подобным значением с неравным объёмом их доли участия в каждой из зон (карты с обозначением цифр курсивом). Например, в зоне VIII имеются номинации *тропинка*, *тропа*, *тропка*, *дорожка*, в зоне же VI – только *тропинка*. На карте 54 наряду со словом *надог*, обозначающим рукоятку цепа в обеих зонах, в VIII зоне функционируют слова *черень* и *рукоятка*, в VI же зоне – *цевье* и *ручка*. На карте 56 слово *кадка*, обозначающая название ремня, соединяющего ручку и било у цепа, в VIII зоне находится в группе слов *батог*, *валёк*, *головяшка*, а в VI зоне – слов *цепинка* и *батог*.

В значительной части случаев лексика обеих сопоставленных зон находится в привативной оппозиции, билатеральной, одномерной, двоичных или даже более сложных количественно многомерных формах оппозиции (например, таких, когда в зонах фигурируют слова, с одной стороны, частых речевых ситуаций, с другой стороны – редких).

Примерами одномерной привативной оппозиции является речевая ситуация на картах нерехтской (VIII) зоны, где представлены слова *ободворина*, *ободворье*, *ободворица* (19); *усад* (22), *печина* (23), *загородка* (24), *понебье* (27), *загорода*, *ограда* (31), *забор* (38), *палисадник* (39), *честок* (40), *коренуха*, *коренушка* (49), *торфушка*, *торфянка* (51), *кочет* (78), *запон* (81), *жито* 'ячмень' (84) и др., а в VI зоне эти слова совсем не представлены. Обратного соотношения не наблюдается, что свидетельствует о большей древности массива номинаций в северо-западной (VI) зоне, где более значительны черты новгородской колонизации, но, возможно, свидетельствует и об особенностях быта, производственной деятельности людей в различающихся природно-географических условиях и специализации ведения хозяйства.

При характеристике этнокультурного пространства VIII зоны при сравнении с VI зоной наиболее релевантными её маркерами являются следующие. 1. *В первую очередь черты языка* – неполное оканье, особенности интонации в пределах слова и фразы, ряд черт фонетики, грамматики, лексики, которые легко подмечают экстраверты; следы «елманского» языка (жаргона профессиональных нищих, коробейников). В Галиче (VI зона) также в своё время существовал «галивонский» язык (местное арго), за что местных жителей прозвали галивонами. В VI зоне – полное оканье или аканье. 2. *Тип социальных отношений и семейных связей.* Крепкий моногамный брак с совместным проживанием супругов в течение всего или большей части года и совместным ведением хозяйства в летнее

время в отличие от отсутствия мужчин-питерщиков в весенне-летний период и препоручение всего хозяйства женщинам (костромским амазонкам) в эпицентре VI зоны – Костромском акающем острове. Также в нерехтских краях иной тип и направления отходничества – в Москву и близлежащие города на сравнительно небольшой период без длительной разлуки с семьёй; традиционное ещё в недавнее время занятие ремеслом бродячих торговцев (офеней, коробейников), владеющих тайным офенским языком, что предопределило особенные черты характера нерехтчан. 3. *Типы традиционной материальной культуры*. В целом это характерные для жителей Низовой Руси в пределах территории Владимиро-Суздальского княжества особенности питания (например, особые типы выпечки); одежды и обуви; виды ремёсел и промыслов, обычно не связанных, как в VI зоне, с лесным делом, охотой и рыболовством, типом жилища и т. д. 4. *Духовная культура*. Религия, обряды, фольклор, особенно музыкальный, ритуальная пища и одежда имеют своеобразие на данной территории. 5. *Тип топонимики* в обеих зонах характеризуется преобладанием угро-финских наименований в гидронимии и значительным их количеством в ойконимии.

Сравнение говоров VIII (нерехтской) и VI (с эпицентром акающих говоров) диалектных зон показало их генетическую и типологическую общность и в то же время устойчивость их диалектных типов, представляющих сложную макроструктуру, во многом поддержанную культурно-этническими особенностями края. Лишённые замкнутости и имеющие сходство с другими диалектными общностями, расположенными вблизи и даже на значительном расстоянии от них, они в целом, по данным лексики и грамматики и значительного количества фонетических явлений, с уверенностью могут быть охарактеризованы как севернорусские этнодиалектные территории. Однако черты среднерусских переходных говоров присущи обоим этим образованиям. В VI зоне это обширная территория акающего острова, представляющая собой смешанные среднерусские говоры с севернорусской основой и южнорусским наслоением (аканье), что является не исконной, а привнесённой извне (с 20-х гг. XVII в.) их чертой. Отношения ареалов окающих и акающих говоров здесь – прерывистые, фронтальные, но только в случае безударного вокализма. В VIII зоне это среднерусские переходные говоры континуального характера, но которые нельзя назвать смешанными и разнородными, имеющие черты как севернорусского наречия, так и среднерусских говоров. Статус их спорен. Классификация 1915 г. причисляет их к севернорусским, диалектное членение 1964 г. – к среднерусским (восточным, окающим). По структурно-типологической классификации Н.Н. Пшеничновой говоры

Нерехтской (VIII) зоны как части «северной половины Владимирско-Поволжской группы» являются севернорусскими [14, с. 171–172]. Здесь мы присоединяемся к её мнению.

Сокращения

ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка; *МДК* – Московская диалектологическая комиссия; *ЧДС* – Частная диалектная система

Библиографический список

1. Археология Костромского края / под ред. А.Е. Леонтьева. – Кострома: Гос. научно-произв. центр по сохр., реставрации и использованию историко-культурного наследия, 1997. – 276 с.
2. *Ганцовская Н.С.* Особенности говоров Костромской области: учеб. пособие. – Кострома, КГПИ им. Н.А. Некрасова, 1992. – 94 с.
3. *Ганцовская Н.С.* Об ареальной специфике некоторых лексических групп Костромского акающего острова в лингвогеографической интерпретации Г.Г. Мельниченко // Русские народные говоры. Проблемы изучения. – Ярославль: ЯГПУ, 1997. – С. 30–32.
4. *Ганцовская Н.С.* Костромское народное слово. Очерки, исследования, эссе, народные рассказы. – Кострома: Изд. сектор облдумы, 2003. – 216 с.
5. *Ганцовская Н.С.* Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии. – СПб.: Наука; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 228 с.
6. *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный клуб Книговек, 2015. – XXXI, 512 с.
7. *Герд А.С.* Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб.: Наука, 2005. – 457 с.
8. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с.
9. *Мельниченко Г.Г.* Лингвистические карты: приложение к книге Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование). – Ярославль: ЯГПИ, 1974. – 94 с.
10. *Мельниченко Г.Г.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование). – Ярославль: ЯГПИ, 1974. – 208 с.
11. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии / ред. В.Г. Орлова. – М.: Наука, 1970. – 455 с.
12. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диа-

лектологии // Тр. Московской диалектологической комиссии. Вып. 5 / сост.: Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколов, Д.Н. Ушаков. – М.: Синод. тип., 1915. – 132 с.

13. Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / под общ. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. – СПб.: Наука 2001. – 512 с.

14. *Пиеничнова Н.Н.* Типология русских говоров. – М.: Наука, 1996. – 208 с.

15. Русская диалектология / под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. – М.: Наука, 1964. – 308 с.

16. *Рябинин Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху Средневековья. – Л.: Наука, 1986. – 160 с.

17. *Смирнов В.И.* Население Костромского края в прошлом и настоящем // Прошлое и настоящее Костромского края. – Кострома: Северная правда, 1926. – С. 59–90.

18. *Шкляр Г.З.* Язык старокостромской деловой письменности и народные говоры Костромской области // Вопросы русского языка. Вып. 1. Диалектология и историческая грамматика. – Ярославль: ЯГПИ, 1970. – С. 56–69.

19. *Шкляр Г.З.* Особенности говоров Костромской области и задачи преподавания русского языка. – Кострома, [б. г.]. – 19 с. – (Архив Н.С. Ганцовской).

УДК 821.161.1.09"17"; 81'42

Дмитрук Людмила Александровна

кандидат филологических наук
Костромской государственной университет
lyudmila-dmitruk@mail.ru

**«СЛОВАРЬ ЯЗЫКА КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ
А.О. АБЛЕСИМОВА “МЕЛЬНИК-КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ”»
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ ОСНОВЫ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
(служебная лексика)**

В статье «Словарь языка комической оперы А.О. Аблесимова “Мельник-колдун, обманщик и сват”» рассматривается на фоне сложившейся лексикографической традиции создания авторских словарей. Описываемый Словарь, составленный на материале одного произведения, а потому являющийся словарём тезаурусного типа, отражает фрагмент общенационального языка конца XVIII в. – времени сложения русского литературного языка. В Словаре внимание сосредоточено на анализе слов диалектных, просторечных, жаргонных, с течением времени подвергнувшихся процессу семантико-стилистической перегруппировки и впоследствии составивших народно-разговорную основу литературного языка. В статье раскрываются особенности лексикографического описания служебной лексики, в частности постпозитивных частиц, служащих маркером регионального или просторечного употребления речи: объясняются принципы организации словарной статьи (оформление заголовочного слова, указание его частотности, грамматическая характеристика, толкование, иллюстративный материал, комментирующая часть), приводятся примеры словарных статей.

Ключевые слова: А.О. Аблесимов, «Мельник-колдун, обманщик и сват», комическая опера, авторский словарь, словарная статья, служебная лексика, частицы.

В центре обсуждения в трудах современных лингвистов всё чаще находятся вопросы, связанные с изучением литературного варианта русского языка – как в историческом аспекте, так и в отношении его живых связей в системе национального языка, о чём свидетельствует большое количество лексикографических трудов, уже изданных или только готовящихся выйти в свет. В настоящее время одним из самых солидных многотомных проектов является «Большой академический словарь русского языка» (издание начато в 2004 г., до 2016 г. группой Академического словаря в ИЛИ РАН руководил д. ф. н., профессор А.С. Герд), который продолжает традиции 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» (1950–1965 гг.) и отражает лексический фонд русского литературного языка, накопленный на протяжении последних двух сотен лет его развития.

Литературный язык, оформившийся в XVIII–XIX вв., по сути, самая молодая разновидность

русского национального языка, существует в своей современной форме во многом благодаря тому, что в течение веков постоянно взаимодействовал с языковой периферией, подпитывался за счёт этой живой многокомпонентной стихии, куда входит значительный объём лексики диалектной, разговорной, жаргонной, просторечной. М. Горький отмечал: «Уместно будет напомнить, что язык создается народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его» [5]. Однако и до А.С. Пушкина, в литературе XVIII в., находим первые попытки писателей сблизить книжное и разговорное начала, создать новый литературный язык, сориентированный на общенародное употребление.

Наиболее детально процессы перегруппировки лексических единиц внутри национального языка

демонстрируют словари языка писателей, а также их частные случаи – словари языка одного произведения. В них, словно в фокусе, отражён одновременно и активный словарный запас носителей языка изучаемого периода, и его авторское преломление в конкретном контексте. В последние годы издано достаточно большое количество подобных трудов, составленных на основе художественных текстов с народно-разговорной речевой основой: В.А. Паршина «Язык русской классики: книжные и разговорные лексические элементы прозы Н.С. Лескова 90-х гг. XIX в.» (М., 1993), Н.С. Ганцовская «Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова» (Кострома, 2007), И.М. Курносова «Словарь народного языка произведений И.А. Бунина» (Елец, 2006) и др. Данные словари, тем не менее, описывают языковой узус эпохи «после Пушкина», тогда как по-прежнему наиболее уязвимым временным отрезком в истории русского литературного языка остаётся рубеж XVIII–XIX вв. – время господства противоречивых языковых теорий, споров о языке. Поэтому актуальным видится составление авторских словарей на материале литературных памятников демократической направленности конца XVIII в., в которых задолго до появления гения Пушкина видим живое народное словоупотребление эпохи.

Разрабатываемый нами «Словарь языка комической оперы А.О. Аблесимова “Мельник-колдун, обманщик и сват”» составлен на основе текста одного из популярных драматических произведений предпушкинского периода (пьеса написана в 1772 г., впервые поставлена в 1779 г.). Речевая ткань «Мельника...» Аблесимова (авторские ремарки, реплики и куплеты персонажей) включает наряду со словами нейтральными диалектную, фольклорную, жаргонную, просторечную лексику, а значит, отражает живой разговорный узус современного автору времени. Это в некоторой степени облегчает работу лексикологов и лексикографов по описанию словарного состава национального языка конца XVIII в., что особенно важно ввиду отсутствия других источников сведений о языке того периода: лексикографических данных, полевых записей и др.

Настоящий Словарь в соответствии с современной типологией авторских словарей [14] является словарем языка одного художественного произведения ограниченного объёма (не более 6 000 словоупотреблений). Сравнительно небольшой текст пьесы позволяет рассматривать данный Словарь как тезаурус, где становится возможным и обязательным описание всех слов произведения во всех контекстах. Словник данного Словаря включает самостоятельную, в том числе собственные наименования, и служебную лексику.

В пьесе А.О. Аблесимова большое количество незначительных слов, которые представлены

традиционными лексико-грамматическими классами – предлогами, союзами и частицами, со значительным преобладанием последних. Диапазон партикул в пьесе достаточно широк и варьируется от стилистически нейтральных слов до единиц, являющихся маркерами разговорного, а иногда и регионального употребления речи: *-ат, бишь, вить, вишь, вон, вот, -де, дескать, жа, же, ин, -ка, -ко, -ста, -та, -таки, -тка, -то* и др. Частицы в тексте произведения имеют высокий индекс частотности, представлены несколькими разрядами. Среди них доминируют модальные постпозитивные частицы, которые, обладая особой экспрессией разговорности, выражают чувства говорящего, придают речи действующих лиц пьесы народный характер: *-ат, -де, -ка, -ко, -ли, -ста, -та, -таки, -те, -то, -тка, -тко* и др. Указанная группа слов в процессе эволюции языка претерпела немало изменений: часть лексем закрепились в разговорном стиле литературного языка и на протяжении более двухсот лет продолжает функционировать в речи, другая часть вышла из активного употребления, но сохранилась в диалектах, жаргонах, просторечии.

Проанализируем особенности лексикографического описания частиц в нашем Словаре, в частности постпозитивных частиц.

Заглавное слово. Постпозитивные частицы, не являющиеся словообразовательными морфемами (например, *ат, -де, -ка, -ко, -ста, -та* и др.), даются в Словаре отдельными статьями (с дефисом или без него в случае слитного написания в тексте комедии) по алфавиту.

Количество словоупотреблений в тексте приводится после заглавного слова в круглых скобках, подсчитывается по числу слов, употребляемых с данными частицами.

Грамматические пометы. В Словаре, кроме пометы *част.*, указывающей на частеречную принадлежность слова, при заглавном слове или одном из его значений указывается разряд частиц: **-СТА (1)**, *част. постпозит.*

Характеристика речевого употребления. В данном разделе словарной статьи даются пометы, указывающие на стилистические, экспрессивные, локальные или социальные ограничения употребления слова. Пометы приводятся курсивом после грамматической характеристики лексемы в фигурных скобках. На первом месте расположена помета, подтверждающая сферу функционирования частицы в XVIII веке (указывается по историческим словарям, например, «Словарю русского языка XVIII века» [13], «Словарю церковно-славянского и русского языка» [9], «Толковому словарю живого великорусского языка» В.И. Даля [10]), а после знака «→» следует помета, фиксирующая сферу употребления слова в настоящее время (указывается по толковым словарям современного русского языка, например «Словарю современно-

го русского литературного языка» в 17 томах [1], «Словарю русского языка» в 4 томах [8], «Большому толковому словарю русского языка» [2]). Стилистически нейтральные частицы даются без специальных помет.

Толкование частицы выделено курсивом. Значение раскрывается при помощи развёрнутого описания, содержащего указание на функцию частицы в речи.

Иллюстративный материал приводится в полном объёме. В словарной статье даны все случаи употребления частицы в тексте. Усечение начала или конца цитаты сопровождается знаком <...>. Иллюстрации даются по изданию: [7]. Специальным шрифтом цитаты не выделяются. Орфография и пунктуация иллюстраций соответствует указанному изданию.

Комментирующая часть. В нашем Словаре особое внимание уделяется толкованию национально-маркированной лексики, большая часть которой регионально окрашена. При описании таких слов за знаком «*» следует комментирующая часть, где даются географические сведения, свидетельствующие о локализации слова в наши дни. Ссылка на источники в словарной статье следует после указания на географию лексемы и дана в квадратных скобках шрифтом меньшего размера. Региональный характер слова устанавливается по следующим словарям: «Словарю русских народных говоров» [11], Картотеке Костромского областного словаря [6], по ряду словарей Н.С. Ганцовой «Живое поунженское слово» [3], «Словарю говоров Костромского Заволжья: междуречья Костромы и Унжи» [4] и др.

Приведём примеры словарных статей постпозитивных частиц *ат*, *-ста*. Если рассматривать данные партикулы в исторической перспективе от XVIII в. до наших дней, опираясь на данные словарей, то можно проследить, как происходили семантико-стилистические трансформации слов.

Частица *ат* наряду с *-от* во времена Аблесимова являлась, судя по помете в СРЯ XVIII [12, т. 1, с. 109; 12, т. 17, с. 188], простонародным вариантом частицы *-то*, то есть употреблялась преимущественно в речи низших социальных слоёв, простого народа и, не будучи диалектно ограниченной, расценивалась носителями языка как слово, близкое к областным в отношении их чуждости собственно литературной речи [13, с. 36]. В то время частица *ат*, генетически восходящая к древнерусским указательным местоимениям *тъ*, *та*, *то*, ослабившим с течением времени своё дейктическое значение, имела слитное и дефисное написание со словом, которое выделяла в речи (так, в болгарском языке эта частица – определённый член – и сейчас пишется слитно с определяемым существительным: *домът*, *мякото*, *перото*). В пьесе Аблесимова (издание 1792 г.) частица *ат* пишется при суще-

ствительных мужского рода ед. ч. и. п., оканчивающихся на согласный, слитно во всех случаях, тогда как в последующих изданиях XIX в. наблюдаем дефисное написание. В словаре Даля «придаточная, указательная» частица *-то* приводится с подобными ей простонародными вариантами *-та*, *-эт*, *-от*, *-ат*, *-те* [10, т. 4, с. 237]. Однако в художественных произведениях XIX в. находим лишь частицу *-то* (например, в пьесах А.Н. Островского), которая, по-видимому, именно тогда нейтрализовалась и стала частью литературного языка. Другие разновидности этой частицы так и остались принадлежностью просторечного и диалектного речевого употребления, однако частица *ат* в современных диалектных словарях не фиксируется, а значит, вообще вышла из активного употребления.

Частица *-ста* в XVIII в., судя по контексту произведения Аблесимова, усиливала в ситуации речевого этикета вежливое, почтительное отношение к собеседнику. В.И. Даль отмечает её в своём словаре со значением ‘частица, привесок, усиливающий слово’ и пометой «восточное», то есть характерное для восточных русских говоров [10, т. 4, с. 153]. В настоящее время словарями русского литературного языка слово квалифицируется как устаревшее и областное, хотя в целом без изменения семантической структуры [1, т. 14, с. 687]. По данным СРНГ, отмечается в русских народных говорах практически повсеместно [11, т. 14, с. 12].

АТ (6), част. постпозит. (слитное, полуслитное написание) {СРЯ XVIII: *Простонар.* <одное> → БАС: не фиксируется} *Употребляется для усиления слова, после которого стоит. То же, что -от, -то.* Филимонъ. <...> старикагъ вить и хочеть дочьку выдать за дѣтину хлѣбопашца, а старуха хлопотунья за дворянскаго сыночка... (I, 4). Филимонъ. <...> полно, сватать у меня вить колдунъ, такъ и кручины нѣтъ (II, 7). Мѣльникъ. <...> чортать вить въ нашихъ вожжахъ, и мы когда хотимъ, тогда его и погоняемъ... (II, 8). Мѣльникъ. <...> дѣтина онъ, собою, ты видишь, ужъ на всю ухватъ <...>, а домагъ у нево, кабы ты вѣдалъ, какъ полной закрошь <...> (II, 11). Анкудинъ. Анъ лихъ нѣтъ, дворянинагъ вить хорошей, дочь ту нашу не возметь <...> (II, 13). Анкудинъ. Старуха? ... какъ ты смышляешь? сватать нашъ не дьявольщинауль какую городить и ужъ не оборотня ли намъ сватать? (III, 5).

-СТА (1), част. постпозит. {Даль: *вост.<очное>* → БАС: *Устар. и обл.*} *Употребляется в ситуации речевого этикета, подчёркивает уважительное отношение к собеседнику.* Мѣльникъ. О чемъ поволитъ, изволь-ста, мы ваши работники (I, 2). *Яроsl., Новг., Олон., Арх., Вят., Казан., Том. [СРНГ].

Таким образом, «Словарь языка комической оперы А.О. Аблесимова “Мельник-колдун, обманщик и сват”» служит ценным источником сведений

об истории русского слова, в частности служебной лексики, которая с течением времени претерпела значительные изменения: сократилось количество вариантов лексем, часть их нейтрализовалась и впоследствии вошла в состав нормативного языка, другая часть до сих пор является маркером некодифицированного речевого употребления, более всего диалектного.

Библиографический список

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.; Л.: АН СССР, 1950–1965.
2. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
3. Ганцовская Н.С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007. – 225 с.
4. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – 512 с.
5. Горький М. О том, как я учился писать [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.maximgorkiy.narod.ru/> (дата обращения: 27.03.2017).
6. ККОС – Картотека Костромского областного словаря.
7. Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват: в трёх действиях / соч. А. Аблесимовым. – СПб.: Типография Императорского Московского университета, 1792. – 56 с.
8. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985–1988.
9. Сл1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1847.
10. Словарь Даля – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
11. СРНГ – Словарь современных русских народных говоров. Вып 1–44 / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2011 (издание продолжается).
12. СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–21. – СПб.: Наука, 1984–2015 (издание продолжается).
13. СРЯ XVIII ППС – Словарь русского языка XVIII века: Правила пользования словарём. Указатель источников / под ред. Ю.С. Сорокина. – Л.: Наука, 1984. – 141 с.
14. Шестакова Л.Л. Современная картина авторской лексикографии // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. – М.: Ин-т русского языка РАН, 2007. – С. 65–78.

МЕСТО ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ДВУХМЕСТНЫМ СОЧЕТАНИЕМ ПРАВДА ... НО В СИСТЕМЕ УСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале публицистики)

Вопрос о месте предложений с двухместным сочетанием правда ... но в современном русском языке является спорным. Статус слова правда окончательно не определен: его считают уступительным союзом, вводным словом в функции союза, гибридом вводного слова и союза. Предложения с двухместным сочетанием правда ... но обладают сложной семантикой. В них слово правда является показателем подчинения и выражает значение уступки, но – показателем сочинения, выражает значение противопоставления. Данные предложения по характеру связи близки к сложносочиненным. В предложениях со словом правда в функции союза значение уступки ослаблено, части предложения менее зависимы по сравнению с ядерными уступительными конструкциями, они обладают негибкой структурой. Однако по основному значению данные предложения являются сложноподчиненными. Таким образом, несмотря на наличие ряда черт, сближающих их со сложносочиненными предложениями, есть основания рассматривать предложения с двухместным сочетанием правда ... но в системе уступительных сложноподчиненных предложений.

Ключевые слова: синтаксис, подчинение, сочинение, сложноподчиненное предложение, уступка, противительность, союз.

Уступительные сложноподчиненные предложения в современном русском языке отличаются большим разнообразием конструкций, средств связи, оттенков выражаемых ими значений. Подчинительный союз является грамматическим показателем подчинительной связи и определяет общую семантику связи главной и придаточной части сложноподчиненного предложения (далее СПП) [11, с. 539].

Как правило, принадлежность союзов *хотя, хоть, пусть, пускай, несмотря на то (,) что, невзирая на то (,) что, даром что* к уступительным не вызывает сомнений, хотя они и различаются по своим дифференцирующим возможностям. Такие союзы, как *несмотря на то (,) что, невзирая на то (,) что, даром что* выступают как однозначные выразители как основного (уступительного), так и более конкретного семантического признака конструкции. Они узко специализированы, потенциально однозначны и поэтому выполняют дифференцирующую функцию без участия контекста. Например: *Несмотря на то, что до вступительной кампании в вузы остаётся более полугодия, горячая пора для выпускников 11-х классов наступила уже сейчас* (Быстрее, выше, умнее. Аргументы недели, № 44, 19 ноября 2015 г.).

В противоположность им союзы недифференцированного значения [11, с. 540], такие как *хотя, хоть, пусть, пускай*, определяют отношение в самом общем виде. Так, союз *хотя* указывает на соотношение двух ситуаций, из которых одна не является достаточным основанием для того, чтобы отменить собою другую, конкретный же характер отношения выявляется на основе информации, заключенной в предложении. Например: *У каждого в жизни есть шанс на успех, хотя изначально*

индивидуальные данные у всех разные (Формула успеха. Учительская газета, № 13, 30 марта 2017 г.).

Что касается употребления слова *правда* (в сочетании с противительным союзом *но* в главном предложении) в уступительных сложноподчиненных предложениях (далее УСПП), здесь среди лингвистов нет единодушия. Вопрос о статусе слова *правда* остается одним из спорных вопросов теории СПП.

В синтаксической науке существует несколько точек зрения на такие конструкции, как: *Правда, до финала я не дошел, но стал первым на городском и региональном этапах конкурса «Учитель года» – 2013* (Учитель-мужчина – исчезающий вид? Учительская газета, № 51, 22 декабря 2016 г.). А.Я. Баудер [3, с. 244–246], А.М. Пешковский [9, с. 489] считают, что слово *правда*, употребляемое в таких предложениях, является уступительным союзом. По мнению А.К. Гвоздева [6, с. 355], С.Е. Крючкова [7, с. 118], А.Г. Руднева [10, с. 316], *правда* в данном случае – вводное слово в функции союза. Л.А. Булаховский [5, с. 365], Н.Е. Кухаревич [8, с. 10] рассматривают это слово как гибрид, стоящий на границе между вводным словом и союзом. М.В. Ляпон называет слово *правда* аналогом союза, совмещающим связующую функцию с функцией вводного слова [11, с. 586–587].

Как отмечает А.М. Пешковский, слово *правда* не обладает «полной подчинительной силой» [9, с. 489], свойственной другим союзам уступки; Л.А. Булаховский также полагает, что предложения, вводимые этим союзом, «ощущаются как менее зависимые сравнительно с *хотя*» [5, с. 365].

Несмотря на разницу во мнениях, большинство исследователей сходятся в том, что слово *правда* может употребляться в сложноподчиненных пред-

ложениях как уступительный союз или вводное слово в функции союза для выражения общего значения уступки, однако подобные конструкции имеют свою специфику. Наличие противительного союза *но* в главной части предложения усиливает значение противопоставления двух частей предложения, «затеняя» значение уступки. По характеру связи данные предложения близки к сложносочиненным предложениям (далее ССП).

Сложные предложения разных типов, несмотря на существенное различие между ними, связаны между собой явлениями переходности [2, с. 501–504]. Предложения с уступительным союзом в придаточной части и противительным союзом в главной части, выражающие яркое уступительно-противительное значение, В.В. Бабайцева рассматривает как синкретичные, совмещающие сочинение и подчинение [2, с. 504–506]. В исследуемых конструкциях слово *правда* является показателем подчинения и выражает значение уступки, *но* – показатель сочинения, выражает значение противопоставления. Подобные «контаминации» объясняются близостью уступительного и противительного значений [9, с. 468].

Ядерные конструкции в системе УСПП, выражающие уступительное значение без модифицирующих оттенков, обладают обоими признаками сложноподчиненного предложения, отличающими их от сложносочиненного: формально выраженной подчинительной связью между частями и гибкостью структуры. В предложениях со словом *правда* в функции союза значение уступки ослаблено, части предложения менее зависимы по сравнению с ядерными уступительными конструкциями. Наличие противительного компонента двухместного союзного сочетания обуславливает негибкую структуру подобных конструкций – расположение частей в них фиксировано, придаточная часть всегда находится в препозиции к главной: *Правда, во время учебы на первом курсе был в нашей группе семейный парень, но он был отчислен за неуспеваемость* (Жениться или учиться? Учительская газета, № 5, 31 января 2017 г.). (Такие же негибкие структуры образуются сочетанием других уступительных союзов с противительными союзами и частицами.)

Наличие в главном предложении противительных частиц со значением возражения (*все-таки, все же, все равно, тем не менее*) усиливает значение противопоставления. Например: *Правда, Солонин даёт и другие оценки украинскому национализму, но доминирует всё-таки желание опровергнуть советскую правду* (Срамная «правда». Литературная газета, № 18, 7 мая 2014 г.). Союзная частица *все же* акцентирует внимание на неустрашимости явления, обозначенного в главной части. Союзная частица *тем не менее* подчеркивает более яркую определенность несоответствия,

заложенную в УСПП: *Правда, все не так радужно, как у фантастов, но тем не менее производственные отделы транснациональных корпораций насчитывают сотни сотрудников, в то время как торговые и юридические – десятки тысяч* (Безотметочное обучение: «за» или «против». Учительская газета, № 7, 14 февраля 2017 г.).

С другой стороны, по мнению некоторых исследователей [1, с. 52], в конструкциях с подобными двухместными сочетаниями союзов противительное значение выступает как компонент уступительного. Основное, уступительное, значение выражается словом *правда*, определяющим общую семантику всего предложения. А.К. Федоров считает, что, несмотря на сложный комплекс значений, выражаемых данными конструкциями, по основному значению они являются СПП [12, с. 30]. Разделяя данную точку зрения, мы полагаем, что, несмотря на специфику данных предложений и наличие ряда черт, сближающих их с ССП, есть основания рассматривать такие предложения в составе СПП.

Таким образом, вслед за рядом лингвистов [4, с. 80; 8, с. 4, 10; 10, с. 316; 11, с. 586–587; 12, с. 32] мы относим конструкции со словом *правда* в качестве недифференцированного средства связи в функции союза в препозитивной придаточной части в сочетании с противительным союзом в главной части предложения к уступительным, располагающимся на периферии поля уступительности русского языка, так как значение уступки в них ослаблено по сравнению с ядерными конструкциями.

Библиографический список

1. Андримонова Н.А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 176 с.
2. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
3. Баудер А.Я. Союзы-синонимы *хотя – правда – впрочем* в современном русском языке // Вопросы синтаксиса русского языка. – Калуга: Тульский гос. пед. ин-т, 1971. – С. 243–246.
4. Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории). – М.: Просвещение, 1967. – 160 с.
5. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. – Киев: Рад. шк., 1952. – Т. 1. – 447 с.
6. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
7. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1969. – 189 с.
8. Кухаревич Н.Е. Сложноподчиненные предложения с уступительной придаточной частью в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1955. – 15 с.

9. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.

10. *Руднев А.Г.* Синтаксис современного русского языка. – М.: Высш. шк., 1963. – 364 с.

11. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1982. – 709 с.

12. *Федоров А.К.* Спорные вопросы анализа сложноподчиненных предложений уступительно-го типа // Исследования по семантике и структуре синтаксических единиц: межвузовский сб. ст. – Орел, 1998. – С. 21–37.

УДК 81'282

Зорина Людмила Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент
Вологодский государственный университет
lyudmila.zorina@gmail.ru

ОБРАЩЕНИЯ В ВОЛОГОДСКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ТРАДИЦИОННОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ*

В статье рассматриваются слова, употребленные в функции обращения в иллюстративном материале Словаря вологодских говоров. Словарь, включающий в себя около 26 тысяч словарных статей, создан по материалам полевых наблюдений над живой речью жителей центральных и восточных районов Вологодской области и представляет собой издание в виде 12 выпусков общим объемом свыше 160 авторских листов. Зафиксированное в словаре употребление слов в функции обращения отражает традиционно сложившиеся правила общения в крестьянской среде. Помимо используемых в русском литературном этикете обращений по имени (*Клавдия, Колька*), отчеству (*Петрович, Яковлевна*), по степени родства (*бабушка, матушка*), в диалектах используются обращения по половой принадлежности (*дева, паре*), а также многочисленные комплиментарные обращения (*жадобынька, молёный; голубочек, мезонька, тысячка, ягодка; рожденье сердечное и др.*). Они придают общению в деревенском социуме неповторимую стилистику уважительности, ласкательности, иногда – даже стилистику любования собеседником.

Ключевые слова: вологодские говоры, народный речевой этикет, обращение к собеседнику.

Наш многоуважаемый юбиляр, дорогая Нина Семёновна Ганцовская, является доброжелательным рецензентом всех двенадцати выпусков Словаря вологодских говоров. В дни славного юбилея вологодские диалектологи выражают Нине Семёновне своё глубочайшее почтение и огромную благодарность за многолетнюю поддержку!

В Словаре вологодских говоров (далее сокращённо – СВГ) зафиксировано большое количество иллюстраций с различными обращениями информантов к собеседникам. Обращения реализуют одно из важнейших проявлений категории вежливости. Эта категория в русских народных говорах изучена пока ещё недостаточно. В этой связи типам обращения следует уделить внимание, так как, возможно, именно эти формы являются камертным общей стилистики коммуникации.

Рассмотрим выбранные из СВГ факты в определенном порядке, идя при этом от общеизвестного, общего с литературным языком материала к местным, диалектным фактам.

Первую группу обращений составляют обращения по имени: *Лидя, а у меня платье такое же! Твой халат с моим платьем лицо к лицу.* Гряз. Худын. [9, вып. 4, с. 36]; *Галя, сходи в прилуб за ложками.* Кир. Мереж. [9, вып. 8, с. 52] (здесь и далее используются географические пометы, принятые в СВГ). Обращение по имени чаще всего используется в повседневном обиходе, в неформальной,

дружеской обстановке. Оно служит для удобства в общении между знакомыми людьми.

Во множестве случаев вокативы выступают в своей диминутивной форме: *Антошенька! Осторожней! Не притвори палец-то!* Сямж. Монаст. [9, вып. 8, с. 66]; *Ты, Ленушка, тонёхонная, как вища, а всё не ешь.* Шексн. Кам. [9, вып. 11, с. 48]; *Верочка, ошоркай картошки штук пять.* К-Г. Плоск. [9, вып. 6, с. 114]. Формы имени с диминутивными суффиксами *-очк- / -ечк-, -ушк-* выражают несколько значений: уменьшительно-ласкательное значение – особенно при обращении к детям; доброе чувство говорящего; если обращаются к взрослому, тогда возникает смесь игривости, несерьёзности. Но все такие обращения вносят в коммуникацию положительный оттенок. Обращение с суффиксом *-еньк-* включает в себе оттенок доброго чувства, придаёт ласкательный оттенок.

Обращение по имени с суффиксом *-к-* выражает разные эмоциональные оттенки: *Ленка, зажги огонь-от на мосту, а то тёмно.* К-Г. Навол. [9, вып. 6, с. 23]; *Анка, поплыла на серёдку, дак нарви ляпушек-то.* Сямж. Рам. [9, вып. 4, с. 65]; *Колька ты Колька, какой ты у меня проглотина!* Ньюкс. Копыл. [9, вып. 8, с. 79]. Такое обращение может быть вполне нейтральным, но может отражать и пренебрежительное отношение – в случае, если адресант рассержен или недоволен поведением адресата.

Судя по материалам Картотеки СВГ (далее сокращённо – КСВГ), в говорах широко представле-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 15-04-00205 «Режа и режаки: этнолингвистическое описание севернорусского идиома».

ны усечённые формы обращений по имени: *Галь, Валь, Вань* и др. Они придают коммуникации оттенок доверительности, а также делают общение более энергичным.

В крестьянском обиходе, особенно среди пожилых людей, частотно обращение к человеку по его отчеству: *Делай ты, Павловна, хорошо-то, омут с тобой!* Сямж. Монаст. [9, вып. 6, с. 54]. Такое обращение сочетается преимущественно с *ты*-формой (*Делай ты...*). Употребление обращения к собеседнику только по его отчеству является одновременно и фамильярной, и уважительной формой: *Я всё, Яковлевна, забыла* [6].

Обращение по имени и отчеству используется обычно по отношению к уважаемому старшему собеседнику: *Николай Лукиць, как себя цюствуешь?* В-У. Кич. [6]; *Серафима Гавриловна, ты ведь всегда сальник делала.* Сямж. Монаст. [6]; *И умирают, Клавдия Яковлевна, умирать-то будешь, дак не один раз поменешь* [6].

В тесном социуме вологодской деревни функционирует большое количество прозвищ [5, с. 79–93], однако обращение к человеку по его прозвищу в СВГ не зарегистрировано, чему в самом словаре приводится убедительное объяснение: *Не в очь, конечно, называют по прозвищям, может, позачь так и называют, не знаю я.* Сямж. Монаст. [9, вып. 7, с. 123].

В СВГ термины родства, функционирующие в качестве номинантов неизвестного говорящему адресата речи или известного, но не являющегося родственником адресата, представлены словами *бабушка, божжа, божат, брателко, братуха, внучек, дитёк, доча, доченька, матка, матушка, папаша* и др. Рассмотрим далее некоторые из них.

Божжа. Крестная мать. Чаще в обращении. *Божжа, ты что же не идёшь к нам?* Вож. Вас. [9, вып. 1, с. 35]. **Божат.** Крестный отец. Брат отца или матери, дядя. *Ну-ко, божат, – говорим дяде, – попросись, чтобы не идти.* Вож. Ман. [9, вып. 1, с. 35]. Слова *божжа* и *божат* обозначали крестных родителей, то есть восприемников младенца из купели, а ими, как правило, становились тётка и дядя. Скорее всего, слова *божжата, божжатка, божжатко, божжка* также употребляются в функции обращения, но такие примеры в СВГ не зафиксированы [9, вып. 1, с. 35]. **Братуха.** Родной брат. *Ну, братуха, вместе жить будем.* Тот. В. Двор. [9, вып. 1, с. 43]. Слово *братуха* образовано от существительного *брат* при помощи суффикса *-ух-* (*братуха < брат*). Оно, как представляется, имеет некоторый оттенок фамильярности. **Дитёк.** Ласкат. Сынок. *Ой, Колька, дитёк мой, домой охота!* К-Г. Плоск. [9, вып. 2, с. 29]. **Матушка.** Свекровь (чаще в обращении). *Матуш, я молока тебе принесла.* Верх. Гарм. [9, вып. 4, с. 76]. В словаре В.И. Даля лексема *матушка* встречается в значении ‘мать жениха’ [2, т. 2, с. 307]. В МАСе находим лексему в значении

‘ласковое фамильярное обращение к пожилой женщине’ [7, т. 2, с. 238]. Слово *матушка* ‘свекровь’ образовано от существительного *матушка* ‘мать’ семантическим способом. А это означает, что посредством этого слова к свекрови говорящей должно выражаться то же тёплое чувство, что и к родной матери. Обратим внимание, что слово зафиксировано в усеченном варианте: *матуш*. В обращении применительно к родной матери часто звучит слово *матка*: *Только и везёт, везёт от нас, а нет бы: «На, матка!»* К-Г. Плоск. [9, вып. 2, с. 76]. Варианты лексемы **тата, татя, тятя** употребляются в функции обращения к отцу, а также к старшему по возрасту мужчине: *Иду я по улице. Мужик стоит. Я и говорю: «Тять, до магазина далеко?»* Тот. Мос. [9, вып. 11, с. 94].

Усиленная эмоциональность обращений наблюдается в тех случаях, когда между говорящими действительно существуют отношения родства, например: *Посмотри, внучок, какие чаконьки-те!* Тарн. Верх. [9, вып. 12, с. 41]; *Баушка, а можно всё доести?* Нюкс. [9, вып. 1, с. 17]. В использовании номинации *бабушка* ‘мать одного из родителей и старая женщина вообще’ в общенародном языке и в диалектах в последнее время наблюдается перемещение центра тяжести на слова *бабуля, бабуся*. В Словаре русского языка эти слова квалифицируются как разговорные и ласкательные по отношению к слову *бабушка* [7, т. 1, с. 54].

Нередки случаи обращения к собеседнику с названием его по половому признаку. Так, лексема *дева* зафиксирована в МАСе со значением ‘девушка’ [7, вып. 1, с. 374], однако в вологодских говорах слово употребляется в качестве обращения к любым лицам женского пола: *Дева, у меня яблонница сварена. Иди кушать.* Сямж. Монаст. [9, вып. 2, с. 14]. Особенность в употреблении этого обращения состоит в том, что оно применяется в общении и с замужними, и с пожилыми женщинами. *Раньше-то, дева, итё было ходить-то? А топере в угор воздымаюсь кое-как.* Тарн. Коротк. [9, вып. 2, с. 14]; *И не бай, дева, уже ваше-то житьё не сравнишь с нашим.* Ник. Филип. [9, вып. 2, с. 14–15]. Небезынтересно употребление слова *дева* в соседстве с именем: *Свекровушка моя говорила: «Дева Клавдия, вот будешь печи пироги, дак пусть тесто два раза поднимеце».* Сямж. Монаст. [9, вып. 2, с. 14]. Аналогично и употребление слова *девка*: *Дивья тебе, девка, робята уж вон какие, сами прокормятся.* Сок. Арх.; *Ой, ты, девка, бойкая.* Сямж. Монаст.: *Я плакала больно, девка.* Хар. Никул. [9, вып. 2, с. 15]. Слово употребляется также совместно с отчеством: *Я всё, девка Яковлевна, забыла* [6].

К данной группе слов относятся и следующие наименования: *дуронька, еретица, жадобынька, жаравка, желанка, зряшина, матаня, матка, милоха, морёна, мутовка, мытарка, прядеюшка,*

славница, супостаточка и др. Рассмотрим некоторые из них.

Дуронька. Употребляется в качестве ласкового обращения к женщине. *Ой, дуроньки, не говорите!* Гряз. Вохт. [9, вып. 2, с. 65]. В словаре С.И. Ожегова приведено следующее значение: *дура* – ‘глупая женщина’ (обычн. бран.) [10, с. 182]. Данное слово образовано от существительного *дура* при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-оньк-* (*дуронька* < *дура*). **Желанка.** Ласковое обращение к женщине. *Желанка, не помним мы с тобой.* Баб. Юрк. [9, вып. 2, с. 81]. В словаре В.И. Даля зафиксирована лексема *желать* – ‘ждать, хотеть, стремиться к чему или призывать что; волить, вожделеть’. Прилагательное *желанный* в обращении к человеку означает ‘милый, любимый, любезный, жадобный; ласковый, добрый, милостивый’ [2, т. 1, с. 529]. Такое же значение приводится и в словаре С.И. Ожегова: *желанный* – ‘милый, любимый’ [10, с. 191]. В обращении значение слова конкретизируется: ‘такой, с каким желаешь иметь дело, общаться’. **Милоха.** Обращение к милой молодой девушке. *Не ходи, милоха, замуж: я мальчишка удалой, мужика у тя зарежу, ты останешься вдовой.* Сямж. Грид. [9, вып. 4, с. 85]. В МАСе мы находим лексему *милочка* в таких значениях: ‘хорошенькая, милая женщина, девушка’; ‘ласковое обращение’ [7, т. 2, с. 270]. Анализируемое слово образовано от прилагательного *милый* при помощи суффикса *-ох-* (*милоха* < *милый*). **Славница.** Обращение к любой женщине. *Ну, как дела, славницы?* Сямж. Монаст. [9, вып. 10, с. 43]; *Чё надотто, славнички?* Баб. Дем. Погост. [9, вып. 10, с. 43]. В словаре П.А. Дилакторского сходная лексема *славёна* употреблена в значении ‘девушка-невеста, которая у всех на славе’ [3, с. 464]. Данное слово образовано от существительного *слава* при помощи суффикса *-ниц-* (*славница* < *слава*). Возможна также и иная мотивировка, согласно которой слово образовано с помощью суффикса *-иц-* (*славница* < *славный*). В качестве обращения это слово употребляется и по отношению к старым женщинам и – иронически – по отношению к животным.

Как видим, в этой группе преобладают комплиментарные обращения, ср.: [13].

Почти симметрично слову *дева* употребляются варианты **паре, паря, парь, па.** Это всё производные от слова *парень*. Только они выражают обращение к собеседнику независимо от его возраста и пола: *Семьдесят, паре, седьмой год уж пошёл.* Сямж. Рам. [9, вып. 7, с. 7–8]; *Как и до смерти дожить, паре!* К-Г. Плоск. [9, вып. 7, с. 7–8]; *Ты, паре, не изработалась.* Баб. В. Двор. [9, вып. 7, с. 7–8]; *Ой, паря, не знаю, как вы у меня жить будете.* Сямж. Монаст. [9, вып. 7, с. 7–8]; *Парь, взгляни на этот дом.* Межд. [9, вып. 7, с. 7–8]. Иногда эти слова переходят в частицы, служащие для усиления, выделения обращения: *Павлик столько*

лет не бывал, дак скажут: что ты, паре Павлик! Сямж. Монаст.; *По лаве вы, паре девки, осторожнее ходите.* Тарн. Ожиг.; *Ну что, на Роза Ивановна?* Сямж. Монаст.; *Здорово, на Натоль Кузьмич!* Сямж. Монаст. [9, вып. 7, с. 7–8].

В СВГ зафиксированы обращения к человеку с учётом его возраста. **Дедо.** Употребляется как обращение к пожилому, старому мужчине. *Дедо, пошли за коровой-то сходим.* Влгд. Сяма. [9, вып. 2, с. 16]. **Дитя.** Ласковое обращение к девушке или юноше со стороны старшего по возрасту собеседника: *Некогда было, дитя, плести-то.* Тарн. Харит. [9, вып. 2, с. 29]. В МАСе слово *дитя* зафиксировано в том же значении, что и в СВГ, однако с другим ударением [7, т. 1, с. 404].

Группа обращений к ребёнку насчитывает множество слов: *баловес, заскрёбыш, опащёнок, пузглёнок, сотонёнок, шкаредь* и др. Среди них преобладают слова, которые и в прямом своём значении называют ребёнка, характеризуя его в том или ином отношении. Некоторые слова (*опащёнок, сотонёнок, шкаредь*) заключают в себе резко отрицательный, бранный смысл. Рассмотрим некоторые такие наименования.

Баловес. Шалун. *Постыдитесь чужих девочек, баловесы!* Баб. Плеш. [9, вып. 1, с. 20]. Такая же лексема отмечается в ярославских говорах [11, вып. 2, с. 85]. В МАСе мы находим лексему *баловник* в значении ‘шалун, проказник’ [7, вып. 1, с. 59]. В словаре Фасмера даётся следующая этимология: *баловес* – ‘шалун, повеса’: этом случае вероятна контаминация двух слов – *баловень* и *повеса*. Возможно также, что при образовании слова произошло изменение под влиянием слова *балбес* [12, т. 1, вып. 139]. **Заскрёбыш.** Ласковое обращение к младшему в семье ребёнку. *Ты помогай матке, заскрёбыш, а то она вся неможет.* Верх. Урус. [9, вып. 2, с. 149]. В словаре В.И. Даля дается лексема *заскрёбной* к *заскрёбу относящийся* – ‘последнее дитя у родителей’ [2, т. 1, с. 636]. В СРНГ слову *заскрёбыш* дано такое же толкование [11, вып. 11, с. 38]. **Пузглёнок.** Ребёнок, который хорошо ест, но не прибавляет в весе. *Что же вы не растёте никак? Едите, едите, а всё маленькие такие. Эх вы, пузглыта!* Кир. Ферап. [9, вып. 8, с. 107]. Это слово зарегистрировано также в Сокольском и Вологодском районах Вологодской области [11, вып. 33, с. 113]. В СРНГ даётся следующее значение лексемы *пузглёнок* – ласк. ‘толстенький мальчик, карапуз, ребёнок’ [11, вып. 33, с. 113]. **Сотонёнок.** Бранное обращение к ребёнку. *Куда побежал-то, сотонёнок? Хоть бы поел-то.* Тот. Матв. [9, вып. 10, с. 90]. В словаре В.И. Даля даётся следующее толкование: ‘диавол или чёрт, бес, нечистый, злой дух, шайтан’. *Сатанеть* – ‘становиться сатаной’. *Сатанёнок, сатанята, чертенята* [2, т. 4, с. 115]. По данным словаря Фасмера, др.-русск. *сатана*, русск.-цслав. *сотона*. Форму *сатана* можно

объяснить из *сотона* вторичным приспособлением к греческой форме [12, т. 3, с. 565]. **Шкаредь.** Неслух, негодник (о ребёнке). *Уй ты, шкаредь! Опять на кровать залез!* В-У. Алекс. [9, вып. 12, с. 96]. Способ образования и мотивировочный признак у данного образования определить сложно, этимология слова не известна.

В вологодских диалектах достаточно велика социальная значимость оценочной функции обращения. С учётом этого можно выделить ещё одну группу слов-обращений: *бормотало, добряк, доброхот, дохлюн, дохлядь, дрыхало, ерепеня, жадань, заблуда, забытеня, завира, загрёбщик, задержиха, задрыга, замола, засоня, кулёма, озреня, проглот, пужалко, стиха, страмник, шавря, шамкун, шаня, шибанник, шныра, шумило, щеперя* и др. Например: *А что, забытеня, плашиш-от не принесла?* Сямж. Монаст. [9, вып. 2, с. 97]; *Подымай ногито, шавря!* У-К. Устье [9, вып. 12, с. 61]; *Надоел ты мне, шумило! Чё орёшь? Тише говори!* К-Г. Навол. [9, вып. 12, с. 107].

Приведём примеры анализа некоторых из данных наименований. **Шамкун.** Старый человек, старик. *Куды, шамкун, пошёл-то?* Кир. Колк. [9, вып. 12, с. 67]. Данная лексема не приводится в нормативных и диалектных словарях. Из этого следует вывод, что она имеет ограниченный ареал и употребляется, возможно, лишь на ограниченной территории. **Доброхот.** Ласковое обращение к собеседнику. *Давай-давай, доброхот, женись!* Вож. Навол.; *Доброхоты, вымойте!* Кир. Мереж.; *Хочу съиздить, доброхот Николай Иванович, туды, где хорошо.* Кир. Барх. [9, вып. 2, с. 32]. В СРНГ слово *доброхот* отмечено также в значении 'ласковое обращение к мужчине, к собеседнику' [11, вып. 8, с. 79]. В МАСе слово *доброхот* зарегистрировано в значении 'доброжелатель' [7, вып. 1, с. 410]. **Жадань.** Жадный человек, не удовлетворяющийся имеющимся, стремящийся взять себе, иметь у себя как можно больше чего-либо. *Бери, жадань, ты ведь не привезёшь. Только и везёт, везёт от нас, а нет бы: «На, матка!»* К-Г. Плоск. [9, вып. 2, с. 76]. **Пужалко.** Ум.-ласк. Человек, желающий напугать кого-либо. *Эх ты, пужалко! Да ведь не испужались мы!* К-Г. Сир. [9, вып. 8, с. 107]. В СРНГ лексема *пужалка* имеет такие значения: 'пугало, чучело'; 'человек, внушающий боязнь, страх' [11, вып. 33, с. 110].

Помимо уже перечисленных комплиментарных обращений следует назвать ещё некоторые. Такими являются слова *голубочек, мезонька, стопна, тысяча, тысячка, тысенка* и др. **Голубочек.** Голубчик. Ласк. *Давай вставай, голубочек, поди лошадь запрягай.* В-У. Кич. [6]. В русском литературном языке обычны в обращении слова *голубок, голубчик*. В диалекте – *голубочек*, что оказывается ещё более выразительным. **Мезонька.** Младший, любимый ребёнок в семье. *Мезонька у меня этот*

малый. Верх. Кост. [9, вып. 4, с. 79]. Ласк. Обращение к любимому, дорогому человеку: *Сейчас мы тебя укутаю, ягодку нашу, упояжю, гавсучок шерстяной одинём – и спи-отдыхай, наша мезонька.* Тарн. Озёрки [6]. По данным СРНГ, слово в значении ласкового обращения зафиксировано в говорах Верховажского района Вологодской области, в говорах Вельского, Северо-Двинского, Верхне-Тоемского районов Архангельской области [11, вып. 18, с. 94]. **Стопа.** Ласк. Обращение к любимому, дорогому человеку: *Ой, стопна ты моя дорогая!* Верх. Урус. *Ой, стопна ты моя! Что ж ты такой неуклюжий?* Верх. Урус. [6]. В значении 'часть, доля имущества, богатства' (ср.: *золотко моё*) слово зафиксировано в уральских говорах [11, вып. 41, с. 231]. **Тысица.** Ласк. Обращение к любимому, дорогому человеку: *Тысица ты моя, давно ли приехала-то?* Верх. Елис. [9, вып. 11, с. 82]. Употребление слова в функции обращения засвидетельствовано в говорах Архангельской и Вологодской областей [11, с. 45, с. 341]. Очевидно, что в диалектах это слово и производные от него *тысячка, тысенка* деэтимологизируются, их значение и родственные связи с *тысяча* затемняются. **Ягодиночка.** Ласк. Обращение к любимому, дорогому или уважаемому человеку: *Вот так-то, ягодиночка, и живём помаленьку.* Тарн. Череп. [9, вып. 12, с. 129].

В функции обращения нередко выступают имена прилагательные с семой ласкательности: *бажённьий, родимый, рожённьий* и др. **Рожённьий.** *Родной, родимый.* Уважительное, ласковое обращение к человеку, означает 'родной <человек>': *Здравствуй, здравствуй, рожёная моя! Уж как я рада, что ты меня не забываешь!* Кир. Ферап. [9, вып. 9, с. 63]; *Здравствуй, баушка! – Здравствуйте, рожёные!* Кир. Ферап. [9, вып. 9, с. 63]; *Раньше ведь, рожёное, были и верёда на руках от роботы-то.* Баб. Тиман. [6]. *Эта Павлиноцька-то, рожёное, она жила с отьцём. Она не видела, как мы видели.* Баб. Тиман. [6]. В последних примерах слово *рожёное* равносильно словосочетанию 'родное дитя', только при его употреблении проявляется свойственный для разговорной речи эллипсис.

В традиционной народной культуре вполне естественным считается обращение к несуществующим собеседникам: к богам, духам, различным мифическим персонажам. Эта особенность русского крестьянского менталитета отразилась и в тексте СВГ. Приведём лишь пару соответствующих примеров.

Дедушко-суседушко. Ласковое обращение к домовому. *Когда выпускают коров на поле, суседушко кланяются в пояс и говорят: «Дедушко-суседушко, полёвой пой-корми, дворовой, домой веди!» Когда переезжают, дак говорят: «Дедушко-суседушко, поехали с нам!»* Верх. Бояр. [9, вып. 2, с. 16–17]. Домовой обычно представлялся людям в образе маленького старичка с бородкой, счита-

лось, что он живёт где-то по соседству с людьми – за печкой, в подполье или др.

К обращениям к мифическим существам относим такие наименования, как *доброходушко, суседушко-доброходушко* и *доброходушко-батюшко*. В двух последних формах обращения осложняются приложениями, подчёркивающими добрую стилистику общения, даже заискивающую интонацию в нём. Действительно, по представлениям населения, в архаических культурах считалось, что почти всё в доме, в хозяйстве зависит от обитающих в нём всемогущих существ. Существительные первого склонения *дедушка, батюшка* и др. представлены, как это и бывает обычно в говорах Вологодской группы, с окончаниями второго склонения: *дедушко, батюшко, доброходушко, суседушко* и др.

В отдельных вологодских говорах, где всё ещё сильна связь с фольклором, например, в режском говоре Сямженского района Вологодской области, можно услышать стереотипные устойчивые обращения: *Здравствуйте, лебеди белые да малины зрелые!* Сямж. Монаст. [6]. Это приветствие было адресовано встретившейся в дороге группе девушек.

Итак, в функции обращения в тексте Словаря вологодских говоров употреблено множество разнообразных лексем. И хотя за пределами нашего рассмотрения остаются ещё некоторые группы слов, использование вышеприведённых фактов свидетельствует о высоком уровне развития и своеобразии коммуникативной культуры населения на территории Вологодской области.

Библиографический список

1. Гришанова В.Н. Обращение в говоре как отражение менталитета его носителей // Славянский альманах 1998. – М.: Индрик, 1999. – С. 324–336.
2. Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 1955.
3. Дилакт. – Словарь областного вологодского наречия: По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. / подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2006.
4. Зорина Л.Ю. Материалы для наблюдений над реализацией коммуникативной категории вежливости в вологодской деревенской глубинке // Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии / науч. ред. Е.Н. Ильина. – Вологда: Легия, 2012. – С. 34–69.
5. Комлева Н.В. Неофициальная антропонимика Режи // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим: монография / науч. ред. Ю.Н. Драчёва, Л.Ю. Зорина, Е.Н. Ильина. – Вологда: Легия, 2015. – С. 79–93.
6. КСВГ – картотека Словаря вологодских говоров.
7. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. – М., 1981–1984.
8. Пляскова Е.А. История обращения в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2002. – 20 с.
9. СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.
10. СО – Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1975.
11. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–49 / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Соколова, С.А. Мызникова. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2016.
12. Фасм. – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубочева. – М., 1986–1987.
13. Черепанова О.А. Общепринятые и региональные формулы речевого этикета: комплиментарные обращения // Вопросы региональной лексикологии и ономастики: сб. науч. трудов / отв. ред. Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 1995. – С. 169–176.

МНОГОКОМПОНЕНТНЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КОНТАМИНИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»)

В статье рассматриваются многокомпонентные сложноподчинённые предложения (далее МСПП) с различными комбинациями типов подчинения придаточных, широко представленные в тексте романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир». Выявляется продуктивность их структурных моделей, анализируются некоторые структурно-семантические особенности наиболее типичных конструкций. Особое внимание уделяется способам усложнения структуры МСПП. Подвергаются разбору предложения, в которых создаются наиболее благоприятные условия для компонентного усложнения, а именно конструкции с контаминацией соподчинения и последовательного подчинения придаточных. МСПП подобной смешанной структуры получают более монолитное, упорядоченное строение благодаря блокированию своих компонентов. Анализ материала показал, что эти компактные и в то же время вмещающие большое количество разнородной информации конструкции демонстрируют высокую степень структурной организации и стремятся к гармоническому выстраиванию своих частей. Их многомерная структура оптимально соответствует художественным намерениям автора и служит для выражения сложного мыслительного содержания.

Ключевые слова: многокомпонентное сложноподчинённое предложение, контаминированная структура, компонентное усложнение, структурно-семантический блок, блокирование, художественный текст, Л.Н. Толстой, «Война и мир».

Способам реализации подчинительной связи в многокомпонентных сложноподчинённых предложениях (далее МСПП) в художественной речи, а также в научном и публицистическом стилях посвящены синтаксические работы И.А. Василенко, В.А. Шитова, В.В. Казмина, З.Н. Литвиной, Н.С. Ганцовской, Л.Д. Беднарской, Г.Ф. Гавриловой, Г.П. Уханова, А.В. Андрусенко, Г.Ф. Калашниковой и др. Известно, что МСПП с высокой степенью усложнения структуры могут характеризоваться также комбинациями типов подчинения, сочетанием соподчинения и последовательного подчинения придаточных [6, с. 134]. По мнению Г.Ф. Калашниковой, способы контаминации более разнообразны в предложениях со сложноподчинённой структурной основой [5, с. 51]. Семантически ёмкие, позволяющие вместить большое количество разнородной, но иерархически упорядоченной информации МСПП контаминированной структуры достаточно широко представлены в текстах художественной литературы в отличие, например, от научного стиля, где они являются наименее распространённым структурным типом МСПП [3, с. 14]. Продуктивность подобных конструкций в художественной литературе отчасти объясняется тем, что их многомерная иерархическая структура может служить для выражения сложного мыслительного содержания, совмещающего когнитивные и прагматические направления, выразительную и изобразительную функцию.

На сегодняшний день актуальным остаётся исследование языковой ткани художественных произведений «образцовых» писателей XIX века, сыгравших значительную роль в процессе культивирования русского литературного языка. По мнению Л.Д. Беднарской, «привлечение для лингвистического анализа индивидуального языка пи-

сателей даёт возможность показать, как в процессе взаимодействия индивидуального языка с общелитературным языком происходит обогащение общенародного языка и совершенствование его на всех уровнях языковой системы, в том числе и синтаксиса» [1, с. 20]. Употребление таких книжных конструкций, как МСПП, диктуется тем, что «только литературный язык с его веками отработанными разнообразными информативно ёмкими (выразительными) и экспрессивными (изобразительными) конструкциями мог быть пригоден для писателя-реалиста» [2, с. 86]. И в первую очередь это относится к Л.Н. Толстому. Стремление автора к всеохватности, к точности изображения жизни во всех её проявлениях наложило отпечаток на язык его произведений. Так, уникальный синтаксический строй романа-эпопеи «Война и мир», являющийся эталоном рафинированного книжного языка, представляет широкие возможности для наблюдений над особенностями МСПП контаминированного типа. МСПП с контаминированным подчинением мы будем называть предложения, которые сочетают в себе различные комбинации соподчинения и последовательного подчинения придаточных и чей структурный минимум состоит из четырёх компонентов. Общая представленность контаминированных МСПП составляет более 30 % от всех МСПП, присутствующих в тексте романа [4, с. 12].

Л.Н. Толстой максимально реализовал потенциал МСПП в сфере контаминации. Так, в тексте «Войны и мира» взаимодействие соподчинения и последовательного подчинения в составе МСПП порождает конструкции следующих типов: а) с соподчинением (однородным и неоднородным) и последовательным подчинением; б) с последовательным подчинением и соподчинением (однородным и неоднородным). Цель данной статьи – выявить

в тексте романа наиболее продуктивные структурные модели МСПП с различными контаминациями подчинительных связей, проанализировать их структурно-семантические особенности, рассмотреть способы усложнения данных конструкций.

Анализ материала показал, что самой частотной в тексте романа является конструкция МСПП с минимальным количеством компонентов для данного структурного типа, а именно четырёхкомпонентная модель (43,3 %). Достаточно широко представлены пятикомпонентные модели (29,7 %). Малопродуктивны шести- и семикомпонентные конструкции – 13 % и 11 % соответственно. Среди МСПП с минимальным количеством компонентов наиболее фреквентными являются предложения, совмещающие соподчинение и последовательное подчинение придаточных и построенные по следующим моделям: предложения с двумя соподчинёнными придаточными I степени и одним придаточным II степени, поясняющим первую или вторую из соподчинённых частей (80 %). Частотность МСПП, в которых поясняется второе придаточное I степени, выше (63,5 %): 1) *Когда старик стал говорить слишком громко, Сперанский улыбнулся и сказал, **что** он не может судить о выгоде или невыгоде **того, что** угодно государю* [8, т. 2, с. 606]; 2) *Полковник рассказал, **что** манифест об объявлении войны уже вышел в Петербурге и **что** экземпляр, **который** он сам видел, доставлен ныне курьером главнокомандующему* [8, т. 1, с. 101]; 3) *Ежели ты ждёшь от себя чего-нибудь впереди, **то** на каждом шагу ты будешь чувствовать, **что** для тебя всё кончено, всё закрыто, кроме гостиной, **где** ты будешь стоять на одной доске с придворным лакеем и идиотом...* [8, т. 1, с. 55–56]. Придаточные I степени чаще всего неоднородны (63 %). Самое частотное второе придаточное I степени – нерасчленённой структуры (термин В.А. Белошапковой), распространяющее слово как лексико-морфологическую единицу, а именно изъяснительно-объектное. Чаще такое придаточное поясняется присубстантивно-атрибутивным придаточным при помощи относительного местоимения *который* (см. пример 2), придаточным местоимённо-соотносительного типа (см. пример 1), а также придаточными условными, времени, места, распространяющими всю главную часть. С главной частью такие придаточные почти всегда связаны синтаксическим союзом *что*, наиболее частотным из союзных средств подобного типа [6, с. 64]. Что касается первого придаточного I степени, то здесь преобладают придаточные расчленённой структуры, соотносящиеся со всей главной частью в целом: условные придаточные (см. пример 3), цели, времени. Не менее употребительными в тексте романа являются четырёхкомпонентные конструкции, построенные по следующей модели: предложения с одним придаточным

I степени и двумя придаточными II степени (20 %): 1) *Пьер считал князя Андрея образцом всех совершенств именно **оттого, что** князь Андрей в высшей степени соединял все те качества, **которых** не было у Пьера и **которые** ближе всего можно выразить понятием – силы воли* [8, т. 1, с. 57]; 2) *Он (Пьер) хотел решиться, но с ужасом чувствовал, **что** не было у него в этом случае той решимости, **которую** он знал в себе и **которая** действительно была в нём* [8, т. 1, с. 301]. Придаточные II степени чаще всего однородны, принадлежат к одному структурно-семантическому типу. Они выражают присубстантивно-атрибутивные отношения и присоединяются к главной части относительным местоимением *который*. В большинстве случаев придаточные части соотносятся друг с другом при помощи союза *и*. Наличие сочинительного союза делает ряд придаточных замкнутым, а всю многокомпонентную конструкцию монолитной [3, с. 10]. Указательные местоимения *те*, *той*, придающие отношениям выделительный характер, также способствуют установлению более тесной связи между главной и придаточной частями.

Исследование МСПП со смешанным типом подчинения показало, что возможности усложнения их конструкций в тексте романа различны. Ведущий тип связи – соподчинение или последовательное подчинение – обуславливает не только закономерности построения, но и возможности компонентного усложнения данных конструкций. Вслед за Г.Ф. Калашниковой мы полагаем, что возможностей усложнения структуры МСПП больше у конструкций с соподчинением и последовательным подчинением придаточных [5, с. 49]. Приведём примеры МСПП, в которых создаются благоприятные условия для усложнения: 1) *Билибин писал, **что** его дипломатическая *discretion* мучила его и **что** он был счастлив, имея в князе Андрее верного корреспондента, **которому** он мог изливать всю желчь, накопившуюся в нём при виде **того, что** творится в армии* [8, т. 2, с. 528]; 2) *Даже те из членов, **которые**, казалось, были на его стороне, понимали его по-своему, с ограничениями, изменениями, на **которые** он не мог согласиться, **так как** главная потребность Пьера состояла именно в том, **чтобы** передать свою мысль другому точно **так, как** он сам понимал её* [8, т. 2, с. 616]. Как видно из первого примера, МСПП могут усложняться причастными и деепричастными оборотами. Однако «развёртывание» МСПП происходит за счёт появления новых уровней синтаксической иерархии. Так, второе придаточное I степени, которое больше приспособлено к нагнетанию информации, усложняется двумя и даже тремя придаточными. Придаточные I уровня чаще всего – нерасчленённого типа. В приведённых примерах это придаточные изъяснительно-объектные и присубстантивно-атрибутивные, связанные с главной частью союзом

что и союзным словом *который*. Дальнейшее развёртывание может привести к появлению конструкций с последовательно соподчинёнными компонентами, которые функционируют и в первой, и во второй степени последовательного подчинения, а также конструкций с двойным (однородным и неоднородным) соподчинением, усложнённым последовательным подчинением: 1) *И, взяв с Пьера честное слово молчать обо всём, что он узнает, Марья Дмитриевна сообщила ему, что Наташа отказала своему жениху без ведома родителей, что причиной этого отказа был Анатолий Курагин, с которым сводила её жена Пьера и с которыми Наташа хотела бежать в отсутствие своего отца, с тем чтобы тайно обвенчаться* [8, т. 2, с. 826]; 2) *Накануне того дня, в который должен был вернуться граф, Соня заметила, что Наташа сидела всё утро у окна гостиной, как будто ожидая чего-то, и что она сделала какой-то знак проехавшему военному, которого Соня приняла за Анатоля* [8, т. 2, с. 812]. Подобные МСПП, несмотря на кажущееся нагромождение придаточных, демонстрируют высокую степень структурной организации. Они отличаются чёткостью строения, транспарентной семантико-синтаксической структурой, легко поддающейся восприятию благодаря группировке предикативных единиц, объединению их в структурно-семантические блоки. Здесь проявляется универсальное свойство всех полипредикативных структур, а именно – компактность. Компактность – это «комплекс способов и средств структурной организации многокомпонентного сложного предложения, делающая конструкцию целостной, чётко членимой, структурно обозримой, способной при росте информативного содержания в процессе усложнения новыми предикативными единицами быть удобной для смыслового восприятия» [5, с. 22]. В подобных МСПП редко встречается более одного придаточного расчлнённого типа (см. пример 1) или совсем не встречается (см. пример 2). Это объясняется тем, что данный тип придаточных включает в себе отдельное коммуникативное содержание и отличается меньшей способностью к «поглощению», к нейтрализации своей предикативности, а следовательно, меньшей способностью к блокированию компонентов. Напротив, в составе усложнённых МСПП наблюдается концентрация придаточных нерасчлнённой структуры, поскольку их предикативность, исконно ослабленная и в бинарных структурах, в составе МСПП нейтрализуется в ещё более значительной степени, что, в свою очередь, способствует блокированию компонентов и созданию компактной конструкции. Сочетание изыяснительно-объектного или присубстантивно-атрибутивного придаточного с главной частью представляет квазисложное предложение [7, с. 149]. Таким образом, всё МСПП получает более монолитное, упорядоченное строение.

Итак, Л.Н. Толстой в синтаксисе «Войны и мира» применяет оптимально необходимые формы соединений и взаимодействий синтаксических структур МСПП, позволяющих ему полнее и объёмнее выразить сложное коммуникативное задание. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения контаминированной структуры обладают большими возможностями детализации высказываемой мысли. Эти компактные конструкции, которые вмещают большое количество разнородной информации, объединённой чёткими логическими связями, стремятся к лингвистически конструктивной упорядоченности, к гармоническому выстраиванию своих частей. В процессе функционирования элементы МСПП (предикативные единицы и их блоки) выстраиваются в соответствии с коммуникативным заданием, подвергаясь группировке, или блокированию, что способствует цельности и обозримости всей конструкции. Анализ материала также показал, что данные конструкции имеют разные потенции к компонентному усложнению. Обладая гибкой монтажной композицией предикативных частей в их составе, МСПП служат воплощению сложных художественных замыслов.

Библиографический список

1. Беднарская Л.Д. Сложное предложение в языке русской лирики XIX–XX столетий: монография. – Орёл: ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2012. – 392 с.
2. Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в пьесах А.Н. Островского (к вопросу о взаимоотношении разговорной и книжной речи) // Язык и слог Островского-драматурга: сб. науч. трудов. – Ярославль, 1974. – Вып. 126. – С. 80–92.
3. Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в научном стиле современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1967. – 19 с.
4. Ивкова Е.Ю. Усложнённые сложноподчинённые предложения в пространстве художественного текста (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир») // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – Кострома, 2013. – С. 112–115.
5. Калашишникова Г.Ф. Многокомпонентные сложные предложения с союзной связью в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Днепропетровск, 1981. – 43 с.
6. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. – М.: Просвещение, 1977. – 191 с.
7. Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике: Избранные труды. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 184 с.
8. Толстой Л.Н. Война и мир: в 2 кн. – М.: Эксмо, 2012. – 1856 с.

Ильина Елена Николаевна
доктор филологических наук, профессор
Вологодский государственный университет
fifak@list.ru

Драчева Юлия Николаевна
кандидат филологических наук
Лестерский университет (University of Leicester, Великобритания)
yulia.dracheva@mail.ru

ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРОВ КАК БАЗА КУЛЬТУРНОЙ ТРАНСМИССИИ*

Статья посвящена явлению культурной трансмиссии, то есть процессу адаптации культурного опыта предшествующих поколений последующими. Рассматривается феномен трансмиссии языка народной культуры, в частности, процесс реализации фонетико-интонационных особенностей вологодских говоров во вторичных дискурсивных практиках. Базу языковой трансмиссии составляет фонетическая система вологодских говоров. На развитие данного процесса влияют экстралингвистические (миграция населения, повышение уровня образования, социокультурная маркированность диалекта, поиск региональной идентичности) и лингвистические факторы (влияние локально не маркированных форм речи на речевую практику носителей говора). Среду процесса языковой трансмиссии составляют различные дискурсивные практики: бытовая речь города, сфера авто- и гетеростереотипов, система современных медиа (радио, печать, телевидение, Интернет), произведения различных видов искусства, тексты бизнес-индустрии (рекламные сообщения и пиар-акции). Результатом процесса языковой трансмиссии становится брендирование отдельных фонетико-интонационных черт (оканье), на их фоне – нивелировка других, наиболее «экзотических» (цоканье, чоканье, ёканье, полумягкий звук [ʃ] и др.) при сохранении менее экзотических, но типичных свойств фонетико-интонационной системы вологодских говоров (еканье в предударном слоге, процессы упрощения заударных слогов и пр.).

Ключевые слова: лингвокультурология, культурная трансмиссия, языковая трансмиссия, русская диалектология, вологодские говоры, фонетика.

Современная региональная речевая практика привлекает внимание исследователей языка с точки зрения выражения в ней лингвокультурологических феноменов и процессов их развития. Одним из таких феноменов является трансмиссия региональной народной культуры и языковые особенности этого процесса, который не ограничивается рамками стихийной народной речи и распространяется в недиалектные речевые практики. Актуальность исследования данного процесса обусловлена тем, что региональные вторичные дискурсивные практики усваивают и «перерабатывают» в соответствии со своими целями элементы языка традиционной народной культуры, причем последняя выполняет в них функцию выражения и поддержки региональной идентичности. Исследование феномена культурной трансмиссии в региональном дискурсе способствует, с одной стороны, осмыслению роли языка в трансляции культуры и, с другой стороны, позволяет показать влияние современных диалектов на речевую рефлексию жителей Вологодской области и соседних регионов.

Мультидисциплинарный термин «культурная трансмиссия» рассматривается в гуманитарных науках как процесс передачи культуры от предшествующих поколений к последующим [10]. Место языковых процессов в ходе культурной трансмиссии можно определить как одну из форм осуществления трансляции культуры наряду с неязыко-

выми формами (например, трансляция культуры через бытовые предметы и пр.). Однако термин «языковая трансмиссия» хотя и предлагается для обозначения механизма сохранения и передачи воплощенных в языке культурных ценностей [6], но пока чаще используется для описания социокультурных процессов межпоколенческого («вертикального») культурного обмена [15]. Однако изучение лингвистических механизмов культурной трансмиссии в региональных дискурсивных практиках позволяет уточнить термин «языковая трансмиссия» как процесс передачи ценностей культурной традиции, характерной для определенной группы людей, объединенных общностью речевой практики, через использование элементов данной речевой практики в иных дискурсах. В таком случае языковая трансмиссия выступает в качестве характерного признака так называемой «горизонтальной» культурной трансмиссии [6].

В данной работе в контексте реализации трансмиссионных процессов рассматривается процесс реализации фонетико-интонационных особенностей вологодских говоров во вторичных дискурсивных практиках. Фонетическая система вологодских говоров давно и весьма подробно описана в исследованиях по русской диалектологии [8 и др.]. В качестве наиболее заметных локальных особенностей вологодских говоров обычно называется *оканье*, то есть различие гласных <o> и <a> в предударной позиции после твёрдых согласных

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Вологодского областного отделения Русского географического общества (проект «Народная речь Вологодского края: опыт функционально-типологического исследования»).

[*молодой*], *еканье* и *ёканье*, то есть совпадение гласных <э>, <о>, <а> в той же позиции после мягких согласных в вариантах [э: *в'эсна*, *сн'эсла*] или [о: *в'осна*, *сн'ола*], особое произношение аффрикат – *цоканье* [*ц'асы*] или *чоканье* [*офч'а*], наличие полумягкого [л]: [*колода*] и твердых долгих шипящих [*шиш*] и [*жжж*]: [*шишук*а], а также специфические изменения сочетаний звуков в конце слова [*кос'* 'кость', *шоу'* 'шёл'] и в других позициях [*м'энный* 'медный' *омман* 'обман' и др.].

На развитие процесса трансмиссии фонетико-интонационных особенностей вологодских говоров влияют экстралингвистические и собственно лингвистические факторы. Это социокультурные трансформации современной деревни (миграции населения, повышение уровня образования жителей региона, влияние на их речевую практику локально не маркированных форм речи, проблема поиска региональной идентичности, а также восприятие диалекта как социально и культурно маркированного лингвистического кода). Среда процесса языковой трансмиссии составляют различные дискурсивные практики: бытовая речь города, сфера авто- и гетеростереотипов, система современных медиа (радио, печать, телевидение, Интернет), произведения различных видов искусства, тексты бизнес-индустрии (рекламные сообщения и пиар-акции).

Далее рассмотрим, как в различных видах дискурса находит своё отражение фонетико-интонационная специфика вологодских говоров.

Наиболее приближенная к первичной форме бытования дискурсивная практика – бытовая речь города, его региолект [11], в котором сохраняются устойчивые локальные черты. По наблюдениям Н.Г. Мельниковой [7], локальная фонетическая окрашенность речи горожан сохраняет наиболее устойчивые черты: это полное [*молодой*] и неполное [*м'лодой*] *оканье*, *еканье* в позиции предупредительного слога [*в'эсна*, *н'эсла*], процессы фонетического «ослабления» заударного слога – выпадение [j] в интервокальной позиции [*знаэм*, *д'элаам*], а также упрощение групп согласных [*jэс'*] «есть», [*гос'ja*] «гостья» и пр. При этом исследователи свидетельствуют о нивелировке других, более «экзотических» фонетико-интонационных черт вологодских говоров (см., например, [2]).

Осознание региональной идентичности (вологодский [говорок]) в процессе языковой рефлексии образует ещё одну дискурсивную практику – корпус народных паремий, авто- и гетеростереотипных высказываний, характеризующих отличительные черты речи жителей Вологодского края. Предметом рефлексивного осмысления, судя по этим высказываниям, является *оканье* («*Я за Вологду родную с топором на танк пойду*»), специфическое произношение аффрикат («*Шла овца из Череповца. Овца, на хлебча! Овца как хлопнечча да пере-*

вернечча»), локально маркированная ассимиляция согласных («*Менной ключ упал на нно. А достатьто холонно. И обинно, и досанно. Ну да ланно, всё онно*») и некоторые другие процессы: «*Тесь* (тесть) *любит цесь* (честь), *а зеть* (зять) *любит взеть* (взять)». Динамика стереотипных высказываний проявляется в том, что в XIX – начале XX века их содержание, как правило, относилось к *цоканью* как наиболее характерной черте речи вологодской провинции. Его отмечает в «Пословицах русского народа» В.И. Даль («*Хоцу – вскоцу, не хоцу – не вскоцу*» [4, с. 26]), оно комментируется в массовой печати, например в этнографических очерках и заметках: «Тотьмяков <называют> *кочанниками, чулочницами и печенца на спицах*... Прозвище же *печенца на спицах* осмеивает произношение тотьяков. Это на тотемском рынке и теперь еще продают жареную коровью печень, развешанную на деревянных спицах, и продавцы ее то и дело выкрикивают для подманивания покупателей: «*Печенца на спицах!*» [5, с. 508]. Респонденты более позднего времени в качестве определяющей фонетической черты вологодских говоров выделяют *оканье* (см., например, название интернет-ресурса «Посидим-поокаем» [9] или памятник букве «О» (рис. 1) [12].

В дискурсе массовой коммуникации локальные фонетико-интонационные черты находят своё отражение как в текстах традиционных медиа (радио, печать, телевидение), так и в более поздних (интернет-ресурсы, рекламные и пиар-акции). Сознательное использование «экзотических» местных фонетико-интонационных особенностей служит средством привлечения внимания к локальной

Рис. 1. Памятник букве «О», г. Вологда

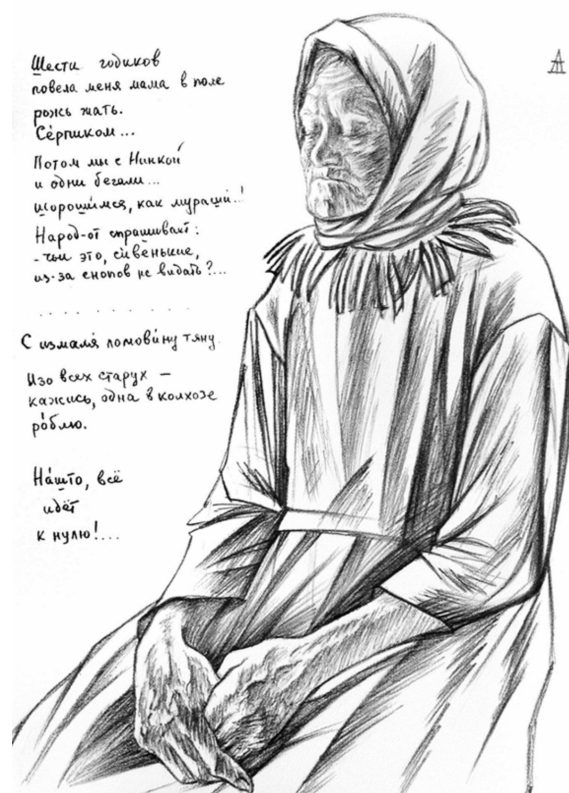

Рис. 2. Иллюстрация из альбома Д.Т. Тутунджан «Разговоры по правде, по совести»

словесной культуре региона (например, имитация фонетико-интонационного и лексико-семантического наполнения фраз диалектной речи в заставке рубрики «Толковый словарь» вологодского радио «Премьер»: «*Дак не тоўдыкать, а тоўковать-эть надо*», продвижения брендов регионального производства или сферы услуг (например, дискурс бизнес-проекта «Великий Устюг – родина Деда Мороза» [3]), открытого обсуждения локальной речи в блогах – ресурс «Посидим-поокаем» [9]). Именно в сфере массовых коммуникаций максимально отчётливо обнаруживает себя процесс брендирования *оканья* как наиболее типичной черты вологодского произношения, что не вполне правомерно с лингвистической точки зрения. Можно предположить, что на фоне других отличительных особенностей вологодской фонетики (например, *цоканья* ил *ёканья*) *оканье* – при всей своей очевидной самобытности – воспринимается более лояльно в системе авто- и гетеростереотипов, связанных с местным произношением. Оно устойчиво проявляет себя в речи официальных лиц, работников сфер образования, культуры и искусства, а также массовой коммуникации региона [1].

Осознание фонетико-интонационных особенностей локальной речи как маркера региональной идентичности, неотъемлемой части «лингвистического кода» региона и культурной ценности определяет принципиально иное отношение к нему в сфере искусства. Здесь обращает на себя внимание

мастерская фонетико-интонационная стилизация северной речи в произведениях **художественной литературы** (в частности, у авторов «деревенской прозы» – Василия Белова, Фёдора Абрамова, Анатолия Петухова, Александра Яшина и др.), в художественных и мультипликационных **фильмах** (например, персонажная речь в кинофильмах («А зори здесь тихие», «Печки-лавочки» и др.), имитация северного произношения закадрового текста мультипликационных фильмов («Волшебное кольцо», «Перепелиха», «Апельсин» и др.)), тщательная реконструкция **локальных песнопений** в работе фольклорных коллективов [13], а также **синтез художественных средств** репрезентации образа локальной культуры (например, изображение жителей северной деревни в сопровождении с записями характеризующих их высказываний в книге Д. Тутунджан «Разговоры по правде, по совести» (рис. 2) [14].

Таким образом, исходная фонетико-интонационная система вологодских говоров во вторичных практиках репрезентируется лишь фрагментарно, наиболее «выпуклыми» своими чертами. Это происходит под воздействием факторов противоположного действия: с одной стороны, в результате формирования локальной идентичности жителей региона в процессе языковой рефлексии, осознания диалектных особенностей как национального достояния; с другой стороны, локально окрашенная, «деревенская», речь по-прежнему воспринимается через призму социальной престижности «городской» речи, стремления к нивелировке диалектных черт в дискурсе официальной коммуникации. В результате происходит брендирование отдельных фонетико-интонационных черт (*оканье*), на их фоне – нивелировка других, наиболее «экзотических» (*цоканье*, *чоканье*, *ёканье*, *полумягкий звук [л]* и др.) при устойчивом сохранении менее экзотических, но типичных свойств фонетико-интонационной системы вологодских говоров, значительно реже попадающих в зону языковой рефлексии жителей региона (*еканье* в предударном слоге, процессы упрощения заударных слогов и пр.).

Библиографический список

1. В России отмечают День филолога: интервью с Г.В. Судаковым // Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Вологда». – 2016 (25 мая) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://вести35.рф/tv/russia24/interview/v-rossii-otmechayut-den-filologa/?sphrase_id=12252926
2. Вахтера Й. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области. Сер.: Slavica Helsingiensia. Т. 37. – Хельсинки: Helsinki University Press, 2009. – 323 с.
3. Громыко С.А. Репрезентация традиционных севернорусских ремёсел и промыслов в туристическом дискурсе проекта «Великий Устюг – роди-

- на Деда Мороза» // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим: монография / Е.П. Андреева, С.А. Громыко, Ю.Н. Драчёва и др. – Вологда: Легия, 2015. – С. 236–253.
4. *Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 3 т. – М.: Русская книга, 1984. – Т. 2. – 704 с.
5. *Дилакторский П.А.* Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб.: Наука, 2006. – 667 с.
6. *Драчева Ю.Н.* Трансмиссия языка традиционной народной культуры в массовой коммуникации: монография. – Вологда: ИП Киселев А.В., 2016. – 240 с.
7. *Драчева Ю.Н., Ильина Е.Н., Мельникова Н.Г.* Отражение особенностей звучащей речи вологжан в современной массовой коммуникации // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3. – С. 68–71.
8. *Захарова К.Ф., Орлова В.Г.* Диалектное членение русского языка. – М.: Просвещение, 1970. – 168 с.
9. *Зорина Л.Ю.* Диалектное слово в Интернете // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2014. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 326–341.
10. *Кравченко А.И.* Культурология: словарь. – М.: Академический проект, 2000. – 671 с.
11. *Оглезнева Е.А.* Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. – 2008. – № 2 (16). – С. 119–136.
12. Памятник букве О // Туристический портал «Samovar travel» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://samovar.travel/place/pamyatnik-bukve-o/>.
13. *Парадовская Г.П.* Изучение, сохранение и восстановление народных традиций Вологодской области как одно из направлений деятельности лаборатории народного музыкального творчества Вологодского педагогического университета // На пути к возрождению: Опыт освоения традиций народной культуры Вологодской области. – Вологда, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.onmck.ru/resources/folklore_and_ethnographic/text/library/?ELEMENT_ID=832.
14. *Тутунджан Д.Т.* Разговоры по правде, по совести: альбом / авт.-сост. Г. Дементьева. – Вологда: Арт-галерея «Красный мост», 2005. – 143 с.
15. Cross-cultural Psychology: Research and Applications / J.W. Berry, Y.H. Poortinga, M.H. Segall, P.R. Dasen. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2002. – 612 p.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В АСПЕКТЕ КУЛЬТУРЫ

Архивные материалы представляют собой ценный источник выявления и изучения лексики в аспекте культуры. Исследование проводится на материале смоленских памятников деловой письменности XVII–XVIII веков.

Данные, приведенные в статье, подтверждают тот факт, что архивные материалы являются одним из важнейших источников изучения не только нарицательной лексики, но и имен собственных, в частности топонимов. В статье рассматриваются топонимы и микропонимы с точки зрения их происхождения. Анализ названий проводится в историческом и лингвокультурологическом аспектах. Диахроническое исследование топонимии невозможно без изучения памятников письменности. Памятники письменности Смоленского края являются ценными источниками выявления и изучения топонимической лексики. Различные лексические группы позволяют судить о богатстве словарного состава языка того времени.

Ключевые слова: архивные материалы, культура, микропоним, топоним, ономастика, регион, лексика, номинация.

Словарный состав современного русского языка отражает факты и события истории, географию страны, социальную и хозяйственную жизнь человека, новшества и традиции, культуру народа, его мировоззрение, мироощущение и мировосприятие.

Изучая современный русский язык, всегда следует учитывать историю развития языка, знать и понимать факторы, под воздействием которых он изменяется и совершенствуется.

В то же время изучение истории развития любого языка (в данном случае – русского) должно опираться на расширение и увеличение письменной базы исследования, то есть на постоянное введение в круг изучения, в научный оборот новых, до настоящего времени не исследованных материалов.

Необычайно важными и ценными для изучения истории языка, для русской культуры остаются памятники письменности начального периода становления языка русской нации – XVI–XVIII столетий. Чаще всего это рукописные документы, хранящиеся в настоящее время в столичных и региональных архивах России, а также в архивах или частных коллекциях некоторых других стран.

Памятники письменности Смоленского края хранятся в разных архивах: в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), в Государственном историческом музее города Москвы, в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в Санкт-Петербургском отделении Института истории, в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург), в отделе рукописей Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга и др. В Смоленске памятники письменности прошлых веков хранятся в Государственном архиве Смоленской области.

Памятники письменности XVI–XVIII веков важны и интересны с точки зрения выявления в них языка соответствующей эпохи. Представим анализ памятников письменности указанного периода, написанных в Смоленском крае. Они об-

ладают особой ценностью, так как, несмотря на строгость, четкость и определенную закреплённость (формульность), их язык был наиболее близок к народно-разговорному языку.

Памятники письменности составлялись по определенным образцам, в них, как правило, указывалась дата межевания, говорилось о том, по чьему указу велось межевание земель, кем оно осуществлялось, как проходили границы и межи: *1779 году сентября 25 дня по указу ея Величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы Всероссийской и прочая и прочая учинена межа в Бельском уезде Рожинской волости расчистной нивы называемой Клечики съ ея пашенною землею санными покосы лесными и протчими угды которая состоит во владении за капраломъ Спиридономъ Ефимовымъ сномъ Палибинымъ да во оные нивы входитъ седьмою частью майора Ивана Иванова сна Карнилова... идучи тою линиею перешедъ речку пустую которая по переходе и осталась совсемъ назади направо дровяной лесъ расчистныхъ нивъ Клечиковъ...* (ГАСО. Ф. 113/1, 153, 1–2. 1779 г.).

Наши памятники письменности широко представляют специальную лексику, которая тесно связана с межеванием земель и землевладением: *Переписал я Трофимъ крстьянские и большские жилые и пустые дворы и во дворах людее по имяномъ и дворовья места и пашню и лесъ и санные покосы и всякия угодыя а переписав по указу великихъ Гсдреи и по Грамоте и с того выше писанного Игнатъевскаго поместья Ленина отказал на прожитокъ жене ево Игнатъевой вдове Катерине двор крстьянскои да двор пустой с пашнею и со въсякими угоды... (РГАДА. Ф. 1209/2, 17175, 118 об. 1685–1690 гг.). А к тому дворовому пустому месту по реке Малохъве санныхъ покосовъ по обе стороны обытока с лучкою да лучка межъ царевыхъ лукъ ниже Быковскихъ а выше Калоденскихъ лукъ подъ Потаповскою землею належитъ подъ рябого клиномъ санныхъ покосовъ на семьдесятъ копень а подъ темъ помещи-*

ковьямъ дворомъ и подь крстьяны пашни пахотной и непахотной и лесомъ поросло семь волокъ земли (РГАДА. Ф. 1209/2, 15175, 121. 1685–1690 гг.); От деревни Морозова с озера Щучья Воловскимъ ручьемъ в Воловской мохъ с того мху в черную грязь... черезъ мохъ Тресливецъ и от него черезъ речку Оплаву... (РГАДА. Ф. 1209/2, 15171, 324 об.); На той старой границе Текуновской усыпанъ конецъ иою жь старую границую Текуновскою подле копцовъ побочныхъ до речки Любки (РГАДА. Ф. 281/7, 3/10893, 33. 1756 г.).

В памятниках письменности в изобилии представлены термины, терминологические сочетания, профессиональная и специальная лексика, иноязычные слова: *астролябия, градус, землемер, зюйд, линия, межевая яма, межевой столб, норд, ост, перпендикуляр, починная уездная межевая яма, починный пункт, ромб* и др., например: *У того столба ставлена астролябия и продолжена линия до повороту которая скланение имеет на ромб от норда к осту два градуса идучи тою линиею вверхъ речки Пустои по течению ее левою стороною которая в сем месте между дачь росчистной нивы Клечиков и дрвни Ивановои составляет живую непремненную между и ко онои влево чрезъ пятьдесят сажень браны были перпендикуляры...* (ГАСО. Ф. 113/1, 153, 1 об. 1779 г.).

Представленные в памятниках деловой письменности антропонимы в зависимости от различных типов именования могли свидетельствовать о социальном положении людей: *В селе Каспле мещане Есетька Григорьевъ, Ивашка Федоровъ, Васька Захаровъ, Петрушка Ивановъ, Гришка Михайловъ, у него дети Костька да Сидорка в работу поспели, Матешка Андреевъ, Ивашка Михайловъ, у него сынъ Ивашка въ работу поспель, Сергушка Иванов, у него дети Пашка да Парфенко в работу поспели...* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15177, 650 об. – 651); *Бояринъ и воевода Борисъ Васильевичъ Бутурлинъ, дьякъ Осипъ Татариновъ, стряпчий Трофимъ Прохоровъ сынъ Колеминъ, рейтаръ Игнатъ Ленинъ, рейтаръ Иванъ Афонасьевъ, вдова Игнатъевская жена Ленина, вдова Катерина Алексеева дочь, крестьянинъ Савка Кузьминъ, крестьянинъ Карнешка Прокофьевъ, у него сынъ Сергушка, подсоседникъ Оська Гавриловъ, у него сынъ Тимошка, капитанъ Яковъ Бозаровъ, отказщикъ Трофимъ Килеминъ, Гришка Сидоров, у него сынъ Васька* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15175, 117–120).

Названия собственные географических объектов, то есть топонимы, содержат в себе сведения о хозяйственной жизни, о социальных отношениях, о материальной и духовной культуре людей, в особенности о культуре той территории и того времени, которые отразились в памятниках письменности.

Расположение смоленских земель издавна способствовало тому, что формирующаяся топонимическая система этого региона была отличной от

топонимических систем соседних территорий. Торговый путь, известный в древности под названием путь «из варяг в греки», проходил по Смоленскому краю. Летопись гласит: «Из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра волок до Ловати, а по Ловати входят в Ильмень озеро великое: из этого же озера вытекает Волохов и впадает в озеро великое Нево и устье этого озера впадает в море Варяжское» [4, с. 25].

Путь «из варяг в греки», проходивший в том числе и по смоленским землям, способствовал появлению здесь сухопутных волоковых путей, по которым приходилось перетаскивать лодки по суше, волочить, иногда катить по земле.

Слово *волок* обозначало «пространство земли, водораздел между двумя судоходными реками и путь, по которому перетаскивали суда, грузы», позже – «место скопления грузов и товаров для перевозки по волоку; поселение на волоке» [7, вып. 3, с. 5–6].

«Волоковые» названия отразились в памятниках письменности XVII–XVIII вв., встречаем в них нарицательные слова, а также топонимы и микро-топонимы с корнем *волок-*: Лесу пашенного под *волочкомъ* по болоту кустарь 3 десятины (К. 115, 608, 37. XVII в.); На *волочке* ж за рекою Высотой церковь (К. 115, 608, 95 об. XVII в.); Елены реки униз по луцкой дороге по правую сторону от *переволока* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15178, 802 об. 1655–1675 гг.), д. *Переволока* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15170, 178. 1655–1680 гг.), д. *Переволока* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15174, 635 об. 1661–1674 гг.), пустошь *Переволока* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15174, 637. 1661–1674 гг.) д. *Волочок* (РГАДА. Ф. 1355/1, 1470, 89 об. 1776–1779 гг.).

Название древней волости Смоленской земли – *Лодейницы* (находились *Лодейницы* также на одном из участков известного «пути из варяг в греки», приблизительно там, где в настоящее время расположено село *Лодыжичи*, на Купринском озере) – может свидетельствовать о том, что люди, жившие на «пути из варяг в греки», изготавливали или чинили лодки (*лоды, ляды*). Таких мастеров называли *лодейниками*, ср. *Лодейное Поле* – «город на реке Свири, где в 1702 году были заложены Петром I судостроительные верфи [9, т. 2, с. 510]. Следовательно, название *Лодейницы* подтверждает тот факт, что в данном населенном пункте делали или чинили лодки. Слово образовано от основы *лодей-* (*лодейн-*) путем прибавления форманта *-ицы*.

Топонимы, отразившие наличие волоковых путей, волоков, до сих пор бытуют на территории современной Смоленской области, ср., например, названия населенных пунктов и улиц: *Волок, Волоковая, Волоково, Волоховщина, Волочек, Волочня, Волхово, Переволочье, Лодейницы (Лодыжичи, Лодыжницы)*, улицы *1-й Верхний Волок* и *2-й Верхний Волок* в городе Смоленске.

Как указывал О.Н. Трубачев, «все дело в том, что вырисовывается сложная самостоятельная си-

стема волоков, которая вовсе не обязательно была связана с варяжским путем. Самую важную информацию на этот счет представляет русский характер номенклатуры волоков, полное отсутствие скандинавского языкового вклада в эту номенклатуру, конкретно – ничего похожего, скажем, на двуязычный перечень названий нижнеднепровских порогов у Константина Багрянородного – «по-шведски» и «по-славянски» (по-русски). Ничего похожего, повторяю, среди названий верхнеднепровских волоков нет, хотя от них до Швеции намного ближе, чем от порогов в низовьях Днепра» [8, с. 112].

С XIII века смоленские земли подверглись нападению литовских князей, которые создали крупнейшее и сильнейшее государство в Европе – Великое княжество Литовское. Литовские князья совершили много попыток завоевать город, смоляне не раз отражали напор врага, и только в 1404 году литовцам удалось захватить Смоленск.

110 лет Смоленск и смоленские земли вместе с белорусскими были в составе Великого княжества Литовского. Однако многолетнее пребывание Смоленского края в Литовском государстве оставило мало следов в лексической и топонимической системе, хотя единичные заимствования и общие элементы были.

Литвинами (литовинами) называли на Руси не только выходцев из самой Литвы, но и жителей западных земель, находившихся под властью Литовского княжества. А.И. Попов пишет: «После заметного возвышения Москвы уже в XIV–XV вв. Литва поставляла московским великим князьям большое число выходцев дворянского и даже княжеского происхождения с соответствующими дружинами и слугами. Все эти новоприезжие размещались на землях Московского государства, образуя нередко деревни и села с названием *Литвиново* и т. п., отмечавшим этническую принадлежность новых владельцев – помещиков.

Позже на этой же почве образовывались и постоянные прозвища и фамилии, а от них в свою очередь имена населенных пунктов... В XVI–XVII столетиях литовцы на московской службе составляют весьма значительные контингенты; образуются особые полки литовского строя, в которых наряду с коренными литовцами служили и русские, но которые в целом обозначались как *Литва*» [5, с. 92].

В памятниках письменности XVI–XVIII веков отмечаем названия населенных пунктов и других объектов, образованные от этнонима *литва*: пустошь *Литвиново* (ГАСО. Ф. 113/1, 210, 269 об.); деревня *Литовино* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15170, 13. 1655–1670 гг.); деревня *Литвинова* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15176, 126 об.), пустошь *Литвиново* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15171, 269 об. 1670–1697 гг.), стань *Глухолитвиновской* (Смол. ст., вып. 3, ч. 2). До сих пор в Смоленской области существуют

4 деревни под названием *Литвиновка*, также 4 деревни – с названием *Литвиново*, деревня *Литовское* и поселок *Литвиново*.

Совершенно иная картина наблюдалась во время вхождения Смоленского края в состав Речи Посполитой – с 1611 по 1654 г.

«Если в период столетнего литовского владычества русский язык на смоленских землях не подвергался дискриминации и оставался ведущим в управлении и судебном производстве, то во время правления польского короля обязательным становится польский язык, а через небольшой отрезок времени в письменном производстве основным становится язык латинский. Эти десятилетия и явились определяющими в этническом и языковом отношении для населения Смоленска и Смоленского края. Непосредственное общение с поляками, многие из которых после 1654 г. навсегда остались в Смоленске и его уездах (отсюда большое число польских по происхождению фамилий среди смолян), в связи с чем для их потомков Смоленщина стала единственной родиной, привело к появлению в смоленском диалекте огромного количества полонизмов или слов, пришедших в словарный состав смоленских говоров из других западноевропейских языков через посредство старопольского» [2, т. 2, с. 457].

Смоленские памятники письменности хранят названия деревень, сел, пустошей, которые запечатлели пребывание поляков на смоленской земле: деревня *Полишино* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15171, 162); деревня *Панково* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15171, 203); деревня *Никола Польский* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15171, 240); пустошь *Панская* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15171, 461); речка *Поляца* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15172, 83); деревня *Панкино* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15172, 539); пустошь *Панцово* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15172, 549); деревня *Панцово* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15170, 386, 591 об.); деревня *Панское* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15170, 89); пустошь *Панчина* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15170, 250 об.); деревня *Польщина* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15170, 426 об.); село *Польщина* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15166, 23 об.). Деревни с названиями *Панино* (3 деревни), *Панинское*, *Панково*, *Паново* (4 деревни), *Панская*, *Панское* (4 деревни), *Панцево*, *Панцы*, *Паньково* (2 деревни), *Полишино*, *Польки*, *Польшино*, *Поляковка* (3 деревни), *Полячки* и сейчас есть в Смоленской области [1, с. 305–306].

На Руси, в том числе и на Смоленщине, поляков чаще называли ляхами: «Ляхъ. Поляк. И с тех он мечь и по ся места был в литовских таборех... а жил у ляха у Ротославского. Готье, 78. 1610 г. 2. В составе антропонима. Сенка ляхъ, казачий есаулъ изъ-подъ Смоленска. АМГ-1, 99. 1614 г.» [6, с. 135]. Это слово способствовало появлению названий с корнем *лях-*: пустошь *Ляхова* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15171, 122 об.); пустошь *Ляхово* (РГАДА. Ф. 1209/2, 15170, 20 об.); пустошь *Ля-*

ховка (РГАДА. Ф. 1209/2, 15175, 266 об.). Существуют похожие топонимы и сейчас, ср.: деревня *Ляхи*, деревня *Ляховичи*, деревня *Ляхово* (5 населенных пунктов), деревня *Ляхтовка* [1, с. 251]. «В XVII веке смоленские земли, а также часть белорусских и украинских, вошли в состав Литовского государства, а позже – в состав Речи Посполитой, жители этих территорий утратили связи с другими русскими землями, но оказались в контакте с белорусским народом, а также с польским и литовским. Это способствовало тому, что смоленский диалект и белорусский язык и его говоры развивались, влияя друг на друга. Одновременно они оказались под влиянием польского языка, кроме того, польский язык стал посредником между другими западноевропейскими языками и русским языком и его диалектами, в частности смоленским диалектом. Итогом такого взаимодействия стали многочисленные новые слова и дериваты в смоленских говорах, на основе которых позже возникли топонимы и микротопонимы, сохранившиеся до наших дней» [3, с. 58].

Топонимы, как известно, не просто именуют различные географические объекты и помогают отличать их один от другого, но хранят в своем содержании культурную, историческую информацию, отражают обычаи, традиции, быт, культуру народа, далекое прошлое и настоящее. Географические названия (топонимы) являются не только свидетельствами больших и малых исторических событий, они были и остаются культурными вехами в истории народа и его языка.

Примечание

В статье использованы архивные материалы из Российского государственного архива древних

актов (РГАДА, г. Москва), Государственного архива Смоленской области (ГАСО), СМММ (г. Смоленск).

Библиографический список

1. Административно-территориальное устройство Смоленской области: справочник. – М.: Московский рабочий, 1981. – 416 с.
2. *Борисова Е.Н.* Смоленский диалект // Смоленская область: энциклопедия: в 2 т. Т. 2. – Смоленск: СГПУ, 2003. – С. 457.
3. *Картавенко В.С.* Польские заимствования в русском языке XVII–XVIII веков // Диалог языков и культур: Россия – Польша: материалы междунар. науч. конф. Смоленск, 20–22 ноября 2014 года / отв. ред. В.С. Картавенко. – Смоленск: Маджента, 2015. – С. 58–63.
4. Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века / сост. и ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М., 1978. – 464 с.
5. *Попов А.И.* Названия народов СССР: Ведение в этнонимистику. – Л.: Наука, 1973. – 170 с.
6. Региональный исторический словарь второй половины XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / отв. ред. Е.Н. Борисова. – Смоленск, 2000. – 368 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. – М.: Наука, 1975–2015 (продолжающееся издание).
8. *Трубачев О.Н.* В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. – М.: Наука, 2005. – 286 с.
9. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1986–1987.

ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ НАУЧНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье дана обобщающая информация о развитии отечественной филологии, о соотношении в ней на протяжении более чем двух столетий процессов дифференциации и интеграции. Эти процессы действовали и внутри частных наук, в том числе в лингвистике. На таком фоне прослежена динамика диалектологической работы, которая всегда была сопряжена с краеведением и шире – с регионоведением, что в целом выливалось в лингвокраеведение как исследование диалектных микросистем, соотношенное с изучением населенных пунктов и разных сторон бытия их жителей, выходящее в лингворегиеоноведение, в изучение историко-культурных зон. Представлена также информация о содержании, роли, значимости лингвокраеведения для отечественной науки и образования, о диалектологических, тем самым лингвокраеведческих, центрах России, одним из которых является Кострома. Подчеркнут и тот факт, что в лингвокраеведении всегда был актуален воспитательный аспект.

Ключевые слова: филология, дифференциация, интеграция, русская диалектология, лингвокраеведение, лингворегиеоноведение, диалектная лексикография, лингвогеография, историко-культурная зона.

О лингвокраеведении в целом как научном и образовательном направлении и о современном его состоянии не представляется возможным говорить, не обращая к его истокам. Поиски же их ведут к рассмотрению отечественной филологии как гуманитарного (или социально-гуманитарного) знания, как науки о Слове, к анализу ее состояния в разные времена, ее развития. Вся история филологии, ее динамика связаны с процессами дифференциации и интеграции, их различным соотношением, взаимодействием.

Отечественная филология, возникнув в XVIII в., начавшись трудами В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова, Словарем Академии Российской (1789–1794), блестяще, чрезвычайно продуктивно продолжилась в XIX, затем в XX вв. (Конкретно путь отечественной филологии через имена, персоналии прослежен А.Т. Хроленко [7]). В течение XIX в. в русской словесности усиливались тенденции размежевания (отделилась история, оформилась риторика). К концу XIX в. отечественная словесность разделилась на лингвистику, литературоведение и фольклористику. При доминировании этих трех наук, в их рамках (и при выходе за их пределы) дифференциальные процессы продолжились, в них выделился целый ряд научных направлений. В языкознании, например, и на его базе сложились такие направления, как: учение о фонеме и фонологии; история и теория русистики; теория и практика лексикографии; славистика; этнолингвистика; социоллингвистика; глоттогенез и ностратика; реконструкция праязыка и протокультуры с целью определения прародины индоевропейцев и других народов; семиотический подход к языку, литературе и культуре; язык художественной литературы; а также др. (см. [7, с. 86–88]). При этом даже в названиях некоторых направлений отражен выход за пределы лингвистики – в этнографию, социологию, культурологию, литературове-

дение, то есть своеобразное сопряжение процесса дифференциации с элементами интеграции.

В приведенном ряду направлений отдельно не названа русская диалектология, хотя она, безусловно, выделилась из недр филологии, лингвистики. Начальный этап ее истории относится тоже к XVIII в. и тоже связан с именами В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова. Последний отметил, в частности, очень важное качество русских диалектов, языка народа российского: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальнее расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например, в Германии, баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа» [6, с. 201]. Коррелирует с этим и более позднее признание И.И. Срезневского: «Конечно, все эти наречия и говоры остаются до сих пор только оттенками одного и того же наречия и нимало не нарушают своим несходством единства русского языка и народа» («Мысли об истории русского языка», 1849 г.).

В 1-й половине XIX в. началось целенаправленное собирание и изучение диалектных единиц при осознании важности и необходимости этой работы, составление словарей, в числе которых: «Опыт областного великорусского словаря» (1852), «Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении» (1855) А.И. Подвысоцкого. Этот период отмечен яркой деятельностью В.И. Даля, осуществлявшего сбор, фиксацию диалектного материала в масштабе всей страны, его интерпретацию, лексикографическую обработку. Результатом его деятельности явилась, в частности, статья «О наречиях русского языка» (1852), а также сборник «Пословицы русского народа» (1862), четырехтомный «Толковый сло-

варь живого великорусского языка» (1863–1866) – труд всей его жизни, ставший лексикографическим памятником мирового значения.

Диалектологическая работа продолжилась во 2-й половине XIX в. трудами И.И. Срезневского, А.А. Потебни («О звуковых особенностях русских наречий», 1866), М.А. Колосова («Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка», 1878), А.И. Соболевского («Очерк русской диалектологии», 1892). На рубеже XIX–XX вв. и в первые десятилетия XX в. появились лексикографические труды: «Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г.И. Куликовского (1898), «Материалы для объяснительного словаря вятского говора» Н.М. Васнецова (1907), «Смоленский областной словарь» В.Н. Добровольского (1914). Созданные русские диалектные словари зафиксировали значительный, объемный лексико-фразеологический материал говоров ряда регионов России.

В названный период диалектологическую, собирательскую и интерпретационную, работу продолжили А.А. Шахматов, Д.К. Зеленин, В.И. Чернышев, П.Я. Черных, Е.Ф. Будде, О. Брок и др. На базе фиксации, накопления конкретных фактов, отличительных черт отдельных говоров, исследователи-диалектологи вышли на сравнительно-сопоставительный метод изучения говоров и приблизились к решению задачи выявления диалектных ареалов, диалектных объединений на территории России, ее Европейской части. Эта работа начала осуществляться в рамках Московского кружка по изучению истории и диалектологии русского языка под руководством Ф.Е. Корша (1901), преобразованного затем в Московскую диалектологическую комиссию – МДК (1903–1931), в которую входили А.А. Шахматов, Н.Н. Дурново, Д.Н. Ушаков, Н.Н. Соколов. В результате на базе собранных и интерпретированных (с применением сравнительно-сопоставительного и ареального методов) фактов была создана первая диалектологическая карта «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» (1915) и теоретический труд «Очерк русской диалектологии». Тем самым произошла актуализация такого направления, как лингвогеография, реализация идеи И.И. Срезневского, высказанной им в середине XIX в.: «Первой принадлежностью лингвистической географии должна быть... карта языков, наречий и говоров, карта, на которой место границ политических, религиозных и всяких других занимают границы лингвистического разнообразия народов».

В 30–50-е гг. XX в. диалектологическая и соответственно лингвокраеведческая работа осуществлялась в русле обследования диалектных систем, сбора данных в них с целью подготовки Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ). (Этот аспект акцентирован нами в [4, с. 65–67].)

Во 2-й половине XX в., после завершения диалектологическими коллективами страны собирательской деятельности к ДАРЯ, произошло переключение цели работы, сосредоточение ее в регионах разного масштаба. Накопление лексических материалов в результате обследования отдельных микросистем и их объединений в пределах того или иного региона привело к значительной активизации лексикографической работы: началось создание словарей говоров разных территорий – псковских, брянских, архангельских, новгородских, вологодских, мурманских, костромских, подмосковных, рязанских, смоленских, орловских, донских, калининских (тверских), русских говоров Карелии, Мордовии, Урала, Сибири, Дальнего Востока и др. (ср.: [5, с. 215–235]). Значительным событием явилось создание, начиная с 1965 г., сводного, полидиалектного «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), отражающего «лексико-фразеологический состав всех русских народных говоров по записям XIX–XX вв.» (Ф.П. Сороколетов), представляющего собой, несомненно, памятник культуры и лингвокультуры русского народа.

Существенным предстает тот факт, что в процессе развертывания и активизации диалектографической, интерпретационной работы она вышла за пределы отдельных или смежных микросистем в региональные системы разного диапазона функционирования, представляющего собой историко-культурные зоны. Историко-культурная зона (ИКЗ) – это «ареальное единство, которое выделяется по данным археологии, антропологии, этнографии, лингвистики, истории, геологии, географии, а также ряда других дисциплин (фольклористики, этномузыковедения). ИКЗ складываются постепенно на определенной территории, в условиях конкретного климата и ландшафта и определяются физико-географическими, климатическими, хозяйственными, историческими, демографическими, языковыми и собственно этнографическими факторами в их взаимосвязи» [3, с. 8]. При сопряжении языковых составляющих разных (всех) ИКЗ на территории страны конструируется целостная русская диалектная и общая идиоэтническая картины мира. Таким образом, в итоге анализ и описание конкретного фактического диалектного материала приводит к этно-, социо-, историко-лингвистическому, культурно-историческому обобщению, к выявлению особенностей менталитета русского человека, специфики его языковой картины мира.

Изучение, осмысление накопленных за длительное время диалектных материалов привело к выводам о трансформации традиционных диалектных микросистем в связи с изменением социокультурных условий жизни, о функциональной динамике, изменениях в диалектном языке и как следствие этого – признание, выделение новой категории, новой единицы-компонента в структуре

русского национального языка – *региолекта* (термин В.И. Трубинского и А.С. Герда). Продолжилась и лингвогеографическая работа – в виде создания региональных атласов: центральных областей к востоку от Москвы (1957), до того – района о. Селигер (М.Д. Мальцев, Ф.П. Филин, 1949), а также территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества XII – начала XIII вв. (Г.Г. Мельниченко, 1974), Московской области (А.Ф. Войтенко, 1991), Архангельской области (Л.А. Комягина, 1994). С 1988 г. началась реализация поставленной в предыдущие годы задачи создания «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛЯРНГ). В 2001 г. был опубликован пробный том этого атласа. И в настоящее время внимание и силы диалектологов сосредоточены на этом национальном проекте высокой степени значимости, в том числе в плане интеграции диалектологической работы в стране.

В последние десятилетия XX в. в связи с актуализацией в языкознании антропоцентрической, коммуникативно-прагматической парадигм (именно с актуализацией, а не абсолютной новизной, поскольку они были действительны, реализовались и в XIX, и в начале XX в.) внимание диалектологов сосредоточилось на фиксации и интерпретации диалектного дискурса, текстов, и из диалектологии вычленилось и оформилось такое направление, как коммуникативная диалектология (В.Е. Гольдин и его школа). Кстати, в этом плане вполне приемлемо вести речь и о коммуникативной ономастике как синкретичном направлении в русле региональной ономастики и диалектологии. В плане реализации коммуникативного подхода к изучению говоров активизировалась начавшаяся задолго до того работа по созданию хрестоматий говоров разных регионов страны, корпуса диалектных текстов.

Таким образом, в русской диалектологии произошло переключение на текст в соответствии с направленностью всего гуманитарного знания, всей филологии, в которой возобладали интегративные процессы именно на базе выдвижения в качестве объекта изучения *текста* как основной коммуникативно-прагматической единицы, тем самым филология получила статус науки о тексте, соответственно с синтезом подходов – лингвистического, литературоведческого, культурологического, исторического, психологического и др.

Интеграцией подходов отличалась во все времена и диалектология: в ней при изучении регионального материала реализовались и реализуются системно-функциональный, этносоциолингвистический, этносоциохронотопический, историко-лингвистический, этнокультурологический, коммуникативно-прагматический, антропоцентрический и др. направления, имеющие выход в лингвокраеведение.

При интерпретации фиксируемого, собранного диалектного материала (прежде всего лексики) во

все времена исследователи не могли не соотносить его с особенностями местности, территории функционирования изучаемого говора, материальной и духовной жизни сельского жителя, диалектоносителя. Так постепенно складывалось, вычленилась из общей диалектологии и сопрягаясь с краеведением (начало краеведческой деятельности в нашей стране также относится к XVIII в.), такое направление, как лингвокраеведение – изучение языковой составляющей жизни края, наряду с изучением его природно-климатических, историко-археологических, этнографических и иных особенностей. Кстати, расцвет краеведческой деятельности в стране исследователи относят к 20-м гг. XX в., называя этот период «золотым веком краеведения». Эти годы отмечены и активной лингвокраеведческой работой.

Введение в научный, исследовательский оборот такой реалии и термина, как *историко-культурная зона*, оказалось актуальным, необходимым, в частности, для отражения движения от лингвокраеведения в соответствии с отдельными микросистемами (отдельных населенных пунктов) к *лингворегионалистике* (*лингворегионоведению*) в соответствии с ИКЗ, входящей в (*лингво*) *страноведение*, (*лингво*) *россиеведение* (ср. коннотативно окрашенные, оценочные обозначения *родиноведение*, *отечествоведение*, *отчизноведение*, *отчиноведение* и более конкретные *московведение*, *арзамасоведение* и иные под. – и те, и другие с компонентом *лингво-*). При этом *лингвокраеведение* является традиционным термином и в то же время он более связан с изучением отдельных микросистем (поэтому и считается более характерным для школы), термин же *лингворегионоведение* – с изучением совокупности микросистем в пределах региона большего или меньшего масштаба.

Во 2-й половине XX в. в лингвокраеведение (лингворегионалистику) влилась вычленившаяся из общей ономастики региональная ономастика – активное собирание, фиксация и изучение имен собственных, функционирующих в микросистемах и региональных макросистемах разного объема.

Во все времена диалектологическая работа во всех ее направлениях, в том числе лингвокраеведческом, включала в себя и воспитательный аспект. Все вместе они составляли нерасторжимое единство. Так было и в советскую эпоху с ее приоритетами и акцентами. С первых лет советской власти была поставлена задача, вытекающая из глобального направления государственной, в том числе образовательной, политики и реализующаяся в последующие годы: всеобщая грамотность, пропаганда литературных норм, овладение с целью приобщения к культуре, литературе ранее безграмотного или малограмотного населения нормами литературного языка, в том числе за счет устранения из речи подрастающего поколения

диалектных черт. Именно на этом, на этой стороне языкового воспитания был сделан акцент. Однако одновременно с этим продолжалась, несмотря на трудные времена, собирательская и интерпретационная деятельность (см., например, такой факт: публиковались «Труды Московской диалектологической комиссии» (в 1908–1919 гг. – вып. 1–8; в 1927–1931 гг. – вып. 9–12), в которых даны описания говоров различных областей России, сделанные учеными, учителями, краеведами, диалектологами-любителями), активизировавшаяся в связи с претворением в жизнь идеи создания ДАРЯ, начавшимся еще в 30-е гг., прерванным войной и возобновившимся до ее окончания, в труднейшее для страны время, что само по себе уже значимо (см. [4, с. 65–67]). Снаряжались диалектологические экспедиции, работа которых оплачивалась государством; определялись диалектологические центры, воспитывались, вырастали квалифицированные кадры диалектологов. На местах при сборе и интерпретации собранных материалов проводилась и воспитательная работа с учащейся молодежью, студентами, школьниками, демонстрация в рамках лингвокраеведения важности и перспектив работы с целью познания народной культуры, материальной и духовной, истории языка и народа. Свидетельством осознания, понимания важности диалектологической работы на государственном уровне явилось (помимо уже сказанного) и введение в 1978 г. в учебные планы филологических факультетов (и факультетов русского языка и литературы) педагогических вузов такого вида работы, как диалектологическая (и фольклорная) практика.

Именно в эти годы произошел небывалый взлет диалектной лексикографии, оформились диалектологические центры с их научно-исследовательскими лабораториями и научными школами, помимо общесоюзных центров-координаторов – московского и ленинградского. Это центры в таких городах, как Псков, Новгород, Вологда, Кострома, Петрозаводск, Ярославль, Тверь, Смоленск, Пенза, Орел, Волгоград, Саратов, Пермь, Екатеринбург, Томск и др. В них хранится память об истоках диалектологической работы в регионе, ее воплощении в лицах, персоналиях. Многие из них объединяют не только ученых, но и краеведов-практиков, фольклористов. В 50–60-е гг. в них сформировались и ономастические школы, а соответствующие исследования влились в лингвокраеведение и лингворегиеоноведение.

Одним из значительных диалектологических центров России со сложившейся продуктивной, активно действующей научной школой, возглавляемой известным ученым – доктором филологических наук, профессором *Н.С. Ганцовой*, является *Кострома*. Значимость Костромского научного центра и научной школы со всей очевидностью проявляется в авторитете в научном мире и в много-

численных работах самого руководителя (см. хотя бы [1; 2]), а также в результативной работе многочисленных ее учеников (в числе их Е.В. Цветкова, Е.А. Красильщик, Л.А. Дмитрук, Е.А. Образцова, И.Ю. Малышева, И.Б. Горланова, П.П. Виноградова, Т.В. Горлова, И.П. Верба, Г.Д. Неганова и др.); об этом свидетельствуют и конференции, сборники их материалов, в том числе посвященные известному краеведу А.В. Громову и названные по его имени – Громовские чтения. В них участвуют ученые из разных диалектологических центров страны и краеведы из разных уголков области и тем самым существует, действует органичный союз ученых и краеведов, продуктивной является их лингвокраеведческая (лингворегиеоноведческая) деятельность. (Подробно о Костромской научной школе см. [7, с. 145–148].)

Лингвокраеведение и лингворегиеоноведение здесь, в этом диалектологическом центре, и в целом включает в себя несколько составляющих. Это:

- сбор, фиксация диалектного и онимического материала в микросистемах и их совокупностях, интерпретация этого материала;

- лексикографическая обработка собранного лексического, апеллятивного и онимического, материала с целью создания словарей или как дополнения к уже имеющимся;

- презентация результатов собирательской и интерпретационной деятельности в виде картотек словарей (и словариков), статей, хрестоматий, дидактического материала для учащейся молодежи и т. д.;

- фиксация и представление фольклорных произведений, анализ особенностей их речевой ткани, в том числе в плане выявления диалектных черт;

- лингвокраеведческое, лингворегиеоноведческое и шире – этнолингвистическое, этнокультурное прочтение текстов, зафиксированных во время полевой работы, индивидуальной или групповой, а также текстов в изданных хрестоматиях, региональном словаре (или в хрестоматиях, словарях);

- изучение языка местных памятников письменности – историческое лингвокраеведение;

- анализ языка художественных произведений, в том числе писателей-земляков, в чьем творчестве отразилась диалектная, региональная стихия; определение функций диалектных элементов в художественном тексте (сопряжение лингвистического и литературного краеведения);

- создание банка (корпуса) диалектных и онимических текстов (в рамках коммуникативной диалектологии и коммуникативной ономастики), а также фольклорных произведений (текстов);

- исследование языковой личности сельского жителя, диалектоносителя (диалектоносителей), бывшего сельского жителя; создание их речевых портретов;

- изучение языка города;

- изучение языка региональных СМИ.

Лингвокраеведческая работа имеет большое научное и практическое значение. Прежде всего, интенсивным путем собирается преходящий материал, имеющий непреходящую ценность для науки о языке, для познания культуры, менталитета народа: унификация говоров – процесс необратимый, поэтому с вовемя не зафиксированным и не интерпретированным материалом уйдет ценное для самобытной истории края, для истории языка и народа.

Лингвокраеведческая (лингворегионоведческая) работа, кроме того, что расширяет общий кругозор, объем фоновых знаний тех, кто приобщается к ней в любом качестве, значима она и как основа патриотического воспитания в духе привязанности, любви к отчому краю (отчиноведение), с чего начинается действенная любовь к Родине. Эти аспекты нерасторжимы. Это и школа подготовки научных и преподавательских кадров для вуза и школы. Признание за лингвокраеведением воспитательной функции стало уже, можно сказать, общим местом в работах диалектологов, тем не менее мы снова и снова возвращаемся к этому аспекту, в том числе делая акцент на его динамике.

Таким образом, лингвокраеведение предстает как научное направление, имеющее огромный потенциал для обучения и воспитания подрастающего поколения, сформировавшееся в недрах диалектологии, выделившееся из нее и объединившееся с краеведением и шире – регионоведением. Его история, как и всей отечественной филологии, отмечена процессами дифференциации и интеграции при усилении или ослаблении на временной шкале то одного из них, то другого или при определенном совмещении их. Этот же характер динамики отли-

чат вышедшие в свое время из недр филологии науки, в частности лингвистику, в том числе русскую диалектологию, лингвокраеведение, лингво-регионалистику.

Библиографический список

1. *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – XXXI, 512 с.
2. *Ганцовская Н.С.* Меткое костромское слово. – Книжный клуб Книговек, 2015. – 176 с.
3. *Герд А.С.* Введение // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / А. Алквист, В.А. Булкин, И.Ю. Виноградова и др.; под общ. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. – СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2001. – С. 8–14.
4. *Климкова Л.А.* Территориальные диалекты в общерусском пространстве: некоторые акценты // Трубачевская соборная встреча: сборник материалов научных чтений. Вып. 2 / под ред. Г.В. Егоровой и В.И. Супруна. – Волгоград: Изд-во МОУ ЦДОД «Олимпия», 2014. – С. 63–70.
5. *Козырев В.А., Черняк В.Д.* Русская лексикография: пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2004. – 288 с.
6. *Ломоносов М.В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М.В. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. История. Филология. Поэзия. – М.: Наука, 1986. – 496 с.
7. *Хроленко А.Т.* История филологии: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2016. – 136 с.
8. *Цветкова Е.В.* «Школа» Н.С. Ганцовской на кафедре русского языка КГУ им. Н.А. Некрасова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 5. – С. 145–148.

ФРАЗЕОЛОГИЯ КОСТРОМСКИХ ГОВОРОВ (лексикографическая оценка)

В статье рассматривается лексикографическое представление диалектных фразеологических единиц, бытующих в русских говорах Костромской области. Анализируются диалектные словари, в которых эти единицы зафиксированы: «Словарь русских народных говоров», «Человек в русской диалектной фразеологии», «Живое костромское слово». Особое внимание уделено иллюстративным текстам последнего словаря, позволяющим не только привлечь к исследованию ранее не известный фразеологический материал, но и дополнить словники имеющихся лексикографических источников новыми сведениями о костромской фразеологии. Уверенность, что «потерянные» фразеологизмы имеют право на отражение в словаре костромских говоров в качестве вокабул, достигается при сопоставительном анализе их с единицами, уже бесспорно занявшими свое место в других словарях русского языка.

Ключевые слова: словарь, лексикография, фразеология, фразеография, севернорусские говоры, контекст, изоглосса.

В настоящее время имеются специальные словари, фиксирующие фразеологический состав русских говоров на территории Сибири, Новгородской и Псковской областей, Пермского края, двух республик – Коми и Мордовии.

Для фразеологии костромских говоров такое лексикографическое описание пока не сделано. Однако поиск специфических костромских выражений увенчается успехом, если мы обратимся, например, к сводным лексикографическим источникам – «Словарю русских народных говоров» и словарю «Человек в русской диалектной фразеологии».

«Словарь русских народных говоров» просто фиксирует употребление той или иной фразеологической единицы на территории Костромской области, в словаре же «Человек в русской диалектной фразеологии» предпринимается попытка продемонстрировать тематические объединения диалектных, в том числе костромских, фразеологизмов сугубо антропоцентрического характера. Например, в тематическую группу «Физические данные и внешний вид человека» (наряду с фразеологическими единицами, употребляемыми в говорах Архангельской, Вологодской, Новгородской, Пермской, Ярославской и мн. др. областей) помещены такие единицы с пометой «Костром.», как **адамова голова** ‘человек с большой головой’ [1, с. 47] и **выпялить рожу** ‘нарядиться, одеться напоказ’ [1, с. 52]; в группе «Трудовая деятельность и характер движений человека» обнаруживаем единицы **Васька-обручник** ‘прозвище человека, набивающего обручи на бочки и кадки’ [1, с. 62] и **коренная шишка** ‘самый передний бурлак в лямке’ [1, с. 64]; в группе «Интеллект и психика» находим единицы **нетёсаный дурак** ‘невежда’ [1, с. 134] и **отрёпный выбиток** ‘невежда, неуч’ [1, с. 135] и т. д.

Подобное смысловое объединение фразеологических единиц, известных разным говорам, позволяет одновременно наблюдать их общие и различительные черты в компонентном составе. Так,

например, фразеологизм **большая голова** ‘главный человек в семье, хозяин или хозяйка’ отмечен без формальных различий в говорах как Костромской, так и Вологодской, Иркутской, Нижегородской областей [1, с. 89], а выражение **бесстужая рожа** со значением ‘в высшей степени бессовестный человек’ употребительно в говорах Костромской, Свердловской, Горьковской областей, в варианте же **бесстыжая рожа** – лишь в говорах Пермской области [1, с. 152].

Такие формальные и содержательные соответствия, обнаруживаемые во фразеологическом составе разных русских говоров, неоднократно рассматривались в научной литературе. По наблюдениям Л.И. Ройзензона, фразеологические единицы одного народного говора часто встречаются в других говорах, при этом одинаковые единицы «повторяются» и в соседних диалектах, и в говорах, территориально находящихся в значительном отдалении друг от друга, что приводит к «проблеме интердиалектных фразеологических связей». В зависимости от географического положения говоров, по мнению ученого, выделяются дистантные фразеологические ареалы (изоглоссы с фразеологизмами, известными говорам, которые находятся на определенном расстоянии друг от друга) и контактные фразеологические ареалы (изоглоссы с фразеологизмами, известными говорам, расположенным по соседству) [5, с. 53, 55–56]. Словарь «Человек в русской диалектной фразеологии» свидетельствует, что фразеологические единицы говоров Костромской области могут участвовать в оформлении изоглосс и того, и другого типа. Покажем это на примере еще одного лексикографического произведения.

Обратимся к фразеологической составляющей словаря «Живое костромское слово»: в отличие от двух названных выше источников, располагающих повторяющимися единицами (но поданными по разным принципам), в словаре Н.С. Ганцовой и Г.И. Машировой обнаруживается новый диа-

лектный идиоматический материал Костромской области. Например: **брилы раскатать** ‘захотеть чего-нибудь недостижимого’ (Буйск. + Костр.) [2, с. 41], **неверная сила** ‘черт, нечистый’ (Остров.) [2, с. 214], **обротнем не перешибёшь** ‘не заставишь сделать что-то (об упрямом человеке)’ (Нейск. + Нерехт.) [2, с. 221] и др.

Особое внимание привлекают те единицы, которые не разработаны авторами словаря как фразеологические, а встречаются лишь в иллюстративном материале словарных статей. «Потерянный» фразеологический материал отыскивается при сопоставлении с другими лексикографическими произведениями, на фоне которых становится понятно, что единицам, которые не были атрибутированы как фразеологические и не получили необходимой словарной разработки, может и должен быть придан заслуженный статус фразеологизма.

1. Приведем некоторые параллели, обнаруженные между единицами, которые употребляются в говорах Костромской области, и единицами, которые представлены в говорах других территорий. Эти единицы дают возможность уточнить и пополнить имеющиеся диалектные ареальные данные, например:

Схватить колотушку: *Дедушко-то у нас, ох, и горячий был, слово ему под руку не скажи: как зыкнет на тебя! Уж лучше молчи, а то колотушку схватишь* (Макар.) ← см. словарную статью *зыкнуть* (= прикрикнуть, одернуть кого-нибудь) [2, с. 134]. Ср.: **потылицу схватить** ‘получить подзатыльник’ (Брян.), **схватить ремня** ‘быть выпоротым ремнем’ (Молвот. Новг., 1995) [6, т. 43, с. 55].

Набить короб: *Хорошо ему, набил свой короб – и сыт!* (Костр.) ← см. словарную статью *короб* (= утроба, живот) [2, с. 163]. Ср.: **мамон набить (набивать)** ‘наедаться досыта, до отвала’ (Влад., Ворон., Саратов, Пенз., Костром., Курск., Тамб., Ярослав.) [6, т. 17, с. 351]. Аналогично, также в контексте, при лексеме *короб* ‘утроба’ обнаруживается и другой вариант рассматриваемого костромского оборота, ср.: *Хорошо ему, полон короб набил* (Галлич., Костром., 1820) [6, т. 14, с. 344].

Отдельно оговорим выражение **леший сомустил кого** из словарной статьи *сомустить* (= смутить, соблазнить): *Леший меня сомустил идти-то туда* (Пыщуг.) [2, с. 309]. Подобные обороты в «Словаре русских народных говоров» показываются за ромбом как сочетания с сильным управлением, ср.: **Сомущать, сомустить на что-л.:** *Дьявол, видно, сомустил его на эдакой грех* (Ярен. Волог., 1947), *Черт сомущает на вытывку* (Амур.) [6, т. 39, с. 318]. В итоге можно утверждать, что здесь мы имеем дело с глагольно-пропозициональной фразеологической единицей **дьявол (леший, черт) сомустил кого**, соответствующей по значению выражению **чёрт двинул кого** ‘неизвестно зачем, по какой надобности нужно кому-либо (сделать что-либо)’ [7, т. 2, с. 369].

2. Далее приведем некоторые примеры костромских диалектных словосочетаний, аналоги которых в «Словаре русских народных говоров» не зафиксированы, но которые могут претендовать на статус устойчивых по той причине, что в словарях литературного языка обнаруживаются их общеизвестные варианты:

Во всё жерло: *Что орёшь во всё жерло?* (Макар.) ← см. словарную статью *жерло* (= горло) [2, с. 112]. Ср.: **во всё горло** ‘очень громко (кричать, орать и т. п.)’ [8, с. 117].

Еле ноги нести: *На работе упакаемся, еле ноги несём* (Мантур. + Нейск.) ← см. словарную статью *упакаяться* (= устать) [2, с. 321]. Ср.: **едва [чуть, еле, насилу, с трудом] ноги волочить [передвигать, таскать, тянуть]** ‘очень медленно ходить, двигаться, обычно от усталости, слабости, болезни и т. п.’ [8, с. 77].

Закрой орало: *Закрой своё орало-то и не выстулай!* (Нейск. + Мантур., Шарьин.) ← см. словарную статью *орало* (= горло, глотка) [2, с. 232]. Ср.: **Заткни фонтан!** ‘замолчи, заткнись’ [8, с. 171].

Сбивать с ног: *Тятя мой такой шатун делал – незаметно с ног сбивал* (Чухлом.) ← см. словарную статью *шатун* (= брага) [2, с. 332]. Ср.: **валить [сваливать] с ног кого** ‘приводить в лежачее положение; вынуждать упасть, лечь; доводить до болезни’ [8, с. 54].

Заливать в жерло: *Пьянь голубая он у ей: то и гляди – в жерло-то день-деньской заливает!* (Костр.) ← см. словарную статью *жерло* (= горло) [2, с. 112]. Ср.: **заливать горло** ‘напиваться пьяным’ [7, т. 1, с. 248].

Полить горюх: *Трудно раньше жилось, ох, и полили горюх-то, да ничего, выжили, детей воспитали* (Мантур.) ← см. словарную статью *горюхи* (= слезы) [2, с. 89]. Ср.: **лить [проливать] слезы** ‘плакать, горько плакать’ [8, с. 227].

Епишка бы побрал кого: *Епишка бы тебя побрал!* (Остров. + Кологр.) ← см. словарную статью *епишка* (= черт) [2, с. 109]. Ср.: **черт бы взял кого** ‘выражение возмущения, досады, негодования и т. п. против кого-либо’ [7, т. 2, с. 368].

К приведенным примерам – фразеологизмам в узком понимании – можно добавить и пословицы, выступающие в словаре лишь в качестве иллюстрации употребления какой-либо лексемы, а на самом деле заслуживающие отдельной словарной статьи, ср.:

Котора рука по голове гладит, та и за вихорь тянет: *Котора рука по голове гладит, та и за вихорь тянет* (Нерехт.) ← см. словарную статью *вихорь* (= прядь, клочок волос, завиток) [2, с. 68].

Голь на выдумки горазда: *Голь на выдумки горазда* (Красн.) ← см. словарную статью *гораздый* (= ловкий, способный, умеющий всё делать хорошо) [2, с. 87].

В заключение присоединимся к мнению Л.А. Ивашко, которая считает, что сопоставление фразеологических составов тех или других русских говоров, бытующих в разных регионах России, «позволяет рассматривать фразеологические единицы диалектной речи... в плане ареальной характеристики диалектных устойчивых сочетаний» [3, с. 4]. Анализируя конкретные фразеологизмы с максимальным учетом фразеологических данных и выходя за пределы одного говора, исследователь получает материал, свидетельствующий «о генетической или типологической близости изолированных, разрозненных, на первый взгляд, языковых фактов» [3, с. 94].

В.М. Мокиенко отмечает, что идея интердиалектного сопоставления давно привлекает исследователей фразеологического спектра русских народных говоров: ведь чтобы выявить динамику фразеологии, необходим «системный охват разнообразного материала... привлечение широких генетических и типологических параллелей» [4, с. 6].

Проделанная и представленная в настоящей статье работа свидетельствует о самодовлеющей ценности иллюстративных контекстов в словарных статьях словаря «Живое костромское слово»: они не просто являются доказательным (оправдательным) материалом – почерпнутые там сведения о местной, костромской, фразеологии в широком пони-

мании могли бы существенно дополнить словники уже имеющихся лексикографических трудов.

Библиографический список

1. *Алексеевко М.А., Белоусова Т.П., Литвинникова О.И.* Человек в русской диалектной фразеологии: Словарь. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2004. – 238 с.
2. Живое костромское слово: Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: ГОУВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с.
3. *Ивашко Л.А.* Очерки русской диалектной фразеологии. – Л.: ЛГУ, 1981. – 111 с.
4. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – М.: Высш. шк., 1989. – 287 с.
5. *Ройзензон Л.И.* Проблемы изучения диалектной фразеологии // Труды Самаркандского ун-та: Новая серия. Вып. 237: Вопросы фразеологии. VI. – Самарканд, 1972. – С. 1–57.
6. Словарь русских народных говоров. Т. 1– / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965– .
7. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.
8. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.

ПОЛНОТА И НЕОБЫЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА – ПУТЬ К ПОЗНАНИЮ ПСКОВСКОЙ НАРОДНОЙ РЕЧИ

Юбилей Нины Семёновны Ганцовой, известного учёного-диалектолога, историка языка, слависта, синтаксиста – повод сказать доброе о бескорыстном собирателе, исследователе, хранителе народного слова, многогранном филологе, заботливом и умелом воспитателе молодых продолжателей дела, которому служит Нина Семёновна.

В статье идёт речь об уникальных псковских говорах, которыми занимается автор в русле Ларинской научной школы: работа над «Псковским областным словарём с историческими данными» в коллективе петербургских и псковских словарников в соответствии с Инструкцией, разработанной Б.А. Лариным. Специфика полного современного и исторического диалектного словаря позволила обнаруживать в материале на разных языковых уровнях необычные факты, познание которых приводит к серьёзным научным открытиям и поискам их причин (например, работы С.М. Глускиной о несвершении второй палатализации заднеязычных). Использование иностранных источников с записями русской речи (значимость их доказал Б.А. Ларин) способствует этому. Изучение псковских говоров оправдало привлечение данных других гуманитарных дисциплин (в частности, археологии).

Учёт и псковских особенностей привел А.А. Зализняка к созданию теории «древнего псковско-новгородского диалекта».

Как исследователя с широким кругозором, это тоже интересует юбиляра...

Ключевые слова: уникальные псковские говоры, диалектный словарь полного типа, диалектный исторический словарь, записи русской народной речи иностранцами, содружество гуманитарных дисциплин.

Б. А. Ларин, «самый образованный лингвист XX века», по словам Д.С. Лихачёва, будучи специалистом во многих серьёзных областях филологии (древние языки, славянские, балтийские, лексикология, лексикография, история языка, стилистика, язык художественной литературы), в автобиографии, «характеризуя свою деятельность, отмечал: “Первым циклом моих работ являются исследования живой речи – социальных и территориальных диалектов русского, литовского, украинского языков”» (цит. по: [4, с. 13]). Такое понимание значимости изучения языка сложилось у Б.А. Ларина очень рано: «С юношеских лет я вынес глубокое убеждение, что основным и первым занятием лингвиста должен быть живой язык, а не литературный. Образная фраза, которую предложил для характеристики диалекта Балли, мне кажется правильной. Она такова: литературный язык является ледяной коркой, которая сковывает поверхность потока, мощного, бурного, часто мутного. Она его охраняет, но она и скрывает его тайны, его жизнь» [4, с. 13].

Как показала жизнь, такой выбор учёного позволил и ему самому достичь замечательных результатов и новаторских открытий, и создать необыкновенно стойкую и перспективную научную школу с разными направлениями, подготовить многочисленных учеников и последователей, научить их оставаться непреклонными и верными в работе со Словом.

Напомним два мужественных решения Б.А. Ларина: правомочность создавать «Псковский областной словарь с историческими данными» как диалектный современный и исторический [5; 8]; привлекать к исследованиям источники прошлых веков с записями русской речи иностран-

цами, исследованные и изданные им в 1937, 1948, 1959 гг. и переизданные учениками в одном томе в 2002 г. [7]. В дальнейшем к такому направлению лингвистики, утверждённому авторитетом Б.А. Ларина, обращались многие известные учёные XX в.

Псковским говорам и их исследователя чрезвычайно повезло. С участием Р.О. Якобсона состоялась подготовка, изучение и издание в 70-е гг. XX в. «Русско-немецкого разговорника» (1607 г.), составленного Т. Фенне в Пскове в [12]. Конечно, учитывалась методика, созданная Б.А. Лариным. Сразу по публикации труда в Копенгагене Р.О. Якобсон прислал три экземпляра: Л.А. Творогову как известному исследователю псковской книжной традиции, С.М. Глускиной как главному представителю Ларинской школы для использования материалов в исторической части «Псковского областного словаря», в читальный зал библиотеки Псковского государственного пединститута (этот экземпляр привёз один из издателей). А в конце 90-х гг. XX в. нас обрадовал Краковский университет, издавший труд в подобной традиции: разговорник XVI в. Т. Шрове [11]. Судя по характеру фраз, оба эти разговорника имели какой-то общий протограф.

Богатство современных записей, полнота псковских современной и исторической картотек позволяют заметить единичные, но значимые случаи использования слов с необычными, но перспективными для изучения свойствами. А для объяснения причин возникновения таких особенностей приходится прибегать к широкому кругу сведений, в частности других наук (часто археологии).

Так, С.М. Глускина, выдающийся учёный-лингвист, ученица Б.А. Ларина, при исследовании корней типа *кеп-, кев-, кед-* вместо общерусских *цеп-, цев-, цед-* для объяснения, почему только в псковских

говорах не произошла вторая палатализация заднеязычных согласных в словах, которые «относятся к сельскохозяйственной и ремесленной терминологии» [2, с. 27] (ведь этот процесс считался общеславянским), справедливо обратилась к исследованиям, касающимся прибалтийских финских племён и соседствующих с ними восточных славян [2, с. 34–36], чтобы понять время и характер их взаимодействия. Учёт лингвистических сведений позволил заключить: «Сохранение начального *к* именно в словах терминологического характера свидетельствует об исконности этого местного звукового явления» [2, с. 27]. Это был верный приём в поисках ответа о времени и причинах несвершения второй палатализации у псковичей: «Отсутствие второй палатализации в северо-западных говорах русского языка подсказывает более определённую датировку этого явления. Археологи и историки в большинстве считают, что славяне осели в районе Ильменя, Псковского и Чудского озёр в VI–VII вв. На этом основании полагаем, что вторая палатализация протекала не во II–IV, а в VI–VII вв.» [2, с. 34–35]. При таком рассуждении логично следующее: отсутствию второй палатализации у тех славян, «которые рано осели на русском Северо-Западе (будущие новгородцы и псковичи)... могли способствовать возникшие на месте нового расселения тесные контакты с западнофинскими языками, в звуковой системе которых были возможны сочетания заднеязычных согласных с передними гласными» [2, с. 35].

Затем известный археолог-славист В.В. Седов, углублённо занимаясь и псковской территорией, создавший постоянно действующий археологический семинар «Археология и история Пскова и Псковской земли», был внимателен и к работам лингвистов, как раз относительно объяснения выявленных уникальных особенностей. Его археологическая теория, касающаяся появления кривичей на территории вокруг озёр при передвижении их к концу первой половины первого тысячелетия нового времени из Средней Европы на восток через племена балтов и финно-угров и при дальнейшем обосновании на территории вокруг водных пространств [9; 10], фактически поддерживает гипотезу С.М. Глускиной. На неё удачно опираться при объяснении и других уникальных псковских особенностей (типа *егда* ‘едь’).

Намного позже указанного открытия С.М. Глускиной А.А. Зализняк при работе с новгородскими берестяными грамотами пришёл к подобным наблюдениям. Но, узнав о достигнутом коллегой ранее, признал приоритет первооткрывателя, назвав это «эффектом Глускиной». Привлечение же своеобразных особенностей псковских говоров дало возможность учёному обосновать теорию «древне-псковско-новгородского диалекта» [3].

Некоторые другие удивительные особенности псковских говоров стало возможным объяснять, как и отсутствие второй палатализации, изоляцией

древнего славянского племени – предков псковичей – и влиянием языков соседних неславянских племён. Таковы уникальные сочетания звуков [дл], [кл] в псковских говорах вместо общерусского и белорусского, украинского [л] на месте древних сочетаний *dl, *tl. Примеры псковских слов и словоформ: топоним *Егдино*; *жерездо*, *мочицдо*; *всемгди на конь* ‘выступить в военный поход’ (фразеологизированное выражение в летописи). Недавно обнаружилось даже «гиперправильное», но незакономерное слово *клец* в значении ‘лец’. Русско-немецкие разговорники Т. Фенне и Т. Шроче содержат (особенно Т. Фенне) большое количество фраз с подобными примерами: «Я с тобой розлезлесь / расплатился смолвился / *розочкдлесь*, да тебе не виновате» [12, с. 343]; «Помысли, что ты мне вчерась сулил: ты хотел мне товар *поблюсть*, да *не поблюдл*, да нынеча ты иному продал, ты своёму слову не осподарь» [12, с. 289].

Немаловажно, что и в последующие годы в экспедициях находят подтверждения и самым удивительным фактам в виде неожиданного обнаружения в беседе с информантами слов *кедить* ‘цедить’, *кеж* / *кежь* ‘насыщенный настой из зёрен овса’. Уроженцы сельской местности с выходом на пенсию, перестав работать, в быту, в беседе с собирателями (к великой нашей радости!) вдруг заговорят на языке своих родителей. Так после десятилетий работы в сферах «городских» профессий (учителя, медработники) активизируется «генетическая память» родной псковской речи!

Даже 85-летние нынешние информанты, родившиеся, выросшие при советской власти, в основном с каким-нибудь образованием, продолжают сохранять диалектные особенности в своей речи: не только аканье / яканье, но даже подчас цоканье, а иногда очень серьёзные, «опознавательные псковские знаки». Покажем несколько примеров из экспедиции 2016 г. в один из центральных районов области.

В рассказе о военном детстве: «Вот Нюмша с маммой уйдумт на работму, а я на тягамни [= тагамн] варюм камшу. *Памямхаю* и лямгу». В этой фразе отмечена одна из псковских возможностей мены звуков [ш] и [х]. А существуют и другие мены звуков со звуком [х] – неэтимологические: *мямхо* вместо *мямсо*, *хвет* – *свет*. Подобное было замечено в первое же время работы над словарём. Подробно это явление было рассмотрено и объяснено С.М. Глускиной, доклад и статью которой высоко оценил Б.А. Ларин в сборнике после первой Псковской диалектологической конференции 1960 г.: «Историко-сравнительные разыскания С.М. Глускиной обогащают историческую фонетику русского языка» [6, с. 3]. Учёные прошлого обращали внимание на некоторые случаи и ранее, но основательное научное объяснение пришло с углублённой работой над «Псковским областным словарём» [1, с. 28–57, с картой]. Кстати, прило-

жение в виде карты распространения явления для разных случаев своеобразного исследованного звука – это то, что рекомендовал делать для отдельных свойств псковских говоров в связи с лексикографированием материала Б.А. Ларин (один из моментов новаторства идеи учёного). Не случайно, что сейчас интересы лексикографа и картографа помогают в исследовании и размещении материала в двух диалектных трудах: словарь и атлас.

Часто одинокие пожилые сельские жители в пустых деревнях в беседе со студентами охотно вспоминают даже трудные прожитые годы. И в таких беседах найдёшь при добросовестной их расшифровке (в настоящее время студенты записывают беседы обычно на диктофон) много интересного.

Итак, фрагмент рассказа об очень тяжёлых военных и первых послевоенных годах: «Бывамла исть-та **немкава** бымла, галомдныйи сидемли. Вот рош-та эмту фсю бывамла фсю... – **кастёр** пачтыгм **пахамя** [мать] с **каструм** мномга вымсевак прасемиш на ршшатам. Вымпалиш эмта симта. Эмта шкумрка-та, катомрая абадрамфшысь... с эмтавата ямдрышка сваримли камшу». Обращает на себя внимание звучание **кастёр**, с **каструм** в контексте об отходах при обмолоте ржи. Напоминает оно слово **костра**, давно не употребляемое в настоящей жизни за ненадобностью: не сеют лён, коноплю, забыли обработку этих культур. В псковских говорах есть и второй омоним **костёр** как название для описанных отходов, из которых что-то можно было ещё найти для еды в военные годы: это третье значение у омонима – ‘отходы при обмолоте ржи, пшеницы, мякина’ [8, вып. 15, с. 327]. В словаре оно не подтверждается иллюстрацией (не было связного ответа). Тем ценнее приведённый контекст 2016 г.; при дополнении в дальнейшем выпусков словаря будет убедительный пример.

Слово **пахамть** широко употребительно в псковской народной речи в значениях ‘подметать (пол)’, ‘сметать, удалять, не оставляя’ (в тексте слово во втором значении).

В псковских говорах местоимение **кто** (и производные других разрядов с корнем **к-**) широко известно в его отнесённости и к одушевлённым понятиям, и к неодушевлённым: «Вот я и гаварюм, што курянт паслим и бомльшы **никомво**. **Кавом** ш там... Па домму, момжыт, што фсявом [делали]. Бывамла исть **немкаво** бымла... Ни давамли с калхомза ни хлемба, **никомва**».

Это объясняется условиями «пограничья» псковских говоров, издавна соседствующих с балтскими языками (латышским, литовским), в которых **kas** означает и ‘кто’ и ‘что’. Но затем, освоившись, слово стало повсеместно употребительным и в других районах с развитой системой значений (см. словарную статью **кто** [8, в. 16, с. 300–307]).

Чем больше познаёшь говоры, тем интереснее возникают загадки, получить ответ на которые за-

ставляет работа по сохранению народной речи, её фиксации и научного объяснения. Диалектология, признанная исторической дисциплиной, наглядно соединяет прошлое, настоящее и пытается показать, какие факты могут войти в широкий оборот активного и широкого употребления. Для этого важно накапливать материал и находить источники, которым можно доверять. Учёные же не только исследуют избранный для себя материал, но призваны при этом и действительно, научно сохранять ценные свидетельства самого народа о его речевом богатстве для последующих поколений, которые должны знать великое достояние народа – язык.

Вся деятельность Нины Семёновны Ганцовской как раз является образцом такого служения Слову и Делу сохранения языка, объяснения и представления его другим.

Библиографический список

1. Глускина С.М. Морфонологические наблюдения над звуком [CH] в псковских говорах // Псковские говоры I: Труды первой Псковской диалектологической конференции 1960 года. – Псков: Пск. обл. типогр., 1962. – С. 28–57, карта.
2. Глускина С.М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры II: Труды второй Псковской диалектологической конференции 1964 года. – Псков: Пск. гос. пед. ин-т, 1968. – С. 20–43.
3. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 720 с.
4. Корнев А.И. Б.А. Ларин и русская диалектология // Вопросы теории и истории языка: сб. статей, посвящённый памяти Б.А. Ларина. – Л.: Лен. гос. ун-т, 1969. – С. 13–26.
5. Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря. – Л.: Лен. гос. ун-т, 1961. – 47 с.
6. Ларин Б.А. Предисловие // Псковские говоры I: Труды первой Псковской диалектологической конференции 1960 года. – Псков: Пск. обл. типогр., 1962. – С. 3–4.
7. Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2002. – 686 с.
8. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–26. – Л.; СПб.: Лен./С.-Петербург. гос. ун-т, 1967–2016 (издание продолжается).
9. Седов В.В. Славяне в древности / ред. Н.В. Лопатин. – М.: Фонд археологии, 1994. – 342 с.
10. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье / ред. Н.В. Лопатин. – М.: Фонд археологии, 1995. – 416 с.
11. «Einn Russisch Buch» T. Schrouego XVI w. Cz. II. – Krakow: Zaklad Poligraficzny, 1997. – 322 s.
12. Fenne T. Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. – Copenhagen: Commissioner: Munksgaard, 1970. – 488 p.

Курцова Вероника Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Институт языкознания им. Якуба Коласа, г. Минск, Белоруссия
vkurcova@gmail.com

БЕЛОРУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Развитие белорусской диалектной лексикографии с момента её становления было подчинено главной задаче – систематизировать лексический материал в форме сводного словаря народных говоров. В разные временные промежутки на протяжении целого столетия функционирования национальной диалектной лексикографии форма создания такого лексикона была неоднозначной. Различались и методологические основы, которые предавались для выполнения замысла. Несмотря на две академические попытки, работа по созданию задуманного словаря оказалась невыполненной. Однако как на этапе становления национальной лексикографии, так и на протяжении 50–60-х годов минувшего столетия диалектологами, а также другими заинтересованными исследователями и любителями белорусского слова было создано большое количество региональных словарей, словариков и специальных лексических подборок. Проблемы систематизации наивных лексических материалов, иллюстрированных из разных источников, решаются белорусской диалектологией сегодня. Про диалектные словари и особенности их создания и идёт речь в статье.

Ключевые слова: белорусская диалектная лексикография, методологические основы, региональный словарь, словарная статья, словарная дефиниция, сводный диалектный словарь.

Курцова Вераніка Мікалаеўна

кандыдат філалагічных навук, дацэнт
Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа
Цэнтры даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі
vkurcova@gmail.com

БЕЛАРУСКАЯ НАЦЫЯНАЛЬНАЯ ДЫЯЛЕКТНАЯ ЛЕКСІКАГРАФІЯ: НАБЫТКІ І ПЕРСПЕКТЫВЫ

Развіццё беларускай дыялектнай лексікаграфіі з моманту яе станаўлення было падпарадкавана галоўнай мэце – сістэматызаваць лексічны матэрыял у форме своднага слоўніка народных гаворак. У розныя часавыя прамежкі на працягу амаль стагоддзя функцыянавання нацыянальнай дыялектнай лексікаграфіі форма стварэння такога лексікона была неаднолькавай. Адрозніваліся і метадалагічныя асновы, якія прапаноўваліся для здзяйснення задумкі. Нягледзячы на дзве акадэмічныя спробы, праца па стварэнні задуманага слоўніка аказалася незавершанай. Аднак як на этапе станаўлення нацыянальнай лексікаграфіі, так і на працягу 50–90 гадоў мінулага стагоддзя дыялектолагамі, а таксама іншымі зацікаўленымі даследчыкамі і аматарамі беларускага слова была ўкладзена вялікая колькасць рэгіянальных слоўнікаў, слоўнічкаў і спецыяльных лексічных падборак. Праблемы сістэматызацыі наяўных лексічных матэрыялаў, адлюстраваных у розных крыніцах, вырашаюцца ў беларускай дыялекталогіі сёння. Пра дыялектныя слоўнікі і адметнасці іх пабудовы ідзе гаворка ў артыкуле.

Ключавыя словы: беларуская дыялектная лексікаграфія, метадалагічныя асновы, рэгіянальны слоўнік, слоўніковы артыкул, слоўнікавая дэфініцыя, зводны дыялектны слоўнік.

Лексікаграфічнае вывучэнне беларускіх гаворак на этапе станаўлення нацыянальнага мовазнаўства

Беларуская дыялектная лексікаграфія з моманту станаўлення нацыянальнага мовазнаўства на пачатку 20 ст. і амаль на працягу ўсяго стагоддзя была накіравана на рэалізацыю галоўнай задумкі – стварыць зводны слоўнік беларускіх народных гаворак. Былі зроблены дзве такія спробы, якія грунтаваліся на адпаведнай метадалагічнай аснове. Аднак ні ў 20-я гады, ні ў пасляваенны час зводны слоўнік як завершаны нацыянальны фундаментальны праект не быў укладзены. Разам з тым дзякуючы адпаведным намаганням у розныя часавыя перыяды – гэта 20-я гады, 40-я – 90-я XX ст., пачатак XXI ст. – была падрыхтавана і выдадзена вялікая колькасць розных лексікаграфічных прац – спецыяльных акадэмічных навуковых

выданняў і іншых сістэматызаваных словазбораў. У прыватнасці, на этапе станаўлення беларускага мовазнаўства (20-я гады XX ст.) у сувязі са стварэннем поўнага слоўніка беларускай мовы, або кажучы словамі Я.Ф. Карскага, «слоўніка жывой беларускай мовы», асновай якога выступалі мовазабеспечвальныя дыялектныя сродкі ў іх разнастайных лексіка-намінатыўных асаблівасцях, былі апублікаваны слоўнікі М. Каспяровіча [6] і М. Шатэрніка [29]. З гэтых двух выданняў апошняе з'яўляецца надзвычай важным. Значнасць слоўніка М. Шатэрніка абумоўліваецца выбарам тэрыторыі адлюстравання лексічных матэрыялаў. Гэта быў словазбор, у якім падаваліся сродкі мясцовага словаабзначэння з абшару сярэднебеларускіх гаворак, іх цэнтральнай часткі. Гаворкі дадзенай часткі моўнай прасторы сталі базавымі пры вырашэнні праблем нармалізацыі і кадыфікацыі беларускай літаратурнай мовы.

Лексікаграфічную працу М. Шатэрніка можна ахарактарызаваць як своеасаблівы даведнік поўнага тыпу. У слоўнік аўтар уключыў агульнанародныя, вядомыя на ўсёй беларускамоўнай тэрыторыі лексемы, вузкарэгіянальныя найменні, якія ўвасабляюць спецыфіку і асобасць традыцыйнай мясцовай словатворчасці, а таксама запазычанні з указаннем крыніцы іх паходжання. Стварэнне адметнага краёвага слоўніка з тэрыторыі гаворак, абраных у якасці нарматыўнага падложжа для літаратурнай мовы, было надзвычай важнай падзеяй для тагачаснага нацыянальнага мовазнаўства.

Да ліку краёвых слоўнікаў, падрыхтаваных да выдання ў 20-я гады мінулага стагоддзя, належаць таксама праца І.К. Бялькевіча [2] і словазбор, укладзены П.А. Растаргуевым [19]. З-за збегу шэрагу абставін, абумоўленых рэпрэсіямі, слоўнікі выйшлі ў 60-я гады мінулага стагоддзя. Так, «Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны» І.К. Бялькевіча убачыў свет ужо пасля смерці аўтара. Але час публікацыі не паўплываў на яе каштоўнасць для нацыянальнай лінгвістыкі. Словазбор з'яўляецца надзвычай багатай і змястоўнай крыніцай па адлюстраванні лексічных асаблівасцей усходнебеларускіх гаворак магілёўскага тыпу. Найперш, гэта сапраўды лексікаграфічны збор поўнага тыпу. З боку раскрыцця складу мясцовых лексічных сродкаў у слоўніку фіксуецца фактычна ўсё, што складала сістэму тагачаснага мясцовага словазабеспячэння. А гэта не толькі арыгінальныя ўласнадыялектныя набыткі. Тут падаюцца таксама абазначальныя сродкі, функцыянаванне якіх можна разглядаць як вынік лексічнага ўздзеяння рускай мовы на мясцовыя гаворкі. Змяшчаюцца ў слоўніку і намінацыйныя скарбы ранейшай гістарычнай пары, захаваныя на той час у гаворцы. Нарэшце, гэта і найцікавейшы збор па адлюстраванні складу структурных сродкаў намінацыі, асабліва адметных у адносінах мадыфікацыйных кампанентаў. Адметна выглядае слоўнік І.К. Бялькевіча таксама паводле тлумачэння значэння рэестравай адзінкі. Арыгінальнасць працы ў тым, што з серыі рэгіянальных (краёвых) словазбораў, падрыхтаваных да друку ў 20-я гады, ён адзін з ліку першых слоўнікаў неперакладнога тыпу.

Гісторыя стварэння і выдання слоўніка П.А. Растаргуева фактычна паўтарае лёс публікацыі словазбору І.К. Бялькевіча.

У 20-я гады збіраннем лексікі на тэрыторыі Заходняй Беларусі, якая была выключана са складу рэспублікі, займаліся Я.Н. Драздовіч, а таксама І.К. Бялькевіч. Распачатая даследчыкамі праца не была завершана, у архівах захаваліся сабраныя і часткова ўпарадкаваныя матэрыялы Я. Драздовіча, І.К. Бялькевіч апрацаваў невялікую слоўнікавую падборку са Слонімшчыны. Лёс некаторых падрыхтаваных у той час краёвых слоўнікаў склаўся трагічна. Так, рукапіс працы слоўніка гаворак Ус-

ходняга Палесся (Мазырскай акругі), укладзены А.Я. Крукоўскім, у 1928 г. паступіў у Слоўнікавую камісію [спецыяльная акадэмічная структура, якая займалася сістэматызацыяй лексікі для ўкладання слоўніка беларускай мовы], аднак ён не ўбачыў свет. Іншыя матэрыялы краёвых слоўнікаў, што апрацоўваліся і рыхтаваліся Слоўнікавай камісіяй да друку, да вайны не былі апублікаваны і ў наступным бяспследна зніклі.

Такім чынам, у 20-я гады мінулага стагоддзя выйшла з друку абмежаваная колькасць словазбораў. Між тым, паводле задумы С.М. Некрашэвіча, аўтара канцэпцыі акадэмічнага ўніверсальнага слоўніка беларускай мовы, меркавалася ўкласці 10 краёвых слоўнікаў, адпаведна тагачаснаму адміністрацыйнаму падзелу рэспублікі. Але, «асобна былі выдзелены краёвыя слоўнікі Заходняй Беларусі, Смаленшчыны, Гомельшчыны і Невельшчыны» [7, с. 200], інакш кажучы слоўнікі, у якіх бы прэзентаваліся мовазабеспячальныя сродкі з тэрыторыі ўсёй этнаграфічнай Беларусі – моўнай прасторы беларускіх гаворак, адлюстраваных на карце, складзенай Я.Ф. Карскім для свайго фундаментальнага даследавання «Беларусы».

Лексікаграфічнае вывучэнне беларускіх гаворак пасля Вялікай Айчыннай вайны

Актыўная збіральніцкая праца па ўпарадкаванні і сістэматызацыі лексічных абазначальных сродкаў беларускіх гаворак разгарнулася ў нацыянальным мовазнаўстве з 40-х гадоў XX ст. У гэты час беларускія дыялектолагі вярнуліся да ідэі стварэння зводнага поўнага слоўніка беларускай мовы. Гэта была актуальная па сваёй сутнасці і значымасці для нацыянальнай навукі задума: акадэмічная лексікаграфія задавала тон і вызначала асноўныя напрамкі працы ў дадзенай галіне лінгвістыкі. Сама прапанова ў прынцыпе не была піянерскай, наватарскай: першая спроба поўнага нацыянальнага лексікона ў форме слоўніка жывой беларускай мовы ў нацыянальнай лінгвістычнай навуцы была зроблена, як указвалася, у 20-я гады XX ст. Нягледзячы на пераёмнасць ідэі, новая задума стварыць абагульняльны слоўнік беларускай мовы, нават на ўзроўні рэаніміраванай ідэі, была шмат у чым адметнай.

Пачынаючы з 40-х гадоў у Інстытуце мовазнаўства АН БССР лексікаграфічная праца стала ажыццяўляцца ў двух напрамках: з аднаго боку, ствараюцца шмат- і аднааспектныя нарматыўныя слоўнікі беларускай літаратурнай мовы, з другога, – актывізуецца праца ў галіне дыялектнай лексікаграфіі. Зварот да багаццяў народных гаворак абумоўліваўся не толькі практычнай патрэбай стварэння тлумачальнага нарматыўнага даведніка па словаўжыванні, якога ў нацыянальным мовазнаўстве пакуль яшчэ не існавала, але і назапашваннем

лексічных матэрыялаў у якасці базы па разгортванні даследаванняў у галіне лексікалогіі, этымалогіі, нацыянальнай і славянскай дыялекталогіі і іншых галінах лінгвістыкі. Без адпаведнай эмпірычнай базы, найперш са скарбаў народных гаворак, ажыццявіць рознагаліновыя мовазнаўчыя даследаванні было складана. З’яўленню абагульняльнага выдання ў форме зводнага слоўніка беларускай мовы, павінна была папярэднічаць праца па збіранні і ўпарадкаванні матэрыялаў для рэгіянальных слоўнікаў. Дыялектныя словазборы ў адпаведнасці з савецкай, найперш рускай, лексікаграфічнай традыцыяй меркавалі публікаваць пад назвай абласных даведнікаў. Тэрмін абласная лексіка меў строга вызначаны аб’ём, ім абзначаліся «тыя словы, што адсутнічаюць у літаратурнай мове» [1, с. 125 (спасылка)].

Метадалагічным падмуркам па адлюстраванні рэгіянальнай лексікі беларускіх гаворак і стварэнні ў наступным на базе падрыхтаваных словазбораў зводнага поўнага слоўніка беларускай мовы стаў артыкул акадэміка М.В. Бірылы «Да пытання аб тыпе і прынцыпах укладання беларускіх абласных слоўнікаў» [1, с. 116–144]. У ім асвятляліся шматлікія тэарэтычныя праблемы ў галіне лексікаграфіі. У прыватнасці, закраналіся наступныя праблемы: мэта і задачы стварэння слоўніка, тэрміны выканання задумы, роля і значэнне падобных выданняў для нацыянальнай навукі і грамадства і інш. Аднак найперш разглядаліся лінгвістычныя аспекты лексікаграфічнай праблематыкі, як: крытэрыі адбору абзначальных лексічных сродкаў у адпаведнасці з іх арэалам пашырэння, статус слоў, якія належаць да ліку спецыяльных абзначэнняў паняццяў з галіны традыцыйных заняткаў і побыту сельскіх жыхароў – земляробства, жывёлагадоўлі, рамёстваў, назваў сельскагаспадарчых прылад і прыстасаванняў, пабудов, жылля, прадметаў побыту, народнай кухні, а таксама са сферы звычаяў, павер’яў, гульняў, календарных абрадаў і г. д. Актualізацыя аўтарам праблемы, якую лексічную адзінку характарызаваць як дыялектнае мясцовае слова, была невыпадковай. Ідэя стварэння абласных дыферэнцыяльных слоўнікаў як першага этапу на шляху да абагульнення дыялектных матэрыялаў у зводны слоўнік мела месца ў нацыянальнай навуцы ў 20-я гады ХХ ст. У той час філолагі выказвалі розныя думкі адносна структуры і прынцыпаў укладання тагачаснага нарматыўнага слоўніка беларускай мовы. Аднак практычнае ўвасабленне атрымала задума слоўніка, прапанаваная С.М. Некрашэвічам. Прынцыпы ўкладання слоўніка жывой беларускай мовы, распрацаваныя аўтарам канцэпцыі, былі адлюстраваны ў публікацыі «Да пытання аб укладанні слоўніка жывой беларускай мовы» [17, с. 50–79]. Акадэмік С.М. Некрашэвіч прапаноўваў два крытэрыі адбору і наступнага ўключэння намінацыйных адзінак

у дыялектны слоўнік. Па-першае, гэта словы агульнавядомыя і агульнаразумельныя на ўсёй беларускай тэрыторыі (такой тэрыторыяй выступаў этнагенетычны абшар гаворак беларускай мовы), па-другое, мясцовая рэгіянальная лексіка, ці словы, «характэрныя для якой-небудзь беларускай мясцовасці», іншыя абзначальныя сродкі, якія функцыянавалі як «усё неўласцівае для нашай мовы, што прадстаўляе рэзультат зрушэння або спалышчэння... павінна быць у слоўніку адхілена» [17, с. 57, 58]. Прапанаваныя падыходы былі, аднак, толькі агульнымі тэарэтычнымі палажэннямі. Канкрэтныя напрацоўкі на конт таго, якія абзначальныя сродкі ў адпаведнасці з іх фармальным і структурным абліччам лічыць слоўнікавымі рэестравымі адзінкамі, С.М. Некрашэвіч не зрабіў.

З-за прынятых крытэрыяў адбору гаворкавых сродкаў для ўкладання краёвых слоўнікаў шматлікія набыткі беларускіх гаворак, у якіх адлюстроўваліся працяглыя вынікі культурнагістарычных дачыненняў беларускага народа з суседнімі народамі, у слоўнік жывой беларускай мовы не трапілі. Улічваючы падобную акалічнасць у развіцці нацыянальнай лексікаграфіі, пры новай спробе стварэння зводнага слоўніка беларускай мовы, М.В. Бірыла, відаць, усвядомлена акцэнтаваў увагу на праблеме, якое мясцовае слова з рэпертуару традыцыйных намінацыйных сродкаў гаворак служыць аб’ектам лексікаграфічнага апісання.

Ідэя ўкладання абласных слоўнікаў на аснове тэрытарыяльнага прынцыпу ў нацыянальным мовазнаўстве не з’яўлялася новай. Прынцып прасторавага пашырэння найменняў выступаў зыходным пры стварэнні краёвых слоўнікаў. Аднак падобную пераемнасць падыходаў варта прызнаць умоўнай. У канцэпцыі зводнага слоўніка беларускай мовы 40-х гадоў у адрозненне ад канцэпцыі 20-х у якасці тэрыторыі даследавання лексічнага складу гаворак выступала не прастора, якая аб’ядноўвала 10–12 прылеглых адна да адной тэрытарыяльна-адміністрацыйных адзінак, а гаворка ці група гаворак з характэрным для яе комплексам фанетыкамарфалагічных асаблівасцей, лакалізаваная ў пэўных геаграфічных межах [1, с. 125]. Апошняя азначала: абласныя слоўнікі меркаваліся ўкласці на аснове тэрытарыяльна-моўнага падыходу.

Згодна з канцэпцыяй стварэння зводнага дыялектнага лексікона планавалі падрыхтаваць 8 слоўнікаў: «Слоўнік цэнтральных беларускіх гаворак, ці інакш мінска-маладзечанскіх», «Слоўнік полацка-віцебскіх гаворак», «Слоўнік Магілёўшчыны», «Слоўнік Гомельшчыны», «Слоўнік палескіх гаворак», «Слоўнік пераходных гаворак, ці інакш брэсцка-пінскіх», «Слоўнік Гродзеншчыны», «Слоўнік слуска-бабруйскіх гаворак». Абагульненне і ўпарадкаванне матэрыялаў пералічаных словазбораў дазваляла скласці зводны поўны слоўнік беларускай мовы.

З пазіцый сучасных ведаў пра гаворкі беларускай мовы можна заўважыць: лексічны фонд кожнага са слоўнікаў пераважна рэпрэзентаваў абазначальныя сродкі адметнага этнагенетычнага ці культурна-гістарычнага тыпу гаворак беларускай мовы, аднак выключна ў межах іх сучаснага дзяржаўнага распаўсюджвання.

Акрамя праблем фарміравання рэестравага складу абласнога слоўніка, М.В. Бірыла разглядаў наступныя пытанні: структура слоўніка, пабудова слоўнікавага артыкула, спосабы семантычнай кваліфікацыі слова (раскрыццё значэння (значэнняў) абазначальнага сродку і яго адценняў), асаблівасці ўжывання. Аўтар паказвае спосабы выкарыстання ілюстрацый і адметнасці іх пашпартызацыі, спыняецца на выбары граматычных і функцыянальна-ацэначных памет і інш. – інакш кажучы, у кандэнсаваным выглядзе спрабуе асвятліць праблемы практычнай лексікаграфіі на аснове тэарэтычных дасягненняў тагачаснага мовазнаўства. Нягледзячы на тое, што кожная з пералічаных пазіцый важная як лексікалагічная і лексікаграфічная праблема і заслугоўвае спецыяльнага разгляду ў адносінах да дынамікі развіцця тэарэтычнай і практычнай лексікаграфіі пры апісанні слоўнікавага складу беларускай нацыянальнай мовы, хацелася б спецыяльна засяродзіцца толькі на пытанні пра тып будучага абласнога слоўніка.

Найбольш прыдатным і запатрабаваным тыпам абласнога слоўніка акадэмік М.В. Бірыла палічыў «тлумачальна-сінанімічны». Тлумачальна-сінанімічны тып слоўніка – гэта такі тып слоўніка, у якім, як указвалася, «будзе давацца тлумачэнне значэнняў слоў і будуць прыводзіцца сінонімы з іншых гаворак, якія знаходзяцца на тэрыторыі, вызначанай для данага слоўніка» [1, с. 138]. Фактычна для адлюстравання значэння абазначальнага сродку прапаноўваўся своеасаблівы двухузроўневы спосаб вызначэння яго семантыкі. Першы мае асобныя ідэаграфічныя рысы. Яго сутнасць заключаецца ў тым, што да пэўнага паняцця літаратурнай мовы прыводзяцца сінанімічныя дыялектныя адпаведнікі, зафіксаваныя пры збіранні матэрыялаў у межах тэрыторыі даследавання. Ніводная лексічная адзінка сфарміраванага сінанімічнага рада ні ў зоне семантыкі, ні ў адносінах да катэгарыяльных характарыстык слова як часціны мовы, ні з боку функцыянальных асаблівасцей, а таксама ілюстрацыйнай базы ніякімі лексікаграфічнымі адзнакамі не забяспечвалася, рэкамендавалася толькі адзначаць тэрыторыю пашырэння загаловачнага слова. Другі падыход па раскрыцці семантыкі слова з’яўляўся тыпова-традыцыйным для дыялектных слоўнікаў. Для тлумачэння значэння меркавалі выкарыстоўваць выпрацаваныя ў лексікаграфічнай практыцы спосабы і прыёмы раскрыцця сэнсу абазначальнага сродку, у тым ліку: прыводзіць літаратурны эквівалент

з тоеснай дыялектнаму слову семантыкай, пры адсутнасці нарматыўнага адпаведніка дыялектнай адзінцы раілі даваць тлумачэнне, інакш кажучы, карыстацца дэфінітыўна-апісальным спосабам, пры словах тэрміналагічнага характару, або пры т. зв. этнаграфізмах, прапаноўвалі ужываць дадаткова шырокае тлумачэнне з адлюстраваннем розных звестак пра апісваемую моўную адзінку і абавязкова ўказваць на іх спецыяльны лексічны статус. Адпаведны суправаджальны запіс пра спецыяльнае прызначэнне слова раілі ўказваць у дужках, а не размяшчаць яго ў слоўнікавым артыкуле ў зоне граматычных і функцыянальна-ацэначных адзнак. Практычна гэта азначала, што ў філалагічным слоўніку і для слоў спецыяльнага, або тэрміналагічнага статусу, прыярытэтнасць аддавалася значэнню. Праз семантыку лексемы адлюстроўвалася яе спецыфіка. Уласна памета, заключаемая ў дужкі пасля тлумачэння, выконвала другасную ролю, яна была знешнім дадатковым паказчыкам слова спецыяльнага прызначэння. У слоўнікавых артыкулах, сэнс намінацыйнага сродку якіх устанаўліваўся дэфінітыўна-апісальным спосабам, захоўваліся ўсе іншыя яго абавязковыя часткі: граматычныя адзнакі, функцыянальна-ацэначныя характарыстыкі, прыклады, геаграфія зафіксаванага слова.

Выбар асаблівага, адрознага ад існуючых у нацыянальным мовазнаўстве ўзораў укладання абласнога слоўніка тлумачыўся аўтарам канцэпцыі практычнай запатрабаванасцю падобнай лексікаграфічнай працы. М.В. Бірыла лічыў, што менавіта такі слоўнік адначасова можа служыць і спецыяльнай крыніцай лінгвістычнай інфармацыі, і быць даведнікам для зацікаўленых чытачоў [1, с. 138].

Паводле канцэпцыі меркавалі скласці не проста каталог па адлюстраванні лексічных асаблівасцей беларускіх гаворак, сістэматызаваных у адпаведнасці з прынятымі для гэтай мэты прынцыпамі, задумваўся асаблівы філалагічны даведнік, у якім, акрамя такіх традыцыйных характарыстык слова, як яго значэнне, націск, граматычныя адзнакі, звесткі пра парадыгму, ацэначны статус, дадавалася інфармацыя пра словаўтваральную структуру абазначальнага сродку, адлюстроўвалася яго сінтаксічная спалучальнасць, дэманстраваліся сістэмныя адносіны, пералічваліся некаторыя іншыя лінгвістычныя параметры. Па сутнасці рабілася спроба пашырыць традыцыйныя лексікаграфічныя веды пра слова, якія дагэтуль не ўключаліся ў структуру слоўнікавага артыкула. Відавочна, гэта яшчэ не была задума стварыць тып слоўніка, прынятага ў еўрапейскай лексікаграфічнай традыцыі, калі ў слоўніку падаюцца таксама этымалагічныя даведкі, адзначаецца час фіксацыі лексічнай адзінкі ў гістарычных крыніцах, дэманструюцца сінанімічныя, антанімічныя, паранімічныя і іншыя ўнутрысістэмныя моўныя адносіны, дакладней,

фіксуецца максімальна поўная інфармацыя пра слова. Аднак, як сведчаць спецыяльна падрыхтаваны праграмы па збіранні лексічных матэрыялаў для абласных слоўнікаў, памкненне ўкласці свой адметны тып беларускага рэгіянальнага слоўніка было.

Стварыць зводны поўны слоўнік беларускай мовы ў версіі, прапанаванай у нацыянальным мовазнаўстве ў 40-я гады мінулага стагоддзя, не здолелі, але пачынаючы з гэтага часу былі праведзены шматлікія даследаванні па вывучэнні лексічнага ладу дыялектнай мовы лексікаграфічным спосабам.

Працу па фіксацыі лексічных сродкаў моўнага забеспячэння сельскага насельніцтва ў 40–50 гады ХХ ст. ініцыяваў у беларускім мовазнаўстве Ф.М. Янкоўскі. Яму належаць матэрыялы, сабраныя на тэрыторыі Глускага раёна Магілёўскай вобласці [32]. У выданні Ф.М. Янкоўскага, як і ў іншых тагачасных працах, адлюстроўваюцца лексічныя адзінкі, якія шэрагам асаблівасцей адрозніваюць мясцовую гаворку ад беларускай літаратурнай мовы. Такая лексікаграфічная фіксацыя матэрыялу сведчыць: у якасці базавага выступаў дыферэнцыяльны прынцып адлюстравання абазначальных моўных сродкаў. Абраны падыход практычна ўвасабляў традыцыі апісання лексічнай сістэмы, закладзеныя ў нацыянальнай дыялектнай лексікаграфіі ў пачатку стагоддзя. У пасляваенны час яны былі працягнуты. Паводле дыферэнцыяльнага прынцыпу былі ўкладзены многія рэгіянальныя слоўнікі, слоўнічкі, лексічныя падборкі. Спачатку разгортвання лексікаграфічнага вывучэння дыялектнай мовы асобныя рукапісныя слоўнікі, як правіла невялікага памеру, з’яўляліся галоўным чынам часткамі ці дадаткамі да дысертацыйных даследаванняў. Да ліку такіх словазбораў належыць слоўнік М.В. Бірылы, уласна лексічны словазбор, а таксама каталог адметных выслоўяў з Ваўкавыскага раёна Т.Ф. Сцяшкова, слоўнікі лексікі Зэльвенскага раёна П.У. Сцяцко, якія ў наступным выйшлі як самастойныя лексікаграфічныя працы, і інш. Рэгіянальны слоўнік абазначальных сродкаў, якія забяспечвалі маўленне насельнікаў Мсціслаўскага раёна, падрыхтаваў у той час Г.Ф. Юрчанка, Бялыніцкага раёна – Р.М. Яўсееў. Але зыходнай асновай будучага зводнага слоўніка служылі спецыяльныя выданні матэрыялаў для абласных слоўнікаў. Да іх ліку адносіцца словазбор з мінска-маладзечанскіх гаворак. Абазначальныя сродкі, сабраныя ў арэале лакалізацыі мінска-маладзечанскіх гаворак, выйшлі ў трох выпусках [15]. Пазней на іх аснове хоць і не ў поўным аб’ёме, але быў надрукаваны асобны том найменняў, пашыраных на тэрыторыі Міншчыны [23]. У гэтай лексікаграфічнай працы адлюстроўваюцца адметнасці ў сістэме слова- і моватворчасці з тэрыторыі цэнтральных гаворак беларускай мовы, якія з’яўляюцца, як указвалася вышэй, выключнымі па сваім норматворчым ста-

туса [8]. Выяўленне рэсурсаў, якія функцыянуюць у маўленні мясцовага насельніцтва гэтай часткі моўнай прасторы Беларусі, і на сёння застаецца вельмі актуальнай задачай для нацыянальнага мовазнаўства. Справа ў тым, што ў цяперашні час назіраецца пэўнае руйнаванне лексічнай беларускамоўнай спецыфікі. Гэта выяўляецца як у рэгіяналізацыі сродкаў сучаснага літаратурнага моўнага забеспячэння (зараз назіраецца актыўнае выкарыстанне лексічных адзінак з тэрыторыі гаворак заходняй зоны беларускай мовы), так і ў працягу русізацыі і еўрапеізацыі лексічнага інвентару беларускай мовы. Таму складанне падобных тэндэнцый і прымушае звярнуць увагу менавіта на цэнтральны беларускамоўны рэгіён. У структуры беларускай дыялектнай мовы ён у многіх адносінах асаблівы, найперш з боку свайго складвання і развіцця. Цэнтральная дыялектная зона гаворак беларускай мовы – гэта адметная ўнутрымоўная фармацыя канвергентнага тыпу [10], сфарміраваная на субстратнай моўнай спадчыне. Таму захаванне нацыянальнага моўнага аблічча вымагае дэталёвага выяўлення і практычнага ўжытку ў маўленчай практыцы лексічных адметнасцей гэтага рэгіёна.

З іншых запланаваных матэрыялаў для складання абласных слоўнікаў былі надрукаваны «Матэрыялы да дыялектнага слоўніка Гомельшчыны», «Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці», аўнаступнымі сам «Слоўнік Гродзенскай вобласці», падрыхтаваны Т.Ф. Сцяшкова [25], «Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны» [14]. Адрознае як слоўнікі без выдання папярэдніх матэрыялаў да іх свет убачылі лексікаграфічныя працы «Дыялектны слоўнік Брэстчыны» [4] і «Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны» [20]. Матэрыялы апошняга дапаўняе досыць аб’ёмнае выданне «Мова Сенненшчыны» [16].

Акрамя названых кніг, на працягу другой паловы ХХ і ў пачатку ХХІ стст. друкаваліся шматлікія аўтарскія ці калектыўныя словазборы з розных рэгіёнаў Беларусі, якія пашыралі слоўныя каталогі выдадзеных прац, паглыблялі ці ўдакладнялі сэнсавы рээстравыя адзінак. Так, «Дыялектны слоўнік Брэстчыны» дапаўняюць невялікія слоўнічкі выкладчыкаў БрДУ М.І. Пашкевіча, С.С. Клуцук, В.М. Касцючык, а таксама грунтоўныя працы аматара роднага слова А. Зайкі і інш. зацікаўленых асоб. Да ліку публікацый па раскрыцці моўных набыткаў Брэстчыны адносіцца таксама багаты, неаднастайны па характары уключаных у працу матэрыялаў, іх тэматычнай накіраванасці, каштоўны як інфармацыйная навуковая крыніца архіў В.Л. Вярэніча [3]. Гэта выданне ўтрымлівае вялікую колькасць матэрыялаў пра адметнасці абазначальных лексічных сродкаў, якія функцыянуюць на тэрыторыі заходнепалескіх гаворак (яны вылучаюцца ў складзе беларускай мовы ў асобны

дыялектны кантынуум). Да месца сказаць, істотная колькасць звестак пра адметнасці лексічнага ландшафту Палесся, яго ўсходняй і заходняй частак, змяшчаецца ў працах даследчыкаў суседніх краін, найперш украінскіх. У прыватнасці, у выданнях «Матэрыялы для лексічнага атласа ўкраінскай мовы (Правабярэжнае Палессе)» М.В. Ніканчука і яго адпаведным лінгвагеаграфічным атласе, у слоўніку Р.Л. Аркушына і ў інш.

Значная колькасць прац у галіне дыялектнай лексікаграфіі прысвечана таксама апісанню лексічнага ладу гаворак Гродзеншчыны. Рэестр вышэйадзначанага «Слоўніка Гродзенскай вобласці» Т.Ф. Сцяшковіч істотна дапаўняюць працы П.У. Сцяцко, у якіх адлюстроўваюцца лексічныя асаблівасці мясцовай гаворкі Зэльвенскага раёна, – «Дыялектны слоўнік: 3 гаворак Зэльвеншчыны», «Народная лексіка», грунтоўны том лексікі «Скарбы народнай мовы», укладзены А.П. Цыхуном, які быў у наступным перавыдадзены і дапоўнены [27]. Нарэшце, своеасаблівым працягам і лексічным дадаткам да ўсяго, што ўстаноўлена і лексікаграфічна ўпарадкавана з ускраінскага заходняга рэгіёна беларускіх гаворак, з’яўляецца «Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны» [24]. Такім чынам, пералік публікацый паказвае, што лексічныя сродкі моўнага забеспячэння ўскраінскага заходняга абшару гаворак беларускай мовы досыць поўна адлюстраваны ў наяўных лексікаграфічных крыніцах.

Апісанню лексічных асаблівасцей гаворак тэрыторыі Гомельскай вобласці, акрамя ўкладзеных матэрыялаў для слоўніка гаворак Гомельшчыны, прысвячаюцца таксама словазборы Т.С. Янковай [31], І.М. Кучука і А.К. Малюка [11], В.А. Купрыенкі і В.В. Шура [9]. Аднак у большасці з пералічаных лексікаграфічных выданняў характарызуецца слоўнікавы склад гаворак усходнепалескага рэгіёна – вельмі адметнай арахічнай прасторы ў складзе дыялектнага лінгваландшафту беларускай мовы. Гістарычная і этнаграфічная ўнікальнасць палескага, перадусім усходнепалескага краю, заўсёды была прыцягальнай для даследчыкаў. Пра гэта пераканаўча сведчыць спіс уласна лексікаграфічных крыніц ці іншых комплексных выданняў. Адметнае месца сярод іх займаюць публікацыі, што з’яўляюцца вынікам працы дыялекталагічных экспедыцый пад кіраўніцтвам М.І. Талстога: гэта зборнік «Лексіка Палесся» [12], навукова-аналітычнае выданне «Палессе», а таксама іншыя кнігі і больш дробныя публікацыі. У абагульненым выглядзе палескія матэрыялы падаюцца ў спецыяльным навуковым даследаванні «Лексіка гаворак Беларускага Прыпяцкага Палесся: атлас. Слоўнік» [13], а таксама ў шэрагу іншых.

Самым значным сярод т.зв. «палескай» серыі апублікаваных прац з’яўляецца «Тураўскі слоўнік» [26]. «Тураўскі слоўнік» – гэта поўны

збор сродкаў сістэмы традыцыйнага словазабеспячэння і найбагацейшая крыніца па адлюстраванні моватворчасці наогул жыхароў усходнепалескага рэгіёна Беларусі. Ад аналагічных тагачасных выданняў слоўнік адрозніваецца сваёй структурай: кожны том лексікаграфічнага даведніка заканчваецца запісамі тэкстаў мясцовага маўлення, якія, адпаведна, дазваляюць атрымаць уяўленне пра асобасць народнай моватворчасці і моваўвасаблення гэтай часткі беларускамоўнай прасторы. Змяшчаюцца тут і багатыя анамастычныя матэрыялы.

Наяўнасць такой колькасці рэпрэзентатыўных «палескіх» матэрыялаў вымушае задумацца аб іх поўнай сістэматызацыі ў форме адметнага выдання, напрыклад тэзаўруса, у якім бы ў асобных частках згодна з вынікамі моўнай дыферэнцыяцыі і групойкі мясцовых гаворак ці абагульнена былі адлюстраваны лексічныя набыткі ўсходне- і заходнепалескага рэгіёнаў. Стварэнне падобнага слоўніка не будзе, натуральна, адпавядаць тыпу слоўніка, укладзенага з улікам абласнога дзержаўна-тэрытарыяльнага падзелу, гэта будзе праца, у якой бы прэзентавалася лінгвістычная рэгіянальная спецыфіка.

Іншая частка тэрыторыі Гомельшчыны ў параўнанні з усходнепалескім моўным арэалам такім багаццем надрукаваных лексікаграфічных крыніц пакуль што не характарызуецца. Дагэтуль не сістэматызаваны ў форме рэгіянальнага слоўніка і надрукаваныя лексічныя каталогі.

З ліку ўсіх тэрытарыяльна-моўных рэгіёнаў Беларусі ў плане прэзентацыі лексічных рэсурсаў своеасабліва выглядае Магілёўшчына. Як адзначалася вышэй, вынікам мэтанакіраванага даследавання лексічнага ладу гаворак усходнемагілёўскага тыпу ў складзе паўночна-ўсходняга дыялекту беларускай мовы ў 20-я гады ХХ ст. стала выданне І.К. Бялькевіча «Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны». Лексічныя мовазабеспячальныя сродкі з гэтай тэрыторыі адлюстраваны ў першым сапраўды нацыянальным слоўніку беларускай мовы І.І. Насовіча, а таксама ў слоўніку У.М. Дабравольскага. У межах ўсходнемагілёўскіх гаворак максімальна вывучанай з’яўляецца лексічная сістэма гаворак Мсціслаўшчыны. Гэта сталася дзякуючы руплівай, мэтанакіраванай працы Г.Ф. Юрчанкі. Акрамя словазбору «Дыялектны слоўнік: з гаворак Мсціслаўшчыны», які друкаваўся ў сярэдзіне 50-х гадоў, у наступным былі апублікаваны розныя па змесце і характары прадстаўлення лексічных матэрыялаў слоўнікі гэтага аўтара [30]. Усе выдадзеныя словазборы разам складаюць найбагацейшы комплекс лексікаграфічных прац, роўных якому па колькасці створанага адным даследчыкам у беларускай нацыянальнай дыялектнай лексікаграфіі няма. Аднак сёння, як і раней, улічваючы дынаміку развіцця дыялектнай мовы ва ўмовах адметнай моўнай

сітуацыі ў Беларусі і месца мясцовых гаворак у сучаснай сельскай камунікатыўнай прасторы, праблема сістэматызацыі мясцовых рэгіянальных лексічных набыткаў застаецца актуальнай.

Нягледзячы на прадстаўнічы спіс лексікаграфічных прац, створаных у галіне дыялекталогіі ў беларускім мовазнаўстве на працягу XX ст., адметнае месца сярод іх займае выданне «Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т.» [22]. Гэты слоўнік – грунтоўнае фундаментальнае акадэмічнае выданне, у якім рэпрэзентуецца лексіка не толькі з паўночна-заходняга берага беларускіх гаворак, лакалізаваных у сучасных дзяржаўных межах Беларусі. Тут адлюстраваны слоўныя набыткі вялікага абшару гаворак, якія цяпер выступаюць асобным моўным кантынуумам у складзе іншых гетэрагенных моўных сістэм – польскай, літоўскай, латышскай моў. Геаграфічна гэта тэрыторыя Беларускай, Віленскай, Латгаліі, лінгвістычна гэта зона актыўных міжмоўных кантактаў з багатай папярэдняй гісторыяй. Па сваім аб’ёме, паводле рээстравага складу абазначальных сродкаў слоўнік сапраўды характарызуецца як поўны. У словазбор уключаны не толькі ўласна намінацыйныя сродкі, але і фраземы, тапанімічныя адзінкі, парэміі. Выданню ўласцівы некаторыя адметныя рысы: у слоўнікавых артыкулах указваецца крыніца запазычання іншамоўнага слова, ужывальнага ў паўночна-заходніх беларускіх гаворках. Характар і асаблівасці пабудовы слоўнікавага артыкула, моўная прастора, ахопленая даследаваннем, дазваляюць убачыць у дадзенай лексікаграфічнай працы прататып лексікона, дакладней яго асобныя рысы, які задумаў стварыць Я.Ф. Карскі.

Часавы прамежак 40–90-я гады XX ст. быў багаты таксама на публікацыі ў галіне дыялектнай фразеалогіі, парэміялогіі, анамастыкі. Свет убачылі і іншыя, акрамя вышэйпералічаных, слоўнікі, падборкі асобных лексіка-тэматычных груп слоў, спецыяльныя комплексныя выданні. Улічваючы колькасць падрыхтаваных лексікаграфічных крыніц, можна сцвярджаць, што лексічнае забеспячэнне носьбітаў беларускіх гаворак з усёй беларускамоўнай прасторы за адзначаны перыяд было рэпрэзентавана дастаткова поўна. Разам з тым другая акадэмічная спроба абагульніць лексічныя абазначальныя сродкі ў зводны слоўнік дыялектнай мовы засталася няздзейсненай. Адметна і наступнае: выключна паводле прынцыпаў, прапанаваных акадэмікам М.В. Бірылам у якасці зыходных для складання рэгіянальных (абласных паводле тагачаснай тэрміналогіі), ніводзін слоўнік у нацыянальнай лексікаграфіі не быў складзены. Імклівае развіццё тэарэтычнай і практычнай славянскай лексікаграфіі ў XX ст. дазваляла складальнікам слоўнікаў скарыстоўваць новыя падыходы і наватарскія ідэі, якія дыктаваў час.

Таму ўкладаліся дыялектныя слоўнікі з улікам лексікаграфічных традыцый, тагачасных інавацый і аўтарскай задумы.

Перспектыўныя напрамкі даследаванняў па інтэрпрэтацыі лексічных набыткаў беларускай мовы

Назапашаная на працягу амаль стагоддзя колькасць дыялектных лексічных матэрыялаў з розных рэгіёнаў Беларусі не толькі ў лексікаграфічных, але і лінгвагеаграфічных, фальклорна-этнаграфічных, тэкстаграфічных, архіўных крыніцах штурхала даследчыкаў да пошукаў новых спосабаў па вывучэнні і сістэматызацыі абазначальных сродкаў беларускай мовы. У якасці формы абагульнення лексічных дыялектных набыткаў была прапанавана канцэпцыя стварэння ідэаграфічных слоўнікаў. Яна знайшла сваё практычнае ўвасабленне. На памежжы стагоддзяў супрацоўнікі аддзела дыялекталогіі і лінгвагеаграфіі акадэмічнага інстытута мовазнаўства падрыхтавалі і апублікавалі чатыры лексіка-тэматычныя слоўнікі: «Жывёльны свет» [5], «Раслінны свет» [18], «Чалавек» [28], «Сельская гаспадарка» [21]. Іншым накірункам, дакладней новай спробай па стварэнні зводнага слоўніка беларускіх народных гаворак, стала праца па ўпарадкаванні і сістэматызацыі ўсіх зарэгістраваных і архіўных дыялектных лексічных матэрыялаў. Укладанне зводнага дыялектнага лексікона сёння знаходзіцца на пачатковай стадыі: ідзе адаптацыя і ўніфікацыя абазначальных лексічных сродкаў розных інфармацыйных крыніц. Мяркуемы зводны слоўнік будзе стварацца ў электроннай і традыцыйнай папяровай версіях.

На мяжы XX і XXI стст. таксама былі распрацаваны метадалагічныя асновы па інтэрпрэтацыі лексічных матэрыялаў з улікам лінгвагеаграфічных і этымалагічных звестак пра іх. Беларуская нацыянальная дыялекталогія адчула вострую патрэбу ў стварэнні тлумачальнага атласа беларускай народнай славотворчасці. Першыя спробы па ўстанаўленні матывацыйнай базы некаторых слоў (назвы сасны, адуванчыка, ягад буякоў і інш.), увасабленай у каранёвай частцы лексемы, дазволілі атрымаць вельмі цікавую і змястоўную інфармацыю, надзвычай важную як для выяўлення асаблівасцей складу лексікона беларускай мовы, так і для раскрыцця гісторыі фарміравання нацыянальнага моўнага ландшафту. Гэты запаткаваны напрамак даследавання лексічных дыялектных рэсурсаў з’яўляецца актуальным і запатрабаваным у беларускім мовазнаўстве. Ён, бяспрэчна, самы перспектыўны і плённы па сваіх выніках. Думаецца, сістэматызацыя дыялектных лексічных рэсурсаў беларускай мовы ў розных тыпах абагульняльных выданняў і іх навуковая інтэрпрэтацыя на лінгвагеаграфічнай базе будуць вызначаць характар даследчай працы ў галіне беларускай нацыя-

нальнай дыялекталогіі, у тым ліку і лексікаграфіі. Натуральна, фіксацыя і назапашванне новых слоў з дыялектнай мовы застанецца такой жа актуальнай задачай, як і на працягу ўсяго папярэдняга часу.

Бібліяграфічны спіс

1. *Бірыла М.В.* Да пытання аб тыпе і прынцыпах укладання беларускіх абласных слоўнікаў // Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР. – 1958. – Вып. 5. – С. 116–144.

2. *Бялькевіч І.К.* Краёвы слоўнік усходняй Магілёўшчыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1970. – 602 с.

3. *Вярэніч В.Л.* Палескі архіў: лінгвістычныя, этнаграфічныя і гістарычныя матэрыялы / пад навук. рэд. Ф.Д. Клімчука, Э. Смуклавай, А. Энгелькінг. – Мінск: Выдавец ПП Вараксін, 2009. – 692 с.

4. Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад.: М.М. Аляхновіч [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1989. – 294 с.

5. Жывёльны свет: тэмац. слоўн. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа; склад. В.Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л.П. Кунцэвіч, А.А. Крывіцкі. – Мінск: Беларуская навука, 1999. – 239 с.

6. *Каспяровіч М.І.* Віцебскі краёвы слоўнік / пад рэд. М.Я. Байкова і праф. Б.І. Эпімах-Шыпілы. – Віцебск, 1927. – 390 с.

7. *Крамко І.І., Юрэвіч А.К., Яновіч А.І.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы: у 2 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1968. – Т. 2. – 340 с.

8. *Крывіцкі А.А.* Беларуская нацыянальная моватворчасць і сярэдняя (цэнтральная) дыялектная зона беларускай мовы // Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі. Цэнтральная зона / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы; уклад. В.Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л.П. Кунцэвіч, В.М. Курцова. – Мінск: Беларуская навука, 2009. – С. 507–513.

9. *Курпыенка В.А., Шур В.В.* Матэрыялы да слоўніка беларускіх гаворак Мазырскага Палесся: вучэб. дапам. па беларус. дыялекталогіі для студэнтаў філал. фак-та беларус. аддзялення. – Мазыр: МазДПП імя Н.К. Крупскай, 1996 – 70 с.

10. *Курцова В.М.* Цэнтральная дыялектная зона як адметнае канвергентнае ўтварэнне гаворак беларускай мовы // *Diachronija in sinhronija v dialektoloških raziskavah.* – Maribor (Славенія), 2006. – С. 456–466.

11. *Кучук І.М., Малюк А.К.* Палескі слоўнік. Лельчыцкі раён. – Мазыр: МазДПП імя Н. К. Крупскай, 2000. – 156 с.

12. Лексика Полесья: Матэрыялы для полесскаго диалектного словаря. – М.: Наука, 1968. – 476 с.

13. Лексіка гаворак Беларускага Прыпяцкага Палесся: атлас. Слоўнік / уклад. Г.Ф. Вештарт [і інш.]; рэд. Ф.Д. Клімчук, У.А. Кошчанка, І.І. Лапуцкая; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы

і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы. – Мінск: Права і эканоміка, 2008. – 353 с.

14. Матэрыялы для абласнога слоўніка Магілёўшчыны / уклад. М.В. Абабурка [і інш.]; Магілёўскі пед. ін-т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – Вып. 1. – 128 с.; вып. 2. – 2005. – 88 с.

15. Матэрыялы для слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак / уклад. М.А. Жыдовіч [і інш.]; пад рэд. М.А. Жыдовіч. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1970. – Вып. 1. – 172 с.; вып. 2. – 1974. – 191 с.; вып. 3. – 1977. – 148 с.

16. Мова Сенненшчыны. Дыялектны слоўнік: у 2 т. / Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Філ. «Ін-т мовы і літ. імя Якуба Коласа і Янкі Купалы»; уклад.: Н.М. Бунько [і інш.]; навук. рэд. В.М. Курцова, Л.П. Кунцэвіч. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – Т. 1: А–О. – 424 с.; т. 2: П–Я. – 2015. – 407 с.

17. *Некрашэвіч С.М.* Да пытання аб укладанні слоўніка жывой беларускай мовы // Выбраныя навуковыя працы С.М. Некрашэвіча: Да 120-годдзя з дня нараджэння. – Мінск: Беларуская навука, 2004. – С. 50–79.

18. Раслінны свет: тэмац. слоўн. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа; склад. В.Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л.П. Кунцэвіч, А.А. Крывіцкі. – Мінск: Беларуская навука, 2001. – 655 с.

19. *Расторгуев П.А.* Словарь народных говоров Западной Брянщины. – Минск: Наука и техника, 1973. – 295 с.

20. Рэгіянальны слоўнік Віцебшчыны: у 2 ч. / Л. І. Злобін (рэд.) [і інш.]. – Віцебск: ВДУ імя П.М. Машэрава, 2012. – Ч. 1. – 306 с.; ч. 2. – 2014. – 358 с.

21. Сельская гаспадарка: тэмац. слоўн. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа; склад. В.Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л.П. Кунцэвіч, В.М. Курцова. – Мінск: Беларуская навука, 2010. – 527 с.

22. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: у 5 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – Т. 1: А–Г. – 512 с.; т. 2: Д–Л. – 1980. – 728 с.; т. 3: М–П. – 1982. – 536 с.; т. 4: П–С. – 1984. – 616 с.; т. 5: С–Я. – 1986. – 564 с.

23. Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі: у 2 т. / уклад. Е.С. Мяцельская [і інш.]; пад рэд. Е.С. Мяцельскай. – Мінск: Універсітэцкае, 1990. – Т. 1: А–П. – 287 с.

24. Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны / пад рэд. М.А. Даніловіч, П.У. Сцяцко. – Гродна: ГрДУ, 1999. – 152 с.

25. *Сцяшківіч Т.Ф.* Слоўнік Гродзенскай вобласці. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983. – 671 с.

26. Тураўскі слоўнік: у 5 т. / Акад. навук БССР, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа; склад. А.А. Крывіцкі [і інш.]; рэд. А.А. Крывіцкі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – Т. 1: А–Г. – 255 с.; т. 2:

Д–К. – 1982. – 271 с.; т. 3: Л–О. – 1984. – 311 с.; т. 4: П–Р. – 1985. – 360 с.; т. 5: С–Я. – 1987. – 424 с.

27. Цыхун А.П. Скарбы народнай мовы: з лексікі спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёна. – Гродна, 1993. – 244 с. Ён жа: Скарбы народнай мовы: з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёна. – Гродна, 2014. – 325 с.

28. Чалавек: тэма. слоўн. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа; склад. В.Д. Астрэйка [і інш.]; навук. рэд. Л.П. Кунцэвіч, А.А. Крывіцкі. – Мінск: Беларуская навука, 2006. – 573 с.

29. Шатэрнік М.В. Краёвы слоўнік Чэрвеньшчыны. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1929. – 319 с.

30. Юрчанка Г.Ф. Народная сінаніміка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 280 с.; Юрчан-

ка Г.Ф. Народнае вытворнае слова: з гаворкі Мсціслаўшчыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – А–Л. – 280 с.; М–Р. – 1983. – 304 с.; Р–Я. – 1985. – 334 с.; Юрчанка Г.Ф. Сучаснае народнае слова: 3 гаворкі Мсціслаўшчыны: Слоўнік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1988. – 256 с.; Юрчанка Г.Ф. Сучасная народная лексіка: 3 гаворкі Мсціслаўшчыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – А–Н. – 304 с.; О–П. – 1996. – 304 с.; Р–Я. – 1998. – 351 с. і інш. працы.

31. Янкова Т.С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982. – 432 с.

32. Янкоўскі Ф.М. Дыялектны слоўнік. – Мінск: Выд-ва АН БССР, 1959. – 230 с.; вып. 2. – 1960. – 235 с.; вып. 3. – 1970. – 172с.

УДК 81'282

Лутовинова Ирина Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент
Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б.А. Ларина
Санкт-Петербургский государственный университет
lutovinova39@mail.ru

КОМЫ ПРИЛЕТЕЛИ*

Статья посвящена бытующим в русских говорах народным названиям выпечных изделий, связанных с праздником весны – днем равноденствия (29/9 марта). В народном календаре славян – **Сороки, Жаворонки** (весенняя птица, прилет которой открывает весну, обещает плодородие земли). В церковном календаре этот день имеет название **Сорок мучеников севастианских**. В статье рассматривается ритуальная выпечка, посвященная этому празднику, и ее названия в русском языке и диалектах, в частности, такие как **жаворонки, катышки, клечки, колобаны, кулёмки, сорокашки** и др. Особенный интерес представляет диалектизм **ком/комы**, обозначающий выпечное изделие, зафиксированный в псковских и новгородских говорах. Автор приходит к выводу о том, что праздничная выпечка амбивалентна – праздничное выпечное изделие является одновременно и поминальным.

Ключевые слова: лексикология, диалектология, равноденствие, Сорок мучеников, ритуал, ком, комы, жаворонки.

«Комы прилетели!» – радостно кричали дети в одной из псковских деревень, приглашая семью к чаепитию. Возможно, было это весной, в марте, в день весеннего равноденствия, точнее 22 марта по новому и 9 марта по старому стилю.

Весеннее равноденствие – один из четырех главных праздников года в древней русской ведической традиции, а в православной христианской культуре – это праздник «святые сорок мучеников», называют его еще **Сороки**. С этого момента световой день становится длиннее, а солнце прогоняет зиму. Считается, что с приходом весны и поворотом солнца на лето возвращаются души предков, которые улетали на зиму. Прилетают они, по поверьям, на крыльях птиц, которые возвращаются в родные земли. «В различных мифопоэтических традициях птицы выступают как неприменный элемент религиозно-мифологической системы и ритуала» [4, т. 2, с. 348]. «В народных песнях весеннего цикла сохранялся мотив отмыкания ключом Вырия, откуда прилетают птицы» [4, т. 1, с. 254]. Вырий – в восточнославянской мифологии – древнее название рая и райского мирового

древа, у вершины которого обитали птицы и души умерших. Характерна связь птиц с Вырием, заморской райской страной. По традиции, в день весеннего равноденствия птиц выпускали на волю [4, т. 2, с. 348].

У православных христиан этот день получил название «Сорок мучеников». В записях народной речи, собранных В.И. Далем, есть текст: «На 40 мучеников день с ночью меряется, равняется: это вторая встреча весны. Зима кончается, весна начинается. Сорок мучеников, еще сорок утренников. 40 морозов после 40-ка мучеников» [1, т. 4, с. 275].

Кто же такие сорок мучеников? В 313 г. римский император Константин издал указ о свободе вероисповедания для христиан, но его соправитель Ликий в своей части империи решил искоренить христианство. В то время в армянском городе Севастии под началом язычника Агриколая была дружина храбрых воинов из 40 каппадокийских христиан. Они отказались принести жертву языческим богам. Христиан долго мучили, а затем раздели и поставили на лед озера на всю ночь (их было 39 человек). Ночью бодрствовал один стражник, который уви-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-04-00213 ««Псковский областной словарь с историческими данными»».

дел, что над головами мучеников появились светлые венцы. Он сбросил одежду и крикнул: «И я – христианин» и присоединился к ним. Так стало Сорок мучеников севастиийских (христиан), которых язычники замучили до смерти [6, с. 165].

Также В.И. Даль записал: «На 40 мучеников 40 птиц прилетают; сорок пичуг на Русь пробираются. Прилет жаворонков. На Сороки прилетел кулик из заморья, принес весну (воду) из неволья» [4, т. 1, с. 254]. Люди с радостью встречают прилетающих птиц. Дети бегут закликать жаворонков, а с ними и весну: «Жаворонки, прилетите. Студену зиму унесите. Зима нам надоела. Весь хлеб у нас поела. [2, с. 162].

С этим праздником связана выпечка ритуального печенья, которое называлось «жаворонки» [4, т. 2, с. 348]. Жаворонки как выпечное изделие широко известно в кулинарной традиции русских. Слово *жаворонки* как название выпечного изделия в кулинарной и ритуальной традиции зафиксировано словарями литературного языка: в словаре Д.Н. Ушакова с пометами *разг. устар.* [8, т. 1, стб. 842]; в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой с пометой *устар.* Думается, что помета *устар.* не совсем правомерна. Ведь если праздник церковный, то и названия обрядовой еды известны и употребительны. К тому же слово *жаворонки* в значении «выпечное изделие» известно всем русским говорам, в словаре В.И. Даля географических помет нет [1, т. 1, с. 524]. Приведем диалектный материал из картотек, хранящихся в Санкт-Петербургском университете на филологическом факультете в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б.А. Ларина: *Эта пякут в марту мѣсяцѣ, девятава марта Сорак мученикаф, бываит, пякут этаки птички, сорак птичек, и запякают денѣги – вот эта жаваранки и бывають (КПОС); В Сороки пекли птёушки с глазками, денежку запекали. Птёушечек мама пекла в Сороки, сорок сорокоф – сорок мученикоф (КСелигер).* В птичку запекали сюрприз, чаще денежку. В народе считают: «кому доставался жаворонки с сюрпризом, принадлежит честь быть засевальщиком», т. е. разбрасывать первые пригоршни зерен во время предстоящего сева [2, с. 163].

Жаворонки выпекали как из песочного теста, придавая изделию форму птичек с глазками из изюма и хвостиком, так и из дрожжевого, которому форму птички придать труднее. Один из рецептов выпечки таков: жгутики из дрожжевого теста накладываются друг на друга по кругу и в высоту, затем вставляется глазок (изюминка). В результате получается аппетитная и красивая булочка. Их должно быть 40, по числу 40 Севастиийских мучеников.

В день весеннего равноденствия, в праздник Сорока мучеников, русские пекли не только жаворонки. В русских говорах известны и другие изделия из теста:

сорокашки: Сорокашки пекли в Сороки, запекали кресток, уголёк или копеечку (КСелигер); кулёмки: Празник есь у нас Сороки, варим кулёмки [в кипяток бросают кусочки теста], в одну кулёмку закатают капеечку. Каму ана пападётся, тот засивать буде [3];

катышки: Катышки пекли на Сорок мученикоф (КСРГК);

клёчки: Клёчки пикут на Сороки святых. Раньше такие клёчки пякли с афсянай муки. Раньше у Сороки калабаишки пякли;

сороки: Сороки пякли в день Сорокаф – день Сарак мученикаф – эта малинькиш булочки биз начинки;

колобы, колобаны ‘небольшие круглые хелбцы’: На Сороки святые пекут 40 колобанов [1, т. 1, с. 275; т. 2, с. 138];

комы, мн.: ‘маленькие булочки, приготовляемые 9 марта (по ст. стилю) в количестве 40 штук в память 40 мучеников’ – слово отмечено пометой *пск.* и *новг.* в Словаре русских народных говоров [7, вып. 14, с. 240] и в Словаре В.И. Даля [1, т. 2, с. 149] с пометой *пск.*

Хотелось бы подробнее остановиться на слове *комы*. Слово *ком* в русском языке имеет значение ‘уплотненный округлый кусок чего-н. мягкого, рыхлого’. Булочка из дрожжевого теста внешне представляет собой округлый кусок поднявшегося на дрожжах теста, который напоминает нахохлившуюся птичку, тем более что глаз-изюминка в комы вставляется обязательно. Добавим, что в Словаре В.И. Даля [1, т. 2, с. 149] у слова *ком* есть значение ‘птица без хвоста’, что еще больше подтверждает номинацию выпечного изделия.

В заключение отметим, что значение этого выпечного изделия в культуре амбивалентно, как и многое в православной обрядовой кулинарии. С одной стороны, это встреча весны, жизни, солнца, с другой – поминальный обряд.

Сокращения

КПОС – картотека Псковского областного словаря с историческими данными; *КСелигер* – картотека Словаря Селигер; *КСРГК* – картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей.

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1880–1882.
2. Колесникова В.С. Русские православные праздники. – М.: Крон-пресс, 1996. – 334 с.
3. Лутовинова И.С. Диалектизм *кулёма* и производные от него в русских народных говорах // Севернорусские говоры. Вып. 9 / отв. ред. А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – С. 30–39.

4. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Совет. энцикл., 1987–1988.

5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1995. – 907 с.

6. Православный календарь для семейного чтения. – СПб.: Титул, 1995. – 736 с.

7. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–/ гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965– .

8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

УДК 81'373.21

Мезенко Анна Михайловна

доктор филологических наук, профессор
Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
mezenka1@yandex.ru

НАИМЕНОВАНИЯ ТОПОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ПРЕДЕЛАХ ПОСЕЛЕНИЯ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье впервые выявляются три вида онимных единиц, используемых для называния топографических объектов в границах населенного пункта, – урбанонимы, виконимы, хортенсионимы; устанавливается, что конкретная реализация данных видов онимов характеризуется рядом специальных черт, выявляемых на разных языковых уровнях – лексико-семантическом, номинационном, структурном, грамматическом, лингвокультурологическом.

К признакам, дифференцирующим урбанонимию, виконимию и хортенсионимию, относятся: диапазон названий, отвечающих разным принципам номинации, степень продуктивности моделей атрибуции, количество и соотношение между собой простых и сложных структурных типов названий, набор номенклатурных терминов, использование форм существительных в составе проприальной части названий, уровень прецедентности онимов, на базе которых сформированы названия, ориентационные приоритеты жителей поселений.

Утверждается, что перечисленные разновидности наименований топографических объектов в пределах поселения следует рассматривать как автономные разряды внутриселенческих названий, репрезентирующие сектор конлокационимов.

Ключевые слова: виконим, внутриселенческая номинация, гидроним, топоним, урбаноним, хортенсионим, конлокационимия.

Одно из главных направлений многогранного научного творчества доктора филологических наук, профессора Костромского государственного университета Нины Семёновны Ганцовой, известного исследователя в области диалектологии, истории и теории русского и других славянских языков, связано с изучением говоров той части русской территории к северо-востоку от Москвы, на которой шло формирование русской государственности и складывались основные черты русского литературного языка [1]. Как справедливо подчеркивает ученый, для полного и объективного понимания «языкового пространства необходимо углублённое и многостороннее знание специфики всех его элементов» [2, с. 4]. Поэтому совершенно очевидно, что необходимость исследования регионального материала, в том числе ономастического, продолжает оставаться актуальной задачей лингвистики, в частности ономастики (урбанонимики, виконимики и хортенсионимики как ее разделов).

Развитие и совершенствование любой научной дисциплины всегда сопровождается трансформацией ее понятийного аппарата: она не может существовать без собственной, строго организованной терминологической системы. Появление новых, ранее неизученных объектов исследования делает необходимым установление особенностей их функционирования, выявление номинативной

специфики и др. Так, топонимное пространство условно подразделяют на секторы, выделяемые на основе характера связи имен с именуемыми объектами: гидронимию, ойконимию, оронимию, хоронимию, инсулонимию, некронимию и др. По этому же признаку каждый из секторов в свою очередь подразделяется на более мелкие разряды, в результате чего в пределах гидронимии различают океанонимию, потамонимию, лимнонимию, гелогимию; в пределах ойконимии – астионимию, комонимию и т. п.

Но это лишь один из путей развития – дробление объекта анализа. Есть и другой путь, при котором «акцент делается на поиске обобщающего начала для уже существующего корпуса онимов...» [11, с. 39].

В качестве объекта исследования в статье избран сектор топонимного пространства, включающий номинации топографических объектов внутри поселений разного типа.

Исследование этой системы названий важно прежде всего для изучения внутриселенческих процессов, а также для типологических сопоставлений.

Актуальность работы обусловлена и тем, что данный сектор топонимов пока не подвергался специальному рассмотрению.

Цель данного исследования – путем выявления сходств и отличий между урбанонимами, викони-

мами и хортенсионимами определить статус, важнейшие приметы, типологические особенности системы внутриселенческих номинаций.

В 1965 и 1972 гг. соответственно входят в научный оборот термины *урбанонимия* и *урбаноним* [10, с. 167, 187].

В 1991 г. появляется первая диссертационная работа, посвященная исследованию путей формирования и современного состояния урбанонимной системы на примере урбанонимии Беларуси [6], в которой был определен статус урбанонима в ономастике, выявлены границы урбанонимного пространства, определены структурные, урбанонимобразовательные, семантические типы урбанонимов и их ареалы, показаны особенности проявления принципов номинации в разных урбанонимных полях, установлены критерии оценки наименований и переименований городских объектов.

В диссертации Е.А. Сизовой «Лингвокультурологический анализ урбанонимов», защищенной в 2004 г. [9], указанные термины использованы при сопоставлении систем названий внутригородских объектов Москвы, Лондона и Парижа.

В это же время система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII – XX вв. на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля активно разрабатывается Р.В. Разумовым [8].

До первого десятилетия XXI в. неразработанной оставалась такая сфера онимического пространства, как названия внутрисельских объектов. Поэтому впервые предложенный и обоснованный нами в докладе, прочитанном на XV Общепольской ономастической конференции «Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze», проходившей в Кракове 21–23 сентября 2006 г. [4], вполне закономерно появляется термин *виконим*, под которым мы понимаем собственное имя любого внутрисельского топографического объекта, как ныне существующего, так и использовавшегося в предшествующие эпохи.

К настоящему времени система внутрисельских названий, или виконимия, получила монографическое описание в кандидатской диссертации М.Л. Дорофеенко «Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты» [3]. В работе впервые определена номинативная специфика виконимии, в лингвогеографическом плане представлены семантические особенности виконимии, смоделирован фрагмент частной разновидности ономастической картины мира – виконимической, выявлен комплекс кодов культуры, реализуемых виконимией Беларуси.

Существует и еще один тип поселений – садоводческие товарищества, названия объектов которых – большая и не изученная пока область топонимии. Для номинации объектов, расположенных в пределах данного типа поселений, нами в 2014 г.

был предложен термин *хортенсионим* – ‘собственное имя любого топографического объекта в пределах садоводческого товарищества’ [5]. Полагаем, форма его, образованная от лат. *hortensius* ‘садоводческий’ и греч. ὄνομα – ‘имя’, удачно соответствует описываемому разряду онимов и существующим критериям оценки термина [7, с. 11–12].

Каждое из рассмотренных полей внутриселенческих названий объединяет названия разнородных объектов, расположенных в пределах населенных пунктов разного типа: урбанонимы, виконимы, хортенсионимы. С одной стороны, урбанонимия, виконимия, хортенсионимия представляют собой определенным образом организованное единство, поскольку функционируют внутри населенных пунктов, и с этой точки зрения должны иметь специальный термин, который бы отличал их, скажем, от гидронимии, ойконимии и др. (на наш взгляд, успешно соответствует предъявляемым к образованию нового термина требованиям *конлокационимия* (от лат. *conlocationem* – ‘поселение’), с другой – все они обладают ярко выраженной спецификой. Для подтверждения автономности названных разрядов топонимов следует выявить сходства и различия, существующие между ними.

Выделим несколько параметров, дифференцирующих урбанонимы, виконимы и хортенсионимы.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР

Среди лексико-семантических отличий – несовпадение порядка следования использованных принципов номинации внутригородских, внутрисельских и внутрисадоводческих объектов. Так, в урбанонимии названия, отвечающие разным принципам номинации, имеют следующий диапазон: в 53,7 % наименований задействован принцип номинации объекта по отношению к другим объектам (*Витебская ул.*); в 33,6 % – принцип номинации объекта по его связи с человеком (*ул. Марка Шагала*); в 6,5 % – принцип номинации объекта по его свойствам и качествам (*Луговая ул.*); в 6,2 % – принцип номинации объекта по связи с абстрактным понятием (*Социалистическая ул.*).

Виконимия характеризуется иным диапазоном названий, отвечающих разным принципам номинации: 49,1 % из них соответствует принципу номинации объекта по его свойствам и качествам (*Полевая ул.*); 29,6 % – принципу номинации объекта по отношению к другим объектам (*Брестская ул.*); 11,6 % – принципу номинации объекта по его связи с человеком (*ул. Мاستрюкова*); 9,7 % – принципу номинации объекта по связи с абстрактным понятием (*Советская ул.*).

Для хортенсионимии свойствен свой диапазон названий, отвечающих разным принципам номинации: 85,5 % названий соотносится с принципом номинации объекта по его свойствам и качествам (*Маленький пер.*); 12,1 % – с принципом номина-

ции по тематическому соответствию названий объектов наименованиям конкретного садового товарищества (*Паровозная ул., Тепловожная ул., Электровожная ул.* в садовом товариществе «Локomotif»); 2,9 % – с принципом номинации объекта по связи с абстрактным понятием (*Радостный пер.*); 1,0 % – с принципом номинации объекта по отношению к другим объектам (*Шумилинский тупик*); 0,5 % – с принципом номинации объекта по его связи с человеком (*2-я ул. Мичурина* – садовое товарищество «Мичуринец»).

НОМИНАЦИОННЫЙ ПАРАМЕТР

В рамках номинационных отличий выделяется несовпадение степени продуктивности моделей атрибуции в перечисленных разрядах внутриселенческих наименований. Обусловленные разной грамматической принадлежностью компонентов проприальной части названия, модели первичной атрибуции наиболее широко представлены в урбанонимии и располагаются там в следующем порядке: 1) прилагательное с суффиксом *-ск* + номенклатурный термин (далее НТ): *Кобринская ул.*; 2) прилагательное с суффиксом *-н-* + НТ: *Дальняя ул.*; 3) прилагательное с суффиксом *-ов/-ев* + НТ: *Кленовая ул.*; 4) конфиксальное прилагательное + НТ: *Загородная ул.*; 5) непроизводное прилагательное + НТ: *Узкий пер.*; 6) сложное прилагательное + НТ: *Краснознаменная ул.*

В виконимии на первое место выходит вторая модель (*Северная ул.*), далее следует третья (*Полевая ул.*) и только затем первая модель (*Могилевская ул.*).

В хортенсионимии поменялись степенью продуктивности первая и вторая урбанонимные модели.

Первичная атрибуция генитивом, так широко представленная в урбанонимии (*ул. П. Бровки*), в виконимии используется в три раза реже (*ул. Я. Купальи*) и почти отсутствует в хортенсионимии (*ул. Мичурина*).

Объясняемые прежде всего размерами поселения, такие модели, как первичная атрибуция номинативом (*ул. Немига*) и порядковым числительным (*Вторая линия*), в пределах виконимии и хортенсионимии распространения не получили.

Как свидетельствуют результаты нашего исследования, вторичная атрибуция наиболее распространена в урбанонимии и хортенсионимии.

СТРУКТУРНЫЙ ПАРАМЕТР

Из структурных акцентируем внимание на трех отличиях:

1) не совпадает количество самих структурных типов: в урбанонимии в настоящее время задействованы тринадцать, в виконимии активно используются только два простых – атрибутивный и генитивный, в хортенсионимии применяются из простых – атрибутивный, из сложных – нумеративно-атрибутивный;

2) в хортенсионимии количество сложных единиц в 2,6 раза превышает количество простых; в виконимии – наоборот: количество простых по структуре названий значительно превышает количество сложных; в урбанонимии исследуемое соотношение ближе к хортенсионимии, чем к виконимии;

3) разнится набор номенклатурных терминов. Так, в урбанонимии их задействовано около двадцати; в виконимии десять, в хортенсионимии – преимущественно два: *улица* и *переулок*. Разница объясняется величиной населенных пунктов и соответственно расположенных в них линейных объектов.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР

В рамках грамматических отличий подчеркнем заметное несовпадение в использовании форм существительных в составе проприальной части названий. Так, если в урбанонимии на долю наименований, включающих в свой состав имя существительное, приходится приблизительно 35–37 % единиц, то в виконимии – только 7,6 %, а в хортенсионимии – всего около 1 %.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТР

Являясь результатом культурного развития народа, система внутриселенческих названий выступает частью ономастической картины мира и отражает восприятие окружающего мира языковой личностью. Среди лингвокультурологических отличий – разница в уровне трансляции информации об окружающем пространстве, культуре и истории народа. Так, в урбанонимии многие внутригородские названия отмечены национальной или планетарной прецедентностью, в то время как в виконимии и хортенсионимии – региональной и даже зональной. По этому параметру виконимия сближается с хортенсионимией, но дистанцируется от урбанонимии.

В разных разрядах внутриселенческих названий отмечается несовпадение ориентационных приоритетов. Так, если преимущественными ориентирами в урбанонимии выступают наименования архитектурных сооружений, то в виконимии – земельных территорий, имеющих хозяйственную важность. В хортенсионимии же наиболее многочисленны названия, в которых в качестве мотиваторов выступают наименования самого садового товарищества.

Таким образом, несмотря на то, что внутригородские, внутрисельские и внутрисадоводческие названия имеют во многом схожее строение и принципы номинации, им свойственны пять типов отличий: лексико-семантические, номинационные, структурные, грамматические, лингвокультурологические.

Все перечисленные разновидности наименований топографических объектов в пределах поселения, обладающие как общими, так и яркими

индивидуальными характеристиками, следует рассматривать как автономные разряды внутриселенческих названий, репрезентирующие сектор конлокационимов.

Изучение наименований топографических объектов, функционирующих в пределах поселений различных типов, в сопоставительном аспекте представляет дополнительный материал для выявления не только различий, но и общих тенденций.

Библиографический список

1. *Ганцовская Н.С.* Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии. – СПб.: Наука; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 228 с.; Ганцовская Н.С. Место говоров Костромского акающего острова в культурно-этническом и диалектном пространстве русского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Русская филология. – 2008. – № 3. – С. 6–11 и др.
2. *Ганцовская Н.С.* Лексика говоров Костромского акающего острова (проблемы типологии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ярославль, 2008. – 44 с.
3. *Дорофеев М.Л.* Виконимия Беларуси: номинативный, лингвогеографический, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2015. – 28 с.
4. *Мезенко А.* Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы // *Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze / pod red. Aleksandry Cieślukowej, Barbary Czopek-Kopciuch i Katarzyny Skowronek.* – Kraków: Wyd. PANDIT, 2007. – S. 379–390.
5. *Мезенко А.М.* Хортенсионим как вид топонима: статус, особенности функционирования // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер.: Филология. Социальные коммуникации. – Симферополь, 2014. – Т. 27 (66). – № 2. – С. 75–79.
6. *Мезенко А.М.* Урбанонимия Белоруссии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Минск, 1991. – 35 с.
7. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
8. *Разумов Р.В.* Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII – XX вв. (на примере городов Костромы, Рыбинска и Ярославля): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2003. – 26 с.
9. *Сизова Е.А.* Лингвокультурологический анализ урбанонимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2004. – 28 с.
10. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – М.: Либроком, 2009. – 368 с.
11. *Супрун В.И.* Объект ономастического анализа: границы дробления и перспективы интеграции // Ономастика Поволжья: материалы XIII Междунар. науч. конф., Ярославль, 13–14 сентября 2012 г. / Ярослав. гос. пед. ун-т; под ред. Р.В. Разумова, В.И. Супруна. – Ярославль, 2012. – С. 39–42.

Михайлова Любовь Петровна
кандидат филологических наук, доцент
Петрозаводский государственный университет
posnm87@bk.ru

ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА («Словарь говоров Костромского Заволжья» Н.С. Ганцовской)

*Известный диалектолог Н.С. Ганцовская многие десятилетия изучает костромские говоры, относящиеся к севернорусскому наречию, но имеющие своеобразные черты, которые свидетельствуют о связях с другими диалектами. Сложное внутреннее ареальное членение костромских говоров, обусловленное древними миграционными процессами, этническими контактами, в значительной степени отражается на составе лексики региона, которая представлена в «Словаре говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовской. В настоящей статье дается характеристика лексического состава данного словаря в сопоставлении с лексикой других территорий. Особо выделяется группа слов, известных только говорам Костромского Заволжья. Приводятся примеры слов, переходящих из литературного языка в диалект, подчеркивается неразрывная связь разных сфер употребления слова. Слова с древним корнем -уд-, зафиксированные словарем, позволили внести уточнения в этимологию слова **обудоха**, представленную ранее. Словарь Н.С. Ганцовской – ценный вклад в русскую диалектную лексикографию.*

Ключевые слова: Н.С. Ганцовская, диалектная лексикография, этимология, литературный язык и говоры, Костромской регион.

Слово является одной из ярких форм отражения истории и культуры народа. Лексикографические труды, представляющие значение слова в его привязанности к определенному периоду, к памятнику письменности, в том числе и современные толковые словари русского языка, во всей их совокупности выступают как свидетели социальных, исторических и этнокультурных процессов, происходящих в течение тысячелетий, начиная с дописьменной эпохи. Особое место в лексикографии занимают диалектные словари, с помощью которых описывается региональная картина жизни населения, местным колоритом выделяющаяся в общем лингвистическом и культурно-историческом пространстве. И кажется, чем меньше территория, тщательно обследованная собирателями и составителями словаря, тем большее своеобразие проявляется в лексическом составе говора.

Междуречье рек Костромы и Унжи, говорам которого посвящен словарь Н.С. Ганцовской, неслучайно избрано в качестве объекта описания. Отмечаемое исследователями многообразие ареальных микрозон в пределах Костромской области, которые можно определить как внутрорегиональные культурные микрозоны, имеет историческое обоснование [14, с. 472–475]. Междуречье в историческом и археологическом отношении интересно тем, что входит в «ареал культуры сетчатой керамики» [10, с. 495]. Материалы разных гуманитарных наук, касающиеся исторической географии Ярославско-Костромского Поволжья, свидетельствуют о том, что на данной территории «в эпоху, предшествовавшую появлению здесь славян, доминировал финно-угорский историко-культурный тип» [10, с. 495]. Закljučая исторический очерк Костромского края, Н.С. Ганцовская обращает внимание на сложные миграционные процессы: «Как кажется, демогенезис изучаемого нами края

в исторический период отличается особой причудливостью: тут проходили и в какой-то степени задерживались члены разных этнических группировок. Вместе с тем в речи автохтонного населения откладывались и какие-то приметы говоров проходящих потоков населения» [9, с. XIII].

О соседстве в далеком прошлом носителей разных языков на описываемой территории свидетельствует тот факт, что в одной тематической группе сочетаются слова разного происхождения. Например, среди названий валяной обуви представлены такие лексемы, как *катаники* ‘тонкие валенки домашней катки’ Солиг. (Копосово, М. Токарево, Верховье, Совета), *катанки*, *катаньки*, *катанцы*, широко распространенные не только на смежной территории, но и в русских говорах вообще [23, вып. 13, с. 123], – с одной стороны, и *няры* ‘валенки, обшитые кожей’ Солиг. (Коровново), ограниченное не только в пределах междуречья Костромы и Унжи, но и русского языкового пространства в целом, – с другой стороны: *няры* ‘войлочные сапоги с кожаными подошвами’ Перм., 1848, ‘охотничьи короткие сапоги с опушкой и загнутыми сверху носами из оленьей кожи’ Перм., 1857, Свердлов. [23, вып. 21, с. 335]. Русскому *катаники* противопоставлено финно-угорское *няры*, возникшее на базе ханты *ńara* ‘обувь’ [26, т. 3, с. 94].

В данной статье сосредоточим внимание на *составе* «Словаря говоров Костромского Заволжья» Н.С. Ганцовской, в течение многих десятилетий исследующей костромское народное слово [5; 6; 7; 8; 9]. Обратим внимание на некоторые группы лексики и отдельные слова, изучение которых интересно в разных аспектах. Особо отметим узкорегиональную лексику, определяющую отличия данного словаря и его место среди лексикографических трудов.

1. Своеобразие лексического состава описываемой территории проявляется в наличии слов,

как правило, отсутствующих в других говорах. В словаре Н.С. Ганцовской зафиксировано большое количество слов, отсутствующих в СРНГ. Например, в отрезках на буквы А и Б к ним относятся: *агафонить, агафонщина, ад бездённый, а́хма, бабату́хи, бабауха, багунёц, баёшник, бакла́чина, балаболешник, баланёц, балани́на, бала́ска́ться, бала́чка́ться, ба́лдыш, балы́кать, бараба́лка, барахли́ться, барю́та, бастей, бастин, бахва́литься, ба́хрится, башлы́чок, башма́чница, безба́тешный, безве́дреница, безве́дренный, безде́тошная, безде́нный, безоша́дник, безму́жняя, белёный суп, белобиле́тник, белова́я земля, белогу́с, беломы́шечная, беломы́шка, белоту́рка, бельца́, бе́рдечко, бережня́к* и др.

Среди них имеются новообразования, возникновение которых может быть обусловлено усвоением терминологии иноязычного происхождения, вошедшей в обиходно-бытовую речь. Ср. слова *анатомить, атомиро́вать*, в которых произошло усечение морфемного состава слова за счет выпадения одного или двух слогов, и общеизвестное *анатомиро́вать*. Происходит и изменение облика слова по причине фонетических замен. Например, *бамбасе́я* ‘леденцы, монпансье’ Солиг. (Гнездиново), ср. *монпансье́* ‘сорт фруктовых душистых леденцов; леденцы этого сорта’ [24, т. 6, с. 1241].

2. Словарь Н.С. Ганцовской отражает динамические процессы, происходящие в лексическом составе русского языка. В нем представлены некоторые слова, известные литературному языку более раннего периода, воспринимаемые в настоящее время в качестве ареально ограниченных. К таковым относятся лексемы *ба́кены, ба́ки* ‘бакенбарды’, активно используемые русскими писателями XIX в. наряду с *бакенба́рды* [24, т. 1, с. 247–248], входящие в современный синонимический ряд, в котором слово *ба́кены* является устарелым [2, с. 29]. Включение указанных слов в дифференциальный словарь продиктовано, по всей вероятности, их редкой употребительностью (и в связи с этим редкой фиксацией), что может говорить о неких «сдвигах» в лексической системе говора под влиянием литературного языка, испытывающего, в свою очередь, изменения в употреблении данных лексем.

Неустойчивость сферы употребления, места и времени бытования некоторых слов отражает процессы историко-культурного и социального характера. Например, галлицизм *балётка* известен с середины XIX в. в значении ‘балетная коробка, чемоданчик (для балетных принадлежностей)’ [12]. Слово *балётка* ‘маленький чемоданчик типа сумки’ бытует в говорах Буйского района: *Мы, помню, все с балетками в школу ходили, модно было*. Данная лексема может характеризоваться как своеобразный культурный историзм, который эпизодически появляется в микросистемах русского языка. Слово *балетка*, не отмеченное в словарях

Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, в 17-томном ССРЛЯ, употребляется в художественной литературе конца XX – начала XXI в. [12]. По всей вероятности, распространение моды на балетки не было повсеместным. Слово *балётка* не представлено в словаре псковских говоров, но зафиксировано в брянских говорах в значении ‘небольшая дамская сумка’ [19, с. 27], в архангельских – ‘ручная сумочка’ Карг., Мез., Нянд., Прим [3, вып. 1, с. 103].

Переход из одной сферы употребления в другую обнаруживается и в жизни жаргонных слов, например, слово *бары́га* ‘базар’ Буйск., Солиг., Чухл., Яросл., ‘торговец-спекулянт’ Солиг., Чухл., Яросл. [8; 29, вып. 1, с. 38] не представлено в других диалектных словарях, а также в ССРЛЯ, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, но отмечено в современном словаре: «*Бары́га* м. и ж. разг.-сниж. Тот, кто занимается спекуляцией» [13, т. 1, с. 69].

Глубокий интерес автора СГКЗ к истории родного края, отраженной в слове, проявляется и в использовании местных краеведческих материалов XIX в., характеризующих особенности жизненного уклада костромичей. В этом отношении интересно выражение *берёзовая лапша* ‘порка березовыми листьями, которой подвергается провинившийся или прогулявший все деньги «питерщик», возвратившийся принудительно по этапу в деревню’: «(Каждый этапник) приговаривается обыкновенно волостым судом или аресту или к березовой лапше»¹. Подобные материалы ярко дополняют картину социально-экономической жизни и быта костромичей в дореволюционной России. Ср. известное выражение *накормить кого березовой кашей*, отмеченное В.И. Далем в значении ‘постегать’ [11, т. 1, с. 83], а также сочетание *березовая каша* ‘розги’, являющееся устарелым в литературном языке [27, с. 196], но сохраняющееся в некоторых говорах, например, в пермских [22, вып. 1, с. 88]. Отсутствие некогда общеизвестного сочетания даже в словарях полного типа – ПОС и СБГ – подчеркивает подвижность современных диалектных лексических систем, выражающуюся, в частности, в редком и территориально ограниченном использовании устарелых слов и выражений литературного языка, в замене их эквивалентами, в изменении семантической структуры.

3. В СГКЗ содержится богатейший материал по духовной культуре местного населения, отраженной в слове. Зафиксированы и такие слова, которые в сравнении с литературными лексико-фонетическими соответствиями имеют символическую семантику, основанную на представлении о возможности нереального действия, явления. В качестве примера приведем слово *перера́живание* ‘обряд символического повторного рождения больного ребенка с целью избавить его от болезни’: *Перера́живание надо делать, маленький совсем слабый*. Буйск. Ушаково. Производящую основу находим

в южнорусских говорах: *перераживать* ‘как бы рождасть вновь (при исполнении обрядов, знахарских приемов)’: *Если младенец долго не поправляется по крещении, то надев на родильницу ту рубаху, в которой она родила... перераживают его, т. е. всунув в ворот рубахи, опять принимают как... при рождении... трижды*. Наровч. Пенз. [23, вып. 26, с. 204]. Ср. в литературном языке *перерождать* ‘изменять до неузнаваемости, как бы создавая заново; преобразовать’ [24, т. 9, с. 860].

4. Обнаруживается тесная связь диалектной лексики с фонетическими явлениями. Лексикализация аканья, вероятно, отражена в слове *бажья* ‘детский паралич’ Чухлома, ср. *божья* ‘горячка (болезнь)’, ‘болезнь, причина которой неизвестна; эпидемическая болезнь’ Царев. Казан., *божье* и *божьё* ‘эпилепсия, падухая, злая немочь’ Тул., 1820, *божье* ‘сыпь от золотухи’ Волог. 1898–1902 [23, вып. 3, с. 65]. Перенос ударения на конечный слог, возможно, объясняется влиянием тюркской акцентологической системы, для которой характерно ударение на последнем слоге [25, с. 159]. Слово *баровница* ‘женская шуба со сборками на талии’ Чухл. (Курьяново, Ножкино, Введенское) этимологически связано с *бор-* (> *бар-*), ср. *боры* ‘сборки или узкие, неглубокие складки на какой-либо одежде (юбке, сарафане, шубе и т. п.)’, широко распространенное в русских говорах [23, вып. 3, с. 122]; ср. также наличие фонетических вариантов в русских говорах Мордовии в значении ‘сборки по талии на одежде’: *бары* Пят., Р., *бары* Ин., БИ., *боры* Р., Дуб., Ат., *боры* Мак., Ч. [21, т. 1, с. 19]. Перенос ударения на первый слог, сопровождаемый преобразованием гласного (*o* > *a*), свидетельствует о влиянии иноструктурных, в частности финно-угорских языков.

Устойчива лексикализация других фонетических особенностей, например, потери взрывного компонента аффрикатой ч (> ш), ср. *башовка* ‘небольшой деревянный ящичек для хранения топленого масла’ Чухл. (Лосево) и *бачовка* Твер., *бачовочка* Осташк. Твер. – ‘деревянная точеная стопочка’ [23, вып. 2, с. 162], *бачка* ‘бочонок, бочка’ Леш. Арх. [3, вып. 1, с. 134]. Отражена замена начального мягкого [тʲ] звуком [ч]: *чажо́лый* ‘тяжелый’ Чухл. Тимофеевское, ср. *тяжё́лый*. Возможно, в этом обнаруживается опосредованное влияние тюркских языков, характеризующимся переходом *к* > *ч* и *т* > *ч* [4, с. 528].

В значении ‘растрепанный, непричесанный человек’ отмечается слово *а́хма*: *Поди, в зеркало глянь, ахма!* Парф. (Потрусово). Оно имеет необычный фонемный состав и не отмечено другими словарями с данной семантикой. Вряд ли это слово мотивировано междометиями, выражающими сожаление, досаду, удивление: *ах*, *эх* и т. п., – *ахма́* Кунгур. Перм., Судог. Влад. или *ахма́к* Нижегород. Казан. [23, вып. 1, с. 297]. Более обоснованной представляется

связь со словом *ла́хмы* ‘длинные растрепанные волосы; космы; лохмы’ Ряз. [23, вып. 16, с. 296], имеющим родственную параллель *ло́хмы*². Особо выделим связь слова *лохма* чередованием гласных с укр. *лах* ‘лохмотья’, польск. *lach* ‘лоскутья, лохмотья’ [26, т. 2, с. 524]. Кажущееся странным преобразование *ла́хмы* > *а́хмы* может быть объяснено влиянием фонетической системы иноструктурных языков, предположительно тюркских. Отсутствие плавного согласного в анлауте известно северным и северо-западным русским говорам, ср. в значении ‘десны’, по данным использованных словарей, употребляются лексические единицы *алаки* Пск. Остр. Н.-Рж., *алака́* Мез., Нянд., Пин., Холм. Арх., *ала́ки* Пин., Прим. Арх., *алаки* Прим. Арх., Тер. Мурман., которые имеют исходный вид *ла́лаки* Вытегор., Пудож. Олон., Олон., Холмог. Арх., Волхов. Ленингр., Твер., Йонав. Лит. ССР, Прейл. Латв. ССР, Ыйгев. Тарт. Эст. ССР, Енис. [16, с. 71–72]. К общим чертам консонантной системы тюркских языков относятся «ограничения на встречаемость согласных фонем в позиции начала слова, тенденции к ослаблению начальной позиции, ограничения на сочетаемость фонем. В начале исконного тюркского слова не встречаются *l*, *n*, *λ* (> *š*), *ř* (> *z*)» [25, с. 158]. С этимологическим корнем *лах-* в говорах междуречья Костромы и Унжи известны *лохмата* ‘человек с неприбранными, растрепанными волосами’ Буйск. Ильино, *лохоня* ‘оборванец, оборванка’ Буйск. Талица, а также *лохмоты*, *лохмутя* – о рваной одежде – Буйск., Галич. [8, с. 197–198].

5. Ценность материалов диалектного словаря состоит и в том, что в нем содержатся, как правило, слова с очень редкими корнями, уходящими в глубины истории славянских и индоевропейских языков. К таким словам, представленным в словаре Н.С. Ганцовской, относится глагол *обудова́ться* ‘объесться, переесть’: *Ну, обудовался я вчера на свадьбе-то! Еле дошёл*. Чухл. (Панкратово). Известный псковским говорам глагол *обудова́ться* ‘построить дом для себя’ Себ. [18, вып. 22, с. 428], имеющий исконный корень *буд-а* ‘дом’, следует отнести к междиалектным омонимам. С учетом наличия компонента ‘увеличение в объеме’ к родственным следует отнести новгородский диалектизм *обудит́ся* ‘стать богатым, разбогатеть’ Вол., ‘обзавестись чем-л.’ Мош. [17, с. 685]. Опираясь на эти данные НОС, а также на пск. *обудит́ся* ‘подрумяниться (о пироге)’, Ж.Ж. Варбот восстанавливает праславянский диалектизм **obuditi sę*: «Представляется возможным сложение **ob* и **uditi (sę)*, с развитием значения ‘наливаться (о зерне), зреть’ → ‘наполняться, приобретать’ и ‘доходить до готовности’. Вероятность праслав. древности определяется возможностью квалификации русск. *удить* как праслав. диалектизма» [28, вып. 30, с. 238].

Необходимо сравнение костромской лексемы со словом *обудо́ха*, обозначающим человека, делающего что-либо сверх меры. Вспомним слова из стихотворения Я. Вохменцева:

Чувства меры нету у кого-то –
Говорили: «Обудо́ха он! <...>
Покурить бы – говорят – неплохо!»
Сыплю горсть махорки одному;
«Да куда ты столько, обудо́ха!
На-ко, брат, сгодится самому!»

Ранее проведенный анализ формальных и содержательных элементов лексики, так или иначе близкой к слову *обудо́ха*, оставлял вопрос о его этимологии открытым. При этом по совокупности фонетических и семантических признаков наиболее близкими к лексеме *обудо́ха* оказывались материалы прибалтийско-финских языков, в частности карельского. Высказанное предположение сомнительно: «затруднения вызывает словообразовательная модель, продуктивность которой очевидна, несмотря на *отсутствие в русском языке соответствующей производящей основы*» [15, с. 170]. Теперь, после выхода в свет Словаря говоров Костромского Заволжья Н.С. Ганцовской, нужно внести поправку, а именно: в русском языке сохраняется лексема, содержащая основу, от которой произведено загадочное слово *обудо́ха*. В структуре значения костромского слова *обудова́ться* – ‘объесться, переест’ – представлено именно то звено в цепи семантического развития слова *обудо́ха*, которое приводит к его связи со словом *удить* ‘зреть (о зерне), наливаясь’, а последнее «обычно сближают с и.-е. названием вымени» [26, т. 4, с. 149]. Корень *-уд-* указывает на увеличение в объеме, приставка *об-* на превышение объема. В говорах Заонежья лексема *удить* известна в значении ‘склоняться под тяжестью спелых колосьев (о ржи)’ Медв. Карел., хотя приведенная иллюстрация: «*Рожь потом уж удит*» [20, вып. 6, с. 587] не вполне информативна и подтверждает значение ‘спеть, созреть (о злаках)’ Олон., Лудейноп. Олон., Сузун. Новосиб. [23, вып. 46, с. 299], которое можно рассматривать как первичное. Развитие семантики, вероятно, прошло такой путь, если выделять ядерные семы: ‘зреть’ > ‘становиться тяжелым’ > ‘клониться под тяжестью’.

К родственным следует отнести и слово *обудить*, известное псковским говорам в ряде значений, среди которых ближе к вышеуказанному ‘подрумяниться (о хлебе, пироге)’ Остр., Пушк. [18, вып. 22, с. 428]. Однако данное толкование, на наш взгляд, отражает лишь лежащую на поверхности, несущественную деталь, связанную с выпечкой хлеба. Наше сомнение подтверждается иллюстрацией: «*Хлеп-та большонный сажали на лапатах; выпушыш, бывала, и сажасеш, штоб залы не была. Разрумянице, бывала [хлеб]. А зьдесь хлеп толька што абудифыш*» Остр. [18, вып. 22, с. 428]. Последняя фраза этого текста свидетель-

ствует лишь о такой стадии готовности продукта, при которой еще нет «румянности»: хлеб, вероятно, только испекся, стал пышным, достиг готовности, приобретает нужную форму. Ядерная сема ‘созревание’ (= ‘рост, увеличение объема в процессе развития до готовности’) реализуется в конкретных денотативных проявлениях. В любом случае мы приходим к выводу о том, что в русском языке существует слово с производящей основой, использованной при образовании слова *обудо́ха* (а более раннее предположение о возможности производящей в прибалтийско-финском языке [15, с. 170] следует считать ошибочной).

В дополнение к словам с корнем *-уд-*, видимо, следует привести с не отмеченную в СРНГ костромскую лексему *удь* ‘часть руки от кисти до локтя’: *Уди у него отрубило станком*. Буйск. (Талица). Возможно, ее значение расширяет семантический диапазон слов с корнем *уд-*. Однако иллюстрация, в которой используется именительный падеж множественного числа, дает основания лишь предполагать начальную форму *удь*, в связи с чем возникает необходимость уточнения начальной формы слова. Гнездо слов с корнем *уд-* может быть дополнено сочетанием *как на удах рвать* ‘страстно желать попасть куда-л., к кому-л.’, и ‘изнурять себя тяжелой работой’ Починк. Горьк. 1973, в котором содержится компонент ‘сверх меры’; лексемой *уда* ‘сухожилия, жилы’ Одесск., 2001 [23, вып. 46, с. 264]. Сведения SGKЗ и других словарей показывают важность привлечения всех слов с одинаковым корнем для изучения преобразований семантического, словообразовательного и ареального характера в пределах одного этимологического гнезда.

В целом материалы словаря Н.С. Ганцовской, как и других диалектных словарей, подтверждают мысль Р.И. Аванесова о том, что «многообразие диалектных различий – это живая история, процецированная в пространство, это как бы пространственная проекция пережитых исторических процессов» [1, с. 122]. Лексика говора, представленная в словаре Н.С. Ганцовской, – яркое свидетельство исторического, культурного и этнолингвистического портрета Костромского региона.

Примечания

¹ Данная цитата приведена из произведения Х.Н. Жбанкова «Бабыя сторона. Статистико-этнографический очерк», помещенного в «Известиях Костромского губернского статистического комитета» за 1891 г. (Вып. 8. С. 1–137) [8, с. 19].

² О происхождении пары слов с *-а-* и *-о-* см.: [26, т. 2, с. 467, 524], а также [28, вып. 14, с. 17–18; вып. 15, с. 252–253].

Библиографический список

1. Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. – М.: Просвещение, 1974. – 287 с.

2. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. – М.: Совет. энцикл., 1969. – 600 с.
3. Архангельский областной словарь. Вып. 1– / под ред. О.Г. Гецовой. – М.: Изд-во Москов. ун-та: Наука, 1980– .
4. *Гаджиева Н.З.* Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Совет. энцикл., 1990. – С. 527–529.
5. *Ганцовская Н.С.* Костромское народное слово. Очерки, исследования, эссе, народные рассказы. – Кострома: Изд. сектор облдумы, 2003. – 216 с.
6. *Ганцовская Н.С.* Живое поунженское слово: Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007. – 225 с.
7. *Ганцовская Н.С.* Меткое костромское слово. – 2-е изд. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – 176 с.
8. *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – XXXI, 512 с.
9. *Ганцовская Н.С.* Географический и историко-культурный очерк Костромского Заволжья как части Костромского края // Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – С. VIII–XIII.
10. *Герд А.С.* Исторические границы и ареалы на территории Ярославско-Костромского Поволжья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / А. Алквист, В.А. Булкин, И.Ю. Винокурова и др.; под общ. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – С. 495–496.
11. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.
12. *Епишкин Н.И.* Исторический словарь галлицизмов русского языка. – М.: Словарное изд-во ЭТС, 2010. – 5140 с.
13. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Рус. яз., 2000.
14. *Кондратенко М.М.* Диалектное членение Ярославской и Костромской областей в свете данных русистики // Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / А. Алквист, В.А. Булкин, И.Ю. Винокурова и др.; под общ. ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – С. 468–476.
15. *Михайлова Л.П.* Обудоха (Поиск этимологии загадочного русского слова в лингвистическом пространстве Карелии) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 4. – С. 167–171.
16. *Михайлова Л.П.* Модификация русской лексики в полиэтнической зоне (слова с начальными плавными) // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. – 2016. – № 1/2 (160). – С. 70–77.
17. Новгородский областной словарь / изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2010. – XXVII, 1435 с.
18. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1– / под ред. Б.А. Ларина, И.С. Лутовиновой, М.А. Тарасовой и др. – Л.: СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967– .
19. Словарь брянских говоров. Вып. 1 / ред. В.И. Чагишева. – Л.: ЛГПИ, 1976. – 76 с.
20. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1– / гл. ред. А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994– .
21. Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч. – СПб.: Наука, 2013.
22. Словарь русских говоров севера Пермского края. Вып. 1 / гл. ред. И.И. Русинова. – Пермь: Перм. ун-т, 2011. – 364 с.
23. Словарь русских народных говоров. Вып. 1– / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965– .
24. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
25. *Тенишев Э.Р., Поцелуевский Е.А., Дыбо А.В.* Тюркские языки // Языки народов Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия: в 3 т. Т. 3. – М.: Наука, 2005. – С. 154–168.
26. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1964–1973.
27. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Совет. энцикл., 1967. – 544 с.
28. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1– / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1974– .
29. Ярославский областной словарь: в 10 вып. / отв. ред. Г.Г. Мельниченко. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1981–1991.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ ПОЗДНЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ

В статье представлен опыт работы автора в республиках Поволжья с целью изучения функционирования там русских говоров. Исследование базируется на полевых данных, полученных в ходе экспедиции. Используются лингвогеографические и лексикографические труды по данному региону. Автором был проведен опрос по краткому вопроснику. Лексикон, который зафиксирован в исследуемом регионе, в большинстве случаев не уникален для Средней Волги, значительная часть слов отмечается в соседних областях, образуя единые ареалы.

Ключевые слова: *говоры, позднее заселение, языковые контакты, лингвистическая география.*

В данной работе представлены некоторые итоги работы автора по изучению диалектной лексики в условиях языкового контакта на территории Среднего Поволжья (Республика Чувашия и Марий Эл). Начало заселения этого региона происходило во второй половине XVI века. Можно наметить три основных потока в заселении Среднего Поволжья и Волго-Камья русским этносом: с верховьев Волги, из Владимирской, Костромской, Ярославской, Нижегородской и соседних губерний; с верховьев Камы, из Вятской, Вологодской, Пермской, Новгородской губерний; из центра России – Московской, Тверской, а также Курской, Орловской, Рязанской и соседних губерний. В незначительной степени отмечен украинский элемент.

Русское население, переселившись в Среднее Поволжье, в основной своей массе разместилось в долинах рек Свияги, Волги, Суры, Камы, Казанки, Шешмы, Вятки, Белой следующим образом: 1) переселенцы – носители владимирско-поволжских говоров занимают центральную часть Волго-Камья, в основном территорию Татарии; 2) переселенцы – носители вологодско-вятских говоров занимают территорию Кировской области, Удмуртии, Пермской области, северной части Башкирии, северо-восточной части Марий Эл; более поздние переселенцы – носители южнорусских акающих говоров вклиниваются отдельными островками на территорию Волжско-Свияжского междуречья, Присурья, центральной части Башкирии, ряда районов Ульяновской, Куйбышевской, Челябинской областей [25].

Для анализа лексического состава говоров позднего заселения крайне важны материалы «Атласа русских народных говоров Волго-Камья». Для последнего экспедициями Казанского университета были обследованы населенные пункты Марийской АССР. Всего на территории восточной части Марийской АССР обследовано 39 населенных пунктов. Авторы утверждают, что говоры на этой территории значительно отличаются от говоров соседних районов Татарской АССР [3, с. 40].

Смежные регионы бассейна р. Волги были обследованы для «Атласа русских говоров Среднего

и Нижнего Поволжья», включившего в себя территории Ульяновской, Самарской, Пензенской, Саратовской, Волгоградской областей – 605 населенных пунктов [2]. В этой работе представлено 39 карт¹, хотя составлено было значительно больше и полный свод атласа насчитывает 180 карт. Карты атласа распределяются следующим образом: 12 фонетических карт (сделано 42), 2 грамматические карты (сделано 58). Значительное место в работе занимают лексические карты – 14 единиц: № 23 «Место под домом, хозяйственными постройками, садом, огородом»; № 24 «Название крестьянского дома»; № 25 «Название чердака»; № 26 «Название посуды, в которой растворяют тесто»; № 27 «Употребление слов ковш (ковшик), корец»; № 28 «Чем вынимают горшки из русской печи»; № 29 «Соотношение слов сковородник и чапельник (цапельник)»; № 30 «Название быка-производителя»; № 31 «Название петуха»; № 32 «Соотношение названий овцы с корнями -ягн-, -кот-»; № 33 «Корова мычит, ревет и т. п.»; № 34 «Собака лает, брешет»; № 35 «Диалектные названия льдин»; № 36 «Название вечернего собрания молодежи в помещении». Имеются также три семантические карты: № 37 «Диалектные слова со значением “говорить”, “разговаривать”»; № 38 «Диалектные слова со значением “недавно”»; № 39 «Диалектные слова со значением “очень”».

Следует отметить, что на территории Среднего Поволжья (Республика Чувашия и Марий Эл) и ниже по течению реки Волги диалектный ландшафт представляет собой довольно пестрый конгломерат севернорусских, южнорусских и среднерусских говоров, что затрудняет их исследование и репрезентацию. Так, например, территория атласа юго-востока европейской части России, примыкающая к ней территория атласа Волго-Камья, представляет собой образец сосуществования диалектов с различной основой. По материалам 10-го тома атласа русского языка было обследовано 950 населенных пунктов, показывается доминирование говоров с южнорусской основой [14, с. 261].

Весьма интересно было проанализировать неисконную составляющую наших материалов [см.: 16], полученных в ходе полевых исследований в Среднем Поволжье. На основе анализа карты

№ 14 «Помещение для содержания скота» была предпринята попытка выяснения возможных лексических различий между акающими говорами Чувашии и окающими Марий Эл. Полученные результаты подтвердили различие говоров этих территорий. На территории Чувашии фиксируются лексемы **конюшня**, **конюшник**, **конюшка**, которые отсутствуют в Марий Эл. И хотя на первый взгляд это гнездо имеет прозрачную мотивацию, относящуюся только к лошади, полученные контексты свидетельствуют о том, что данные наименования соответствуют теме карты. Подтверждается это и лексикографическими источниками, ср. данные СРНГ: **коню'шня** 'помещение (обычно утепленное) для скота' Лунин. Пенз., 1945–1950. Новг., Ленингр., Свердл., Заурал., Новосиб.; 'помещение для крупного скота' Саратов., Курган., Киров., Калинин., Том., Арм. ССР; 'помещение для коров или мелкого скота' Пенз., Ворон. Ряз., Свердл., Том. [22, вып. 14, с. 278]. Отмечается одно заимствование **карда**, фиксируемое в говорах обеих республик. Ср. также: **ка'рда** 'скотный двор' Казан. (Арышхазда) [5, с. 32]; **ка'рда** широко представлено в регионе, ср. также данные СРНГ: **ка'рда** 'ограда из жердей вокруг огорода' Перм.; **ка'рды** 'ограда из жердей, сделанная в поле' Челябин., 1930; **ка'рда** 'скотный двор, баз, базок, варок, легнее стойло, загородь для скота' Оренб. [8]; **ка'рда** 'огороженное место для дневного содержания скота' Козьмодемьян. Казан., 1849. Южн. Самар., Симб., Куйбыш., Тамб., Оренб., Уфим., Вост., Костром., Пенз., Вост. Мар. АССР, Челябин. Перм., Южн. Урал, Свердл. [22, вып. 13, с. 84–85]. Данный материал имеет соответствия как в тюркских, так и в финно-угорских языках, ср. чуваш. *карта* 'изгородь, загородь; хлев (не бревенчатый)', при татар. *киртә*, башк. *кәртә* 'изгородь, ограда; загородка; хлев' с возможной мотивацией на тюркской почве [27, вып. 1, с. 232]. Ср. также татар. *карды*, башк. *карзы* 'загон для скота' [10, с. 132]. Финно-угорский материал также обширен, ср. коми *карта* 'хлев', 'крестьянская надельная земля', коми удор. 'часть дома, где находится дом с сеновалом' [24, с. 149]. Вихман считает коми слово древним чувашским заимствованием [35, с. 69]. Авторы КЭСРЯ рассматривают коми *карта* 'дом, хозяйство' как заимствование из прибалтийско-финских языков, ср. фин. *kartano* 'двор, большое имение, усадьба' [13, с. 118]; в последних это гнездо германского происхождения, ср. готск. *garda* 'огороженное место для скота' [34, вып. 1, с. 318]. Ф.П. Филин полагал, что «термин этот – заимствование из мордовского (ср. морд. *кардаз*) и первоначально употреблялся в районах соприкосновения с мордовским населением, позже проник (отчасти) и на северо-восток» [28, с. 128]. Б.А. Серебrenников относит морд. эрз. *кардаз* 'двор' к лексемам балтийского происхождения, ср. литов. *gardas* 'стойло, загородка' [18, с. 243], также

как и П. Аристе, который возводит к балтийским источникам морд. мокш. *карда* 'хлев', эрз. *кардо* 'то же' [1, с. 3]. Бутылов соотносит мордовские данные мокш. *кардаз*, эрз. *кардаз* 'скотный двор' с татарскими, ср. татар. *кардаз* 'загон для скота' [6, с. 102].

Весьма близок территориально и поэтому важен для анализа говоров Поволжско-Южноуральского региона труд З.П. Здобновой «Атлас русских говоров Башкирии» [9], в котором представлено 108 карт (78–106 лексические карты). Например, материалы карты «Названия косы» с манифестацией **лито'вка** на севере Башкирии, на наш взгляд, подтверждают отглагольную этимологическую версию: *Литовки таки же косы, только потолше. На косе написано литой стали.* Ленингр. Том., Тобол., Новосиб. Южн. р-ны Краснояр., Глубок. Вост.-Казах.; 'коса-горбуша из литой стали' «Не кованная домашними кузнецами» Онеж., 1931; 'коса-горбуша, сделанная из особого сорта железа' Краснобор. Арх., 1957 [22, вып. 17, с. 73]. **Лито'вка** 'коса с длинной прямой рукоятью, обычно отлитая из стали' Кирилл. *Коса простая и коса литовка, эти простые косы дома ковали в кузнице, а литовки покупали, они востры.* Медвежьегор. Белом., Вашк., Каргоп., Кондоп., Плесец. Прионеж., Сланц., Терск., Тихв., Устюжен., Черепов. [21, вып. 3, с. 130–131]. Как видно из иллюстраций, доминирует мотивация – литой, из литой стали, в отличие от предшествующих кованных кос. Отмечается, главное отличие **литовки** от горбуши – длинная рукоять, позволявшая косцу делать значительный размах и срезать траву широкой полосой. Ею косили траву, некоторые зерновые культуры. Нож литовки был слегка изогнутым. Примерно на середине рукоятки имелось приспособление – палец или круглая рукоять для упора правой руки (левая рука косца держала верхний конец рукояти). Подобные косы (сначала кузнечной, а потом и фабричной работы) были широко распространены по всей России. Косы делались из **литой** либо тигельной стали [7, с. 145]. Вероятно, предположение о связи с этнонимом не имеет оснований. Хотя в ряде случаев такого рода наименования имеют место. Например, у эстонцев в последние десятилетия XIX века на полях крестьянских хозяйств в качестве нового орудия труда стала распространяться полукоса с грабельками с названием эст. *läti vikat* 'латышская коса', которая была однотипной с латышской и северолитовской, однако она была предназначена для скашивания зерновых [31, с. 59]. См. также о белорусской косе [19, с. 59], о большой немецкой косе (*grosse deutsche Harken, grosse deutsche Sense*) [32, с. 137].

Автором также было проведено лингвогеографическое обследование региона по краткому вопроснику. Для обследования и лингвогеографического представления была выбрана сетка «Лексического атласа русских народных гово-

Таблица 1
Районы Среднего Поволжья, в которых было
проведено лингвогеографическое обследование

Район	Номер ЛАРНГ	Номер АРГСП
Волжский	411	1
Горномарийский	357	2
Звениговский	410	3
Килемарский	298	4
Куженерский	305	5
Мари-Турекский	Нет	6
Медведевский	358	7
Моркинский	359	8
Новоторъяльский	302	9
Оршанский	300	10
Параньгинский	304	11
Сернурский	303	12
Советский	301	13
Юринский	356	14
Алатырский	532	15
Канашский	447	16
Козловский	407	17
Мариинско-Посадский	Нет	18
Порецкий	486	19
Урмарский	408	20
Шумерлинский	445	21
Ядринский	403	22
Янтиковский	Нет	23

ров» [12], где за номером сетки стоит административный район² (табл. 1).

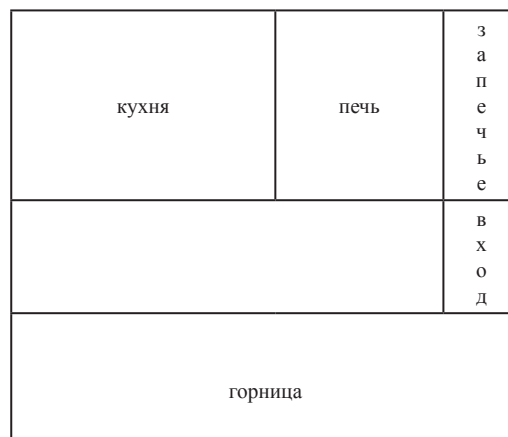
На территории Среднего Поволжья население занималась не только сельским хозяйством и трудовой деятельностью, связанной с главной российской водной артерией – Волгой, но и различными промыслами. Так, например, в Юринской волости Васильсурского уезда (ныне Юринский район Марий Эл) было развито рукавичное производство. Кроме того, в Юрине до 1917 года было более 50 кустарных кожевен, поставляющих на внутренний рынок до 1 миллиона рукавиц, кожи крупного рогатого скота и вторичных деловых отходов кожевенного производства [11, с. 8]. Причем, по рассказам информантов, выделка кож была разрешена только для русского населения.

На этих территориях были развиты различные виды промыслов. Так, в ходе экспедиций были записаны многочисленные тексты, в которых описывалось жжение угля. Ниже представлен пример такого текста, записанный в Волжском районе Марий Эл:

Запасёшь дров, наво'зишь, складёшь их, завали'шь, ла'потника принесёшь, завали'шь. Зажжо'шь, по'сле охраня'шь бе'гаши. Вы'жжётся, ку'ча у'гля, выгрёба'шь, остыдя'т, в кульё, во'зишь домо'й. А по'сле отправля'ешь за

Во'лго, всё. На хлеб меняли, да. За Во'лго везде', где возму'т, в Чуваши'и, ве'зде, ве'зде там бра'ли. Там все бра'ли, потому што везде' бы'ли ку'зницы. Сейча'с ничо' не ста'ло вить э'того, а вить тог-да' всё бы'ло. Жизнь-то, умира'ть неохо'та да'жэ. Вози'ли в Черда'на, в Часыра', в ру'сские, тата'рские, Ондрей Базар, везде. Ельник, сухой е'льник шёл, сырой не пойдёт, а сухой на'дэ было. Пилили такой своей пилой рушино'й, напи'лишь, на лошади' привезёшь. Вот наво'зишь снача'ла, по'сле вот скла'дываш. Вёсно'й, ле'том вот жжошь. Зимо'й там ничо' не сде'лашь. Ухранять там на'дэ, спать, если прокараулишь, он сгорит весь, и никаке'х углей не останется. Двое суток, сутки, когда' вот так выгрёба'ть начина'шь. Через дво'и суток выгрёба'ли. Кучо'нки жгли. Бугор вот был стицыа'льно у нас сделан, а тут вот такая доли'на. Вот в эту доли'ну накладывали. Двухметровы, сучки' обрубали. Плахо, обыкновенно пла'хо, обрубилшь сучки', привезёшь, которы толсты, роско'лешь наполоа'м плахо-то. Патья' зола остаётся после углей, чёрная и как пыль, хош патья', хош зола, а мы патье'й звали. В головах делать, там есь простран-ства. Обва'ливатса дыра, вот тут скорей завали-вашь снова, што'бы этой дыры не было, а то про-горит насквозь, гореть бу'дут, никаке'х углей. Кули из мочала делали. Моча'ло са'ми, из ли'пы, липня'к, это, пили'ли лес, ли'повы дрова, и их выпала'ли, и в о'зеро зама'чивали, а по'сле дра'ли моча'ла. Не мы уж, коне'шно, там други'е уж де'лали. Моча'ла у меня' есь на по'длавке лежы'т. Зада'ния давали, сушы'ли, всё де'лали.

Из всех народов, входивших в состав средне-волжского крестьянства, только русские, а также некоторые мелкие этнические группы, появившиеся здесь позже русских, пришли в этот регион уже будучи крестьянами и имея традиции устройства крестьянских усадеб [30, с. 3]. В настоящее время планировка жилища русских, чуваш и марийцев довольно сходна. У русских в обследуемом реги-оне традиционно она выглядит следующим обра-зом (рис. 1).

Рис. 1. Традиционная планировка жилища на территории Среднего Поволжья

Сходным образом описывается усадьба в г. Ядринске середины XIX века: «Дома эти все одноэтажные и большей частью как наружным, так и своим внутренним расположением довольно однообразны: каждый из них имеет три окна на улицу и состоит из одной обширной комнаты, разгороженной вдоль на две неравные половины, из коих правая, большая, называется избою, а левая, где обыкновенно стряпают, называется чуланом. При входе в избу, который обыкновенно против уличных окон, влево у самой стены стоит обыкновенная русская печь челом к улице. От печи до передней стены делается перегородка, отделяющая чулан от избы. Над головой вошедшего расположены полаты. А вправо от него к углу и задней стене приделывается широкая лавка, называемая кутник, которая служит вместо кровати. В правом верхнем углу ставятся образа, перед ними стол, перед столом же, начиная с самого переднего угла и кругом по всей избе около стен стоят лавки. У самого же чела печки к левой боковой стенке чулана приделывается шкаф для разной посуды. На полу же перед печкой и перед шкафом прорубается творило или вход в подполье, куда ставятся различные съестные припасы. Дом горожанина имел сени, а вход туда прорубался сбоку. За сенями ставилась клеть (холодный амбар) или такая же изба, только с печью вправо от входа. Во дворе находились сараи для скотины, крытые помещения для инвентаря. В огороде – черная баня или землянка с печью. Следует отметить, что с древности для Марийского края был характерен приречный тип заселения, который сохраняется и до настоящего времени» [23, с. 64].

Для общего наименования жилища в исследованных говорах обычно используется слово **изба** (17 фиксаций в текстах), лексема **хата** не была отмечена.

В качестве примера лингвогеографического исследования приведем пример материалов, собранных для карты «Наименования участка земли, на котором находится дом с хозяйственными постройками, огород». Не во всех населенных пунктах удалось собрать материал по данному вопросу. В русских говорах Марий Эл и в низовьях Суры фиксируются лексемы с корнем **двор-**. Сходные данные отмечаются также в смежных регионах по данным лексикографических источников: **двори'на** 'земельный участок, занимаемый домом, двором' Царев. Казан., Ветлуж. Нижегород., Ветлуж. Горьк., Междуреч. Волог.; 'участок за огородом' Междуреч. Волог.; 'сарай, хлев и другие хозяйственные постройки' Судог. Влад., Буйск. Костром. [22, вып. 7, с. 298].

Варианты **позьмо'**, **па'зьмо** фиксируются в русских говорах Чувашии. Бахмутова отмечает лексему **пазьмо'** 'усадьба' в Теньковском и Верхне-Услонском районах Татарии [4, с. 65]. **Позьмо'** 'название места, на котором находится дом с хо-

зяйственными постройками' отмечается в 8 населенных пунктах в Башкирии [9, карта № 78]. **Па'зьмо** 'пахотный участок' Симб., Пенз., Пск. (Даль); 'усадьба, место под двором, домом' Тетюш. Казан., 1858. Казан., Пенз. Козьмодемьян. Казан., Ставроп. Самар. [22, вып. 25, с. 151]. По данным СРНГ, лексема **позьмо'** отмечается в сходных значениях: 'усадьба (дом с хозяйственными постройками и огородом)' Тамб., Саратов., Пенз., Ряз., Куйбыш., Вост. Закамье, р. Урал.; 'усадебный участок, место под двором, домом' Тетюш. Казан., 1854. Казан., Пенз. Вост. Мар. АССР, Саратов., Куйбыш., Чкал., р. Урал, Пенз.; 'приусадебный участок; огород' Богатов. Куйбыш., Куйбыш., Саратов., Пенз., р. Урал.; 'участок земли, надел' Горбат. Нижегород., 1849. Симб., Казан, Пенз, р. Урал, Саратов.; 'место, на котором лежало сено' р. Урал [22, вып. 28, с. 343]. В Балтайском районе Саратовской области слово **позьмо** 'место, на котором стоит крестьянская усадьба' уже в 50-е годы XX века выходило из употребления [29, с. 124].

Лексема **порся'к** впервые зафиксирована нами в Советском районе Марий Эл, ее следует сопоставлять с марийскими данными, ср. мар. *парчак* 'кусочек, клочек, небольшая часть чего-л.' [20, вып. 5, с. 45].

Лексема **осы'рок** имеет значительные фиксации в вологодско-вятских говорах: **осы'рок** 'земельный участок с домом, хозяйственными постройками, огородом, садом; усадьба'. Котельн. Вят., Орл. Вят., 1881, Киров., Костром., Вост. Мар. АССР; 'приусадебный участок' Котельн. Вят., Киров. «Рядом с домом бывает приусадебное место, называемое творилом, осырком или огорожем» Волог., Костром., Горьк.; 'место, занимаемое хозяйственными постройками' Кикнур. Киров.; 'часть усадебной земли, занятая под огородом' Волог., 1902. Киров., Вост. Мар. АССР; 'огород на низком месте' Ордын., Сузун. Новосибир.; 'часть крестьянской усадьбы, где находится ток для молотбы и овин' Вят., 1915; 'участок леса' Вост. Мар. АССР [22, вып. 24, с. 100].

Трудно сказать, имеет ли отношение к данному материалу лексема **сырт** 'надел земли вдали от села', отмечаемая в русских говорах Мордовии [26, с. 225]. Она возводится традиционно к тюркским данным, ср. *сарт* 'холм, возвышенность; постепенное возвышение', при. алт., турец., крым.-татар., киргиз., казах. *сырт* 'задняя часть; спина; наружная часть; сторона; возвышенность, бугор, холм'; якут. *сыыр, сыырт* 'возвышенность' [17, вып. 4, с. 646–647]. Мурзаев отмечает, что «в русскую географическую терминологию проникло тюркское слово *сырт* – вытянутая возвышенность... или высокие волнистые поверхности в верхнем поясе Тянь-Шаня и Памира (не только в Азии, но и в Европе, например, волго-донской *сырт*)». Из русской литературы слово проникло в западноевропейские

языки: англ. и франц. *syrts*, нем. *Surten*» [15, с. 30]. Венг. *sirt* рассматривается как заимствование из др.-чуваш. *syrt [15, с. 124]. Ср. также мар. диал. *sürpm* 'гора, бугор, возвышенность' [20, вып. 6, с. 343].

Следует отметить, что лексика, которая фиксируется в обследуемом регионе, в большинстве случаев не является уникальной, характерной только для Среднего Поволжья. Значительная часть слов отмечается в смежных регионах, образуя единые ареалы.

Имеются единицы, распространенные в Верхнем и Среднем Поволжье и в смежных регионах; ряд лексем, отмеченных в обследованном регионе, фиксируется также в костромских говорах, часть лексем обследованного региона образует единый ареал со смежными говорами Татарстана. Для акающих говоров Чувашской республики характерны лексические связи с южнорусскими говорами. Для русских говоров Марий Эл отмечаются общие ареалы со смежными вятскими говорами.

Примечания

¹ В данной работе, как и во многих других региональных атласах, сбор материала был осуществлен по Программе ДАРЯ.

² Карты Атласа русских говоров Среднего Поволжья (АРГСП) см. в книге: [16].

Библиографический список

1. *Аристе П.* Вопрос о балтийских заимствованиях в финно-угорских языках // Вопросы марийского языкознания. – Йошкар-Ола, 1973. – Вып. 3. – С. 3–7.
2. *Баранникова Л.И.* Атлас русских народных говоров Среднего и Нижнего Поволжья. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – 103 с.
3. *Бахмутова Е.К.* Атлас русских говоров Волго-Камья (Постановка проблемы. История ее научной разработки) // Ученые записки Казанского гос. ун-та. – Казань, 1955. – Т. 115, кн. 9. – С. 5–44.
4. *Бахмутова Е.К.* Диалектологическая экспедиция Казанского университета летом 1945 г. // Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка. – М.; Л., 1948. – Вып. 2. – С. 62–68.
5. *Будде Е.Ф.* Главнейшие черты народного говора в Казанской губернии // Русский филологический вестник: (отдельный оттиск). – Варшава, 1894. – С. 1–36.
6. *Бутылов Н.В.* Тюркские заимствования в мордовских языках: дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1998. – 190 с.
7. *Гвоздева Ж.В.* Коллекция орудий жатвы и косыбы в фондах музея-заповедника «Киж» // Кижский вестник. – Петрозаводск, 2000. – № 5. – С. 141–148.
8. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.; СПб., 1880–1882.
9. *Здобнова З.П.* Атлас русских говоров Башкирии: в 2 ч. – Уфа: Гилем, 2008.
10. *Исанбаев Н.И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1. Татарские и башкирские заимствования. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – 176 с.
11. *Кислов К.* Очерки Юринской жизни. – Козьмодемьянск: Козьмодем. гор. тип., 1998. – 101 с.
12. Лексический атлас русских народных говоров: Пробный выпуск. – СПб.: Наука, 2004. – 304 с.
13. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.
14. *Малаховский В.А.* Несколько поправок к диалектологической карте русского языка // Ученые записки Куйбышевского гос. пед. ин-та. – Вып. 13. – С. 255–262.
15. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
16. *Мызников С.А.* Русские говоры Среднего Поволжья: Республика Чувашия, Марий Эл. – СПб.: Наука, 2005. – 636 с.
17. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1–4. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1899–1911.
18. *Серебрянников Б.А.* Об окраинных диалектах и говорах коми языка // Советское финно-угроведение, 1965. – № 1. – С. 99–104.
19. *Сержпутовский А.К.* Земледельческие орудия Белорусского Полесья // Материалы по этнографии России. Т. 1. – СПб., 1910.
20. Словарь марийского языка. Т. 1–10. – Йошкар-Ола, 1990–2005.
21. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–6 / гл. ред. А.С. Герд. – СПб., 1994–2005.
22. Словарь русских народных говоров. Т. 1–48. – Л., СПб., 1965–2015.
23. Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья / отв. ред. Н.Ф. Мокшин. – Йошкар-Ола, 2002. – 140 с.
24. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар, 1961.
25. *Субаева Р.Х.* Русская топонимика Волго-Камья (Татарская АССР) // Материалы и исследования по диалектологии Волго-Камья. – Казань, 1961. – С. 186–218. – (Ученые записки Казанского гос. ун-та, т. 121, кн. 3).
26. *Сывороткин М.М.* Система адаптации заимствованной лексики тюркского и финно-угорского происхождения в современных русских говорах Окско-Волжско-Сурского региона. – Саранск, 2004. – 460 с.
27. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. – Чебоксары, 1996.
28. *Филин Ф.П.* Исследование о лексике русских говоров. По материалам сельскохозяйственной терминологии // Труды Института языка и мышления имени Н.Я. Марра. VI. Сер.: Slavica. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – № 1. – 207 с.

29. Худякова Э. Говор села Царевщины Балтийского района Саратовской области // Диалектологический сборник: Материалы по говорам Саратовской области. – Саратов, 1952. – Вып. 1. – С. 115–129. – (Ученые записки Саратовского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, т. 32).

30. Шенников А.А. Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX вв. // Этнография народов Восточной Европы. – Л., 1977. – С. 3–38.

31. Ягосильд Э.К. Уборка ржи в Эстонии (конец XIX – начало XX века) // Этнографическое кар-

тографирование материальной культуры народов Прибалтики. – М.: Наука, 1975. – С. 48–62.

32. Bomann W. Bäurliches Hauswesen und Tagewerk im alten Niedersachsen. – Weimar, 1927.

33. Gombocz Z. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der Ungarischen Sprache // SUST, XXX, 1912.

34. Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. O. 1–3. – Helsinki, 1992–2000.

35. Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. –MSFO, 21. Helsingfors, 1903.

УДК 811.161.1 ; 81'282

Мызникова Янина Валерьевна

кандидат филологических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

janinam@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ СРЕДНЕГО РОДА В ГОВОРАХ СИМБИРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

В данной статье исследуется употребление существительных среднего рода и форм согласующихся с ними прилагательных, причастий, глаголов, а также соотносящихся со словами среднего рода местоимений в говорах Симбирского Заволжья. Рассматривается возможность иноязычного влияния на образование родовых форм. Исследуемые говоры относятся к числу типичных для Поволжья говоров с неполным оканьем, при этом имеют и некоторые черты южнорусского наречия. К таким чертам можно было бы отнести и случаи «утраты» форм среднего рода, однако в изучаемых говорах они заменяются на мужской род, а не на женский, как обычно происходит в южнорусских говорах. Как показало исследование, случаи замены форм среднего рода на мужской зафиксированы преимущественно в сёлах с этнически смешанным или мордовским по происхождению населением. Учитывая факты слабой противопоставленности форм мужского и среднего рода в изучаемых говорах, иноязычное влияние в случаях замены среднего рода на мужской можно считать допустимым.

Ключевые слова: говоры Симбирского Заволжья, владимирско-поволжская группа говоров, категория рода, формы среднего рода, языковые контакты, иноязычное влияние, согласование.

Диалектные особенности, связанные с категорией рода, проявляются чаще всего в так называемом переходе существительных среднего рода в женский и, гораздо реже, в мужской род. Явления «перехода» среднего рода в женский отмечаются преимущественно в южнорусских говорах. В севернорусских говорах явления утраты среднего рода практически не наблюдается. Единичные случаи фиксируются во владимирско-поволжских говорах. Наиболее активно явления «утраты» среднего рода с заменой его на женский наблюдаются в говорах к югу и юго-востоку от Москвы (тамбовские, липецкие и воронежские говоры) [3, с. 199]. При этом «утрата» может проявляться в согласовании существительных среднего рода с прилагательными в женском роде в именительном падеже (*большая стада, большая вядро*), при сохранении в косвенных падежах окончаний среднего-мужского рода (*большому стаду*), но может распространяться и на все косвенные падежи (*большой стаде*). Значительно реже наблюдается «переход» существительных среднего рода в мужской (*большой стадо, хороший вымя*). Исследователи отмечают подобные явления «на территории к западу от Москвы (в р-не Малоярославца, Наро-Фоминска, Вереи, Гжатска), в некоторых

районах Калужской области (Медынский), а также на территории, где русское население соседствует с нерусским (например, Приуралье)» [6, с. 103].

Ульяновская область представляет собой территорию позднего заселения с говорами переходного типа. Отметим также, что Ульяновская область является регионом активного этноязыкового взаимодействия. Для говоров территории Поволжья проблема использования форм среднего рода не является новой темой. Наиболее тщательно она разработана для говоров Самарского края в работах Е.С. Скобликовой и И.В. Новиковой, Г.В. Михеевой и Т.Ф. Зибровой, Т.Е. Баженовой.

Как видно из работ указанных авторов, в Самарской области и на близлежащих территориях почти все акающие, в том числе южнорусские, говоры охватываются разнообразными проявлениями перехода существительных среднего рода в женский. Е.С. Скобликова отмечает, что в Самарской области «в тех относительно немногих севернорусских говорах, где отмечаются факты разрушения среднего рода, в большинстве случаев фиксируется переход не в женский, а в мужской род» [5, с. 51]. При этом, по наблюдениям Г.В. Михеевой и Т.Ф. Зибровой, «переход в мужской род сочетается с сохранением среднего рода и (реже) с переходом в женский» [3,

с. 204]. Итак, в говорах Самарской области наблюдается определённая закономерность: в акающих говорах происходит замена среднего рода женским, в севернорусских говорах отмечаются факты перехода форм среднего рода в мужской в сочетании с сохранением среднего рода. Рассмотрим ситуацию в соседней Ульяновской области.

Материалом для данного исследования послужили записи русской диалектной речи, производившиеся в течение последних пяти лет в левобережной части Ульяновской области, а именно в ряде населённых пунктов Старомайнского, Чердаклинского и Мелекесского районов. Русские говоры Симбирского Заволжья расположены на территории позднего заселения и представляют особый интерес в связи с той полиэтнической и полиязыковой средой, которая исторически сложилась в этом регионе в результате совместного проживания славянских, тюркских и финно-угорских групп населения. Татары, чуваша, мордва жили на территории Симбирского Заволжья еще до заселения края русскими. Преобладающая часть русских населённых пунктов возникла в середине XVII века. Таким образом, исследуемые говоры несомненно находятся в контактной зоне.

Как показывают наши данные, говоры левобережья Волги в Ульяновской области имеют севернорусскую базу при достаточно заметном южнорусском влиянии, а также при смежном влиянии тюркских и финно-угорских языков. Фонетика изучаемых говоров имеет выраженную владимирско-поволжскую основу, при этом отмечены и некоторые южнорусские черты.

В первом предударном слоге произносится этимологически закономерный гласный. После твёрдых согласных различаются *о* и *а*: *хоро'ши*, *тошиша'я овца'* (Русские Юрткули); *робо'тала* (Красная Река). В первом предударном слоге после мягких согласных, как правило, тоже сохраняется этимологический гласный *е*, *а*, *о*: *увёзла'*, *чоса'ть*, *племянна'я*, *лёдо'к*, *нека'к*, *паяви'лись*, *пъгляде'ла* *мяки'ну*, *два часа'*, *русский язы'к*, *яви'лса*, *ночова'ли* (Базарно-Мордовские Юрткули); *чървячки'*, *запрети'ть*, *бело'к*, *пчола'*, *жолто'к*, *в рятка'х* (Красная Река); *лягу'шки*, *бёгу'т*, *лётта'т* (Кремёнки).

Гласные второго и далее предударных и заударных слогов подвергаются разной степени редукции (и количественной, и качественной): *ма'т'ьчники*, *доя'рк'ый*, *мътыре'й*, *пъсади'ли*, *събира'ют* (Красная Река); *сля'к'ът*, *пъсине'ли*, *ди'к'ый* *лук*, *мальчи'шка* *ма'лен'к'ый*, *пъцаны'*, *кънопля'* (Кремёнки); *пъсобля'ли*, *пъгляде'ла*, *вы'п'стит*, *съдамо'йка* (Базарно-Мордовские Юрткули). Редукция до нуля звука обычно происходит в слабой позиции после сонорного (прежде всего, после *р*): *Ма'сленцу* *жгли*, *перд* *ако'шками*, *перверну'ли*, *пергороди'ли*, *персыха'т*, *пербива'цца* (Кремёнки).

Таким образом, изучаемые говоры представляют собой типичные для Поволжья говоры с неполным оканьем и редукцией гласных в большинстве непредударных слогов. Отметим и некоторые южнорусские черты, например элементы яканья, которое, однако, даже у одного информанта может чередоваться с еканьем и ёканьем: *вясна'*, *цвято'чки*, *пету'х* и *пату'х*, *атлята'т*, *лебядо'й* (Кремёнки); *яво'*, *цвято'к*, *вылята'т*, *мяста'*, *фчара'*, *мътыре'й*, *убляти'ца* (Красная Река); *племянна'я*, *ня слы'шит*, *сяво'дни*, *няка'к*, *мимо Красной Ряки'* (Базарно-Мордовские Юрткули).

Южнорусское влияние отражается и в области морфологии: так, в сфере образования глагольных форм следует отметить совпадение безударных окончаний 3-го л. мн. ч. глаголов 1-го и 2-го спряжений: *Ну рыбу ловят там ходют // ну в эта время ни ходют / видют кагда речка не застыват* (Кремёнки); *Они фсё находят сами* (Красная Река). К числу южнорусских особенностей можно было бы отнести и частичную «утрату» среднего рода. Однако в данном случае это не характерный для южнорусских говоров переход слов среднего рода в женский, а частичный «переход» их в мужской род, отмеченный, в частности, для территориальных языковых контактов.

Проявляется этот «переход» в формах прилагательных, согласованных с существительными среднего рода: *Вот эти вот торгофцы фсе / позорят весь село; Большой вымя – хорошая корова // вымя хороший / большой вымя; Это вот в лес поедут / такой дерево есть / специальный / ну / липа наверно / наверна липы кора; Какой хозяйство было; Яйцо бес скордупы эт недоспелый* (Базарно-Мордовские Юрткули). Такого рода «переход» можно зафиксировать только для форм именительного падежа, так как в косвенных падежах формы среднего и мужского рода совпадают (*такова дерева, такому дереву* и т. д.).

Приведённые выше примеры зафиксированы в селе Базарно-Мордовские Юрткули (Старомайнский район). Большинство жителей села в настоящее время считают себя русскими, однако прежде бо'льшую часть жителей села составляла мордва. По словам Ю.Н. Мордвинова, «селение Базарные Мордовские Юрткули было образовано в последней четверти XVII века приказной крещёной мордвой» [4, с. 258].

Мордва и чуваша вошли и в состав жителей села Красная Река Старомайнского района. Хотя и в этом селе большинство жителей называют себя русскими, но есть и такие, кто говорит о своём нерусском происхождении. Как пишет Ю.Н. Мордвинов, село Красная Река возникло в 60-е годы XVII века и было заселено мордвой-мокшей [4, с. 156]. В Красной Реке зафиксировано замещение слов среднего рода местоимением мужского рода (*он*): *Вот стоит дерева / и он веть вот*

так от ну / **кривой** (Красная Река); *Вот они щас говорят / село-та возродят – нет! / он убитай!* (Красная Река); *Шило был / он как ножик / с обеих сторон заточеный / как кинжал / режут хорошо* (Красная Река). Также отмечено оформление существительных среднего рода по мужскому роду: *Мы веть раньше вот / выйдеш на крылец / гармони / балалайки / с песьня'ми / а щас? / а щас уби'та фсё / он уснул / село* (Красная Река). Такое же явление отмечается в селах Русские Юрткули (Старомайнский район) и Крестово-Городище (Чердаклинский район): *Не знаю / какой помещенный? (Русские Юрткули); Животный разборчивый в еде? // ну какой разборчивый в еде у меня? (Русские Юрткули); Корм вот у нас эт большой клев был / он у нас тама / а потом значит вот на конюшнях-та есть там помещений / туда клали корм (Крестово-Городище); Ну конешно / если дождик идёт он сухой! / крылец-та // если эта / закрыта-ть / а если открыта...* (Крестово-Городище). В селе Русские Юрткули также часть жителей имеет мордовское происхождение.

В других населённых пунктах исследуемой территории также встречаются случаи «перехода» среднего рода в мужской, как правило, при замещении существительного местоимением 3-го лица: *Корова утели'лась / вот щитай молоко пошло / а черес две недели есть начинали молоко / а он жолтый* (Ерыклинск); *Со'лнышка заходит / асобенна зимой / кра'сна // Солнышка / и щас есть кра'сна / но щас / он горяче // а вот как тока зимой / и гаварим / ой / как красно'* (Кременские Выселки).

Итак, зафиксированные на исследуемой территории случаи «перехода» среднего рода в мужской, на наш взгляд, всё же демонстрируют определённую связь с ситуацией контактирования русских говоров и иносистемных языков – финно-угорских и тюркских, ведь наибольшее число случаев «перехода» отмечено в сёлах со смешанным населением. Субъектом языкового контакта является индивид, поочерёдно пользующийся то одним, то другим языком. При этом элементы системы родного языка могут переноситься в осваиваемый язык. При ассимиляции больших групп населения такие элементы долго остаются в усвоенном языке в качестве субстрата. Использование родовых форм, особенно для неодушевлённых существительных, действительно представляет сложность для носителей тюркских и финно-угорских языков в связи с отсутствием в указанных языках категории рода.

Исследуя иноязычное влияние как возможную причину изменения в категории среднего рода в русских говорах, В.Т. Азарова отмечает последовательный переход существительных среднего рода в мужской в слабо освоенной русской речи коми [1, с. 143]. В речи коми автор отмечает также переход одушевлённых и неодушевлённых существительных женского рода в мужской род. Этот

переход проявляется в согласовании с существительным форм прилагательных, элементов сказуемого, а также в формах анафорических местоимений (у него – о жене) [1, с. 144].

В наших материалах также отмечены «несогласованные» формы местоимений: *Эта сеяли конопля' на горо'ди // по'скань с нево получалас* Ерыклинск; *«Айдате конопля / он мокрый наверна»* Ерыклинск; *Кладёш вот эту куже'ль / конопе'ль кладёш накладёш / и наверх эдак тяжесть / и связываеш / и в Золото болото // она недели две помокнет / вытаскываеш / сушишь / в баню / баню затопляш она высахнет / и делат из нево куделю* (Красная Река).

Укажем, однако, что «несогласованные» формы глагола или причастия с существительным могут быть обусловлены и сильной редукцией конечного гласного в исследуемых говорах: *Там была церкьфь... // Ну и ана заброшен* (Кремёнки); *Раньше вить своя-ть вить сопственасть был* (Крестово-Городище).

Показав, что русская речь коми выявляет существенные нарушения в категории рода, В.Т. Азарова тем не менее делает заключение о том, что русские говоры на территории Коми АССР не знают существенных изменений в категории рода существительных вообще и среднего рода в частности [1, с. 144–145]. Причину разрушения категории среднего рода в некоторых говорах исследователь предлагает искать в особенностях самих говоров.

Рассмотрим грамматические особенности говоров Симбирского Заволжья. В них часто фиксируются оформленные по среднему роду прилагательные, причастия, глаголы в прошедшем времени: *У меня и ухо долблёно / губа сожжона / башка резана* (Старая Майна); *А патом / как ф пятый клас иди / Галофкино было / затаплено // Фсё затапиль / Волгу-та как строили* (Кремёнки); *Поэтому масло растительно зесь было потсолнечно в основном / конопля'на бы'ла / льняное была масло* (Крестово-Городище); *А се'мечка ты видиш како ме'лка? // вот ево надо / штоп оно не просыпалось ф комбайне-та* (Крестово-Городище); *А ткали стан был / вносят в и'збу / моя мать она начинат основу / зьделат / бёрда бы'ла* (Красная Река).

Однако фиксируются и многочисленные несогласованные конструкции, которые показывают, что формы среднего рода по сути являются «застывшими», неизменяемыми формами: *Была ватола / вот сшито оне в три полотна / на пол постеле'на / и фсе съим тут летам* (Старая Майна); *Вот такое вот брёвно / вот такое // в нём наби'таны наби'та-наби'та железски // и сверьху ешо один эдакий чурбак // тут зьдела'на такой вот желобочек / где сытеца мука* (Старая Майна); *Начерчёна вот такие клетки мелом* (Старая Майна); *Сам тода было / приедут за ёлкай / её нарядят / на стол*

поставят (Красная Река); *Вот шас ф конце тут / эт там перселённо люди* (Красная Река); *Вот это фсё шиэкотурка тоже / она может с мелом / розбавлено* (Крестово-Городище); *Вот раньше топор бы'ла / руиная пила / маленька пила* (Крестово-Городище). О том, что формы среднего рода являются неизменяемыми, а не безличными, свидетельствуют формы глагола-связки, согласованного с именем: *А бывала вить под увалам венчали / не казали лицо // увал был / закрыта* (Красная Река); *Вот стромена' были / продето они в эту / доишечку* (Красная Река); *Раньше эти крыши были покрыта чем?* (Крестово-Городище). Иногда неизменяемая форма соответствует мужскому роду: *Раньшы вить своя-ть вить сопственъсть был* (Крестово-Городище); *Если был материя у ково / ну вот они коротеньки шторочки* (Крестово-Городище); *Адной скатины столько мы держали / авец стадъм был / и свиней* (Красная Река).

Таким образом, наличие подобных неизменяемых форм среднего и мужского рода не способствует их чёткой противопоставленности в изучаемых говорах. Если учесть ещё тот факт, что формы косвенных падежей мужского и среднего рода прилагательных, местоимений и причастий совпадают, то в ситуации «размытой» противопоставленности мужского и среднего рода легко может произойти замена мужского рода на средний, особенно в речи двуязычных индивидов.

Случаи замены форм среднего рода прилагательных, местоимений и причастий на мужской зафиксированы у наиболее пожилых информантов, которые ещё помнят об этнически смешанном характере населённых пунктов, в которых они проживают. То есть процессы ассимиляции иноязычного населения и усвоения ими непривычных

категорий русского языка происходили на памяти этих пожилых информантов.

В настоящее время случаи замены форм среднего рода на мужской уже не представляют собой характерную черту говоров Симбирского Заволжья. Они являются в большей степени уходящей особенностью, не фиксируются в речи молодых людей, а также людей с образованием.

Библиографический список

1. Азарова В.Т. Иноязычное влияние как возможная причина изменений в категории среднего рода в русских говорах // Севернорусские говоры в иноязычном окружении: межвуз. сб. науч. трудов. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского государственного университета, 1986. – С. 141–146.
2. Баженова Т.Е. Современное состояние южнорусского говора на территории Оренбургской области // Самарский научный вестник. – 2013. – № 3 (4). – Самара: Самарский гос. соц.-пед. ун-т. – С. 16–19.
3. Михеева Г.В., Зиброва Т.Ф. Судьба среднего рода в Самарских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012 / Институт лингвистических исследований РАН. – СПб.: Нестор-История, 2012. – С. 217–228.
4. Мордвинов Ю.Н. Взгляд в прошлое. Из истории селений Старомайнского района Ульяновской области. – Ульяновск: Караван, 2007. – 416 с.
5. Скобликова Е.С., Новикова И.В. Средний род существительных в говорах Куйбышевской области // Вопросы русской диалектологии. – Куйбышев: КГУ, 1982. – С. 49–63.
6. Русская диалектология / под. ред. П.С. Кузнецова. – М.: Просвещение, 1973. – 279 с.

Неганова Галина Дмитриевна
кандидат культурологии
Костромской государственной университет
cultland@yandex.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА В НАЗВАНИЯХ ЛЕСА И МЕСТ В ЛЕСУ В ГОВОРАХ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье названия леса и мест в лесу, бытующие в говорах Костромской области, рассматриваются в аспекте культурного ландшафта. Все они не только номинируют элементы природного ландшафта, отражая лексический состав репертуара местных географических терминов, но и указывают на характер освоения территории.

Как элемент природного ландшафта лес имеет соответствующие характеристики (орографические; по месторасположению относительно других реалий; по площади; по видовому составу; по возрасту деревьев; по плотности и т. д.), которые отражаются семантике народных географических терминов. На примере термина **материк** показано, как лексическое значение слова и география его бытования коррелируют с особенностями природного ландшафта и с существованием на территории Костромской области различных диалектных зон.

Отдельную группу в репертуаре названий леса и мест в лесу составляют термины, связанные с освоением природного ландшафта и включением его в сферу крестьянской жизни. Помимо лексем, в семантике которых отражаются традиционные для жителей лесного края занятия – сбор грибов и ягод и охота, представлены номинации используемых в качестве пашен мест в лесу. Эти номинации связаны со способами, которые применялись для расчистки лесных участков: с валкой деревьев и последующей раскорчёвкой пней – **копань, почисти, рamente**; с выжиганием леса – **гарьба, паль, пожого, репище**. Рассматривается семантика термина подсечно-огневого земледелия **огнище**, не вышедшего из употребления с изменением культуры возделывания земли и бытующего в современных костромских говорах.

Ключевые слова: культурный ландшафт, костромские говоры, диалектная зона, номинация, народный географический термин, семантика, десемантизация, материк, огнище.

В Костромской области лесами покрыто 74,3 % территории [16, с. 4], но только на мелкомасштабной карте они выглядят однообразным монолитом. В реальности же в лесах имеются места возвышенные – низкие; редко или густо поросшие деревьями; использующиеся для охоты или сбора грибов и ягод – преобразованные для крестьянского хозяйствования; участки леса различаются по видовому составу, по занимаемой площади и т. д. Как правило, названия их представляют собой народные географические термины. В современных говорах Костромской области бытует около 340 местных названий леса и мест в лесу, что составляет почти 23 % номенклатуры апеллятивной ландшафтной лексики, включённой в составленный нами тематический словарь. Все они не только номинируют элементы ландшафта, отражая лексический состав репертуара местных географических терминов, но и указывают на характер освоения территории, в своей же совокупности позволяют выявить отличительные черты конкретного культурного ландшафта. При этом в понимании культурного ландшафта мы следуем концепции, обозначенной в ходе научной дискуссии А.С. Герда и Г.А. Исаченко [6; 8], и представляем его в триединстве таких базовых компонентов, как природа, культура и язык. Это значит, что термин культурного ландшафта рассматривается нами как лексическая репрезентация природно-географической характеристики определённой местности, культуры и особенностей говора местных жителей (о роли лексики в характеристике ареала, например, см. [3; 4; 5]).

Как элемент природного ландшафта, лес имеет соответствующие характеристики, которые от-

ражаются в семантике народных географических терминов, в частности:

– орографические особенности (как отмечал Э. М. Мурзаев, «лес – функция рельефа» [12, с. 152]). Так, на возвышенное местоположение указывает лексическое значение терминов *бурови'на* (Мантур.), *вере'тия, верети'я и веретия'* (Костром., Мантур., Солигал.), *вере'тье* (Макар., Мантур., Солигал.), *гри'ва* (Антроп., Буйск., Вохом., Галич., Кадыйск., Кологр., Костром., Красносел., Макар., Межев., Нейск., Октябрь., Остров., Павин., Парфен., Поназыр., Солигал., Чухл., Шарьин.), *гри'вка* (Костром., Солигал., Шарьин.) и т. д.; на расположение в низком месте – *ля'готина* (Мантуров.), *ляди'на* (Кадыйск.), *шохра'* (Кадыйск., Макар., Мантур., Нейск., Поназыр., Шарьин.) и др., например: *гри'ва* 'продолговатая возвышенность, поросшая лесом' – *Гриву-то далеко видать* (Чухл., д. Мазалово) ↔ *шохра'* 'лес в низком болотистом месте' – *В этом году в шохре было много болотяников* (Макар., д. Сосновка);

– по месторасположению относительно других реалий: лес, расположенный по берегам рек, озёр, – *берегови'нка* (Антроп.), *прибере'жник* (Пыщуг.) и *прибре'жник* (Буйск., Кадыйск., Красносел., Макар., Остров., Парфен., Поназыр., Шарьин.); между двумя селениями – *во'лок* (Мантур., Нерехт., Пыщуг.) и *наволо'к* (Макар.); около полей, лугов – *закра'ина* (Нерехт.); между полями – *пере'города* и *перегоро'да* (Остров.), *перё'города* (Вохом., Кадыйск.), *перегря'дина* (Остров.), *ути'н* (Октябрь.); за полями деревни – *запо'лица* (Парфен.), например: *запо'лица* 'лесной массив, расположенный за полями деревни' – «Заполицы назывались по на-

правлениям на соседние деревни: Курьяновские, под Максимовом, Орешкосьские и т. д., – отмечает парфеньевский краевед А.В. Костров. – Лес в заповицах использовался чаще как дровяной...» [15, с. 98]; *приберёжник* ‘лес, расположенный по берегам рек’ – *Веши-то оне на приберёжнике оставляют* (Пыщуг, с. Носково);

– по площади: обширный лесной массив – *бор* (Кадыйск., Красносел., Макар., Мантур., Поназыр., Сусанин.), *гряда'* (Кадыйск.), *да'ча* (Парфен.), *квартал* (Остров.), и др.; небольшой лесок – *борови'нка* (Макар.), *городи'нка* (Кадыйск.), *о'колок* (Макар.), *перегря'дина* (Остров.), *малолес'ье* (Буйск., Галич., Кадыйск., Остров., Павин., Поназыр., Пыщуг., Шарьин.) и т. д., например: *гряда'* ‘большой лес’ – *Завтра за грибами в гряды пойдем* (Кадыйск., д. Екатеринкино) ↔ *о'колок* ‘небольшой лесок’ – *Дальше не пойду, здесь, в околке, наберу сыроежек-то* (Макар., д. Шемятино);

– по видовому составу: хвойный лес – *ельница* (Антроп.), *игольник* (Антроп., Галич., Кологр., Костром., Макар., Павин.), *чернолес'ье* (Вохом.); лиственный лес – *дубра'ва* (Кадыйск.), *дубро'ва* (Поназыр., Антроп.), *дубро'вник* (Буйск., Остров.); *дубни'к* – лес, в котором растут дубы (Макар.), *березник* и *березни'к* – *берёзовый лес* (Антроп., Костром., Красносел., Мантур., Нерехт., Павин., Парфен., Поназыр.), *сосня'г* – сосновый лес (Мантур.) и т. д., например: *В ельницу ходили шишки собирать, да сдавали их потом* (Антроп., д. Пеньки); *Вчера в такой игольник забрёл – еле выпутался* (Павин., п. Доброумово) *В сосняге бывает и грибов много* (Мантур., д. Усолье); *Идти-то там плохо, кругом чернолесье* (Вохом., п. Талица);

– по возрасту деревьев: старый лес – *дрём* (Галич.), *старолес'ье* (Сусанин.); молодой лес – *молодня'к* (Остров., Поназыр., Пыщуг., Шарьин.), *моложа'и* (Костром.), *моло'чник* (Макар.), *подса'д* (Галич., Кологр., Макар., Мантур., Остров., Парфен., Поназыр., Солигал., Чухл.), *подсе'д* (Буйск., Остров.), *сосняжо'к* (Антроп.), *тетерева'тник* (Антроп.) и др., например: *тетерева'тник* ‘молодой мелкий лес’ – *Мужики-то далёко ходили строевой лес пилить, рядом один тетерева'тник рос. Мы с тётой в тетерева'тник за земляничкой ходили* (Антроп., д. Пеньки) ↔ *старолес'ье* ‘старый лес, преимущественно одной породы’ – *Наше старолесье самое древнее в этих местах* (Сусанин., д. Новая Деревня);

– по плотности: редкий лес – *жидня'к* (Антроп., Макар., Остров., Парфен., Поназыр.), *па'лошник* (Макар., Мантур.), *поре'дые* (Макар., Поназыр., Шарьин.), *редня'к* (Буйск., Костром., Остров.); густой лес – *ра'мень* (Поназыр.), *су'борь* (Шарьин.), *сузём* (Кадыйск., Нейск., Павин., Шарьин.), *трущоба* (Судислав., Чухл.) и др., например: *Жидняк в солнечный день весь на просвет* (Парфен., с. Парфеньево) ↔ *Забрался я в трущобу, насылу назад вышел* (Судислав., д. Раслово); наиболее ак-

тивно используются для номинации густого леса лексемы с корнем *част-/чащ-* *частоко'л* (Сусанин.), *чащара'* (Поназыр.), *чащина* (Костром., Остров., Павин. (Доброумово), *чащина'* (Буйск.), *чащоба* и *чащобник* (Павин.), *чащу'га* (Нейск.): *Забрела в частокол, одне ёлки, еле вылезла* (Сусанин., д. Медведки), *Густой лес зовём чащоба, чащобник* (Павин., д. Медведица).

Если провести изолексы, изосемы и изопрагмы, то можно заметить: в номенклатуре названий леса нет термина, который бытует повсеместно, и нет лексемы, которая в различных говорах бытует с единым значением, что коррелирует как с особенностями природного ландшафта (напр., см. [16, с. 44–74]), так и с существованием на территории Костромской области различных диалектных зон (в настоящей работе обращаемся к материалам Лингвистических карт Г.Г. Мельниченко [10]). Это можно наблюдать, в частности, на примере слова *материк*. Названием большого леса указанная лексема является лишь в говорах Верхней Унжи (по Г.Г. Мельниченко, VI зона [10, к. 90]) – *На материк ходили все вместе по грибы, по ягоды, по травы разные-то* (Мантур., д. Знаменка), хотя она бытует и в других говорах Костромского Заволжья, а также Костромского Поволжья и Костромского Поветлужья: в говорах по правому берегу Волги (VIII зона) – со значением ‘дно пруда’ – *Пруд-от совсем обмельчал, материк видно* (Нерехт., п. Космынино); в говорах северо-востока Костромской области (VII зона) это название твёрдого, плотного грунта – *Пока жидкая почва, копать до материка. На жидком месте не становится* (Октябрь., с. Боговарово), глины – *Материк – это глина у нас* (Павин., д. Медведица).

Как название большого леса слово *материк*, по данным Словаря русских народных говоров, зафиксировано в Пермском крае, на Среднем Урале и в Сибири: «большой матёрый лес, тайга» [14, с. 23]. Казалось бы, и в говоре костромской деревни Знаменка, расположенной в подзоне южной тайги, рассматриваемая лексема может употребляться с этим же значением. Однако в Кологривском уезде, в который раньше входила Знаменка, отмечено следующее значение этого полисеманта – ‘самая высокая местность междуречья’. «Материк между большими реками-речками (места боровин и болот)... – характеризовал реалию Е.В. Честняков. – Материк выше не только болот, но и боровин. Он – самая высокая местность» [17, с. 311]. Скорее всего, в говоре д. Знаменки наблюдается номинация реалии с мотивировкой по месту произрастания, тем более что леса на материке выделяются своим составом: «...местности говорят о себе породами деревьев: хороший сосняк – на боровинах, ельник, березняк – на более тучных местах, на материке» [17, с. 310].

Своего рода подтверждением такой возможности могут стать наши наблюдения над бытованием слова *материк* в говоре с. Вильгорт Чердынского

р-на Пермского края. По данным «Словаря географических терминов в русской речи Пермского края» Е.Н. Поляковой, оно используется для обозначения разных реалий: 1) *материк* – «высокий коренной берег реки» (вместе с тем, из приведённой в словарной статье иллюстрации следует, что материк – это возвышенный участок суши между истоком (*исток* – «проток, соединяющий озеро с рекой» [13, с. 145]) и озером: *Материк разделяет исток. Материк за истоком, по ту сторону тоже озеро – Кожьяль*); 2) *материк* – «большой старый лес на коренном берегу»; и 3) *материк* – «обширный луг на коренном берегу» [13, с. 211–212]. На то, что последние термины являются метонимически-производными, указывает видимая, благодаря семеме ‘коренной берег’, внутренняя связь между местом и расположенной на этом месте реалией.

На территории Костромской области слово *материк*, в семантике которого выделяется сема ‘берег’, записано в Буйском р-не: ‘возвышенный, незатопляемый берег реки’ – *Рядом с городом у реки высокий материк есть* (ср.: «высокий берег реки или моря; берег, который не заливаётся и почва которого не наносная. Арх., 1850. Беломор., Усть-Цилем. Коми АССР, Олон., Тобол.» [14, с. 23]). Буйские говоры также относятся к VI зоне по диалектному членению Г.Г. Мельниченко, но расположены в западной её части (по р. Костроме) и граничат с V диалектной зоной, в отличие от находящихся на востоке кологривских и мантуровских говоров (по р. Унже) – пограничных с VII зоной. Природные характеристики буйского края имеют свои особенности: здесь нет крупных лесных массивов. По ряду причин – как антропогенного, так и природного характера – уже к середине XIX века леса здесь «быстро поредели» [9, с. 256], и в настоящее время «бассейн Костромы обладает наименьшими лесными ресурсами и наиболее сильной фрагментацией лесных ландшафтов» [16, с. 330], то есть в течение уже не менее полутора столетий на данной территории отсутствует сама реалья для номинации.

Как видим, в северной широтной части VI диалектной зоны лексема *материк* бытует как название высокого берега реки, как название самой высокой части междуречья (ср.: «берег *материк*, у реки, гора, горный, противоп. *луговой*...») и «кряж, природный, ненасыпной, ненаносный» в словаре В.И. Даля [7, с. 306, 305]) и как название произрастающего здесь большого леса (ср.: в Ярославской обл. *материк* – «высокое сухое место в отличие от низкого, болотистого» в Мышкинском, Некрасовском и Переславском р-нах и «участок земли, на котором что-л. растёт» в Борисоглебском и Ростовском; а также *матерняк* «чаща, дремучий лес» в Первомайском р-не [18, с. 13]). Имело ли место существование лексемы *материк* для обозначения разных природных реалий на одной диалектной территории, покажет дальнейшее исследование

с привлечением как современных, так и исторических материалов.

По мере освоения природный ландшафт всё больше включался в сферу крестьянской жизни, освоение шло и на лексическом уровне. Так, традиционное занятие жителей лесного края, сбор грибов и ягод, актуализируется в лексемах, как правило, с прозрачной семантикой: *я'годник* – место в лесу, обильное ягодами (Буйск., Галич., Кадыйск., Кологр., Остров.), *оба'бочник* – ‘лес, в котором растут обабки (грибы)’ (Костром.), *груздо'вик* – место в лесу, где растут в основном грузди (Костром., Парфен.), *сурое'жник* – место, где растут грибы сыроежки (Мантур.); активно используются для номинации грибного места в лесу лексемы с корнем *гриб-* – *грибни'к* (Поназыр.), *грибни'ца* (Буйск.), *грибо'вник* (Парфен.), *грибо'вье* (Кологр.) и др. Например: *Грибовье мы знаем с братом* (Кологр., п. Ужуга); *Дед-то у меня похвастался, что теперь свой грибник имеет* (Поназыр., п. Полдневица); *Мы нашли грибницу хорошую* (Буйск., с. Контеево); *Вправо-то от деревни груздовик, там большэ фсё грузди растут* (Костром., д. Степаново); *У меня свой ягодник есть. Уш лет десять туды хожу. Далёко он, а што ягот там. Бабы в других местах кринку наберут, а я на моём ягоднике – полуведра'* (Кадыйск., д. Турово). Места в лесу, связанные с охотой, также имеют соответствующие названия, например: *зай'мка* и *за'ймище* ‘место стоянки охотников в лесу’ – *То займище, а то и займка скажут. Охотники туда ходили, в лесу-то остановку делали, спали тама* (Костром., д. Куниково); *ляжби'на* ‘лежище дикого зверя в лесу’ – *Лядина – непрахадимое место, где мядведя ляжбина. На лабазе сидит охотник, за мядведем смотрит* (Чухл., с. Шартаново).

Активное освоение лесного ландшафта, начиная с появления в XI–XII веках костромском крае первых русских переселенцев, связано с поисками «новых, пригодных для хлебопашества земель, определивших и саму систему раннего крестьянского расселения» [1, с. 152]. Распахивали и засевали лесные поляны – *кули'ги* (Вохом., Кологр.), *ляди'ны* (Вохом., Галич.) и др.; в основном же под пашню приходилось очищать участки леса: вплоть до XX столетия в крае существовало подсечно-огневое земледелие. Со способами обработки связаны номинации, обозначающие эти участки: 1) с валкой деревьев и последующей раскорчёвкой пней: *ко'пань* (Антроп., Кадыйск., Остров.), *почи'сти* (Мантур.), *ра'мень* (Октябр.) и др. – *На почиствах-то хорошая пшеница уродилась прошлый год* (Мантур., д. Городищево); *Раменьё вспахали, овёс посеяли* (Октябр., с. Боговарово); 2) с выжиганием леса: *гарьба'* Вохом. (Вохма), *паль* (Остров., Поназыр.), *пожого'* (Мантур.), *ре'пище* (Костром.) и др.: *Вырубают деревья, кустарник, пни корчуют, а ветки сжигают. На расчищенном участке (на пали') сея-*

ли рожь, репу. На пали-то хорошо растёт (Поназыр., д. Болдино).

Л.П. Михайлова семантику слов данной группы лексики связывает с различными периодами обработки лесоучастка под пашню, выделяя названия, отражающие период возникновения нового пахотного участка, в их числе термин *нови'на'* [11, с. 126], имеющий широкой ареал бытования. На территории Костромской области, по сведениям парфеньевского краеведа А.В. Кострова, со значением «впервые распаханый участок на месте сведённого леса» употребляется лексема *новина'* – в говоре с. Матвеева Парфеньевского р-на [15, с. 174]. Однако здесь же, а также в Кологривском, Октябрьском и Шарьинском р-нах зафиксировано значение ‘выжженное и расчищенное под пашню место в лесу’, то есть в семантике актуализируется не период появления пашни, а способ обработки лесоучастка под пашню: *Новина'*, *лес сжигали* (Парфен., с. Матвеево), *Выжгли новину'*, *и посеяли* (Кологр., Марьино), *Пошли новину' жечь* (Шарьин., п. Зебляки). Вместе с тем, наблюдаются случаи изменения состава сем. Так, в говорах Буйского, Кадыйского и Сусанинского р-нов записано слово *огни'ще* ‘участок леса, выжженный под пашню’ – *Этот лес под огнищѣ подѣт!* (Кадыйск., д. Екатеринкино); в говоре д. Бурдакого Антроповского р-на лексема употребляется со значением ‘участок земли, отведённый крестьянину, который очищает её от пней, сучков, распахивает и засеивает’ – *Хозяин у меня на огнище ушёл.* Н.С. Ганцовская обращает внимание на такой признак, как пригодность участка для обработки [2, с. 55]. Несмотря на то, что номинация *огнище* мотивирована словом *огонь*, со временем признак ‘выжженный (огнём)’ стал сопутствующим, а впоследствии исчез вовсе. Десемантизацию можно объяснить тем, что изменилась культура возделывания земли, веками существовавшее подсечно-огневое земледелие осталось в прошлом (но его история запечатлена в народном слове – в его исходном значении).

Таким образом, по названиям леса и мест в лесу, бытующих в костромских говорах, можно судить не только об особенностях номинаций, об изменениях в номенклатуре терминов, но и о природе края и том, кто и как его осваивал.

Библиографический список

1. Археология Костромского края / С.И. Алексеев, К.И. Комаров, А.Е. Леонтьев, С.В. Ошибкина, Е.А. Рябинин; отв. ред. А.Е. Леонтьев. – Кострома: ГНПЦ, 1997. – 276 с.
2. Ганцовская Н.С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии. – СПб.: Наука; Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007. – 228 с.
3. Ганцовская Н.С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии: дис. ...

д-ра филол. наук. – Ярославль: ЯГПУ, 2008. – 699 с.

4. Ганцовская Н.С. Материалы Словаря вологодских говоров как источник географической атрибуции говоров Костромского акающего острова // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: сб. науч. тр. – Вологда: ВГПУ, 2008. – С. 18–29.
5. Ганцовская Н.С. Роль лексики в типологической характеристике ареала // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 7. – С. 37–40.
6. Герд А.С. Ещё раз о предмете ландшафтоведения (вопросы лингвиста к географу // Вестник СПбГУ. Сер. 7: География. – 2002. – Вып. 3 (№ 23). – С. 131–138.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. – СПб.; М.: Изд. М.О. Вольфа, 1881. – 779 с.
8. Исаченко Г.А. О необходимости «нового ландшафтоведения» // Вестник СПбГУ. Сер. 7: География. – 2002. – Вып. 3 (№ 23). – С. 138–140.
9. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Костромская губерния / сост. Я. Крживоблоцкий. – СПб.: Тип. И. Тиблена и К°, 1861.
10. Мельниченко Г.Г. Лингвистические карты. Приложение к книге «Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование)». – Ярославль: ЯрГПИ им. К.Д. Ушинского, 1974. – 90 к.
11. Михайлова Л.П. История края в народном слове. Русские говоры Карелии. – Петрозаводск, 2004. – 228 с.
12. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.
13. Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007. – 420 с.
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 18 / гл. ред. Ф.П. Филин. – Л.: Наука, 1982. – 368 с.
15. Толковый словарь «агафонского» говора бывшей Матвеевской волости Кологривского уезда Костромской губернии / сост. А.В. Костров. – Кострома: Ф-ка сувениров, 2015. – 308 с.
16. Хорошев А.В., Немчинова А.В., Авданин В.О. Ландшафты и экологическая сеть Костромской области. Ландшафтно-географические основы проектирования экологической сети Костромской области: моногр. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. – 428 с.
17. Честняков Е.В. Сказание о Стафии – Короле Тетеревином / сост. и авт. коммент. Р.Е. Обухов. – М.: Междунар. Центр Рерихов: Мастер-Банк, 2007. – 368 с.
18. Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. Т. 2 / под науч. ред. Т.К. Ховриной. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. – 376 с.

ЛЕКСИКА МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КОСТРОМСКОГО КРАЯ
В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. КАСАТКИНА («ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ»)

Тексты произведений И. Касаткина, посвящённые описанию жизни крестьян, дают богатые сведения как историко-этнографического, так и лингвистического характера, они документально точно отражают быт, материальную культуру и язык жителей междуречья Унжи и Ветлуги в начале XX века. В данной статье рассматривается лексика домашней утвари, извлечённая из рассказов писателя. Анализируемые слова показывают генетическую связь говоров междуречья с центральными и говорами Русского Севера. Лексика включает как исконно русские образования, так и заимствования. Исследование показывает возможность и необходимость использования контекстов И. Касаткина в качестве дополнения к полевым записям с целью установления точного смысла лексем, уточнения зоны их бытования, отслеживания семантических сдвигов во времени.

Ключевые слова: И. Касаткин, костромские говоры, диалектная лексика, материальная культура, домашняя утварь.

Лексика материальной культуры занимает особое место в лексическом составе языка. Она содержит в себе разностороннюю информацию об этнических, культурных и языковых процессах, происходивших на определённой территории. В особой полноте следы древнейших словоупотреблений сохраняет лексика домашней утвари. В основе своей это слова древнего, иногда праславянского или даже индоевропейского происхождения.

Данная лексика тесно связана с внеязыковой действительностью, и её изучение, помимо полевой практики, требует обращения к различного рода источникам: письменным, историческим, этнографическим. При этом особый интерес представляет исследование регионов, в большей мере сохранивших древнейшие диалектные особенности. К ним, бесспорно, относятся те говоры Костромской области, которые расположены в срединной части междуречья Унжи и Ветлуги (это говоры бывшего Кологривского уезда, теперь, в основном, Межевского района, расположенного по реке Меже). Н.С. Ганцовская отмечала тот факт, что в связи с особым положением региона: удалённостью от больших городов, отсутствием дорог стратегического назначения, «население его сохранило многие приметы традиционного образа жизни и вместе с тем архаические черты диалектов» [4, с. 70].

Многогранным информативным источником, позволяющим познакомиться не только с различными сторонами материальной и духовной культуры межаков, но и их языком являются произведения И.М. Касаткина, уроженца д. Барановицы Кологривского уезда (в настоящее время Межевского района). Несомненно, его рассказы могут послужить одним из тех материалов, о которых Н.С. Ганцовская пишет: «в настоящее время лексике русских говоров <...> целесообразно изучать в конкретных условиях её функционирования, используя обширные контексты, где она в совокупности с фонетическими и грамматическими средствами может наиболее адекватным образом

продемонстрировать свои структурно-семантические и ареальные качества [2, с. 135]. Исследуя творчество И. Касаткина, М. Базанков (известный костромской писатель, «межак» по происхождению), отмечал документально точное изложение материала и близкое сходство языка героев произведений с речью деревенских жителей на реке Меже [1, с. 388–390].

Тематическая группа «Домашняя утварь» представлена в произведениях И. Касаткина следующими группами лексики: кухонная посуда (*кринка/крынка, черепья*); столовая, чайная посуда (*солоница, самовар*); кадки, бочки (*окорёнок, боконок, бурак*); посуда для различных хозяйственных надобностей (*корчага*); кухонная утварь (*пест, помело, коптюшка*), подвижная мебель (*поставец, зыбка, дерюжина*), корзины (*пестер, плетушка*).

Многие из представленных лексем встречаем в этнографических записках кологривского краеведа и этнографа А. Хробостова. Так, например, он отмечает назначение *кринок*, которые ставились в печь – «со скисшим молоком на груды (творог), с цельным молоком для получения топлёного молока» [16, с. 132].

И. Касаткин употребляет слово в двух вариантах – *крынка* и *кринка*: *Поднялся затемно, вздыхает, копошиться, ворчит на мать – в кладовке де крынки расставила под ногами... [7, с. 80]; Он выторговал у ребят веревку из лапотных оборок за кринку молока, которую тут же все дружно и расхлебали [7, с. 20].* Также употребляется производное *криночка*: *За заслонкой криночка молочка стоит, ты в рожок полей да и корми Сеньку-то [7, с. 16].* Данная лексема относится к числу древних в русском языке. Слово фиксируется в памятниках древнерусского языка, имеет параллели в украинском, болгарском, словенском, сербохорватском, чешском, польском языках [19, т. 12, с. 159]. БАС даёт дефиницию слова *кринка* без помет [14, т. 5, с. 1659]. Однако карта ДАРЯ показывает его в значении «сосуд для хранения молока» как характерное для севера, средней России и северо-вос-

точной части южнорусской территории [6]. Опыт 1852 г. дает слово с пометой «Вят.» [12, с. 93]. Повидимому, благодаря частотности употребления оно быстро вошло в литературный язык именно из севернорусских говоров.

Разнообразные наименования глиняной посуды фигурируют в одной из сцен рассказа «Силантьево детство», которая описывает торг на площади: *Как раз рядом безбровый мужик с жёлтым бабьим лицом вызванивал кнутовищем по глиняной посуде и тонкоголосо, как Марья Хряцова на пожарище, без передыху вопил: “Ай-яй-яй, горшки-плошки! Ай-яй-яй, корчаги, крынки, рукомойнички-и!..”* [7, с. 91].

Слово *корчага* в значении «горшок» известно с древнерусского периода [15, т. 1, с. 1411]. В настоящее время в значении «большой глиняный сосуд, горшок, служащий для разных хозяйственных надобностей» является устаревшим и областным [14, т. 5, с. 1479], широко распространенным преимущественно в севернорусских говорах [13, т. 15, с. 29]. Очень популярно оно в костромских говорах в значении «большой глиняный сосуд, от 2 до 15 литров, с узким горлом и отверстием в нижней части, закрытом затычкой. Использовалась для варки и хранения пива, кваса» [5, с. 164]. Данное значение фигурирует в говорах как основное в связи с ритуалами, связанными с семейными и общинными традициями в поунженском крае. А. Хробостов отмечает, что в этом чугуне «пиво в прежние года, когда берегли родство, варили часто... собирались все родственники и по материнской, и по отцовской линии. У пива родня советовалась между собой, мирила мужа с женой, зятевей и тещ. У пива старики узнавали новое поколение родственников...» [17, с. 332].

Картотека Костромского областного словаря говорит о том, что в настоящее время роль корчаги в хозяйстве расширилась – засолка огурцов, мяса, кипячение белья, хранение воды, меда, масла, приготовление опары и т. п. [8]. Сема «большой» также становится необязательной для данной реалии: *Как пиво делается, его разливаем в такие небольшие корчаги – с узким горлом и носиком* [5, с. 165].

В том же рассказе в концентрированном виде представлена лексика, обозначающая различного вида корзины, которые использовала семья для перевозки товаров на базар: *С одного боку телеги мать приладила плетушку с раскудахтавшимися курами, с другого боку лукошко яиц, пересыпала их куколем, чтобы не бились, а в передок сунула в бураке скоп топленого масла* [7, с. 80]. В данном случае слово *бурак* можно интерпретировать как «деревянная емкость, в которой хранят масло». По данным СРНГ, лексема *бурак* с доминирующим значением «сосуд из бересты цилиндрической или круглой формы для хранения или переноски чего-либо» практически повсеместно распространена на территории Русского Севера, известна рус-

ским говорам Карелии, говорам Кировской, Ленинградской, Новгородской и Псковской областей, фиксируется в средней полосе России, а также на территории Урала и Сибири [13, т. 3, с. 280]. На территории Костромской области данная лексема называется «берестяной сосуд цилиндрической формы, используемый для хранения и переноски жидких и сыпучих продуктов» [5, с. 44]. Г.В. Судаков отмечает, что *бураки* имели отличительные особенности по виду и назначению в разных областях: в северо-западной зоне (от Валдая до Холмогор) это большие плетенные из бересты и луба короба или кузова, в которых возили уголь, дрова, носили сено, мякину; в северо-восточной зоне (от Вологды до Великого Устюга и Костромы) – берестяные или лубяные сосуды с деревянным дном и крышкой для хранения сухих и жидких продуктов [16, с. 73]. Данные марийского языка позволяют О.В. Мищенко интерпретировать слово как заимствование из какого-то субстратного волжско-финского языка, широко распространившееся по территории современной России с колонизационными потоками [10].

Разновидность плетеной корзины – *плетушка* – широко использовалась на территории поунженского края. Опыт 1852 г. показывает слова *плетуха* и *плетюха* как вологодское и архангельское соответственно [12, с. 159]. КрКОС приводит слово *плетюха*, которое имеет значение «большая заплечная корзина, в которой переносили сено, солону с помощью веревки, перекинутой через плечо» [5, с. 250] и «большая круглая корзина из прутьев с двумя ручками для переноски овощей» [5, с. 251]. В произведениях кологривчанина Е. Честнякова данную корзину использовали как гнездо для кур, где они несли яйца. Здесь представлен тот же фонетико-словообразовательный вариант, что и в нашем источнике – *плетушка* [3, с. 63]. И. Касаткин отражает схожее назначение данной корзины: жена отправляет мужа продавать в плетушке куриц. Из контекста можно предположить, что *плетушкой* называли довольно больших размеров плетёную корзину, используемую для переноски крупной поклажи.

А. Хробостов указывает на использование данного вида корзин в поунженских деревнях наряду с *пестерами* в грибную пору [17, с. 62].

Лексема *пестер* не раз привлекала лингвистов загадкой своего происхождения. М. Фасмер, приводя несколько мнений по поводу происхождения слова, отмечает, что все версии являются ненадежными [18, т. 3, с. 250]. Лингвогеографические данные позволяют О.В. Мищенко предположить мерянский источник русского диалектизма [11, с. 86].

Г.Г. Мельниченко отмечает, что варианты *пестер*, *пестерь*, *пестёрка* широко распространены в зоне новгородской колонизации, тогда как варианты *пехтер*, *пехтерь*, *пецтер*, *пецтерь* – в зоне кривичской колонизации. Кроме фонетического об-

лика слов, прослеживаются различия в значении: в новгородской зоне это и заплечные и ручные корзины, в кривичской – только заплечные [9, с. 140].

Лексема *пестер* / *пестерь* функционирует в костромских говорах в значениях «берестяной короб в виде ранца для переноски на спине разной поклажи» преимущественно в говорах междуречья Унжи и Ветлуги, «большая плетёная корзина для переноски сена, соломы» – на территории междуречья Костромы и Унжи. Слово имеет многочисленные дериваты, что говорит о частотности её употребления: *пестерёк*, *пестеренька*, *пестёрка*, *пестерня* [5, с. 248].

Контекстный анализ позволяет вычлени из цитат Касаткина значение «заплечный короб для переноски поклажи»: *Большая артель микулинцев, с пестерами, пилами и рубанками на спинах, провожаемая бабами и ребятами, покидала в этот день село, уходила на заработки* [7, с. 12]. *На сходнях сгрудилась и галдит артель плотников с пестерами на спинах и с билетами в зубах* [7, с. 197]. А. Хробостов аналогичным образом описывает данный вид корзин; кроме того, он называет функционирующий в поунженских говорах синоним пестера – *заплечник* [17, с. 46].

Приведённые данные показывают значимость произведений И. Касаткина для лингвистических исследований лексики междуречья Унжи и Ветлуги. Во многих случаях контексты писателя дополняют данные полевых записей, помогая установить точный смысл слов путём контекстуального анализа; они отражают областные реалии ушедшей эпохи, в которых можно прочесть информацию об особенностях их употребления. Данные произведений И. Касаткина могут послужить источником для восстановления некоторых утраченных народным языком лексем, уточнения семантики отдельных слов, зоны их бытования, а также отслеживания семантических сдвигов во времени. Обращение к лексике материальной культуры, извлечённой из произведений писателя, показывает генетическую связь говоров междуречья с говорами Русского Севера и центральными говорами. Лексика включает в себя как исконно русские образования, так и заимствования. Всё это даёт определённую информацию об этнических, культурных и языковых процессах на данной территории.

Библиографический список

1. *Базанков М.Ф.* На родине Ивана Касаткина // Костромская быль / сост. В.К. Хохлов. – М.: Современник, 1984. – С. 386–397.
2. *Ганцовская Н.С.* Диалектные тексты как хранилище лексического богатства языка (на материале хрестоматий костромских говоров) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2016. – № 1. – С. 135–139.

3. *Ганцовская Н.С.* Живое поунженское слово: Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. – Кострома: Костромиздат, 2007. – 225 с.

4. *Ганцовская Н.С.* Межевские говоры // Губернский дом. – 2006. – № 3. – С. 70–71.

5. Живое костромское слово: Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: ГОУВПО им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с. (КрКОС)

6. Карта ДАРЯ – Названия глиняной посуды для молока в форме высокого сосуда с узким горлом // Диалектологический атлас русского языка. Центр европейской части России. – Вып. 3: Карты. – Ч. 1: Лексика. – Минск: Минская печатная фабрика, 1997.

7. *Касаткин И.М.* Мужик. – М.: Советский писатель, 1991. – 382 с.

8. ККОС – картотека Костромского областного словаря (хранится на кафедре отечественной филологии и журналистики КГУ).

9. *Мельниченко Г.Г.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование). – Ярославль, 1974. – 271 с.

10. *Мищенко О.В.* К этимологии русского диалектного «бурак» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kizhi.karelia.ru/library/gyabinin-2003/83.html> (дата обращения: 20.03.2017).

11. *Мищенко О.В.* К этимологии рус. диал. пестерь, пехтерь, пещер // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. трудов / под ред. М.Э. Рут, Л.А. Феоктистовой. – Екатеринбург: УрГУ, 2004. – Вып. 5. – С. 78–91.

12. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. – СПб., 1852. – 275 с.

13. Словарь русских народных говоров. Т. 1– / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М.; Л.; СПб., 1965–. (СРНГ)

14. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: АН СССР, 1948–1965. (БАС)

15. *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 1–2. – СПб.: Изд. отд. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. наук, 1893; 1902.

16. *Судаков Г.В.* О нашем, о русском: Мир русского человека в зеркале русского языка. – Вологда: Легия, 2006. – 179 с.

17. *Хробостов А.В.* Лебединая песня моего сердца. – Кострома: Фабрика сувениров, 2015. – 408 с. – (Сер.: Наша земля).

18. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. О.Н. Трубачёва. – М.: Прогресс, 1986–1987.

19. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачёва. – Вып. 12. – М.: Наука, 1985. – 188 с.

Очкасова Мария Руфовна

кандидат филологических наук, доцент

Костромская государственная сельскохозяйственная академия

maria.ochkasova@gmail.com

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ Л.Н. ТОЛСТОГО СКВОЗЬ ПРИЗМУ БИЛИНГВИЗМА ПИСАТЕЛЯ

В статье рассматриваются вопросы взаимовлияния и взаимопроникновения русской и французской языковых систем и отражение этих процессов в дневниковой прозе великого русского писателя Л.Н. Толстого. Исследуются механизмы порождения двуязычного текста, анализируется параллельное использование двух языков в одном тексте на материале дневниковых записей писателя. Показана концептообразующая роль французских языковых элементов, способствующих созданию в тексте прагматического эффекта, эстетического и эмоционального воздействия. Авторский билингвизм выступает приметой времени: владение двумя языками являлось характерной чертой русского высшего общества на рубеже XVII–XIX веков, что находило отражение в эпистолярном жанре и дневниках. Отличительная черта дневниковых записей – их спонтанность, следовательно, они наиболее достоверно отражают образ мышления автора. С другой стороны, содержание дневниковых записей обусловлено определенной интенцией и мотивируется поиском автором наиболее точных средств языкового выражения и определенного их взаимного расположения. В связи с обусловленностью выбора слов и оборотов контекстом, подчинением их семантики содержанию высказывания, необходимо учитывать семантические связи единиц внутри целостного текста. Лингвистический анализ дневниковых записей Л.Н. Толстого выявляет своеобразие русско-французского двуязычия, на котором базируется языковое мышление писателя.

Ключевые слова: дневниковая проза, двуязычный текст, билингвизм, индивидуально-авторская коннотация.

В течение трех столетий, с XVII по XIX век, русский литературный язык стремительно развивается и достигает одинаковой высоты с литературными языками Западной Европы. В начале XVIII века и особенно вместе с реформами Петра I в Россию хлынули иноязычные слова и их отдельные элементы, свободные и устойчивые словосочетания, новые грамматические конструкции.

Академик А.А. Шахматов писал: «В течение всего XVIII века прилив французских слов не прекращался, причем заимствовались не только слова, необходимые для выражения новых понятий в области техники и культуры, но также и такие, которые имели при себе в русском языке равнозначные или почти равнозначные синонимы; в светском обществе явилось стремление отделиться от простонародного, избегать «подлых», то есть обыденных, простых выражений, заменяя их более вычурными, иноземными и, прежде всего, французскими» [6, с. 92–93].

В российском обществе конца XVIII – начала XIX века французский язык стал языком официальным, дипломатическим, он также обслуживал моменты личностного общения, на нем велась переписка и частные дневники. Этот язык осваивался параллельно с русским в семьях русских дворян. Русско-французский билингвизм являлся характерной чертой представителей высшего общества. В салонах он использовался как основной, читающая публика проявляла большой интерес к французской литературе. Известно, что многие русские писатели (И.С. Тургенев, Ф.И. Тютчев) владели французским языком, подолгу жили за границей. При этом в своих произведениях они использовали лишь русский язык, обращаясь к французскому в письмах и дневниках. Подобный эпистолярный

билингвизм свидетельствует об интерференции языков, спонтанном использовании различных языковых систем в процессе порождения речи. Под интерференцией Г.М. Вишневская предлагает понимать «процесс, обуславливающий смешение элементов... языков... в лингвистическом сознании индивидуума вследствие наложения двух систем друг на друга при языковом контакте» [2, с. 7].

Писательский билингвизм – редкое и малоизученное явление. В лингвистической литературе довольно часто встречается утверждение, что человек не может одинаково хорошо (до степени родного) владеть двумя или более языками. Существование двух языковых систем формирует философско-лингвистическую проблему влияния билингвизма на мышление, так как предполагается, что это взаимодействие накладывает отпечаток на миропонимание и мировосприятие, язык и культурологические особенности личности. Французские языковые элементы в художественных текстах и дневниковых записях Л.Н. Толстого играют важнейшую концептообразующую роль и, взаимодействуя с русскими единицами, создают особую образность, отличающуюся большим разнообразием языковых изобразительных средств и необычайную по степени экспрессивности, прагматического эффекта, эстетического и эмоционального воздействия. Так, некоторые ученые определяют роман Л.Н. Толстого «Война и мир» как художественное двуязычное произведение, так как доля иноязычных элементов в нем является значительной и составляет около 15 % [3, с. 4].

Многие писатели-билингвы в своих произведениях или комментариях описывают ощущения от «билингвальности», возможности пользоваться разными языками в процессе творчества. Подобные высказывания интересны с нескольких

позиций. Прежде всего – это свидетельства самих двуязычных авторов о явлении, которое психологически им знакомо; во-вторых, в большинстве случаев они так или иначе приходят в своих размышлениях к сепиро-уорфовскому пониманию контакта двух языков в своем сознании: языки по-разному раскрывают реальность человеку, ими владеющему. Кроме этого, подчеркивается идея использования языками разных средств выражения одной и той же мысли.

При одновременном использовании двух языковых систем (осознанно или нет) первый язык может оказывать субстратное воздействие как на уровне лексики, грамматики, синтаксиса, так и на культурологическом уровне. В контексте литературно-художественного двуязычия наряду с термином «билингвизм» (уход в другую языковую систему для создания литературных произведений) К.В. Балеевских предлагает использовать термин «транслингвизм» и выделить две его формы: транслингвизм полный и неполный. В первом случае будет иметь место полное вытеснение родного языка как на творческом уровне, так и на коммуникативном уровне, во втором – использование (сознательное или нет) возможностей двух языковых систем [1, с. 10–12].

Творческое наследие и мемуары Л.Н. Толстого представляются ярким примером проявления билингвизма. Лев Николаевич Толстой в совершенстве владел французским языком, о чем свидетельствуют многочисленные записи, сделанные в его дневнике на протяжении всей жизни. Он читал французских авторов в подлиннике, то есть на языке оригинала и упоминает об этом, используя французскую транскрипцию для написания имен и указания названия произведения: 3/15 апреля 1857 года. *Читал... предисловие «Comédie Humaine», мелко и самонадеянно.* 8/20 апреля. *Читал «Damas aux perles»* [5, с. 490–538]. Как показал анализ материала, собранного методом сплошной выборки, Л.Н. Толстой читал по-французски много, читал он как современных ему авторов, модных и популярных в то время, так и классиков французской литературы, а также авторов малоизвестных, таких как Feuillet, Montégut, Mille.

Писатель характеризует и русскую литературу, и процесс собственного творчества текстов, прибегая к французскому языку: 29 мая 1895 года: ... *Уяснил себе Нехлюдова во время совершения преступления. Он должен был желать жениться и опроститься. Боюсь только que cela n'empête sur le drame* (чтобы это было не в ущерб драме); 25 января 1891 года: ... *Стал думать как бы хорошо писать роман de longue haleine* (букв. большого дыхания, то есть длинный), *освещающая его теперешним взглядом на вещи...* [5, с. 490–538]. Прочитрованные фразы, как и многие другие, содержат в себе структурно-семантический сплав русского и фран-

цузского языков. Синтаксические единицы русского и французского языков часто связаны в них как равноправные члены предложения или части одного словосочетания, а также в них наблюдается объединение предикативных единиц русского и французского языков в качестве частей одного сложного предложения, структурируемого по моделям как русского, так и французского синтаксиса. Языковая компетенция как важнейший аспект языковой личности автора характеризуется своеобразием взаимодействия языковых систем в его творчестве. Как показывают рассмотренные примеры, на уровне синтаксиса для Л.Н. Толстого характерно спонтанное использование соположения и создание различных комбинаторных единств на базе синтаксических конструкций русского и французского языков. Отличительной чертой дневниковых записей в целом можно считать их спонтанность, в них нет мук творчества в поиске нужного, наиболее подходящего слова, а следовательно, они наиболее достоверно отражают образ мышления автора.

Дневниковые записи Л.Н. Толстого становятся зачастую ключом к пониманию процесса создания произведения. Варьируя и взаимозаменяя слова и обороты русского и французского языков, он эксплицирует свои творческие интенции, представляя читателю, тем более исследователю творчества, свою работу над словом, используя различный языковой материал, выбор которого обусловлен поиском наиболее адекватного выражения мысли.

Л.Н. Толстой нередко проводит параллели в своих записях, ищет сходство, некие точки соприкосновения между французскими и русскими авторами: 20 сентября 1865 года. *Читал Mérimée «Chronique de Charles IX». Странная его умственная связь с Пушкиным. Очень умен и чуток, а таланта нет* [5, с. 490–538]. Подобные записи встречаются на протяжении всего дневника. Они отличаются краткостью и емкостью характеристик. Создается впечатление, что автор стремился отметить для себя нечто главное, представить одним мазком создавшееся у него целостное впечатление от прочитанного. Именно поэтому он употребляет односложные эпитеты, представляющие многочисленные коннотации – *поучительно, хорошо, нехорошо, чудно* и т. д.: *«Первое старо, второе плохо»*, – записывает он 17 февраля 1891 года о произведениях Montaigne и Эртеля.

Отношение к французской литературе в целом у Л.Н. Толстого достаточно критическое. Например, запись от 1 декабря 1856 года: ... *Дочел «Carmen» – слабо, французско* [5, с. 490–538]. Употребленные через запятую, эти характеризующие эпитеты образуют контекстный синонимический ряд, уточняя и дополняя друг друга в оценке литературного произведения, одновременно выражая отношение говорящего к французской литературе, воспринимаемой им как «слабой» в целом. К подобным ха-

рактикам он будет возвращаться еще не раз на страницах дневника: 9/21 февраля 1857 года. *В литературе, как искусстве, одна крайность – только личность; другая – все требования читателя. Французская попала в эту.*

Дневниковые записи 1857 года характеризуются многочисленными пометами, связанными с характеристикой театра, чаще всего французского. Но в записях есть упоминания также о немецких и античных, в частности греческих, текстах: 7/19 июня. *Читал восхитительного Гете.* 24 августа. *Читал Гомера. Прелестно;* 11/23 февраля. *Teamp. «Précieuses ridicules» и «Avare» – отлично...;* 12/24 февраля. *Teamp. «Les fausses confidences» Marivaux, прелесть элегантности... «Le malade imaginaire» сыгран прелестно;* 16/28 февраля. *Читал «Honorine»;* талант огромный...; 10/22 марта. *Teamp. «Figaro» прелесть* [5, с. 490–538].

Отзывы Л.Н. Толстого о французском театре чаще всего положительные, нередко даже восторженные. Возможно, это связано с тем, что русский театр находился в стадии становления, а французский был уже сложившимся и служил в некотором роде эталоном для русских авторов и постановщиков, актеров и зрителей.

Как нам представляется, содержание записей обусловлено определенной интенцией и мотивируется поиском автором наиболее точных средств языкового выражения и определенным их взаимным расположением. В связи с обусловленностью выбора слов и оборотов контекстом, подчинением их семантики содержанию высказывания, необходимо учитывать семантические связи единиц внутри целостного текста. На уровне внутрифразовых текстов русские и французские элементы вступают в отношения взаимной зависимости и дополнительного распределения, при этом проведенный лингвистический анализ текста позволяет утверждать, что именно французский элемент несет в подобных случаях основную смысловую нагрузку [4, с. 219].

Как показывает семантический анализ дневниковых записей Л.Н. Толстого, понятийная и эмоциональная направленность текста реализуется в значительной степени с помощью индивидуально-авторских коннотаций, которыми писатель наделяет как отдельные слова и обороты, так и целые фрагменты высказываний, текстов.

Так, в записи от 19 декабря 1909 года читаем: *Гулял утром, думал о том, что пора бросить писать для глухих «образованных». Надо писать для grand monde – народа.* Толстой выражает свою жизненную позицию с помощью игры слов и стилистического приема антитезы, противопоставляя высший свет, «образованных» – народу. При этом он намеренно трансформирует значение выражения *grand monde*: во французском языке это словосочетание означает «высший свет», а автор использует это выражение применительно к низшим сло-

ям общества, простому народу, который равен, не уступает, по убеждению Л. Н. Толстого, по своему интеллектуальному уровню высшему свету, тем самым манифестируя сложившуюся в душе писателя идеологическую и социально-этическую позицию.

Высказанная здесь оценка перекликается с одной из ранних, сделанных в апреле – мае 1851 года: *Пушкой идет вперед высший круг, и народ не отстанет; он не сольется с высшим кругом, но он тоже продвинется. – Pourquoi dire des subtilités, quand il y a encore tant de grosses vérités à dire* (зачем говорить утонченности, когда еще остается высказать столько крупных истин). С точки зрения целостного смысла этих выражений, они образуют градационную цепь, раскрывая направление эволюции мировоззрения писателя: в 1851 году Толстой считает, что народ пойдет в своем развитии за высшим светом, к 1909 году его отношение меняется, он считает, что народ станет флагманом духовного прогресса и развития общества. Автор полемически заостряет отношение к народу, указывая на его роль в развитии общества.

Лингвистический анализ дневниковых записей Л.Н. Толстого выявляет своеобразие русско-французского двуязычия, на котором базируется языковое мышление Толстого. Данный анализ позволяет выявить и элементы «многоязычия» писателя: в дневниках встречаются записи на французском, английском, немецком языках.

Дальнейшее изучение специфики языка эпистолярного Л.Н. Толстого посредством детального и разностороннего лингвистического анализа его дневниковых записей с учетом своеобразия и мотивов использования элементов главным образом французского, но также и английского, и немецкого языков позволит глубже проникнуть в творческую лабораторию писателя, выделить определенные прототипические элементы его идиостиля.

Библиографический список

1. *Балеевских К.В.* Язык как экспликация культурного опыта писателя-билингва (А. Макина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2002. – С. 10–12.
2. *Вишневская Г.М.* Билингвизм и его аспекты. – Иваново, 1997. – 98 с.
3. *Очкасова М.Р.* Роль французских нетранслитерированных языковых элементов в тексте романа Л.Н. Толстого «Война и мир»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2002. – С. 3–8.
4. *Очкасова М.Р.* Французские заимствования в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Актуальные проблемы науки в агропромышленном комплексе: сб. статей. Т. 2. – Кострома: КГСХА. – С. 216–219.
5. *Толстой Л.Н.* Что такое искусство? / сост. В.В. Основица. – М.: Современник, 1985. – С. 490–538.
6. *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. – М.: Учпедгиз, 1941. – С. 92–93.

Факторович Александр Львович

доктор филологических наук, профессор
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
af03@mail.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЧНОСТЬ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕДОСТОВЕРНОСТЬ КАК ВЗАИМОУСЛОВЛЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассматривается комплексный характер объектов лингвистической экспертизы. Слова, идеи, тексты объединяются как цельный объект экспертиз. Этот подход обусловлен сочетанием трех тенденций: растущей значимостью комплексных объяснительных установок; полиэпистемическими, междисциплинарными доминантами; интегративными процессами в экспертируемой сфере. Коммуникативная категоричность и семантическая недоверность спорных текстов характеризовались как отдельные, обособленные объекты в экспертной сфере. Но эти феномены могут поддерживать друг друга. Соотнесенность между ними связана с призывами, негативными оценками, «языком войны» в массовой коммуникации. Эта соотнесенность может реализовываться в преднамеренном искажении и в случайных ошибках. Отмеченная корреляция представлена в употреблении трех групп номинаций: военных, этнических, политических. Коммуникативная категоричность определяется как средство, компенсирующее конкретную семантическую недоверность. И семантическая недоверность характеризуется как предпосылка избыточной коммуникативной резкости.

Ключевые слова: коммуникативная категоричность, лингвистическая экспертиза, побудительное высказывание, прямой призыв, семантическая недоверность, семантическая связь, системные отношения, текст.

В теории и практике лингвистических экспертиз всё больше внимания привлекают комплексные объекты – например, интегрируются «слова, идеи, тексты как объекты экспертного анализа» [8, с. 216]. Интерес к ним определяется на пересечении двух основных тенденций. Это растущая значимость интегрального подхода, подготовленного в науке о языке давними тенденциями, причем взаимосвязанного с развитием интеграции в экспертируемой сфере, и соотносимая с данным подходом полиэпистемическая доминанта, включающая внимание к процессам как феноменам [10, с. 139; 13].

Комплексные материалы экспертизы, соединяющие, в частности, коммуникативные и семантические феномены, – уместный материал для характеристики определенных тенденций науки о языке. Задача статьи – наметить аспекты тех связей, в которые могут вступать между собой коммуникативная категоричность и семантическая недоверность как объекты лингвистической экспертизы. Показательно, что источником экспертируемого материала зачастую оказывается медийное пространство, которому всё более присущи различные проявления интегративности, конвергентности.

Поставленная задача решается в единстве трех основных аспектов: отмечаются ее теоретические предпосылки, особенности эмпирического пространства и специальная характеристика единства «коммуникативная категоричность – семантическая недоверность».

Теоретическими предпосылками анализа служат коммуникативные и семантические характеристики, присущие указанным сторонам объекта. Так, категоричность теоретизируется в специальных источниках по лингвистическим экспертизам

как свойство высказываний, реализуемое различными и притом глубинно упорядоченными средствами с элементами полевой организации. Среди них ведущее место, близкое к ядру поля категоричности, занимает призыв. Категоричность связана с его коммуникативной сущностью, отмечаемой и в специальных источниках по лингвистической экспертизе: «Призыв – это особый тип речевого акта, коммуникативное назначение которого в общем случае описывается известной семантической формулой: “Я хочу, чтобы ты сделал Р”» (Р – предикат, отражение того или иного действия, состояния и т. п.) [1, с. 412]. В этой же характеристике у цитированного автора категоричность отмечается в связи с прямыми и производными, или переносными, языковыми и речевыми средствами выражения призыва. В нашем дальнейшем изложении указываются типичные репрезентанты данного коммуникативного феномена.

Для другого феномена, семантической недоверности как стороны комплексных объектов экспертирования, теоретической предпосылкой служит понятие несоответствия между информацией и представляемой реальностью (недоверность в общем смысле). Наиболее актуальна для решаемой задачи медиаведческая конкретизация данного общего понятия, а именно «недоверное субъективное знание» [9, с. 139]. В семантической недоверности могут обобщаться значимая неполнота представлений и намеренная искаженность. Соответственно, глубинные мотивационно-сущностные мерки такой недоверности определяются в широких границах: от элементарного незнания до сложной манипулятивно-искажающей установки.

Данная особенность объяснима в русле вышеупомянутого интегрального познавательного

подхода. Им определяется, как можно полагать, и учет междисциплинарных связей в экспертизах – прежде всего учет единства «язык – психология – история – право». Эта теоретизация раскрывается в ряде работ [см. обзор: 13, с. 202]; особенно показательны труды научной школы М.П. Котюровой [7, с. 256]. Интегральность реализуется так, что не нарушает лингвистическую доминанту, а поддерживает ее.

Указание первого аспекта анализа, теоретических предпосылок, влечет за собой характеристику второго – специфики эмпирического пространства. По соображениям места привлечен один репрезентативный материал, который экспертировался в течение полугода – видеофайл «КУБАНЬ – ЭТО УКРАИНА!!!» (в мае – июне 2015 г. размещен в группе «Кубань! ОТКРОЙ ГЛАЗА» социальной сети «В Контакте» по адресу: vk.com/otkroy_glaza_kuban). Он был представлен для лингвистической экспертизы несколькими организациями, в дальнейшем стал предметом разбирательства в суде, принявшем решение, которое в октябре 2015 г. вступило в законную силу. Аналогичны иные многочисленные материалы, например: уголовное дело № 15901085 по ст. 280.1 ч. 1 УК РФ, по нему 21.12.2015 Октябрьский районный суд г. Краснодара вынес обвинительный приговор; уголовное дело № 15901118 по ст. 205.2 ч. 1 УК РФ, аналогичный приговор 13.05.2016 вынесен Северо-Кавказским окружным военным судом.

Непосредственный объект анализа – указанные связи в материале. Для их установления и следует выявить специфику эмпирического пространства. Она определяется многомерно, а наиболее очевидно раскрывается в элементах двух семантических полей, представляющих этнополитическую и военную сферы. В характеристике элементов опираемся на лексикографические источники, причем привлекаем и тематический словарь, поскольку в данном аспекте тематические и семантические систематики совместимы. Емко представляет эту линию системности актуальный источник – Тематический словарь русского языка под редакцией В.В. Морковкина (М.: Рус. яз., 2010. с. 478, 494), подразделы тематической области «Общество»: «Вооруженные силы»; «Нации и национальные отношения» (выделено авторами. – А. Ф.).

Первую, этнополитическую, сферу иллюстрируют такие типичные для экспертируемого материала высказывания: «Дорогие кубанцы Украина поможет вам вернуться домой!» (Все примеры из источника приводятся аутентично, сохраняются средства выделения, опечатки и даже грубые ошибки, допущенные в видеотитрах.).

Лексема **кубанцы** в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А. Кузнецова (СПб.: РАН: Норинт, 2009. С. 477) имеет значение ‘население Кубани, жители этой местности’.

То же – в иных актуальных источниках. Суффикс *-ец*, образующий наименование лица, выступает в данном словообразовательном типе в значении «лицо по месту проживания, происхождения», ср.: Урал – уралец, Гасконь – гасконец, Украина – украинец).

Номинациям этой группы как отдельному объекту уделяется внимание в специальных источниках по экспертизе, в связи с лингвистическими технологиями в правотворческом процессе [см.: 8, с. 444]. Соответствующие номинации представлены в 62 высказываниях из 81, которые составляют материал. Причем высокую общую долю единиц данной группы (76,5 %) подкрепляет линейная распределенность по трем сильным текстовым позициям: исходной, центральной, финальной.

Сходные данные речевой системности – 80 %, с аналогичной линейной распределенностью – характеризуют вторую семантико-тематическую сферу, характерную для материала, – военную. См. единицы в нижеприведенных фрагментах (выделены нами. – А. Ф.):

«Кубанцы... чистите **пулемет**

В сети появились якобы карты-схемы **генштаба ВСУ** по возврату Крыма и **захвату** Кубани. <...>

И вот уже партнеры Украины из НАТО проводят около Кубани свои **учения**».

Соответствующие номинации представляют значимую линию системности, определяемую, в частности, на ином материале в научной школе профессора Н.С. Ганцовской, – «особую систему понятий военной профессиональной области» [Волотов, с. 13]. Благодаря насыщению экспертируемого материала такими номинациями намечается сложное тематическое единство, семантически наводящее на мысль и возможности военного решения национально-политических проблем.

Выявление теоретических предпосылок анализа и своеобразии эмпирического пространства (двух первых аспектов проблематики) позволяет перейти к специальной характеристике объекта. А именно – к рассмотрению коммуникативной категоричности и семантической недостоверности как сторон комплексного объекта экспертизы. Проиллюстрируем два данных феномена поочередно, а затем отметим специфику их единства.

Коммуникативную категоричность в экспертируемом материале наиболее емко представляет ряд, объединяющий четыре основных компонента (см. ниже единицы, выделенные в примере). Это: а) форма предложенческой предикативной парадигмы с побудительным значением; б) усиление этой коммуникативно-грамматической семантики эмоциональной окраской высказывания – тире, восклицательным знаком в вышеприведенном заглавии; в) лексическое средство передачи категоричности-неизбежности, наречие «обязательно»; г) средства, системно связанные с выше-

указанными пунктами а – в и намечающие мотивацию такой категоричности. См.:

а) «Кубанцы... открой глаза... чистите пулемет...!»;

б) «Кубань обязательно вернется в украинскую семью»;

в) «КУБАНЬ – ЭТО УКРАИНА!!!»;

г) «Осталось лишь проявить необходимую волю и решимость по возвращению Кубани на родину <...> Александр Турчинов заявил, что на правах широкой автономии Украина готова принять в свою семью только Кубань – обширный регион России с глубокими украинскими корнями».

Последнее высказывание – одно из средств концентрированного выражения указанного коммуникативного намерения. Минимальное представление семантической структуры релятивного типа и ее наполнение – «Украина примет в свой состав регион России». В такой реализации совмещается категоричность и саморазоблачительный оттенок, раскрывающий противозаконность высказанных намерений: действия, которые «должны совершить» кубанцы по категоричному призыву Турчинова и его единомышленников, – нарушение норм, представленных в главе 1 «Основы конституционного строя» действующей Конституции РФ. (Возможный выход той или иной территории из состава РФ оговорен конституционными – общепризнанными – нормами волеизъявления. Между тем в тексте призыв к этому выходу Кубани из РФ прямо противоречит конституционным нормативным условиям – он нацелен на насильственные действия). В заключительных фрагментах текста, с повышенной весомостью, эту категоричность усиливает своеобразное «пугающее коммуникативное радушие»: «Дорогие кубанцы Украина поможет вам вернуться домой!».

Уже в данном высказывании представлена связь между коммуникативной категоричностью и другим феноменом – семантической недостоверностью. Заключительная единица – наречие «домой» – представляет в качестве дома кубанцев, граждан России, совсем иное государство, Украину.

Эта установка предварена подсистемой соответствующих лексико-семантических средств. В ней взаимодействуют два из них, значимых для семантического поля: это смещение согипонимии в гипо-гиперонимию и лексико-семантическая конверсия. Отметим каждое из двух средств.

Объективно между двумя топонимами – «Кубань» и «Украина», именованьями соседних территорий – определяются согипонимические отношения: обе единицы именуют земли, населенные восточными славянами (может быть выделена архисема «славянство»), преимущественно православными и т. п.

Однако в тексте наводятся иные, гипо-гиперонимические отношения и, соответственно, пред-

ставление кубанцев как частного по отношению к украинцам. Это выражено специализированно на двух уровнях: заглавием «КУБАНЬ – ЭТО УКРАИНА!» и его раскрытием, разносторонней конкретизацией в озаглавленном тексте: «Культурная и ментальная Кубань всегда была и есть Украиной»; «...кубанская область, ставропольщина и черноморская губерния почти сто лет назад были с Украиной единым целым». Указанное смещение поддерживается следующим смысловым рядом: украинским землям объединиться – украинские патриоты – украинство.

Между тем заявляемые связи обладают всеми признаками семантической недостоверности, мышления. Это подтверждается единством экстралингвистических и лингвистических характеристик. Наводимая в тексте «соотнесенность» не представлена ни в одном актуальном источнике, включая самые разнообразные: российские украинфильские, классические и недавние украинские, в том числе учебники истории [2; 5 и мн. др.]. Нет соответствующих утверждений даже в источнике, нацеливающим на исключительную роль Украины в развитии казачества вообще [14]. И в неоднозначном исследовании В.А. Брехуненко [3] отсутствуют подобные высказывания. Судя по документам, а также другим достоверным свидетельствам, в упомянутый период «Законодательная Рада в Екатеринодаре провозгласила Кубанскую область республикой» – 8 января 1918 г.; «В Екатеринодаре открылся II съезд Советов Кубанской области, провозгласивший образование Кубанской Советской республики» – 1 апреля 1918 г.; В Екатеринодаре открылся III Чрезвычайный объединенный съезд Советов Кубани и Черноморья, образовавший Кубано-Черноморскую Советскую республику» – 28 мая 1918 г.; «В Екатеринодаре открылся I Северо-Кавказский съезд Советов, объединивший Кубано-Черноморскую, Ставропольскую и Терскую республики в единую Северо-Кавказскую Советскую республику» – 5 июля 1918 г. [11, с. 180 и след.; то же – в ряде иных источников].

Смыслы, которые соотносят упомянутые и иные подобные события с вхождением Кубани в Украину, не представлены в актуальных материалах каких бы то ни было периодов. Наводимая в тексте соотнесенность противоречит также системным ассоциативным отношениям. Как представлено специальным нормативным академическим источником, у номинации «Украина» есть устойчивые ассоциации с такими единицами, как Русь, Беларусь, хата, гопак, Днепр и др., но нет ассоциаций с единицей «Кубань» (см.: Русский ассоциативный словарь. Т. 1. М.: РАН, 2002. С. 373, 889).

Помимо смещения согипонимических отношений в гипо-гиперонимические, семантическая недостоверность может быть связана с реализацией лексической конверсии. Конверсивной связью

охвачены, например, слова «захват» и «возврат» (в нижеприведенных сочетаниях со словом «Кубань»), использованные в определенных лексико-семантических вариантах. Показательны в тексте утверждения о действиях «по возврату Кубани на родину... В Украине никто не скрывает таких планов. В сети появились якобы карты-схемы генштаба ВСУ по возврату Крыма и захвату Кубани».

Возвратить можно то, что было твоим, возврат определяется как восстановление утраченных отношений собственности, принадлежности (в очень широком смысле). Это раскрывается, например, толкованиями приведенного отвлеченного существительного с процессным значением и мотивирующих его глаголов. Большой толковый словарь русского языка под редакцией С.А. Кузнецова (СПб.: РАН: Норинт, 2009. С. 142, 119) фиксирует: «**Возврат**. К Возвратить – возвращать и Возвратиться – возвращаться»; «**Возвратиться** = Вернуться»; «**Вернуться**. 1. Прийти, приехать обратно...». То же – в других актуальных словарях.

Между тем захват как насильственное действие резко отличен от декларируемого возврата. Отнесенность к одной ситуации двух крайне различных смыслов уточняет их конверсивную связь и определяет семантическую недостоверность в высказываниях.

С рассмотренными различными проявлениями смысловой недостоверности, как можно полагать, связаны и отдельные фактические ошибки. Например: «...в одна тысяча восемьсот девятнадцатом году, шестнадцатого февраля, была провозглашена самостоятельная кубанская народная республика, вошедшая в украинское государство на правах автономии. Другими словами кубанская область, ставропольщина и черноморская губерния почти сто лет назад были». 1819 год указан ошибочно вместо 1918 года. Такая степень речевой безответственности ставит под сомнение весь смысловой корпус текста. Самые разнообразные ошибки, свидетельствующие о недостаточной речевой ответственности, отмечаются и в дальнейшем, являя в том числе смысловую недостоверность в высказываниях.

Выявленная семантическая недостоверность представлена в системном контрасте с наводимыми смыслами правды и права: «По правде говоря... больше прав...». Этот контраст усиливает установку на безапелляционность – усиливает неявно, но в данном случае оттого еще эффективнее; соответственно, он дополняет системное единство между категоричностью и недостоверностью.

Таким образом, феномены семантической недостоверности и коммуникативной категоричности могут тяготеть друг к другу. В ряде ситуаций, там, где словесно-смысловым составом текста не определяется высокая достоверность, ее (недобросовестно) стремятся восполнить избыточной резкостью, с опорой на свойства средств выражения категоричности.

Основной вывод, определяемый выполненным анализом, – это установление взаимозависимости между проявлениями двух феноменов, коммуникативной категоричности и семантической недостоверности.

С одной стороны, если необходимо коммуникативное воздействие, а достоверность информации «хромает», не определяется, ее отсутствие влечет за собой у ангажированного, агрессивного адресанта применение средств категоричности. С другой стороны, доминанта коммуникативной категоричности сама по себе может приводить к игнорированию необходимой меры достоверности.

Дальнейшая систематика обоих векторов этого взаимного тяготения может опираться на избирательно используемые и модифицируемые системные отношения. Особенно – на смещенные гипонимические, а также на семантическое поле в целом как комплексное, интегральное системное отношение.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. – М.: Наука: Флинта, 2009. – 592 с.
2. Бардиж В.К. Дневник кубанского казака. – Краснодар: Традиция, 2008. – 217 с.
3. Брехуненко В.А. Козаки на степовому кордоні Європи. – Київ, 2011. – 340 с.
4. Волотов Д.А. Батальная лексика французского происхождения в русском языке первой половины XIX века (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ярославль, 2014. – 24 с.
5. Грушевский М. Очерки истории украинского народа. – СПб., 1904. – 380 с.
6. Костенко М.А. Лингвистические технологии в правотворческом процессе // Юридическая наука и методология преподавания юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования. – Ростов н/Д: РГЭУ «РИНХ»: ЮФУ, 2009. – С. 443–444.
7. Котюрова М.П., Кушнина Л.В. О девальвации и (не) востребованности научного знания // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: ПГНИУ, 2015. – С. 69–82.
8. Леонтьев Д.А. Слова, идеи, тексты как объекты экспертного анализа // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности. – М.: Смысл, 2006. – С. 216–227.
9. Лозовский Б.Н. Журналистика и средства массовой информации. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – 236 с.
10. Локосова М.В. Хитросплетение категорий: анализ основных понятий философии процесса А.Н.Т. Уайтхеда // Вопросы философии. – 2017. – № 1. – С. 154–167.
11. Ратушняк В.Н. История Кубани в датах, событиях, фактах. – Краснодар: Традиция, 2010. – 432 с.

12. Факторович А.Л. Системные отношения в лексике и лингвоэкспертная практика // Стилистика как речеведение. – М.: Наука: Флинта, 2013. – С. 200–207.

13. Черникова И.В. Трансдисциплинарные ме-

тодологии и технологии современной науки // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 26–35.

14. Історія українського козацтва. Т. 1 / О.К. Струкевич, В.М. Матях, А.М. Авраменко та ін. – Київ, 2011. – 294 с.

УДК 81'37 ; 81'282

Ховрина Татьяна Константиновна

кандидат филологических наук, доцент

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
tatyana.hovrina@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОБИРАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ЯРОСЛАВСКИХ ГОВОРАХ

В статье рассматриваются собирательные существительные продуктивной словообразовательной модели – дериваты с суффиксом -j-, представленные в говорах Ярославской области. Источником исследования являются материалы «Ярославского областного словаря» и изданных к нему «Дополнений». Устанавливается словопроизводственная база таких образований модификационного типа, мотивированных существительными. Особое внимание уделяется семантике собирательных имён, производных как от общерусских, так и от диалектных основ. Выделяются основные группы собирательных наименований совокупного множества однородных в каком-либо отношении объектов, актуальных для диалектоносителей. Анализируются явления синонимии и вариативности в кругу исследуемых слов данного лексико-грамматического разряда. Диалектный материал рассматривается с привлечением данных исторических словарей русского языка.

Ключевые слова: диалектная лексика, собирательные существительные, словообразовательный тип, семантика, синонимия, вариативность, ярославские говоры.

Особый лексико-грамматический разряд среди нарицательных имён в русском литературном языке и его диалектах составляют собирательные существительные. К ним относятся слова, называющие совокупность однородных предметов и выражающие это значение с помощью определённых словообразовательных формантов. Отличительной особенностью таких слов является то, что они не образуют формы мн. числа [4, с. 461–462]. Собирательным существительным изначально, в древнерусский период, были присущи такие семантические признаки, как множественность, нерасчленённость, однородность, увеличительность [2, с. 146]. Полагают, что закрепление за подавляющим большинством собирательных имён в русском языке формы ед. ч. было связано, по всей вероятности, «с необходимостью дифференциации выражения расчленённой множественности (это значение у существительных при коррелятивности числовых форм выступало лишь в формах мн. ч.) и нерасчленённой» [1, с. 190]. При этом множество, обозначаемое собирательными существительными, мыслится как нерасчленённое целое потому, что «совокупное множество обычно включает очень большое число членов» [1, с. 192]. Таким образом, признак нерасчленённости у собирательных имён связан с признаком усилительности.

Собирательные существительные широко распространены в диалектной речи. Сохранение продуктивности словообразовательной категории собирательности характерно для северной диалектной зоны, в особенности для её северо-восточной части [3, с. 83]. Большим числом лексических единиц, разнообразных по своей словообразова-

тельной структуре и семантике, они представлены и в словарном составе говоров Ярославской области. В большинстве своём это разного рода деривационные образования от именных основ.

Наиболее продуктивными в говорах (названной выше диалектной зоны), в том числе ярославских, являются дериваты с суффиксом -j- (слова на -be/-bĕ). Как отмечает Ю.С. Азарх, собирательные существительные ср. рода типа *дубье* являются общеславянским словообразовательным типом, это так называемые первичные собирательные с суффиксом -bj- от конкретных считаемых существительных, данная модель была продуктивна в древнерусский и старорусский периоды. Словопроизводственную базу собирательных имён на -ie/-ye составляли непроизводные и опрошенные существительные муж. и жен. рода, главным образом названия видов растений, их частей, плодов [2, с. 146, 152].

Дериваты данного типа обладают модификационным словообразовательным значением, которое представляет собой некоторый дополнительный компонент значения, присутствующий в мотивированном слове и отсутствующий в мотивирующем [4, с. 265]. При модификации, таким образом, между производным (мотивированным) словом и производящим (мотивирующим) устанавливаются семантические отношения «включения»: лексическое значение производящего включается в семантический объём производного [2, с. 30]. Модификат отличается от производящего дополнительным семантическим оттенком, которым в данном случае является собирательность.

В ярославских говорах собирательные существительные с суффиксом -j-, обозначающие со-

вокупность того, что названо мотивирующим словом, а им в диалектах может быть одушевлённое или неодушевлённое существительное, представлены многочисленными наименованиями множеств однородных в каком-либо отношении объектов живой и неживой природы. Среди данных слов выделяется несколько семантических групп. Во-первых, это названия диких и домашних животных: *волчьё, медведьё* (ср.: *Теперь уж всё волчьё перестреляли*. Мышк. [9, т. 1, с. 119]); *коровьё* ‘стадо коров’, *лошадьё* (*Кто сегодня коровьё будет пасти? Тут.; Всё лошадьё на мясо сдали, нет ни одной лошади во всём колхозе*. Рыб. [9, т. 1, с. 327, 384]); птиц: *гусьё, курьё* (*Гусьё-то у тебя всё поразбежалось*. Мышк.; *Пойди прогони курьё с огорода*. Пересл. [9, т. 1, с. 182, 365]); *галчьё, гальё, галочьё* (*галочьё*) ‘галки’ (*От галочья никакого спасу нет*. Нек.; *Землю пацут, дак везде одно галчьё*. Люб. [9, т. 1, с. 144]); *грачьё, грачевье* (*грачевьё*), *гайвороньё* ‘грачи’ (*Грачьё кружится над паиной*. Пош. [9, т. 1, с. 169]); *дичьё* ‘дикие птицы; дичь’. В ряде случаев здесь представлены семантические дублиеты, словообразовательные варианты.

Во-вторых, это названия видов деревьев, травянистых растений и их частей: *дубьё* ‘дубы’, *орешьё* ‘заросли ореховых кустов’, *кореньё* ‘корни растений’, *лисьё* ‘ботва свёклы’, *батыльё* (от *батыль*) ‘высокие заросли сорных трав’ (*Вот уж и Павлово, и Трушево батыльём поросло*. Мышк. [9, т. 1, с. 38]); грибов: *грузденьё* (*грузденьё*) ‘грибы грузди’, производное от *груздень* ‘груздь’ (*Пойдёмте в лес за груздем*. Рыб. [8, вып. 3, с. 111]); *губовье* ‘губной нарост на стволе дерева’ (*Все деревья в огороде губовьём обметало*. Пош.; *Ну и берёза, одно губовье*. Дан. [9, т. 1, с. 177]). Как видим, в наименованиях *губовье* (от *губа* ‘гриб’), а также *озимовье* (от *озимь*) ‘посевы озимых культур’ и представленном выше *грачевье*, т. е. в собирательных именах на *-овье* (*-евье*), наблюдается распространение первичного суффикса *-j-* (<*-vj-*) суффиксом *-ов-* (*-ев-*), подобные собирательные отмечены уже в памятниках древнерусской письменности [2, с. 156–157]. Кроме того, к данной группе модификатов относятся и префиксально-суффиксальные образования, например, *облистьё* ‘листья; листва’. В этой группе особо выделяется ряд однокоренных собирательных названий зарослей высокой сорной травы, в котором представлены словообразовательные синонимы, имеющие разное суффиксальное оформление, и родовые непроизводные варианты: *батыл, батыла, батыль, батыльё, батыльник, батылиник* (ср.: *А сейчас в огороде один батыл*. Г.-Ям.; *Батыла заполонила все огурцы*. Нек.; *Батыльник как вырос на печинах-то*. Мышк.; *Батылиником всё заросло*. Г.-Ям. [9, т. 1, с. 38]).

В следующую группу входят названия множеств каких-либо конкретных предметов, дере-

ваты от таких слов, как *кол, камень* и т. д.: *кольё, каменьё* ‘пороги на реке’, *тенетьё* (от *тенето*) ‘паутина’ (*Скоко тенетья-то в углу*. Г.-Ям. [9, т. 2, с. 317]) и др.; а также *ухабеньё* (от *ухаб*), несколько отличающееся от других лексем своим словообразовательным формантом (*Скоро-то не доедешь, одно ухабеньё на дороге*. Рыб. [9, т. 2, с. 345]); ср. псковское и тверское *ухабень* ‘ухаб, яма на дороге’ [6, т. 48, с. 237], которое могло быть промежуточной ступенью при образовании данного собирательного имени, однако в ярославских говорах оно не зафиксировано.

Приведённые выше собирательные существительные в большинстве своём являются дериватами от исчисляемых существительных. Эти формы «по образованию соотносительны с формами множественного числа и отличаются от них семантической целостности, совокупности» [10, с. 176].

Отдельную группу составляют названия одежды, причём главным образом изношенной, ветхой, рваной: *лопотье* (*лопотьё*), *латанье* (*латаньё*), *лохонье, ветошиньё, веретьё* (*веретьё*), *веретинье, труньё, худьё*. Среди этих названий выделяются имена, образованные от слов с лексическим значением совокупности. Так, *лопотье* – производное от *лопоть* ‘будничная одежда’ и ‘рваная одежда; лохмотья’. Собирательное *лопотье* (*лопотьё*) имеет пренебрежительный оттенок, ср. его употребление в народной речи: *Окидала своё лопотьё в узел – и скорей бежать* (Пош.); *Это лопотьё надо выбросить* (Некр.) [8, вып. 6, с. 13; 9, т. 1, с. 383]. Кроме того, лексема *лопоть* имеет конкретное значение ‘детская пелёнка, подгузник’. Поэтому и производное от него *лопотье* обладает в ярославских говорах этой же семантикой и, соответственно, употребляется в форме мн. числа (*Ты лоскуты-те не выбрасывай, пригодятся на лопотья*. Рост.; *Надо нашить лопотьев*. Б.-Сел.). Вместе с тем оно может функционировать и как собирательное, ср. в колыбельной песне: *Зыбаю, позыбаю, Пошла бабка за рыбою, Мать лопотье полоскать, А я Ванечку качать* (Пош.). Как конкретное существительное *лопотье* известно также в значении ‘одеяло’ (*Ремеслом кормились, стегали лопотья*. Мышк. [9, т. 1, с. 383]).

В памятниках письменности конца XVII–XVIII вв. слова *лопоть* и *лопотье* зафиксированы как наименования ветхой одежды, например: «Ту его *лопоть* и лошади покупали меж собою служилые люди, кому что понадобится». Мат. ист. Сиб. [7, с. 228]. Оба слова включены в Словарь Академии Российской (1806–1822) со следующим толкованием: во-первых, это ‘ветхая одежда, гуня’, во-вторых, так «в простонародном употреблении называются пелёнки или покрывальца холстинные, в каковые обертывают младенцев» [5, т. 3, с. 606]. Эти слова с данной семантикой сохранились в русских говорах.

В одном из письменных источников середины XVIII века – собрании «речей, употребляемых в Устюге Великом» и его окрестностях, представлены слова *латанье* и *лопоть*, которые объяснены так: «платье драное, худое» [7, с. 229]. В ярославских говорах бытует первое слово, называющее заплату на одежде (ср.: *Фуфайка – одно латанье*. Пош. [9, т. 1, с. 371]), которое, в свою очередь, является производным от собирательного *латань*, обозначающего как собственно заплату (*Платье одето – одна латань*. Пош.), так и старую, изношенную одежду, имеющую заплату (*Надо вот купить на платье, а то уж одна латань осталась*. Угл. [8, вып. 5, с. 121]). От этого слова во втором значении появилось собирательное другого словообразовательного типа *латанина* (с суффиксом *-ин-*), функционирующее с ярославских говорах наряду с *латань*.

Среди собирательных названий ветхой, рваной одежды выделяются слова *веретинье* и *ветошинье*, в которых проявляется расширенный вариант суффикса *-j-* (образования на *-инье*). Первое – дериват от собирательного *веретье*, широко распространённого в русских говорах в данном значении (ср.: *Сними ты с себя это веретье*. Перв.; *Пойдёт – всё веретинье ветром сдует*. Пош. [8, вып. 2, с. 55; 9, т. 1, с. 96]). Второе слово *ветошинье* ‘тряпье, плохая одежда’ [8, вып. 3, с. 10] мотивировано однокоренным *ветошь*, имеющим в литературном языке значение ‘ветхое изношенное платье; тряпье’. В Словаре Академии Российской (1806) в одной словарной статье представлены слова *ветошь* и собирательное *ветошье* ‘старое изношенное платье и всякие ветхие вещи’ [5, т. 1, с. 466], которое можно рассматривать как промежуточное звено в словообразовании между лексемами *ветошь* и *ветошинье*.

Собирательное *лохонье* именуется в ярославских говорах старые поношенные вещи, например: *Навезли мне лохонья-то, всё нужно нести в овраг* (Яр.) [9, т. 1, с. 384]). Данное слово в значении ‘ветошь, тряпье; ветхая, изношенная одежда’ известно во владимирских и рязанских говорах. Со второй половины XIX в. слово *лохонье* отмечается в них и как наименование лоскутков старой одежды, ненужного тряпья, которые использовались крестьянами вместо детских пелёнок. Данное собирательное существительное связано с однокоренным *лохонь* – так называется в рязанских говорах лоскут, клочок материи, тряпка и детская пелёнка из старой изношенной одежды [6, т. 17, с. 164]. В свою очередь, в ярославских говорах зафиксировано слово *лоханы* (мн. ч.) ‘лохмотья’, ср.: *Не юбка, а одне лоханы* (Рост.) [8, вып. 6, с. 15]. Слово *лохон* ‘лоскут (материи), тряпка’ известно в тамбовских говорах, а в значении ‘ветхая, изношенная одежда, одежонка’ – было отмечено в нижегородских, ср. также рязанское *лохонка* ‘тряпка, лоскуток’ [6, т. 17, с. 163]. Как видим, однокорен-

ные семантически связанные образования представлены в говорах центра (ярославских, владимирских, рязанских).

Собирательное *труньё* также обозначает рваную, старую одежду (*Невеста небогатая, у неё не одежонка, а труньё*. Пош.; *В лес-то надевали труньё*. Рыб.); лохмотья, тряпье (*Трунья полный сундук*. Пош.; *Да выбрось ты своё труньё!* Тут.); детские пелёнки [8, вып. 9, с. 119]. В этих значениях данное слово распространено в севернорусских (в частности, вологодских) и в среднерусских говорах как западных, так и восточных [6, т. 45, с. 165]. Таким образом, собирательные *лопотье*, *лохонье*, *труньё*, обозначающие изношенную одежду, тряпье, одновременно именуют и то, на что это могло быть использовано в крестьянском быту, т. е. функционируют в говорах и как конкретные существительные.

Следует отметить и тот факт, что только собирательное *басьё* (от диалектного *баса* ‘наряд, нарядная одежда’) является в ярославских говорах наименованием праздничной, красивой одежды (ср.: *Басья-то у неё сколько!* Яр. [8, вып. 1, с. 39; 9, т. 1, с. 37]).

Обратимся также к лексеме *оховерье* – собирательному названию старья, рухляди в доме (*В дому одно оховерье, больше ничего нет*. Пош.). В переносных значениях это слово употребляется как конкретное существительное. Во-первых, оно обозначает старого, дряхлого человека, в чём проявляется сема ‘старое’, например: *Думала ли я про себя, что буду такое оховерье* (Пош.). Во-вторых, оно служит наименованием опустившегося человека, пьяницы: *Ну его, не мужик, а оховерье, глаза ввалились, без стакана не живёт* (Некр.). Во втором значении данное слово непосредственно связано с глаголом *охаверничать* ‘сквернословить, вести себя непристойно, нагло’ [9, т. 2, с. 118–119]. Глагол *охаверничать* (*охаверничать*) в этом значении известен в соседних с ярославскими владимирских и подмосковных говорах, а также в рязанских. Другие однокоренные лексемы – наименования бесстыдного, нахального и озорного человека *охаверник* (*охаверник*) и, соответственно, женского рода *охаверница* – распространены более широко, они зафиксированы не только в названных говорах, но и в тверских, пермских, сибирских и др. В вологодских говорах, кроме сущ. *охаверник*, отмечено и прил. *охаверный* (*охаверный*) ‘бесстыдный, нахальный, озорной’ [6, т. 21, с. 23]. В семантике этих слов, как видно, проявляется негативное отношение к человеку, т. е. то, что не одобряется обществом.

Среди одушевлённых собирательных существительных рассматриваемой словообразовательной модели представлены и дериваты от наименований лиц муж. и жен. рода, приведём некоторые: *братье* ‘братья’, *деверье* ‘девери’, неодобрительное *девье* ‘девушки’ (ср.: *Парней много, а девья мало*. Рыб. [8, вып. 3, с. 126]) и др.; добавим

к ним и *старушенье* ‘старые женщины; старухи’ (*Старушенье-то на беседу придут, рассядутся по лавкам – всех переберут.* Мышк. [9, т. 2, с. 296]). Как видим, в приведённых выше группах собирательных имён выделяются дериваты с осложнённым суффиксом *-j-* (слова на *-енье, -инье*), которые функционируют в ярославских говорах параллельно с «типичными» собирательными (ср. *веретье – веретинье*) как семантические дублиеты или самостоятельно, не имея соответствующих вариантов (ср. *ухабенье, старушенье*, а также *головенье* ‘шелуха головок льна, льняная мякина’ и ‘головки льна на корню’).

Итак, проведённый анализ собирательных существительных данного словообразовательного типа показал, что они являются продуктивным разрядом в лексике ярославских говоров. Такие имена представлены в них производными образованиями как от общерусских, так и от диалектных основ. В семантике собирательных наименований отражается то, что является актуальным, наиболее значимым для диалектоносителей.

Библиографический список

1. *Азарх Ю.С.* К истории собирательных типа *братья, зверье* в русском языке // *Общеславянский*

лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. – М.: Наука, 1977. – С. 189–210.

2. *Азарх Ю.С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 247 с.

3. *Азарх Ю.С.* Диалектное членение русского языка по данным словообразования // *Проблемы русской лингвистической географии.* – СПб.: Изд-е РГО, 1992. – С. 79–86.

4. *Русская грамматика: в 2 т. Т. 1 / гл. ред. Н.Ю. Шведова.* – М.: Наука, 1980. – 783 с.

5. *Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 ч.* – СПб., 1806–1822.

6. *Словарь русских народных говоров.* – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2015. – Вып. 1–48.

7. *Словарь русского языка XVIII века.* – СПб.: Наука, 2000. – Вып. 11. – 256 с.

8. *Ярославский областной словарь: в 10 вып. / под ред. Г.Г. Мельниченко.* – Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1981–1991.

9. *Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / под науч. ред. Т.К. Ховриной.* – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015.

10. *Яцкевич Л.Г.* Русское формообразование. Процессы деграмматикализации и грамматикализации. – Вологда: ВГПУ, 2010. – 280 с.

КОСТРОМСКАЯ ТОПОНИМИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Е.В. ЧЕСТНЯКОВА
(по материалам книги Н.С. Ганцовской «Живое поунженское слово.
Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова»)

В статье даётся характеристика топонимов, которые входят в словарь ономастической лексики, – одну из частей книги Н.С. Ганцовской «Костромское поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова», посвящённой языку художественных произведений знаменитого костромского писателя, художника, мыслителя, педагога. Топонимическое пространство произведений Е.В. Честнякова состоит как из собственно топонимов, так и микротопонимов, которые являются неотъемлемой частью живой народной речи, точно воспроизведённой писателем. Это, за небольшим исключением, наименования реально существовавших объектов, хорошо известных писателю. Запечатлённые в художественных произведениях, топонимы выполняют не только свою основную (локативную) функцию, они получают в определённой степени новую («художественную») жизнь, практически не отрываясь при этом от жизни реальной, и оказываются увековеченными. Отражая особенности индивидуального стиля писателя, топонимы наряду с апеллятивами и иными онимами характеризуют костромские (поунженские кологривские) говоры. Книга Н.С. Ганцовской – это открытие Е.В. Честнякова как знатока живого народного кологривского слова, который показывает пример отношения к народу и его языку.

Ключевые слова: «Живое поунженское слово», Н.С. Ганцовская, Е.В. Честняков, топоним, микротопоним, костромская топонимия, кологривская топонимия, костромские говоры.

Книга Н.С. Ганцовской «Костромское поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова», посвящённая языку художественных произведений знаменитого костромского писателя, художника, мыслителя, педагога, содержит уникальный словарь народно-разговорной, в том числе и ономастической, лексики. Отражая особенности индивидуального стиля писателя, эта лексика достоверно характеризует костромские (поунженские кологривские) говоры. Топонимическое пространство произведений Е.В. Честнякова, представленное в словаре ономастической лексики, состоит как из собственно топонимов (в том числе и макротопонимов: Россия, Русь, Москва, Питер, Северное море, Северная Двина, Америка и др.), так и микротопонимов.

Макротопонимы, вошедшие в словарь, являются в основном названиями, связанными территориально с Россией как государством, например: *Чтоб с миром всем Россия вся творила дивы-чудеса («Стафий»); Как правою возьмёшь рукой – запляшут на Русе («Стафий»); А там их много, чуть не все мужики отходят по Питерам да Москвам («Стафий»); Может, она в другую сторону – в ночную, к рекам Северного моря («Стафий»).*

Большая часть топонимикона словаря – это названия реально существовавших (в настоящее время часть из них относится к числу исчезнувших или исчезающих) населённых пунктов (авторскими являются лишь названия городов Талалай и Фрон, деревни Выскориха, под которой, возможно, подразумевается деревня Шаблово – родина Е.В. Честнякова): города Кологрив, Макарий (Макарьев), Солигалич; сёла Илешево, Матвиево, Село, Турдиево; деревни Безлядово

(или Безлядва), Биричёво, Бураково, Варюхино, Выскорево, Денюгино, Дербин, Елизарово, Жүково, Зеленино, Кикириха, Княгинино, Крутец, Лучкино, Малинино, Овино, Овсянниково, Опарино, Рябково, Самобылиха, Серяково, Спирино, Сумарок и мн. др., например: *Звонят вокруг игриво, Аж услышат в Кологриве («Невеста перед выходом»); Они уже собирались копать копажи и рубить лес для сплава к Макарью («Стафий»); Третий город Солигалич («Русь»); Ходили и по сю сторону по волоку кое-куда по деревням в Турдиево по Заволочью («Стафий»); Жила-была небольшая деревня... Никто про неё не знал... и названья не имела. А мы зовём Выскориха («Стафий»); Вон внизу деревня. Это Безлядово («Стафий»); А вот пролетел ужё над Биричёвым («Стафий»); Уехал со «святым» по деревням... Были тут в Буракове... в Топошенове... в Корчагине... А в Опарино не были... («Стафий»); Там скажут: «Ступай на Варюхино!» («Стафий»); Прощай, Выскорево! («Стафий»); Дорогой как тут идти... через Дербин, что ли? («Стафий»); Первая деревня от нас вот по этой дороге – Елизарово («Стафий»); Или то в Зеленине измолотить никак нельзя было («Стафий»); На Илейно не поймут («Сегодня вот уже суббота»); Ближняя к ним деревни: Крутец, Илешево, Овсянниково были в стороне, правее («Стафий»); И вместе с мужиками к ночи отправились Яи в деревню Кикириху... Уже на берегу Кунажа («Стафий»); Первая деревня от нас вот по этой дороге – Елизарово, другая пойдёт – Малинино («Стафий»); Кирька, парень из деревни Овино из-за Заволжья, собрался по лыко («Стафий»); Не прошло и полчаса в пути, на заре перед восходом солнца долетел до деревни Рябково, где нынешний Солюг... около того места...*

подальше немного («Стафий»); *Стафия, здесь, в Самобылихе, кое-кто знал, что он из Чернобыльникова («Стафий»); Вёрст в полсотни, поди, наклюкаешь до овина. Это нужно к Хорюхину... а опять к Серякову – прямее будет («Стафий»); Какая деревня? Спирино – село (Стафий); Пролетели над Денюгином и Жуковым, и против Шушенского у опушки (Стафий); Уж как пятая деревня Шаблово («Святые праздники»)*. Селения эти по большей части находились поблизости к д. Шаблово и были хорошо известны Е.В. Честнякову. Со многими из них его жизнь была тесно связана. Так, например, в д. Лучкино (*Ещё восьмая деревня Лучкино – «Святые праздники»*), находящейся недалеко от Шаблова, жили его крёстные, из Денюгина была родом его мать.

Гидронимия костромского края представлена названиями рек (как крупных, хорошо известных, так и небольших): Волга, Княжая, Кунаж, Лаптиха, Межа, Нижняя, Ночина, Пичура, Ужуга, Унжа, например: *Река Кунаж тут уж не широка («Стафий»); И пошли на Нижнюю, дошли по просеке даже до Лаптихи, дальше не пошли («Стафий»); Выбрался по материку и водоразделам между верховьями речек, впадающих в Унжу выше Межи («Стафий»); Из этих болот берётся речка Княжая, что течёт на полудень, и речка Ночина, что течёт к Северной Двине («Стафий»); Ниже и ниже – к ручью подходит. Может быть, это Солюг али Ужуга... али другая? Пичура, например... Али даже Княжая... али приток («Стафий»); Вниз по Унже по реке («Сегодня вот уже суббота»); Мы от вас недалеко, с Унжи матушкинки («Стафий»)*.

Микропонимическую систему произведений Е.В. Честнякова составляют наименования практически всех основных типов топонимов. Это и названия, известные жителям небольшой территории, являющиеся принадлежностью одной небольшой топонимической системы, и названия, широко известные многим, общие для нескольких соседних топонимических систем. К последним можно отнести, например, названия местностей Заволочье (в Парфеньевском районе, бывшем Кологривском уезде, вблизи села Матвеева) и Пёжега (несколько деревень: Токарево, Уродово, Лом, Талица, Забелино): *И вместе с мужиками к ночи отправились Яи в деревню Кикириху... уже Заволочье на берегу Кунажа («Стафий»); Вот какой-то Еврашка из Рогулихи привёз, говорят, из Заволочья («Стафий»); Боязно было лететь на Пеженгу на таком («Стафий»)*. Относятся к микропонимии и являющиеся узкоместными наименования Воскресёнский (другое название – Воскресенья стан в старом Кологриве; в селе Архангельское, где была церковь Михаила Архангела) и неофиц. Архандел (церковь св. Михаила Архангела вблизи Кологрива): *У Архандела тоже останавливались*

(«Стафий»); *У Воскресенского на стану был какой-то праздник («Стафий»)*.

Неотъемлемой частью произведений писателя является характеристика ландшафта тех мест, где происходят описываемые события. Определённую роль в этом играют оронимы, дромонимы и дримонимы. Оронимия представлена названиями возвышенностей: Михайлова гора (в д. Шаблово) – *Под Михайловой горой, лишь весеннюю порой, ночью он и днём шумлив («Войдите вы в часовенку...»); Ярилина гора (от слав. Ярило – бог солнца) – И на высоком берегу на солнышке когда-то была избушка... Ярилина гора... и жил там святой старичок («Стафий»); Шабала́ (крутая гора в д. Шаблово, возвышенность с таким названием есть и за д. Дербин, где так же называется и поляна: *Ребятишки даве с похода бежали, говорят, на Шабалу ходили*; известно оно и в других районах Костромской области, например: *Шабала – очень крутая гора. д. Ильино Буйск.) – На горе, что... было назвал чудно – Шабалой («Стафий»)*.*

Дромонимы тесно связаны с дримонимами, так как именуемые ими объекты находятся в лесу. Большой во́лок (волок – часто встречающийся в костромской, в том числе кологривской, топонимии местный географический термин, имеющий много значений: лесная гужевая дорога, дорога через лес, дорога между населёнными пунктами, дорога между полями, лес в междуречье, место между рек и мн. др. – по сведениям Картотеки костромского областного словаря [7] и Картотеки костромского топонимического словаря [8], см. также [2, с. 56–57; 6, с. 294–298]) – лесная дорога: *Ужё над Большим волоком над лесом летят («Стафий»); Дóлгий наволок (наволок – также продуктивный в образовании топонимов многозначный местный географический термин; используется он для наименования заливного луга, затопляемой в разлив местности, покоса около реки, островка на реке, поросшего кустарниками и небольшими деревьями места и др. [7; 2, с. 223]) – длинная лесная дорога: *Дальше повёл их дедушко Картий через кулижку Ивана Петровича Седова в Долгий наволок в Воровой – к Самойлову («Стафий»)*.*

Дримонимы связаны с агроонимами. Воровой – расчищенное место в лесу, кулига (небольшой участок в лесу или около леса для покоса или под пашню) за д. Спирино: *... в Долгий наволок в Воровой – к Самойлову («Стафий»); Ходили по Воровому вниз до Сумарока... («Стафий»); Илейно – кулига, вычищенное место в лесу, за д. Спирино: *На Илейно не поймут («Сегодня вот уже суббота»)*. Название поля Борисиха является примером многочисленных в топонимической системе Костромской области топонимов, образованных с помощью суффикса *-их(а)*, который в топонимии обычно означал принадлежность или свойства (см., например: [5, с. 75–76]).*

Село Илешево как ближайшее более крупное по сравнению с деревнями селение называется просто Селом (подобно названию Город – по ближайшему городу), что характерно для многих, в том числе и костромских, говоров: *Ещё четвёртая деревня Село* («Святые праздники»).

Узкому кругу людей известен микротопоним (микродомоним) топонимической системы родной деревни Е.В. Честнякова Шаблово – Груздева изба (по фамилии хозяев дома – Груздевых): *А где теперь Груздева изба, были прекрасные терема, устланные коврами и увешанные картинами по стенам* («Стафий»).

В иллюстрациях к топонимам из произведений Е.В. Честнякова находим сведения и о других кологривских топонимах, которые не характеризуются в отдельных статьях словаря. Так, к полю Борисиха деревни Овсянниково (по пути в с. Илешево) можно попасть по Зеленинской и Михайловской дорогам, названным по деревням Зеленино и Михайловское (бывшее Биричёво), к которым они ведут (такой способ образования названий путей сообщения является продуктивным в костромской топонимии): *С неё сошли на зеленинскую... и по михайловской дороге до Борисихи* («Стафий»); А в деревню Матвиево – по Романовскому разруб (разруб – просека в лесу [7]): *А мы ходили по Романовскому разруб в Матвиево, камедь играем* («Стафий»). Из Черменина (деревни около Старого Кологрива) можно пройти по Старой дороге: *Из Черменина шли по старой дороге* («Стафий»).

Топонимия произведений Е.В. Честнякова – это не простой перечень известных названий различных объектов, а точное воспроизведение реального географического пространства, своего рода карта местности, по которой можно отправиться в своеобразное художественно-реальное путешествие.

Многие топонимы сохранились в кологривской топонимической системе до настоящего времени. Например: *Сегодня поедем кататься на лыжах на Шабалу* (п. Ужуга); *Княжся протекает вблизи деревни Ильинское. На Княжой-то были?* (г. Кологрив); *Монастырь Пустынь, что стоял на этой речке, основала некая княжся из рода Романовых, поэтому гору назвали Романихой, а речку – Княжой* (д. Екимцево); *Если по Унже подняться, то к реке Пеженге и выйдем, а уж леса там какие хорошия, и дичи много* (с. Илешево); *Солюг – речка. Солюг – большой хутор по пути к Ужуге. Солюг – и луг, на котором находятся сенокосные угодья* (п. Ужуга); *Питает Унжу множество мелких речушек* (г. Кологрив); *Правый приток Княжской – речка Ульшима* (г. Кологрив); *Поехали на Унжу-то. Унжа – тихая, спокойная река* (г. Кологрив); *За груздями-то надо на Разруб ехать* (г. Кологрив).

Названия многих объектов, с которыми была связана жизнь Е.В. Честнякова и которые он запечатлел в своём творчестве, звучат и в пред-

ставленных в книге «Живое поунженское слово» воспоминаниях о нём («Земляки о Честнякове», своеобразный комментарий к словарю), записанных Н.С. Ганцовской и кологривскими краеведами (см. также: [3, с. 79–84; 4, с. 98–120]). Например:

Мама спрашивает:

– Ефим, кто у её жених будет?

– Первой будет в Виге, второй на Романовском разрубе, третьей будет в пещере, и за ево замуш выдёт («Свои мысли у ево были, на свой язык он пеу»).

Гармошка была, маленькая гармошка была. Возьмёт гармошку эту, да и играет:

Вот вам, деушки, наука –

Не любите некрутов.

Некрутам война и мука.

Оне вам не женихи.

А вокурат предчувствовал войну-ту эту, с Германией-то.

Потом пев:

В Варзинге дымки-дымки,

А в Крутеньком-то домики [1, с. 124–125].

В Варзинге была пекарня, а в Крутенькое это было там-от ешчо в лесу посёлок. Шчо он знав, вперёд заглядывав. Тогда не понимали, шчо он говорит, и всё сбывалося. Построят да опять сломают («И вот он всё ездив, на колясоцьке-то»).

Запечатлённые в художественных произведениях, топонимы как бы получили в определённой степени новую («художественную») жизнь, практически не отрываясь при этом от жизни реальной, и оказались увековеченными. Они могут исчезнуть по разным причинам из народной речи, но сведения о них останутся. Таким примером может являться микротопоним Коровай, сведения о котором сейчас уже трудно найти, в произведении «Стафий» (*Посидели тут... и по просеке шли до Коровая*).

Топонимы, как и другие имена собственные, играют немаловажную роль в художественных произведениях Е.В. Честнякова, являясь, как пишет об онимах Н.С. Ганцовская во Вступлении к своей книге, «продуктивным компонентом честняковского лексикона, неотъемлемой частью живой народной речи, документально точно отражённой писателем» [1, с. 8].

Книга Н.С. Ганцовской – это открытие Е.В. Честнякова (Фимки, как он сам себя называл) как знатока живого народного кологривского слова, показывающего пример отношения к народу и его языку; это своего рода энциклопедия народной жизни, которую нельзя по-настоящему познать, не живя ею.

Библиографический список

1. *Ганцовская Н.С.* Костромское поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. – Кострома: Костромаиздат, 2007. – 225 с.

2. Ганцовская Н.С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – 512 с.

3. Ганцовская Н.С. Костромское народное слово. Очерки, исследования, эссе, народные рассказы / ред. Т.Г. Гончарова. – Кострома: ред.-издат. сектор Костромской областной думы, 2003. – 216 с.

4. Ганцовская Н.С. Меткое костромское слово. – 2-е изд. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2015. – 176 с.

5. Никонов В.А. Введение в топонимику. – М.: Наука, 1965. – 179 с.

6. Цветкова Е.В. Географический термин *волок* в костромской микропонимии и «Ярославском областном словаре» // Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы научной конференции / сост. и отв. ред. О.Н. Скибинская, Т.К. Ховрина. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016.

7. Картотека костромского областного словаря (хранится в лаборатории лингвистического краеведения и славянской филологии Костромского государственного университета).

8. Картотека костромского топонимического словаря (хранится в лаборатории лингвистического краеведения и славянской филологии Костромского государственного университета).

УДК 81'282

Шаповал Виктор Васильевич

кандидат филологических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
liloro1@yandex.ru

КОСТРОМСКИЕ МАТЕРИАЛЫ Ф.И. ПОКРОВСКОГО КАК СЛОВАРНЫЙ ИСТОЧНИК

*Верификация описаний диалектных слов, представленных в ряде сводных словарей, – это очень нужная и сложная процедура. В принципе, ее можно проводить по-разному. Например, можно двигаться от отдельного описания слова к его первоисточнику, а также и от первичного источника ко всему списку слов, опирающемуся на его данные в проверяемом словаре. Некоторые диалектизмы в публикациях Ф.И. Покровского (1871–1942) имеют два разных варианта написания, другие представлены в уникальной форме записи (это как уникализмы, так и печатки). Некоторые толкования диалектных слов содержат также диалектные слова (*постила* 'покрытие (воза)', *пяха* 'веретено'). Проверка каждого из указанных аспектов необходима для достижения большей достоверности диалектных словарей.*

Ключевые слова: критика источника, критика словаря, вторичные источники, костромские говоры, диалектизм, верификация, описание слов.

Многоуважаемому юбиляру автор безмерно благодарен за поддержку в минуты сомнений и колебаний. Один из разговоров послужил толчком к практической разработке применения в общем известного и простого приема верификации словарных данных, обладающего только одним недостатком: он отнимает много времени. Частный результат применения этого подхода излагается ниже.

Нина Семеновна всегда обращает пристальное внимание на ту часть диалектной лексики, которая «недостаточно отражена» [3, с. 101]. Собираение диалектизмов подразумевает и верификацию их описаний. Проверка материала позднейших сводных словарей, думается, тоже важна, и она может вестись разными способами. Например, не только от определенной словарной статьи к источникам, но и от конкретного источника к словарным статьям [10; 11]. В этой процедуре можно выделить ряд аспектов, но ее сильной стороной является обращение к первоисточнику, возможность опираться на его данные в полном объеме, а не на цитату. Так, акад. В.В. Виноградов указывал: «Главная опасность состоит в определении значения не на основе знания соответствующего текста в целом, а путем произвольного истолкования картотечно-

го примера, отрезка, вырванного из контекста» [1, с. 15]. Кроме того, в публикациях прошлого нередко не выносили в алфавитный порядок те слова, которые обсуждались в самом тексте диалектологического очерка. Это иногда приводит к досадным пропускам.

Федор Иванович Покровский (1871–1942) составил три словарика, собранных на северо-западе Костромской губернии и опубликованных в конце XIX века в составе его диалектологических очерков в «Живой старине» [6–8]. Первый словарик он опубликовал, будучи еще студентом Санкт-Петербургской духовной академии [6, с. 412–415], которую он закончил (по историческому отделению) в следующем году и удостоился «степени кандидата богословия с правом соискания степени магистра богословия без нового устного испытания», будучи по баллам 9-м из 55 выпустившихся в этот год [2]. Два других словарика опубликованы уже в качестве отчетов о командировках от Географического Общества [7, с. 462–469; 8, с. 346–348] в родные места автора, где он преподает до 1903 г. в училище, которое сам ранее закончил.

Автор, будучи уроженцем Буйского уезда, мог опираться на значительный объем собственных многолетних наблюдений. Кроме того, будущий

главный хранитель отдела рукописей академической библиотеки имел соответствующую историко-филологическую подготовку. Это делает его материалы весьма ценным и заслуживающим доверие собранием.

Рассмотрим предположительные пропуски, выявляемые в СРНГ, и вероятные уточнения и дополнения, формулируемые на основе сплошного просмотра трех словариков Ф.И. Покровского. Эти различия могли возникнуть по недосмотру при условии разнесенности во времени этапа росписи материала на карточки и этапа окончательного редактирования текста словаря.

1. Пропуски. В тексте очерка 1895 г. представлено некоторое число лексических единиц, вопрос об отнесении которых к диалектизмам должен решаться эксплицитно:

Па́хуха ‘пазуха’: «Вместо *х* слышится *к* в словѣ пазуха в м. пахуха, а *ф* в словахъ – куфарка и куфня в м. кухарка и кухня» [8, с. 340]. Этот уникализм *пахуха* в словаре не отражен [9, вып. 25, с. 29–298], что справедливо. По всей вероятности, это опечатка. Следует, видимо, учитывать эту запись с предостерегающим пояснением.

Петра́дка ‘тетрадка’: «В м. Тить говорятъ Китъ, в м. тетрадка – петрадка, в м. тяжелый – чезолой» [6, с. 409]. Уникализм *петрадка* нигде не отражен [9, вып. 26, с. 329], вряд ли это опечатка, вызванная ошибкой прочтения начальной буквы *к*- в широко и хорошо документированном *кетрадка* [9, вып. 13, с. 191]. Публикация очень тщательно вычитана. Следует все же учитывать эту запись с указанием на единичность.

Полови́н (?) ‘половина / половинный’: «В м. съ половины дня говорятъ – съ половина дня» [7, с. 458], на основе этого слово *половин* не описывается [9, вып. 29, с. 88–89], однако ср.: «*Половинденъ*, м. 1. Полдень. Братск. Иркут., 1957. Иркут. *С этого половинденъ мы его больше не видели. В половинденъ поели и пошли дальше. Забайкал.*» [9, вып. 29, с. 89]. Первый иллюстративный пример, кажется, указывает на лексикализацию и неизменяемость, а пример Ф.И. Покровского исторически можно интерпретировать как содержащий морфологический вариант *полови́н* (м. р.) или, скорее, как архаичное сочетание с кратким прилагательным, согласуемым с *день*. Восстановление этой потери в сводном словаре может быть принципиальным для славянского материала, например для интерпретации на общеславянском фоне болг. *половин* (м. р.) ‘половина’.

Посви́ра ‘просфора’, *посви́рёна* ‘просфорня (краткое толкование неоднозначно: место выпечки просфоры? женщина, занимающаяся выпечкой просфоры?)’. Фонематико-морфологический вариант слова *просви́рня* («Вместо просфора и просфорня говорятъ: посви́ра, посви́рёна» [6, с. 406]). Документировано только «*Посви́рочка*, ж. Ласк.

Просви́рочка... Бурят. АССР, 1968» [9, вып. 30, с. 141]. Эти два слова следовало бы учесть в качестве северо-западных костромских диалектизм.

Из словарика, приложенного к очерку, не все слова попали в СРНГ:

Госкроенной: под *чистополье* ‘открытое широкое место’ имеется контекст с непонятным словосочетанием «какъ выѣдешъ на чистополье, го<->скроенной родъ будетъ видать» [6, с. 415]; прилагательное *госкроенной*, по мнению собирателя, не требовало пояснения. Возможно, *мо скр[а]-енной *рядъ* ‘то крайний ряд’. Темная фиксация.

«Клипы – руки, въ бранномъ смыслѣ (“Что клипы-то растопырила?”)» [6, с. 413]. Вероятно, костромское в переносном употреблении стоило отразить особо, ср.: ед. ч. – «*Кли́на*, ы, ж. Клешня... Влад., 1933» [9, вып. 13, с. 299], ср. там же еще одно свидетельство лучшего сохранения переносного значения: «*Кли́на*, ы, м. и ж. Надоедливый, назойливый человек. Дон., 1929» [9, вып. 13, с. 299; 5, с. 137]. В словаре Фасмера отсутствует. Костромская фиксация позволяет расширить географию. Как-то удивительно напоминает по разбросу семантики англицизм *клип* и *клипса* [13], но германизм ли это, решать предоставим специалистам-этимологам.

«*Ме́ко*, *ме́щечко*, – секретъ, важное сообщеніе (“Подъ сюда, я тебѣ скажу одно меко”)» [6, с. 413]. *Меко* и *мещечко* не отмечено [9, вып. 18, с. 95, 151], хотя это чрезвычайно интересные и более не зафиксированные трансформации производного от неопределенного местоимения *нечто*. Неопределенность грамматического статуса этого уменьшительного приводит к колебаниям: «*Не́шточко*, *местоим.* *Фольк.* Нечто, что-то»; «*Не́щечко*, а, ср. 1. Нечто, что-нибудь» [9, вып. 21, с. 211, 212]. Ф.И. Покровский обратил внимание на меню начальных *н*-/*м*-, искал более четкую формулировку для описания замеченного процесса: «*н* измѣняется въ *м* въ собственныхъ именахъ, начинающихся съ слога *ни*: говорятъ, напр., *Микалай* в м. *Николай*, *Микита*, *Микифоръ*, *Миканоръ* в м. *Никоноръ* и пр.» [6, с. 409]; «*Н* переходить въ *м* въ началѣ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ: *Миколай* в м. *Николай*, *Микита*, *Миканоръ*, *Микифоръ*» [7, с. 457]; позднее этот ряд расширяется за счет глагола: «Начальный *н* измѣняется въ *м* въ словахъ: *Микалай* и *Микола* в м. *Никалай* и *Никола*, *мырять* в м. *нырять*» [8, с. 343]. В этот ряд можно поместить и костромское *мещечко* и результат его стяжения (редеривации, по типу младенческих слов) *меко*. Есть все основания учесть эти два слова в качестве северо-западных костромских диалектизм. Кроме того, выявленная вариативность инициали может быть, думается, связана с почти местоименным значением существительного *место* ‘10. Какая-либо вещь, предмет’ [9, вып. 18, с. 129], а также иметь определенное значение для интерпретации на

праславянском фоне болгарского редуцированного неопределенного местоимения *нещо-мещо* 'нечто', румынского *nește* 'нечто', заимствованного и в один из цыганских диалектов (кэлдэрарский) с экспрессивной вариативностью *меште, неште* и *неште-меште* 'какой-то' [4, с. 103, 111], далее – к праслав. **nešyto/*něšyto* (нечто) [12, с. 113–114]. Костромской материал добавляет объемности и представлениям о редкой славянской экспрессивной модели уменьшительных производных от местоимений, ср. также укр. *де́циця* (ж. р.) 'малость' от *де́що* 'нечто, кое-что'. Кроме того, костромские слова, исчерпывающе описанные Ф.И. Покровским, хочется надеяться, позволяют найти ключ к интерпретации неполной уральской фиксации А.В. Миртова: «*Мещишко*, а, ср. [Знач.?). Урал., Миртов, 1930» [9, вып. 18, с. 151].

2. Уточнения и дополнения труднее формулировать, поскольку речь идет обычно о весьма лаконичном описании материала.

«Адь ты остани́, – поговорка, смысл которой не ясен (“ах, адь ты остани! Что ты надблал то?”)» [6, с. 412], «Бранное выражение, смысл не ясен» [9, вып. 1, с. 204], возм., **ад ты оста-ми*, то есть 'ад тебя приведи в оцепенение' с глаг. **остамитъ* (потенциальным каузативом к глаголу состояния *остаметь (остамѣть)* '1. Утратить чувствительность, гибкость, онеметь' [9, вып. 24, с. 56].

Егов, еговый: «Часто слышится *ѣ* в серединѣ слова передъ ударениемъ, напр. в усеченныхъ прилагательныхъ: *частѣнь, ягѣвъ, прибыточѣнь* и др.» [6, с. 404]. Позиция под ударением названа позицией перед ударением (непосредственно перед знаком ударения), а местоимение *его́в* (в результате прогрессивной межслоговой ассимиляции – *егѣв*) названо прилагательным. На *еговый* 'относящийся, принадлежащий ему; его' [9, вып. 8, с. 316] этот костромской материал не учтен. Не хотелось бы, чтобы и на *я*-его пропустили.

Постила 'покрывало, покрытие': «*Торплѣ* – веретище, – постила для покрытия воза» [8, с. 348], диалектизм в толковании [9, вып. 30, с. 226].

Пряха: «Кужель, – льняной пучекъ на *пряхѣ*» [6, с. 413]; позднее: «Кужель, – пучекъ льна, привязанный къ *пряхѣ*» [8, с. 413]. *Пряха* 'прялка / прясло / веретено' [9, вып. 33, с. 96] – диалектизм в толковании позднее заменен на литературный эквивалент.

Сабоги 'сапоги' [6, с. 409], при *сабоги* в [9, вып. 36, с. 12]; эта костромская фиксация не учтена. Сходное озвончение интервокального глухого в другом слове *тидиво* подтверждено только костромской фиксацией в паре с *идиво* 'еда': «Пидиво – питье» [8, с. 347; 9, вып. 27, с. 21]. Ср. также: «Селѣдокъ – шуренокъ, небольшая шука до 3 фунтовъ» [8, с. 348], 'годовалый шуренокъ' [9, вып. 37, с. 129] = *селеток* 'годовалый шуренокъ' (Чухл. Костром., 1972) [9, вып. 37, с. 133].

Отрадно отметить, что в целом рассматриваемые источники учтены достаточно полно и точно. Полезно было бы в перспективе сравнить в этом отношении рассмотренные материалы с другими диалектными публикациями в «Живой старине».

Библиографический список

1. *Виноградов В.В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Вопросы языкознания. – 1968. – № 1. – С. 3–22.
2. Выпускники Санкт-Петербургской (с 1914 – Петроградской) духовной академии 1814–1894, 1896–1918 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.petergen.com/bovkalov/duhov/spbda.html>.
3. *Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г.* К вопросу о специфике авторских областных словарей (обновлённый проект создания «Словаря народно-разговорного языка Е.В. Честнякова») // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 6. – С. 101–104.
4. *Демятер Р.С.* Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект). – М.: Русский язык, 1990. – 336 с.
5. *Миртов А.В.* Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов н/Д, 1929. – 415 с.
6. *Покровский Ф.И.* Особенности в говоре населения, расположенного по реке Письме Костромской губернии Буйского уезда // Живая старина. – 1895. – Вып. 3–4. – С. 403–415.
7. *Покровский Ф.И.* О народных говорах северо-западной части Костромской губернии (из отчета о командировке от Имп. Русского Географического Общества в 1896 г.) // Живая старина. – 1897. – Вып. 4. – С. 446–469.
8. *Покровский Ф.И.* О народном говоре Чухломского уезда Костромской губернии (из отчета о командировке от Имп. Русского Географического Общества в 1898 г.) // Живая старина. – 1899. – Вып. 3. – С. 330–349.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–48. – Л.; СПб.: Наука, 1965–2015.
10. *Шановал В.В.* Словарные материалы М.Ф. Кривошапкина как объект критики // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. – Вып. 6 (15). – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. – С. 162–168.
11. *Шановал В.В.* Редактирование толкований в череповецких материалах М.К. Герасимова // Третьи Громовские чтения. Живое слово и Костромской край. – Вып. 3. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2016. – С. 329–333.
12. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 24: **navijati(se)/*navivati(se) – *nerodimъ(jь)*. – М.: Наука, 1997. – 239 с.
13. Online Etymology Dictionary [Electronic resource]. – URL: <http://www.etymonline.com>.

SUMMARY

Elena P. Andreeva
Vologda State University
ep-andreeva@bk.ru

Vologda dialect connotative words: ways to reveal lexical expressivity

This paper aims at analyzing the means and ways to reveal expressivity in the lexical system of the Vologda dialects. The object of the research is the connotative words of various lexical groups. Semantic description, derivational structure, paradigmatic and syntagmatic relations of the analyzed expressive words help to reveal linguistic means of expressing connotation of the dialect word. The analyzed language data shows that the correlation between denotative and connotative components of lexical meaning performs differently in various lexical groups. Denotative components modified by semes of emotional evaluation play the leading role in the lexical meaning of colloquial vocabulary. The connotative semes appear to be no less significant in the semantic meaning of expressive agentives. In the meaning of abusive words the denotative component can be equal to null. Analysis of expressive vocabulary of the Vologda dialect seems important both from semasiological and cognitive, axiological aspects because it reveals the perception mechanisms of the surrounding world by dialect speakers, their system of values.

Keywords: Vologda dialects, dialect vocabulary, connotation, emotional-evaluative words, means of connotation.

Larisa P. Batyreva
Ivanovo State University, Shuya Affiliated Branch
batlarisa@mail.ru

Dialectal and vernacular vocabulary of a townswoman of Shuya (based on written texts of 1939–1940)

The article deals with specific features of the oral speech of an employee of one of the factories in Shuya, Ivanovo region. We used the materials of private correspondence – letters of a woman addressed to her husband to the front as a source of the study. The attention is focused on the phonetic, morphological and syntactic dialect features of her speech. We reveal the composition of dialectal and common speech in her letters. Specific speech behavior of the author of the letters, including the constituents of her vocabulary, is dictated by the level of her education and culture, the situation of communication and, of course, by her life priorities and aspirations. The texts which belong to a simple inhabitant of a provincial town can be viewed not only as linguistic material – a kind of “self-portrait” of a dialectal language personality, but also as a source of information about the daily life of the Russian province in the middle of the 20th century.

Keywords: natural written speech, private correspondence, orthography, phonetics, morphology, syntax, dialect, vernacular, vocabulary.

Tat'yana V. Bakhvalova
Turgenev Oryol State University
btv-orel@yandex.ru

The Orel dialects: ethno-cultural traditions in the lexicon of food

In the article different dialectal lexical items naming food in the Orel dialect are analysed. The words are combined into groups on the basis of common motivational foundation, thus the features of the nominated phenomena significant for the native dialect speaker are stressed. The names of food are considered information medium about preferences, cultural and household food traditions of the inhabitants of the Orel territory. The data of the 17 issues of the Orel dialect dictionary and its card index were the material for this work.

Keywords: the Orel dialects, lexicon, semantics, motivational basis, food.

Larisa D. Bednarskaya
Turgenev Oryol State University
bednarskaya.l.d@mail.ru

Multicomponent complex sentence and the complex syntactic whole

The article compares and contrasts two correlative structures: multicomponent complex sentence (MCCS) and the complex syntactic whole (CSW). Both entities are units of the language system, occupy a higher position in the system of syntactic units and often correlate with the whole text as speech result (artwork), which is a linguistic phenomenon. We turn out the principles of text organisation and structural-semantic peculiarities of the MCCS with presenters' links: compound, multi-compound, asyndetic. We have analysed numerous transitional cases where MCCS for the purpose of expression and actualisation turn into the CSW when the verbal work consists of an MCCS or CSW. We discuss the subtle transitions between linguistic semantics in the MCCS and structural-semantic organisation of CSW that are converted into depths of meaning of the text. We clarify the concepts / terms of syntactic relations and the meaning (semantics).

Keywords: multicomponent complex sentences' structural-semantic organisation, structure and semantics of complex syntactic whole, linking structure.

Yelena L. Berezovich
The Urals Federal University, City of Yekaterinburg, Russia
berezovich@yandex.ru

Olesya D. Surikova
The Urals Federal University, City of Yekaterinburg, Russia
surok62@mail.ru

On the semantic reconstruction of imprecations vocabulary (with reference to the dialects of the interfluvium between the Volga and Dvina rivers)

The article deals with words which function in Russian imprecations and have unclear semantics and motivation. These words were recorded by the researches of the Ural Federal University Toponymic Expedition on the territory of the interfluvium between the Volga and Dvina rivers (eastern districts of Vologda and Ko-

stroma regions) in 2013–2016. The Vologda region: *скіма* <skíma> (*Скіма тебе неси!* <Let skíma carry you away!>), *сáван* <sávan> <grave clothes, shroud> (*Иди ты к сáвану!* <Go to shroud!> *Понеси тебе сáван!* <Let the shroud carry you away!>, et al.), *úтлина* <útlina> (*Úтли́на пади тебе в дом!* <Let útlina fall on your house!>); the Kostroma region: *дарова́я* / *недарова́я* <darováya / nedarováya> (*Будь ты дарова́я!* <Be darováya!> // *Будь ты недарова́я!* <Be nedarováya!>). The semantic and motivational reconstruction carried out by the authors not only lets know the “fate” of several words and idioms, but also helps to understand the ways of creation of Russian imprecations, which nowadays are poorly studied by Russian linguistics.

Keywords: Russian language, dialects of the interfluvium between the Volga and Dvina rivers, dialectology, semantic and motivational reconstruction, curses, imprecations, pejorative vocabulary.

Vasily D. Bondaletov
Penza State University
lingua@pspu.penza.ru

The Idiolects of the Argotic Secret Language Speakers

In the title of the article, three word-terms need an explanation: **Idiolect** English idiolect – individual speaking, individual language; a set of features that characterize the speech of a given individual, an individual variety of language; **Argo**, argotic *fr.* argot – lexical features of professional groups’ speech (traders, artisans, military men, artists); **Secret Language** – argo of professional groups that tend to use obscure, «secret» words instead of common and professional vocabulary: *Rym* – house, *hlit* – go, *chlyovo* – good. In every form of language (literary language, territorial dialect, social dialect), there are functional and structural varieties.

For example, in social dialects stand out: professional dialects, youth jargons (slang), secret argo (*povershayem da pulim shivaru* – ... let’s see and buy some goods). The subject of our research are idiolects of different persons (speakers) of commercial argo (settlements of Mstera of the Vladimir region) in the records (1880) of I.A. Golyshcheva, the best connoisseur of the 19th century Offenian language peddlers.

Keywords: social dialects, argo, idiolect, diglossia, multidimensionality of the research

Aleksey A. Burykin
Institute of linguistic researches
of the Russian Academy of Sciences
albury@rambler.ru

To a solution of the secret of the so-called «Olonets copy» of «The Song of Igor’s Campaign»

The article contains generalisation and the analysis of the most reliable data with the message on the so-called Olonets copy of «The Song of Igor’s Campaign» which, as it is considered, was in the Olonetsky theological seminary in Petrozavodsk and disappeared in the first quarter of the XX-th century. The author

shows that this message is based on misunderstanding: the teacher of the seminary had the full text of «The Song of Igor’s Campaign», obviously, a printed edition, and the students of the seminary had textbooks where the text of «The Song of Igor’s Campaign» was given in fragments.

Keywords: The Song of Igor’s Campaign, archaeography, copies, literature, textbooks, reader.

Olga V. Vasilyeva
St. Petersburg State University
barcarola@list.ru

Man through the prism of the objective world in the Pskov dialects

The article deals with the names of nouns used substitutively for the nomination of human body parts in the Pskov folk dialects. The research was carried out on the basis of the compiled issues of the Pskov regional dictionary with historical data (issues 1-27, lexemes a – poddyuh). Found 56 lexemes performing this substitution function: 16 words nominate human legs, 8 lexemes are used for the secondary nomination of hands and head, 7 for the abdomen and eyes, 3 for the mouth, and so on. Lexemes are analyzed from the point of view of motivation – a sign that brings together the signified and denoting, the grounds for their rapprochement, as well as connotations. As the material shows, the overwhelming majority of associations have a visual basis. Substitutive nominations are involved in cases where the realities are different from the norm. In most cases this difference is for the worse, and the token-substitutes thus have a pejorative coloring.

Keywords: Pskov regional dictionary, Pskov dialects, substitutive nominations, metaphors, comparisons, associations, lexeme, parts of the body, motivation.

Tat’yana I. Vendina
Institute of the Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
vendit@rambler.ru

A dialect word – yesterday, today and tomorrow

The article is devoted to the analysis of the linguistic forecast about dying off of dialects under conditions of social integration and industrialisation of society. The debt of dialectologists to Russian culture and science consists in collecting all that is still live in folkish memory and has remained in the Russian folk speech. Inertia of negative attitude towards studying the Russian dialects existing today has to be overcome as it prevents Russian philology from moving forward progressively. Today, there is a necessity to revive interest in studying dialects, to increase their value as the Russian culture and history monument. It is necessary to highlight the circumstance that many dialectal words were created hundreds of years ago, but, despite it, still keep the vital force. Their areas localised in dialects of different Slavic language groups eloquently speak about it. Materials of national atlases of Slavic languages, especially lexical atlases, testify to dialects’

resilience as well. Dialect categorisation of the world differs from the literary one as dialects have its own point of view. Need of a conceptual partition of this or that semantic space of dialect picture of the world is dictated by the logic of the organisation of traditional spiritual culture.

Keywords: dialects, all-slavic linguistic atlas.

Irina P. Verba

*Yaroslavl Higher Military Institute of Air Defence
verba.ir@mail.ru*

A Study of the Creative Work by A.N. Ostrovsky in the Linguistic Aspect

The article represents general aspects of the latest studies on the creative work by A.N. Ostrovsky. Under study is the linguistic aspect of the research of the dramatist's artistic works: studies on the language in fiction and non-fiction works by A.N. Ostrovsky, published in the 20th – early 21st centuries. The author defines general trends in the study of the language of A.N. Ostrovsky at present, which are elaborated in the works by the Candidate of Philological Sciences Professor N.S. Gantsovskaya and under her supervision. The Professor's studies are primarily dedicated to the problem of interrelation between common and literary speech. The above mentioned researches allow to point to A.N. Ostrovsky's contribution to the development of the 19th century literary language, further the studies of the common Russian language as a variety of its forms of existence.

Keywords: A.N. Ostrovsky, language in works by A.N. Ostrovsky, common Russian language, literary language, common language, N.S. Gantsovskaya.

Polina P. Vinogradova

*Kostroma State University
vpp.home@gmail.com*

Deverbative derivatives in Kostroma patois: nomination of baked flour products with the root *пряж-*

The word formation basis for nomination of baked goods made of flour (namely loafs of bread, pies, buns and rolls) in number of cases in Kostroma patois are verbs of particular acts, such as *печь* (to bake) and *пряжить* (to saute), which name the way of thermal treatment of dough or pastry. The verb *пряжить* is one that motivates when naming fried (either in a pan, or on a fire) flour products. Deverbatives the said nomination group consists of (*пряжник, пряженчик, пряженец, пряжьё*) and those formed by means of suffixation used to be common in the 15th—19th centuries' Russian language. At present they are at the literary language periphery but nevertheless maintain their position in patois, including those of Kostroma.

Keywords: word formation, lexicology, Kostroma patois, fried flour products.

Elena B. Volkova

*Moscow state aviation institute (national research university)
lenka@mail.mipt.ru*

Structural and semantic peculiarities of multicomponent complex sentences with uniform collateral subordination in scientific style of the Russian language

The article deals with considering multicomponent complex sentences with uniform collateral subordination, one of the most commonly used polypredicative constructions in the style of exact sciences. Only the structures comprising components of inseparable type are analysed in this article. Being a bit less productive than multicomponent complex sentences with successive subordination, the studied constructions have a number of characteristic qualities: the presence of the same or different conjunctions or connective words, syntactical relationships between the main clause and subordinate ones; conformity or discrepancy in the number of conjunctions and the number of clauses.

The studied sphere where these constructions are functioning – the texts of mathematical works – has an effect on the structural and semantic qualities multicomponent complex sentences. They are standard, laconic, with a limited number of means of connection. At the same time these constructions have clear syntactic relations, transparent structure, which facilitates the perception of the complicated material especially mathematical formulae.

Keywords: multicomponent complex sentence, main clause, subordinate clause, conjunction, connective word, co-ordination, uniform collateral subordination.

Dmitriy A. Volotov

*Kostroma State University
vadamit87@mail.ru*

The military vocabulary in the novel "War and Peace" by Leo Tolstoy as a reflection of Russian-French relationship at the turn of the 18th and 19th centuries

The vocabulary of the Russian language at the beginning of the XIX century has many foreign lexical units. During this period a large part of the borrowings in the Russian language were gallicisms. The history of age-old relationship between Russia and France created a special situation in the Russian language of the 18th – beginning of the 19th century. A huge number of words of French origin, including many military words, became a unique trace of these relationships. The analysis of the language used by Leo Tolstoy in his epic "War and Peace" can help us to prove and demonstrate the functionality of gallicisms in the literary language of the beginning of 19th century through the example of lexical items "dragoon", "horse guardsman", "grenadier", to specify their semantics, their structural and functional peculiarities in the aspect of the history

of the Russian literary language, to evaluate the degree of assimilation of these gallicisms. These French borrowings have a different history of appearance and functioning in the Russian language.

Keywords: Russian language, XIX century, language contact, borrowing, gallicism, military lexis, functionality.

Nataliya P. Galkina

*Marshal of the Soviet Union Timoshenko Military Academy of radiation, chemical and biological Defence, City of Kostroma
gnpav@mail.ru*

On interrelation of philosophic and linguistic aspects of studying causality category

The article is devoted to the description of interrelation of philosophic and linguistic aspects of studying causality category. Attention to the philosophic aspect of this category contributes to deeper comprehension of its linguistic expression peculiarities. Given examples of complex sentences with condition and cause clauses illustrate account of two cognition levels taken in linguistic expression of causality relations: theoretic and empiric; in scientific style more often occur the relations of logical justification, established via active participation of a speaker.

Keywords: causality relations, logical justification, relationship expression, communicative orientation of a speaker, cause, condition, effect.

Nina S. Gantsovskaya

*Kostroma State University (Kostroma)
gantsovsky_n@mail.ru*

Dialects of Kostroma region: problems of internal division

The article deals with the problems of internal dialect division of the dialects of Kostroma region. Being created in 1944, Kostroma region got the outlines different from Kostroma province. Eastern dialects of Kostroma region, which are situated on the former territories of Vologda and Vyatka regions, are different from those of the western part of Kostroma region in a number of signs, mostly of historical nature, though they are jointly included in Vologda-Vyatka group of North Russian dialects. On the basis of well-known classifications of Russian dialects as well as new ethnodialect developments and our own observations, we propose the scheme of internal division of the dialects of Kostroma region into North-western, South-eastern and Eastern dialects, where more fractional zones are singled out. In this article we consider the areal peculiarities of the Nerekhta (south-western) ethnodialect zone, which partly coincides in size with the VIII lexical zone in Linguistic maps of G.G. Melnichenko in comparison with ethnodialect traits of the VI (north-western) lexical zone (also according to G.G. Melnichenko), which have the traits of North Russian as well as Central Russian dialects. The conclusion about their typological features is made.

Keywords: dialect division, dialects of Kostroma region, ethnodialect zone, North Russian, Central Russian dialects.

Lyudmila A. Dmitruk

*Kostroma State University
lyudmila-dmitruk@mail.ru*

The Dictionary of comic opera by A.O. Ablesimov “Miller-sorcerer, a deceiver and a matchmaker” as a source for studies of the folk-colloquial basis of the Russian literary language (official vocabulary)

In this article the Dictionary of comic opera by A. O. Ablesimov “Miller-sorcerer, a deceiver and a matchmaker” is considered against the background of the prevailing lexicographic tradition of authorial dictionaries. The described Dictionary, compiled on the basis of one work, and therefore being a dictionary of the thesaurus type, reflects a fragment of the national language of the late 18th century – the time of the compilation of the Russian literary language of a new type. In the Dictionary attention is focused on the analysis of the words of dialect, vernacular words and slang with the passage of time subjected to the process of semantic-stylistic regrouping and subsequently compiled the popular-colloquial basis of the literary language. The article reveals the peculiarities of the lexicographic description of official vocabulary, in particular, the postpositive pieces, serving as a marker of regional or common speech usage: the principles of the organization of the dictionary entry (the formulation of the heading, its frequency indication, grammatical characteristics, interpretation, illustrative material, commenting part) are explained and the examples of dictionary articles provided.

Keywords: A.O. Ablesimov, “Miller-sorcerer, a deceiver and a matchmaker”, comic opera, Author’s Dictionary, vocabulary article, official vocabulary, the pieces.

Elena V. Zolinova

*Kostroma State University
evz-08@yandex.ru*

The place of sentences with double conjunctions “pravda ... no” in the system of complex sentences of concession in Modern Russian language (based on journalism)

The question of the place of sentences with double conjunctions “pravda ... no” in Modern Russian language remains debatable. The status of the word “pravda” is not finally defined: it’s considered a concessive conjunction, a parenthetical word or a hybrid of parenthetical word and conjunction. Sentences with “pravda ... no” have a complex meaning. The word “pravda” in such sentences is an indicator of subordination and expresses the meaning of concession, “no” is an indicator of coordination and expresses the meaning of contrast. The syntactic relation is close to coordination. In sentences with the word “pravda” functioning as a conjunction the concessive meaning is weaker, clauses are less subordinative in comparison with kernel sentences of concession; such sentences have an inflexible structure. Nevertheless, according to the central meaning they are complex sentences. Thus, despite some features they have in common with compound sentences, there are grounds for consider-

ing sentences with double conjunctions “*pravda ... no*” complex sentences of concession.

Keywords: syntax, subordination, coordination, complex sentence, concession, contrast, conjunction.

Lyudmila Yu. Zorina
Vologda State University
lyudmila.zorina@gmail.ru

Address in the Vologda dialects as a reflection of the peculiarities of the traditional communicative culture

The article deals with words used in the function of communicative address in the illustrative material of «The Vologda Dialects Dictionary». The dictionary, which includes about 26 thousand entries, was created on the base of field observations of live speech of residents in the central and eastern districts of the Vologda Region in the form of 12 printed issues with a total volume of over 160 author's sheets. Recorded in the dictionary, the usage of words in the function of address to a person reflects the traditionally established rules of communication in a peasant environment. In addition to the forms of address used in the Russian literary etiquette by name (*Клавдия, Коляка*), patronymic (*Петрович, Яковлевна*), by degree of kinship (*бабушка, мапушка*), in dialects there are gender related addresses (*дева, паре*) as well as numerous complimentary addresses (*жадобынька, молёный, голубочек, мезонька, тысячка, ягодка, рожденье сердечное* etc). They impart a unique style of respect, caress, sometimes even the style of admiration of the interlocutor in rural society.

Keywords: Vologda dialects, folk speech etiquette, words in the function of address

Elena Yu. Ivkova
Kostroma State University
ivkova.elena@gmail.com

Multicomponent Complex Sentences of a Contaminated Structure in the Modern Russian Language (a case study of the epic novel «War and Peace» by Leo Tolstoy)

The article is focused on the multicomponent complex sentences (hereinafter MCS) with different combinations of types of subordination, widely presented in the text of the epic novel «War and Peace» by L. Tolstoy. The author reveals the productivity of their structural models and examines some structural-semantic peculiarities of the most typical constructions. Special attention is paid to the methods of complication of structure of MCS. The author exposed to parse the sentences that create the most favorable conditions for component complexity, namely the constructions with the contamination of a collateral subordination and a consecutive subordination of components. MCS of such a mixed structure have a more solid and ordered arrangement because of blocking of their components. The analysis revealed that containing a large amount of heterogeneous information these compact structures demonstrate a high degree of structural organization and strive for harmonic forming of its parts. Their

multidimensional structure corresponds to the artistic intentions of the author and serves for the expression of complex mental contents.

Keywords: multicomponent complex sentence, contaminated structures, component complication, structural-semantic unit, blocking components, literary text, Leo Tolstoy, «War and Peace».

Yelena N. Il'ina
Vologda State University
il'ina@list.ru
Yuliya N. Drachyova
University of Leicester, England
yulia.dracheva@mail.ru

Phonetic system of Vologda dialects as the basis for cultural transmission

The paper deals with the phenomenon of cultural transmission, i.e., the process of adaptation of the cultural experience of previous generations by subsequent ones. The phenomenon of folk culture language transmission is discussed, in particular, the process of realization of phonetic characteristics of Vologda dialects in secondary discourses. Thus, the basis of language transmission is the phonetic system of the northern Russian dialects. Both extralinguistic (population migration, improving of the level of education, socio-cultural characteristics of dialects, pursuit for regional identity), and linguistic factors (the effect of using of locally unmarked forms in dialect verbal communication, etc.) influence the development of this process. The environment for the implementation of the process of language transmission consists of various discourses: urban everyday speech, the sphere of expressing of auto- and heterostereotypes, the modern media system (radio, press, television, the Internet), various types of art works, texts of the business industry (advertising and PR campaigns). The result of language transmission is the branding of some phonetic features (e.g. ‘okanje’ – the prominent vowel [o] in the unstressed position in the word), while leveling the most ‘exotic’ characteristics (‘tsokanje’, ‘chokanje’, the semi-soft consonant [ʃ], etc.) and maintaining less ‘exotic’ but typical ones for Vologda dialects (simplification of posttonic syllables, etc.).

Keywords: Cultural linguistics, cultural transmission, language transmission, Russian dialectology, Vologda dialects, phonetics.

Vera S. Kartavenko
Smolensk State University
vera-kartavenko@yandex.ru

Archival records in the aspect of culture

Archival records is a valuable source of identification and study of vocabulary in the aspect of culture. The research is carried out on the material of the XVII–XVIII centuries (written Smolensk monuments). The article data proves that the archival records are one of the major sources of study not only of nominal vocabulary, but also the names of their own, in particular, toponymy. The article deals with the toponyms and microtoponyms in terms of their origin. An analysis of the names is held in the historical

and linguocultural aspects. Diachronic description of the toponymy is hardly possible without studying the monuments of written language. Written language of the Smolensk region is a valuable source of identification and studying of toponymic vocabulary. Various lexical groups provide a glimpse of the richness of the vocabulary of the language of that time.

Keywords: archival records, culture, microtoponym, toponym, onomastics, region, vocabulary, nomination.

Lyudmila A. Klimkova

*Arzamas branch of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
City of Arzamas, Nizhny Novgorod Region
dialekt_arz@mail.ru*

Linguistic area study in national scientific and educational system

The article presents the generalized information about the development of national philology and two processes – differentiation and integration correlating in philology for more than two centuries. These processes functioned in special sciences, including linguistics. On such background dynamics of dialectological work that has always been accompanied by the area study and even more widely by regional study is traced. In general, it developed into linguistic area study as the research of dialect microsystems correlated to studying of settlements and different sides of life of their inhabitants. It resulted in linguistic region study, in studying historical and cultural zones. Information about the contents, the role, the importance of linguistic area study for national science and education, about dialectological, linguistic and regional centers of Russia, one of which is Kostroma, is touched upon. The fact that educational aspect has always been urgent is also emphasized.

Keywords: philology, differentiation, integration, Russian dialectology, linguistic area study, linguistic region study, historical and cultural zone, dialect lexicography, linguistic geography.

Irina A. Kobeleva

*Sorokin Syktyvkar State University, City of Syktyvkar,
Komi autonomy, Russia
kobir@list.ru*

Kostroma patois phraseology (lexicographical estimation)

This article is a review of the lexicographical representation of Russian dialect idioms in Kostroma Region. Three different Russian dialect dictionaries were considered as Kostroma idiomatic sources. Illustrative material of one of these dictionaries was honoured with special attention, because it allows to supplement our knowledge with the new data about idiomatic constituent of Kostroma dialectal set phrases. These new Kostroma idioms were identified thanks to comparison with idioms of the Russian literary language and idioms of other Russian patois.

Keywords: dictionary, lexicography, science of set phrases, phraseography, patois of North Russia, context, isogloss.

Larisa Ya. Kostyuchuk

*Pskov State University
anh57@yandex.ru*

Completeness and unusual sources – way to perception of the Pskov folk speech

The jubilee of Nina Gantsovskaya – famous dialectologist, language historian, Slavist, and syntactician – is an occasion to say well about this selfless collector, scholar, guardian of the folk word, comprehensive philologist, caring and skillful tutor of young successors of her work.

The article tells on the unique Pskov dialect in which the author is engaged within the framework of Boris Larin's academic school: work on the Pskov Regional Dictionary with Historical Data in collaboration with lexicographers from St Petersburg and Pskov following the Instruction devised by Boris Larin. Specificity of the complete contemporary and historical dialect dictionary has allowed to reveal unusual facts on various linguistic levels. Perception of these facts leads to fundamental academic discoveries and search for their rationale (for example, works by Sofia Gluskina on the lack of the second palatalisation of guttural consonants). Use of foreign sources containing written records of the Russian speech (Boris Larin proved their significance) contributes to the process. Study of the Pskov dialect has justified participation of other humanitarian disciplines (including archeology). Taking into account the Pskov peculiarities as well, Andrei Zaliznyak developed the theory of the "old Pskov-Novgorod dialect". Being a broad-minded scholar, Nina Gantsovskaya is also interested in this issue...

Keywords: unique Pskov dialect, complete dialect dictionary, dialect historical dictionary, records of the Russian folk speech by foreigners, collaboration of humanitarian disciplines.

Veranika N. Kurtsova

*Kolas Institute of Science of Language of the Centre
for Belorussian Culture, Language and Literature Research
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk
kurtsova@gmail.com*

Belarusian national dialectal lexicography: achievements and prospects

The development of the Belarusian dialectal lexicography since its formation has been subordinated to the main goal – to systematize lexical material in the form of a consolidated dictionary. The form of the creation of such a lexicon has been uneven at different time intervals for nearly a century of the functioning of national dialect lexicography. Methodological frameworks that have been proposed for implementing the plan were also different. Despite two academic attempts, the work on creation of the conceived dictionary was not completed. However, as at the stage of formation of national lexicography, and within 50–90 years of the last century dialectologists, as well as other interested researchers and amateurs of the Belarusian word have created a large number of regional dictionaries, glossaries and special lexical collections.

The problem of systematization of the available lexical material contained in the various sources is being addressed in the Belarusian dialectology today. Thus the article deals with dialect dictionaries and special features of their formation.

Keywords: Belarusian dialectal lexicography, methodological frameworks, regional dictionary, dictionary entry, dictionary definition, consolidated dialectal dictionary.

Irina S. Lutovinova

*St. Petersburg State University
lutovinova39@mail.ru*

Comy arrived

The article is dedicated to the holiday of spring — the day of equinox in pagan and Christian cultures. Spring bird, the arrival of which opens the spring, promises the fertility of the earth. The article deals with ritual baking, dedicated to this holiday, and its names in Russian and dialects. Of particular interest is dialectism *com* / *comy*, denoting a baked product, recorded in Pskov and Novgorod dialects. The author comes to the conclusion that the festive pastry is ambivalent — a festive baked product is both a memorial.

Keywords: lexicology, dialectology, equinox, forty martyrs, ritual, com, coma, larks.

Hanna M. Mezenka

*Masherov Vitebsk State University, Belarus
mezenka1@yandex.ru*

The names of geographical objects within the settlement: comparative aspect

Three types of onymic units used for naming topographical objects within the boundaries of a populated area such as urbanonyms, vikonyms, hortensionyms have been presented for the first time in the given article. It is established that a specific implementation of these types of onyms is characterized by a number of special features that are identified at different linguistic levels such as lexico-semantic, nominative, structural, grammatical, linguocultural ones. The items that differentiate urbanonymy, vikonymy and hortensionymy are the following: a range of names based on different principles of nomination, the degree of productivity of attributive models, the number and correlation between simple and complex structural types of names, a set of nomenclature terms, use of forms of the nouns in the proprial part of the names, the level of precedence of onyms used in the formation of names, direct priorities of the inhabitants of settlements. It is proved that the given varieties of names of topographic objects within the settlement should be considered as autonomous categories of in-settlement names representing the sector of the conlocationyms.

Keywords: vikonym, in-settlement nomination, hydronym, toponym, urbanonym, hortensionym, conlocationymy.

Lyubov P. Mikhailova

*Petrozavodsk State University
posnm87@bk.ru*

A source of study of regional history, culture and language (N.S. Gancovskaja. "Dictionary of the dialects of the Kostroma Zavolzhe")

Famous dialectologist N.S. Gancovskaja for many decades has been studying the Kostroma dialects, related to the dialects of the Russian North, but having unique features that show links to other dialects. Complex internal segmentation of areal Kostroma dialects, due to ancient migratory processes, ethnic contacts, to a large extent reflects on the composition of the vocabulary of the region in the "Dictionary of the dialects of the Kostroma Zavolzhe: the interfluvium of the Kostroma and the Unzha Rivers" by N.S. Gancovskaja (Kostroma, 2015). This article describes the lexical composition of this dictionary compared with the vocabulary of other territories. The group of words known only in the dialects of the Kostroma Zavolzhe is pointed out. Examples of words, moving from the literary language to the dialect, emphasize the relationship of different spheres of the use of the word. Words with ancient roots -ud-, fixed in the dictionary, allowed to clarify the etymology of the word *obudóha*, provided earlier. N.S. Gancovskaja's dictionary is a valuable contribution to Russian dialect lexicography.

Keywords: N.S. Gancovskaja, dialect lexicography, etymology, language and dialects, Kostroma region.

Sergey A. Myznikov

*Institute of Linguistic Investigations
of the Russia Academy of Sciences, Saint Petersburg
myznikovs@rambler.ru*

Some aspects of the Russian dialects study in the territories of later settling

In this paper we present some results of the study dialect vocabulary in terms of language contact in the territory of the Middle Volga region. It notes that on the territory of the Middle Volga region (Republic of Chuvashia and Mari El) and downstream of the Volga River dialect landscape is a rather variegated conglomerate of northern Russian, Central Russian and the southern Russian dialects. The author also carried out a survey of linguistic geographical region in a short questionnaire. Vocabulary, which is fixed in the study region, in most cases is not unique to the Middle Volga. A large part of words is marked in the adjacent regions forming common areas.

Keywords: dialects, later settling, language contacts, linguistic geography.

Yanina V. Myznikova

*Saint Petersburg State University
janinam@mail.ru*

On the use of neuter forms in the dialects of the Simbirsk region

This article deals with the use of the nouns of neuter and the consistent adjectives, participles, verb forms and correlative pronouns in the Simbirsk region dialects. The possibility of foreign influence on the

formation of gender forms is considered. The dialects are among typical dialects of the Volga region with an incomplete okanye. They also have some features of the South Russian dialects. We can attribute to such features the loss of forms of the neuter. But in the dialects under consideration neuter forms are replaced by masculine gender, not female, such as in South Russian dialects. As shown by the study, replacement of neuter forms with the male ones takes place in settlements with an ethnically mixed population or with Mordovian origin of the residents. Taking into account the blurred opposition of masculine and neuter forms in the Simbirsk region dialects, the foreign influence can be considered with the cases of replacement of the neuter by the masculine gender forms.

Keywords: dialects of the Simbirsk region, category of gender, the Volga dialects, form neuter, language contacts, impact of foreign languages, gender coordination.

Galina D. Neganova
Kostroma State University
cultland@yandex.ru

**Actualization the characteristics
of the cultural landscape in the names
of the forest and of the places in the forest
in the dialects of Kostroma region**

The names of the forest and in the name the names of the places in the forest prevalent in the patois of the Kostroma region, are considered in the aspect of the cultural landscape. Not only did they name the elements of the natural landscape, they reflecting the lexical part of the repertoire of local geographical terms and contain information about the nature of the development of the territory.

As an element of the natural landscape, the forest has the appropriate characteristics (orographic; the location in relation to other realities; the area; species composition; age of trees, density, etc.), and this reflects the semantics of folk geographical terms. On the example of the term *materik* is shown how the lexical meaning of the words and its geography are correlated with features of the natural landscape and the different dialectal zones in the territory of the Kostroma region.

The article deals with a group of geographical terms that are associated with the development of the natural landscape and with the inclusion of it in the sphere of peasant life. In addition to tokens, in the semantics of which recognised the traditional occupations of the inhabitants of the forest edge (gathering of mushrooms and berries, hunting), there are names of places in the forest that are used as arable land. These names are associated with the methods that were used to clear forest areas: with forest felling and subsequent grubbing of stumps – *kopan, chist, ramene*; with arson woods – *garba, pal, pojoga, repyshche*. The author of the article describes the semantics of the term slash-and-burn agriculture *ohnište*. This term not obsolete with a change of the culture of cultivation and continues to be used in Kostroma patois at the present time.

Keywords: cultural landscape, Kostroma patois, the dialect area, category, dialect geographical term, semantics, desemantization, materik, ohnište.

Svetlana V. Okulovskaya
Kostroma State University
okulovskaja_svetlana@rambler.ru

**Vocabulary of the material culture
of the Kostroma region in the works
by I.M. Kasatkin (“Housewares”)**

The texts of I. Kasatkin’s works devoted to peasants’ lives description provide rich data of both historical-ethnographic and linguistic nature. They give documentary supported reveal of the Unzha and Vetluga interfluvial inhabitants’ way of life, their material culture and language at the beginning of the 20th century. The article deals with the housewares vocabulary elicited from the author’s short stories. The analyzed lexis shows a genetic link between the interfluvial dialects and Northern Russian dialects. The vocabulary includes vernacular Russian lexis and borrowings. The research proves it is possible and necessary to use Kasatkin’s contexts as additional means to field records in order to find out the precise meaning of lexical units, to specify the area of their usage, and to trace semantic changes in the course of time.

Keywords: I. Kasatkin, Kostroma dialects, dialect lexis, material culture, housewares.

Mariya R. Ochkasova
Kostroma State Agricultural Academy
maria.ochkasova@gmail.com

**Diary entries of L.N. Tolstoy through the prism
of the author’s bilingualism**

Questions of interference and interpenetration of the Russian and French language systems and reflection of these processes in diary prose of the great Russian writer L.N. Tolstoy are considered. Mechanisms of generation of the bilingual text are investigated, parallel use of two languages in one text on material of diary entries of the writer is analyzed. The concept creation role of the French language elements promoting creation in the text of pragmatic effect, esthetic and emotional influence is shown. The author’s bilingualism acts as time sign: knowledge of two languages was characteristic feature of the Russian society at a turn of the 17–19th centuries that found reflection in an epistolary genre and diaries. Distinctive feature of diary entries – their spontaneity, therefore, they most authentically reflect a mentality of the author. On the other hand, the contents of diary entries are caused by a certain intension and also their certain relative positioning is based on search by the author of the most exact means of language expression. Due to the conditionality of the choice of words and turns a context, submission of their semantics to contents of the statement, it is necessary to consider semantic links of units in the complete text. The linguistic analysis of diary entries of L.N. Tolstoy reveals an originality of the Russian-French bilingualism on which the language thinking of the writer is based.

Keywords: diary prose, bilingual text, bilingualism, individual author's connotation.

Aleksandr L. Faktorovich
The Kuban State University, City of Krasnodar
af03@mail.ru

Communicative firmness and semantic doubt as interrelated objects of linguistic expertise

The paper describes the complex character of the linguistic expertise's objects. Words, ideas, texts are combined in expert materials. This approach is defined in unit of three tendencies: growing valence of integrative explanations; multidiscipline dominants; and integrate lines in expertise texts. Communicative firmness and semantic doubt of disputable texts are characterized as separate objects in expert sphere. But these features may support one another. The correlation between them is connected with the appeals, negative values and "war language" in mass communication. It may be realized in premeditated distort of real facts and in occasional mistakes. Such correlation manifest in usage of three groups of nominations: military, ethnical, political. Communicative firmness is defined as source for compensate the concrete semantic doubt. And semantic doubt is characterized as presupposition of superfluous firmness.

Keywords: communicative firmness, linguistic expertise, imperative utterance, direct appeal, semantic doubt, semantic connection, system relations, text.

Tatiana K. Khovrina
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
tatyana.hovrina@mail.ru

Word formation and semantic features of collective nouns in Yaroslavl dialects

The article considers collective nouns of productive word formation model – derivatives with the suffix *-j-* in Yaroslavl dialects. The research is based on the materials of Yaroslavl Regional Dictionary and the Supplements to it. The author determines the basis for deriving such formations of the modification type motivated by nouns. Special attention is paid to the semantics of collective nouns derived both from common Russian and dialect stems. The author describes the main groups of collective names for a cumulative set of homogenous objects relevant for native speakers and analyses the phenomena of synonymy and variability within the framework of the words of this lexical-grammatical category. The data from historical dictionaries of the Russian language is used for analysing the dialect material.

Keywords: dialect words, collective nouns, word formation type, semantics, synonymy, variability, Yaroslavl dialects.

Yelena V. Tsvetkova
Kostroma State University
elv15@list.ru

Kostroma toponymy in the works by Jefim Čestnjakov (based on the materials of the book «The Unzha living word. The dictionary of folk colloquial language of Jefim Čestnjakov» by Nina Gantsovskaya)

The characteristic of toponyms included into the dictionary of onomastical lexicon – one of the parts of Nina Gantsovskaya's book «The Unzha living word. The dictionary of folk colloquial language of Jefim Čestnjakov» devoted to the language of works of art by the famous writer, painter, thinker, pedagogue from Kostroma Region, – is given in the article. The toponymic space of works by Jefim Čestnjakov consists from both toponyms proper and microtoponyms which are the integral part of living folk colloquial language authentically and precisely reproduced by the writer. These are, with the slight exception, names of objects which did exist and were depressingly familiar to the writer. Imprinted in the works of art, toponyms carry out not only the main (locative) function, but they also receive, to some extent, a new («artistic») reading, at that, practically without coming off real life, and are immortalised. Reflecting features of the writer's individual style, toponyms, along with appellatives and other onima, characterise Kostroma (to be precise, Kologriv, on the Unzha river) patois. The book by Nina Gantsovskaya is a discovery of Jefim Čestnjakov as an expert on Kologriv living folkish word, as a person who gives a lead of respect for folk and its colloquial language.

Keywords: Nina Gantsovskaya's book «Unzha living word. Jefim Čestnjakov's folkish colloquial language dictionary», Jefim Čestnjakov's works, toponym, microtoponym, Kostroma toponymy, Kologriv toponymy, Kostroma patois.

Viktor V. Shapoval
Moscow City Pedagogic University
liloro1@yandex.ru

Kostroma lexical materials by F.I. Pokrovsky as a dictionary source

Verification of the dialectal words descriptions presented in many secondary dictionaries is a very important and complicated procedure. In principle it can be run in many different ways, e. g.: both from a concrete word description to a primary source as well as from a primary source to a whole wordlist based on its data in one verified dictionary. F.I. Pokrovsky (1871–1942) published his lexical materials from Kostroma region in three articles. Some words have two different ways of spelling, the others are listed in a unique form (probably misspelled or obscure). Some word definitions contain dialectal words (*postila* 'a blanket', *pryakha* 'a spindle'). Verification of every such an aspect is necessary in order to reach more accuracy in dialectal dictionaries.

Keywords: source criticism, dictionary criticism, secondary sources, Kostroma dialects, dialectal word, verification, word description.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию **только в электронном виде**. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют **отсканированный вариант рецензии** на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью (рецензии не требуются для докторов наук)

2. Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word** и сохраняется в формате, **полностью совместимом с Word 97–2003**. Если в статье присутствует большое количество символов, иностранные слова, надстрочные и подстрочные знаки, помимо электронного варианта статьи в текстовом редакторе **Microsoft Word**, в редакцию необходимо предоставить электронный вариант статьи, сохраненный в формате **PDF**. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc).

3. Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. Максимальный объем текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 14 страниц машинописного текста.

5. Аннотация к статье должна быть объемом 150–200 слов. Количество ключевых слов – от 7 до 10.

6. **Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация должны быть переведены на английский язык.**

7. Библиографический список должен быть представлен **в алфавитном порядке**. Ссылки в тексте статьи оформляются **квадратными скобками** с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

8. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. Рисунки, схемы, диаграммы.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2).

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

11. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.

12. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

Каждый новый пункт не нужно нумеровать, но порядок размещения материала должен соответствовать представленному ниже списку.

1. Отрасль наук и специальность.
2. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).
3. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
4. Ученая степень и ученое звание.
5. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора.
6. Адрес электронной почты для каждого автора.
7. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон.

8. Название статьи (сокращения в названии недопустимы).
9. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (150–200 слов).
10. Ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку).
11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.
12. Текст статьи.
13. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов...

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova

Nekrasov Kostroma State University

kng@mail.ru

The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908...

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. – Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2017 – Т. 23 – Специальный выпуск

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-68726 от 09.02.2017 г.

Подписано в печать 20.06.2017.
Дата выхода в свет .09.2017.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 20,9.
Уч.-изд. 21,7 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 226.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22**,
E-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна